

БЕСЕДЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ

ТОМ III

The Free economic society of Russia
Conversations about Economy

俄罗斯自由经济协会刊物
经济访谈录

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

2018, Москва

Под редакцией С.Д. Бодрунова

Крупнейшие экономисты России обсуждают самые актуальные проблемы. В «Беседах об экономике» собраны наиболее интересные дискуссии, прошедшие в ВЭО России. Идеи, анализ и оценки, изложенные в книге, нередко становятся частью различных государственных программ развития.

В книге дан глубокий экскурс в историю работы Императорского Вольного экономического общества, приведены мнения видных зарубежных ученых, рекомендованы издания по темам бесед.

«Беседы об экономике» — научно-популярное издание для широкого круга эрудированных читателей.

(С) ИНСТИТУТ НОВОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (ИНИР) ИМ. С.Ю. ВИТТЕ, 2018
(С) С.Д. БОДРУНОВ, 2018

ISBN 978-5-00020-051-3

БЛАГОДАРНОСТИ

редакционный совет,
редакционная коллегия,
научный совет выпуска,
группа выпуска

ИСКРЕННО БЛАГОДАРЯТ

за активное содействие реализации идеи серии «Беседы об экономике»

- Контрольное управление Администрации Президента Российской Федерации,
- Уполномоченного при Президенте России по правам предпринимателей,
- Комитет Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по бюджету и финансовому рынку,
- Комитет Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по экономической политике,
- Комитет Государственной Думы Российской Федерации по финансовому рынку,
- Комитет Государственной Думы Российской Федерации по образованию и науке,
- Министерство промышленности Российской Федерации,
- Комитет по промышленной политике и инновациям Санкт-Петербурга,
- Научно-экспертный Совет при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации,
- Отделение общественных наук Российской академии наук,
- Отделение глобальных проблем и международных отношений Российской академии наук,
- Академию общественных наук Китайской Народной Республики,
- «Российскую газету»,
- телеканал «Общественное телевидение России»,
- телеканал «Санкт-Петербург»,
- телепередачу «Дом Э» на телеканале ОТР,
- телепередачу «Промышленный клуб» на телеканале «Санкт-Петербург»,
- радиопередачу «Вольная экономика» на Радио «Спутник»,
- российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП),
- Общероссийскую общественную организацию «Деловая Россия»,
- Международный комитет Вольного экономического общества России,
- Фонд центрально-азиатских исследований Кембриджского университета,
- Государственный Пекинский университет,

а также

за организационное содействие и поддержку в проведении мероприятий Вольного экономического общества России, в рамках которых состоялись беседы серии,

- Государственный Кремлевский дворец,
- Дом ученых Санкт-Петербурга,
- Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
- Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
- Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
- Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
- Институт нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

С.Д. БОДРУНОВ

Президент ВЭО России, директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, президент Международного Союза экономистов, эксперт РАН, д. э. н., профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

М.К. ГОРШКОВ

Член Президиума ВЭО России, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, академик РАН, д. ф. н. (г. Москва, Россия).

В.С. АВТОНОМОВ

Заведующий кафедрой Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», профессор кафедры экономической методологии и истории, член-корреспондент РАН (г. Москва, Россия).

Р.С. ГРИНБЕРГ

Вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

А.Г. АГАНБЕГЯН

Заведующий кафедрой экономической теории и политики РАНХиГС при Президенте РФ, академик РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

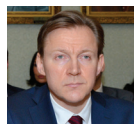
В.И. ГРИШИН

Член Президиума ВЭО России, ректор РЭУ им. Г.В. Плеханова, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

А.Г. АКСАКОВ

Член Правления ВЭО России, председатель Комитета Государственной Думы по финансовому рынку, президент Ассоциации региональных банков России, к. э. н., доцент (г. Москва, Россия).

А.А. ГРОМЫКО

Член Президиума ВЭО России, директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН, д. полит. н. (г. Москва, Россия).

А.В. БУЗГАЛИН

Вице-президент ВЭО России, директор Института социэкономии «Московского финансово-юридического университета МФЮУ», заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, д. э. н. (г. Москва, Россия).

А.А. ДЫНКИН

Вице-президент ВЭО России, президент ФГБНУ «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН», член Президиума Совета при Президенте РФ по науке и образованию, член Президиума РАН, академик-секретарь отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, академик РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

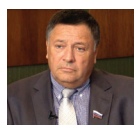
С.Ю. ГЛАЗЬЕВ

Вице-президент ВЭО России, советник Президента Российской Федерации, академик РАН, академик РАЕН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

В.В. ИВАНТЕР

Действительный член Сената ВЭО России, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

С.В. КАЛАШНИКОВ

Член Президиума ВЭО России, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по экономической политике, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

А.Н. КЛЕПАЧ

Член Правления ВЭО России, заместитель председателя правления Внешэкономбанка, заведующий кафедрой макроэкономической политики и стратегического управления экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, заслуженный экономист РФ, к. э. н. (г. Москва, Россия).

И.А. МАКСИМЦЕВ

Член Правления ВЭО России, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д. э. н., профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

А.В. МУРЫЧЕВ

Член Президиума ВЭО России, исполнительный вице-президент Общероссийской общественной организации «Российский союз промышленников и предпринимателей», председатель Совета Ассоциации региональных банков России (Ассоциация «Россия»), д. э. н., к. ист. н. (г. Москва, Россия).

А.Д. НЕКИПЕЛОВ

Вице-президент ВЭО России, директор Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, академик РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

Р.И. НИГМАТУЛИН

Член Правления ВЭО России, научный руководитель Института океанологии РАН имени П. П. Ширшова, член Президиума РАН, академик РАН, д.ф.-м.н., профессор (г. Москва, Россия).

Г.Х. ПОПОВ

Председатель Сената ВЭО России, почетный президент ВЭО России, академик РАЕН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

С.Н. РЯБУХИН

Вице-президент ВЭО России, председатель Комитета по бюджету и финансовым рынкам Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, д. э. н. (г. Москва, Россия).

Я.П. СИЛИН

Член Президиума ВЭО России, президент Уральского отделения ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», д. э. н., профессор (г. Екатеринбург, Россия).

Д.Е. СОРОКИН

Вице-президент ВЭО России, научный руководитель ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

М.А. ЭСКИНДАРОВ

Вице-президент ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», академик Российской академии образования, заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

В.М. ЮРЬЕВ

Член Президиума ВЭО России, председатель Тамбовского регионального отделения общественной организации ВЭО России, депутат, первый заместитель председателя Тамбовской областной Думы, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д. э. н., профессор (г. Тамбов, Россия).

Ю.В. ЯКУТИН

Вице-президент ВЭО России, председатель Совета директоров, научный руководитель ЗАО «Издательский дом "Экономическая газета"», научный редактор русской классической библиотеки «Экономика и духовность», заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

Е.Г. ЯСИН

Действительный член Сената ВЭО России, научный руководитель Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ), директор Экспертного института при Российском союзе промышленников и предпринимателей, д. э. н. профессор).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.А. САВИН

Заместитель главного редактора «Российской газеты» (г. Москва, Россия).

А.Н. ПРОКОФЬЕВ

Шеф-редактор журнала «Вольная экономика» (г. Москва, Россия).

А.В. БОБИНА

Руководитель отдела развития и информации ВЭО России, к. техн. н.

С.Д. ВАЛЕНТЕЙ

Научный руководитель РЭУ им. Г.В. Плеханова, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

Р.С. ГОЛОВ

Член Президиума ВЭО России, директор Института менеджмента, экономики и социальных технологий Национального исследовательского университета «МАИ», член экспертного совета по высшему образованию при Комитете Государственной Думы по образованию и науке, главный редактор журнала «Экономика и управление в машиностроении», д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

Д.Б. ДЖАББОРОВ

Старший научный сотрудник философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия).

А.А. ЗОЛОТАРЕВ

Вице-президент ВЭО России, президент Межрегиональной Санкт-Петербурга и Ленинградской области общественной организации ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, исполнительный директор Института нового промышленного развития им С.Ю. Витте, исполнитель-

ный вице-президент Союза промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга, к.э.н. (г. Санкт-Петербург, Россия).

А.Ю. МАНИОШИС

Член Правления ВЭО России, первый проректор Международного университета в Москве, председатель экспертного Совета ВЭО России по программе независимой оценки качества экономического образования, член Президиума, заслуженный работник Высшей школы РФ, д. э. н. (г. Москва, Россия).

М.А. РАТНИКОВА

Вице-президент ВЭО России, директор ВЭО России, вице-президент Международного союза экономистов (г. Москва, Россия).

В.В. СМАГИНА

Заместитель председателя Тамбовского регионального отделения ВЭО России, член Правления ВЭО России, проректор по корпоративной политике Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, академик, член Ревизионной комиссии, академик Международной академии менеджмента, почетный работник высшего профессионального образования РФ, д. э. н., профессор (г. Тамбов, Россия).

А.Г. ЧИКИРИС

Продюсер телепроекта «Дом Э», Общественное телевидение России (ОТР) (г. Москва, Россия).

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ

С.Д. БОДРУНОВ

Главный редактор

Д.Е. СОРОКИН

Главный научный редактор серии «Беседы об экономике»

**А.О. АЛЕХНОВИЧ, А.В. БУЗГАЛИН,
С.Д. ВАЛЕНТЕЙ, М.В. ЕРШОВ,
С.В. КАЛАШНИКОВ, А.Ю. МАНЮШИС,
О.Н. СМОЛИН, С.Н. РЯБУХИН,
В.Г. РЯЗАНОВ, А.А. ШИРОВ
Ю.В. ЯКУТИН**

ГРУППА ВЫПУСКА:

Главный редактор — **Сергей Бодрунов**

Арт-директор серии — **Егор Морозов**

Редакционный директор — **Маргарита Ратникова**

Шеф-редактор — **Андрей Прокофьев**

Редактор — **Марианна Маркелова**

Редактор-супервайзер — **Алексей Савин**

Концепт-редакторы — **Галина Никитина, Алексей Орлов**

Переводчик — **Василий Краснопёров**

Дизайнер — **Артём Чистяков**

Препресс — **Тимофей Ковтун**

Фоторедактор — **Вячеслав Кочураев**

Контрольный редактор — **Наталья Медведенко**

Фото — **Сергей Куксин, Михаил Сеницын, Александр Корольков «Российская газета»,
фотобанк Shutterstock**

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Из истории ВЭО России
О рождении и становлении первого института гражданского общества
СТР. 18

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА И ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

БЕСЕДА 1 СТР. 28

Какая у нас промышленность. Избранные мнения экономистов России
What kind of industry do we have? Selected Comments by Economists СТР. 38

Развитие темы. Догоним и перегоним?

Как Правительство видит промышленную политику СТР. 46

БЕСЕДА 2 СТР. 50

Промышленная политика в условиях 4-й индустриальной революции
Industrial Policy In the Context of the Fourth Industrial Revolution СТР. 62

«Рывок в будущее» Сергея Глазьева СТР. 66

Sergei Glaziev A Leap into the Future СТР. 70

БЕСЕДА 3 СТР. 74

Низкая производительность труда. Причины и рецепты лечения
Low productivity of labor. Causes and remedies СТР. 86

Развитие темы.

«Ускорение ускорения» в новом индустриальном обществе второго поколения СТР. 90

БЕСЕДА 4 СТР. 104

Роль ОПК в экономике России. Состояние и перспективы
Military-industrial complex in Russia. Status and prospects СТР. 116

В развитие темы.

Промышленность — локомотив развития городов СТР. 122

БЕСЕДА 5 СТР. 128

Пищепром нового технологического уклада
Food industry in new technological stage СТР. 162

Из истории вопроса СТР. 170

Статистические итоги промышленного развития России (XIX в.)

ЧАСТЬ II

ЭКОНОМИКА И ЭКОЛОГИЯ

БЕСЕДА 1 СТР. 214

Экономика и экология в России
Economy and Ecology
in Russia СТР. 226

Развитие темы.

Марксизм и экология:
актуальные проблемы СТР. 234
Marxism and Ecology: Current
Problems СТР. 238

БЕСЕДА 2 СТР. 242

Зеленая экономика как
синоним устойчивого развития

Развитие темы.

Инь и ян глобализации СТР. 252

БЕСЕДА 3 СТР. 256

Вода, вода. Кругом вода.
Но надолго ли её хватит?

БЕСЕДА 4 СТР. 266

Энергоэффективная экономика
в России. Почему экономия
энергии пока не востребована
Energy efficient economy in
Russia. Why is energy
conservation not yet in
demand? СТР. 278

Из истории вопроса.

«Труды всероссийских съездов
лесохозяев по вопросу о лесо-
сохранности, 1877 г.» СТР. 282

ЧАСТЬ III

НЕРАВЕНСТВО — ДОХОДЫ — КАПИТАЛ — МАРКС

БЕСЕДА 1. СТР. 304

Реальные доходы населения.
Когда начнется рост?
Real incomes of the population:
when will they start
growing? СТР. 330

БЕСЕДА 2. СТР. 336

Поднимутся ли наши зарплаты?
И что для этого должно случиться
Развитие темы. Неизлечимые
болезни капитала СТР. 347
Incurable diseases of
capital СТР. 352

БЕСЕДА 3. СТР. 356

Что происходит с капитализмом?
Whatever happened to our
capitalism СТР. 378

БЕСЕДА 4. СТР. 386

Налоги и доходы людей.
Как первые могут повысить
вторые?

БЕСЕДА 5. СТР. 410

Нужен ли нам такой рынок?
Дисбаланс и неравенство
в российской экономике
Do we need such a market?
Imbalances and inequalities in the
Russian economy СТР. 424

Из истории вопроса СТР. 428
Жизнь русского крестьянина
в 1870-х годах

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

СТР. 446

Финансовый форсаж – драйвер
социально-экономического
подъёма. Как его устроить?
Financial Boost as a Driver of
Socio-Economic Growth СТР. 490

TABLE OF

PART I

FOREWORD

From the history of the VEO of Russia
On the birth and establishment of the first civil institution

INDUSTRIAL POLICY AND INDUSTRIAL REALITY

CONVERSATION 1

What kind of industry do we have? Selected commentary by Russian economists (in English)

Delving into the topic. Catch up and overtake? The government's view of the industrial policy

CONVERSATION 2

Industrial policy in the context of the fourth industrial revolution (in English)

Sergei Glaziev. A Leap into the Future (in English)

CONVERSATION 3

Low productivity of labor. Causes and remedies (in English)

Delving into the topic. "Acceleration of acceleration in a new industrial society of the second generation

CONVERSATION 4

Military-industrial complex in Russia. Status and prospects (in English)

Delving into the topic. Industry as a locomotive of urban development

CONVERSATION 5

Food industry of the new technological mode (in English)

Historical background
Statistical results of Russia's industrial development

CONTENTS

PART II

ECONOMY AND ECOLOGY

CONVERSATION 1

Economy and ecology in Russia (in English)

Delving into the topic. Marxism and Ecology: Current Problems (in English)

CONVERSATION 2

Green economy as a synonym of sustainable development

Delving into the topic. Yin and yang of globalization (in English)

CONVERSATION 3

Water is all around us. How long will it last?

CONVERSATION 4

Energy efficient economy in Russia. Why is energy conservation not yet in demand? (in English)

Historical background. Proceedings of forest managers' congresses on forest conservation, 1877

PART III

INEQUALITY, INCOME. CAPITAL, MARX

CONVERSATION 1

Real incomes of the population: when will they start growing? (in English)

CONVERSATION 2

Will they give us a rise? And what will it take?

Delving into the topic. Incurable diseases of capital (in English)

CONVERSATION 3

Whatever happened to our capitalism (in English)

CONVERSATION 4

Taxes and incomes. How can the former exceed the latter?

CONVERSATION 5

Do we need such a market? Imbalances and inequalities in the Russian economy (in English)

Historical background

The life of the Russian peasant in the 1870s

AFTERWORD

Financial boost as a driver of socio-economic growth (in English)

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Перед вами — третий выпуск «Бесед об экономике» Вольного экономического общества России. Бесед, которые ведутся между людьми, которым есть чем друг с другом поделиться, чем друг друга обогатить, о чем поспорить, не переходя на личности, кроме как в смысле «ноонома» (это мыслящий, а не просто «человек разумный»).

Теперь мы уже не сомневаемся в верности нашего решения — издавать дискуссии, проходящие на разных наших площадках как в Обществе, так и в СМИ, отдельными книгами. Ведь в ваковские издания многие ценные мысли, оценки, реплики, прозвучавшие в «разговорном жанре», не попадают в силу своей неакадемичности (в хорошем смысле слова). А ведь вербальный, словесный жанр научного исследования зачастую открывает такие истины, которые в силу многих причин не найдешь на страницах строгих научных журналов и монографий.

Как мы и планировали, благодаря «Беседам об экономике», эти слова участников бесед, которые, возможно, порой достойны того, чтобы быть «высечеными в камне», остаются по меньшей мере нанесенными на бумагу (и запечатленными в big-data-среде через наши сайты veorus.ru и freesconomy.ru). Мне представляется, что сейчас у нас появилось полное право повторить и высказанное ранее предположение о том, что живые беседы высококвалифицированных специалистов могут быть не только важной формой научного поиска, но и, что не менее ценно, быть более доступными для широкого круга интеллектуалов, интересующимися проблемами экономической науки и сутью экономических процессов.

Отмечу, что духовный предшественник нашей организации — Императорское Вольное экономическое общество — издавало прения и дискуссии, возникшие в ходе его собраний, отдельными, как тогда

говорили, «журналами» в «Трудах ИВЭО», и читать их, поверьте, как правило, не менее интересно, чем доклады, по поводу которых эти прения возникли.

Что касается мелких, но важных деталей: мы в этот раз незаметно, но существенно, изменили величину шрифта — на целый кегль, а также углубили абзацы — это очень важно, на наш взгляд, потому что именно в этих мелочах — удобство, читабельность, комфорт бумажного издания. И если уважаемые читатели сочтут, что изменить нужно еще что-то в оформлении, мы обязательно обдумаем эти предложения.

Очень, на мой взгляд, существенное изменение — в том, что мы решили сделать более солидной нашу экономико-историческую часть. Если в предыдущих двух томах мы делали лишь мелкие выдержки из «Трудов Императорского Вольного экономического общества», то в этот раз мы решили в ряде

случаев брать одну из статей или работ целиком по каждой теме. Таким образом мы вводим, как говорится, в современный оборот вполне актуальные работы наших членов, в том числе очень известных, если не сказать — великих.

Искренне благодарим всех участников бесед — соавторов этой книги, надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество. В очередной раз ждем замечаний и предложений.

**Главный редактор серии
Сергей Бодрунов
и весь редакционный коллектив.**

DEAR READERS!

Before you is the third issue of Conversations on Economics of the Free Economic Society of Russia. Conversations that are conducted between people with knowledge to share, to give, and to argue about without getting personal, except in the sense of the word “nonomic” (i.e. a thinking person, not just a “rational person”).

We no longer have doubts concerning our decision to publish the discussions that took place at different venues, both at our Society and in the media, as separate books. Indeed, many valuable thoughts, assessments and comments which appeared in conversations are missing from purely scientific publications due to being non-academic (in the good sense of the word). But the verbal genre of scientific research often reveals truths which for many reasons cannot be found on the pages of purely scientific journals and monographs.

As planned, thanks to Conversations on Economics, the words of the panelists which probably deserve to be “carved in stone”, are, at least, printed on paper (and embedded in the “big data” environment via our websites, veorus.ru and freconomy.ru). It seems to me that we are now fully entitled to repeat the previously stated assumption that live conversations among highly skilled specialists can not only be an important form of scientific research, but no less importantly, can also be more accessible to a wide range of intellectuals interested in the problems of economics and the very nature of economic processes.

Note that our spiritual predecessor, the Imperial Free Economic Society, published the debates and discussions held in the course of its meetings in what was then called separate “journals” of the Proceedings of the IVEO, and, believe me, reading them is as much fun as reading the reports that caused those debates.

As for small albeit important details: this time we quietly (but significantly) changed the size of the font, by a whole pica, and also indented paragraphs. It is very important, in our opinion, because the legibility and convenience of a paper edition depend on such barely noticeable things. And should you, dear readers, feel you want anything else changed in the design, we will certainly consider your proposals.

The fact that we’ve decided to expand our historical economic section is a significant change. While in the previous two volumes we printed only minor excerpts from the Proceedings of the Imperial Free Economic Society, this time we decided in some cases to reproduce a full article or paper for each topic. Thus, we are introducing relevant works of our members, a few of them quite famous, if not great, to the modern scientific discourse.

We sincerely thank all the participants of the conversations who co-authored this book, and we look forward to further fruitful cooperation. Once again, we are awaiting your comments and suggestions.

Sergey Bodrunov
Chief Editor of the series
and the editorial team.

尊敬的读者!

摆在您面前的是俄罗斯自由经济学会第三期《经济学对话》。这是这样的一些人之间的对话，他们觉得有东西需要互相交流、互相学习、互相争论，但这里没有对个人的攻击，除了对《NOONOMA》（这是一个思考者，而不只是“理性的人”）。

现在，我们不再怀疑我们决定的忠诚度，我们把学者们在我们学会和大众媒体上的不同场合的对话记录收集为丛书出版。毕竟，以“对话形式”表达的许多有价值的观点、评论、辩论，因为它们的非学术性（从正面理解这个词）而没有编入高大上的国家目录书籍里。但是，科学研究的口头、文艺形式经常揭示出那些真理，由于种种原因，这些真理却无法在严谨的科学期刊和专著中找到。

按照我们的计划，借助《经济学对话》，使对话的参与者的这些话，有的值得“刻在石头上”，现在至少可以印在纸上（并以“大数据”形式印刷在我们的网站veorus.ru和freconomy.ru上）。在我看来，现在我们完全有权重复先前提出观点，即，高水平学者的现场对话不仅是科学研究的一种重要形式，而且对于对经济科学和经济过程的本质问题感兴趣的广泛的文化人而言，其价值并不可低估。

我想说的是，我们组织的精神前身，即帝国自由经济学会，曾经单独发表了在其会议期间的辩论和讨论，正如他们所说，它们是《自由经济学会作品》里的“期刊”，人们对它们的兴趣并不亚于引发这些辩论的正式报告。

至于小的却重要的细节：这次我们悄悄地、但明显地改变了字体的大小，相当于铅字头大小，也加大了段落缩进。在我们看来，这是非常重要的，因为它们虽然是些小事，但大大增加了纸质版阅读的方便性和舒适性。如果敬爱的读者发现有必要改变版面设计的其它方面，我们肯定会考虑这些提议。

在我看来，一个非常重要的变化是我们决定使我们的经济和历史部分更加丰富。如果说，在前两卷中我们只从《帝国自由经济学会作品》摘录一些小段落，这次我们决定在某些情况下采用其中的整篇文章或针对某个主题的全部内容。因此，正如所说，我们向现代的这一领域介绍我们成员的相关作品，包括非常著名的，如果不用“伟大”一词的话。

我们衷心感谢对话的所有参加者 - 本书的共同作者，我们希望继续我们硕果累累的合作。我们依旧希望收到大家的意见和建议。

丛书主编谢尔盖·博德鲁诺夫和整个编辑团队。

Сергей Николаевич Рябухин,
*председатель Комитета по бюджету и финансовым
рынкам Совета Федерации Федерального Собрания РФ,
вице-президент ВЭО России, д. э. н.*

Юрий Васильевич Якутин,
*председатель совета директоров, научный руководитель
Издательского дома «Экономическая газета»,
вице-президент ВЭО России, д. э. н.*

ПРОЛОГ

ИСТОРИЯ ВЭО РОССИИ

О РОЖДЕНИИ И СТАНОВЛЕНИИ ПЕРВОГО ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Вольному экономическому обществу России в 2015 году исполнилось 250 лет. Это был первый институт гражданского общества в стране. Идея Общества, которое бы занималось систематическим изучением и улучшением хозяйства страны, появилась у Михаила Ломоносова, а основано оно было вскоре после смерти мыслителя, в 1765 году, передовыми вельможами по благоволению Екатерины Великой. Великие идеи, благородные начинания, полезные преобразования: ВЭО России достойно служило и, мы надеемся, продолжит служить Отечеству. Этот разговор — об истории Императорского Вольного экономического общества и о сегодняшних буднях организации.

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, директор ИНИР им.
С.Ю. Витте, президент Международного союза
экономистов, эксперт РАН, д. э. н., профессор,
почетный доктор РЭУ им. Г.В. Плеханова*

*Гаврил Харитонович Попов,
почетный президент ВЭО России, д. э. н.*

*Екатерина Владимировна Филиппенкова,
эксперт-консультант Общественной палаты
Московской области, к. э. н.,
вице-президент ВЭО Московской области,
член Президиума ВЭО России*

Державность и независимость

Бодрунов: Сергей Николаевич, мы знаем, что в свое время у истоков создания Общества стояли выдающиеся государственные деятели России. И всегда основной их задачей было содействие развитию России. Именно поэтому государственные деятели обращали серьезнейшее внимание на деятельность Вольного экономического общества, поручали ему различные задачи, в том числе по разработке реформ. А как сегодня относятся к ВЭО России федеральные власти? Как мы взаимодействуем?

Рябухин: Четверть истории России сопряжена и очень неразрывно связана с историей Вольного экономического общества. Главными принципами при формировании организации были державность и независимость. Вообще удивительное явление и сочетание. Казалось бы, это несовместимые вещи.

У истоков Общества стояли выдающиеся государственные деятели, которые объединились при поддержке Екатерины II. Это были крупные землевладельцы, люди, которые стремились привнести что-то новое в землеустройство, внести какие-то новации в управление земельным хозяйством, провести какие-то реформы, внедрить новые технологии, стимулировать инвестиции и так далее. Если сравнить с нашим временем, то это, может быть, такой прообраз нынешнего Союза промышленников и предпринимателей.

ВЭО РОССИИ СЕГОДНЯ

Сегодня Вольное экономическое общество России объединяет 65 региональных организаций и свыше 300 тыс. членов — экономистов-практиков, общественных деятелей, ведущих ученых и экспертов, представителей государственных структур и делового сообщества. ВЭО

России всегда было и остается концептуальной дискуссионной площадкой, где в диалоге рождается истина.

Вольное экономическое общество России и его региональные организации ежегодно проводят более 900 разноформатных мероприятий — конференций, круглых столов, профессиональных конкурсов, содействующих социальному прогрессу страны. Только в молодежных проектах ВЭО России ежегодно принимают участие более 3000 человек из различных регионов.

В самые трудные времена в истории государства выдающиеся деятели и активные участники Вольного экономического общества всегда находили целый комплекс мер, которые позволяли России выйти из трудного положения. В организации всегда состояли великие умы — такие выдающихся деятели, как Вернадский, Сперанский, Менделеев...

Бодрунов: Не только государственные деятели, но и великие ученые из разных отраслей и областей были причастны к деятельности Императорского ВЭО, великие путешественники, такие как Иван Крузенштерн, Николай Миклухо-Маклай. С развитием отраслей науки наши активнейшие члены становились учредителями новых обществ. Так, Миклухо-Маклай стоял у истоков Русского исторического общества, которое образовалось на 100 лет позже, и два общества в дальнейшем активно взаимодействовали. Дмитрий Иванович Менделеев стоял у истоков Русского технического общества. Юрий Васильевич, Вы у нас, можно сказать, официальный историограф Вольного экономического общества. Какие важные вехи в развитии общества Вы бы сейчас хотя бы штрихами выделили?

Якутин: Вопрос слишком широкий. Ну, скажем, Вольное экономическое общество стояло у истоков русской статистики, первые экономисты-статистики здесь выросли в конце XIX в. А экономическая наука без статистики — ничто. Возьмем экономическое, коммерческое образование — оно также начало создаваться по инициативе ВЭО: 1873 год — первое коммерческое училище было образовано под эгидой Общества.

Рябухин: Это направление было особенно активным на волне реформ Александра II, когда появилась система подготовки специалистов для аграрного сектора, сельского хозяйства.

Поле для вызревания реформ

Бодрунов: Когда я изучал историю Вольного экономического общества, меня поразило, насколько организация была значима для страны. Здесь речь идет не столько даже об экономической истории, сколько о цивилизационной истории России. Все значимые реформы — крестьянская, земельная, земская, судебная, университетская, образовательная — обсуждались в Обществе, находили здесь инициаторов, лидеров.

Тот же Столыпин действовал фактически по многим лекалам, которые были для него сформированы членом Общества Витте Сергеем Юрьевичем, руководителем правительства, автором многих экономических реформ. Такие люди создавали славу России, а в организации они оттачи-

вали свои идеи, концепции, которые обсуждались в большом кругу специалистов.

По известным причинам вскоре после революции 1917 года Общество приостановило свою деятельность. Дальше в советские времена у нас было общество «Знание», потом — Всесоюзное техническое общество, Всесоюзное инженерное общество, где была секция экономики, а затем наконец наши экономисты убедили руководителей Советского государства в том, что необходимо восстановить экономическое общество, потому что такая организация, с такой историей, работавшая всегда на благо государства, не должна была быть просто так забыта. Было учреждено Всесоюзное экономическое общество, затем оно стало Всероссийским, и уже на рубеже перехода к новой сегодняшней экономической реальности было восстановлено историческое название — «Вольное экономическое общество».

НАЧАЛО НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ВЭО РОССИИ

ГАВРИИЛ ПОПОВ,
почетный президент
ВЭО России, д. э. н.

Большая группа крупнейших ученых-экономистов, в меньшей степени — хозяйственников, выступили в суде с просьбой возродить организацию экономистов. Она должна объединять творческих, самостоятельно мыслящих экономистов, дать площадку для их встреч, для выработки или общей точки зрения, если она сформируется, а если не получится, то для того, чтобы весомо представить спектр вариантов подхода, которые сейчас существуют и которые на данном этапе пока еще не проявили себя так, чтобы сказать: «Вот этот прав, этот менее прав, а этот совсем не прав». Поэтому я думаю, что Вольное экономическое общество и тогда, и сейчас — место, где обмениваются мнениями и выработывают подходы, укрепляют свои точки зрения, критикуют другие точки зрения все творчески мыслящие экономисты.

Награды и конкурсы ВЭО России

Бодрунов: Не очень скромно, но, наверное, важно сказать, что у Вольного экономического общества всегда были свои награды, которыми оно отмечало и отмечает лучших людей, в наше время — лучших специалистов в сфере экономики.

Якутин: Это вообще традиция Вольного экономического общества — не современная инициатива. Всего через год существования Общества отпечатали собственную серебряную медаль и стали награждать людей за что бы вы думали? За участие в конкурсах! В первых «Трудах Вольного экономического общества» был опубликован опросник из 65 вопросов, учредители попросили ответить, и пришли ответы. Ответы были шикарные, просто превосходные. Так, например, стало известно имя Андрея Болотова — выдающегося агронома, экономиста, ученого. Вольное экономическое общество привлекло его к работе.

Бодрунов: Общество всегда работало не за то, чтобы были какие-то награды и поощрения, поэтому эта медаль общества отмечала, скорее, признание членами общества заслуг того или иного человека перед государством. Было бы, наверно, неправильно не сказать, что у нас большое количество региональных организаций, и Вольное экономическое общество — это не только центральная площадка, это не только наши научные конференции, огромное количество трудов и работ, которые мы издаем, но это и работа региональных организаций.

**ЕКАТЕРИНА
ФИЛИППЕНКОВА,**
эксперт-консультант
Общественной палаты
Московской области,
к. э. н.,
вице-президент ВЭО
Московской области,
член Президиума ВЭО
России

Я думаю, что никакая другая организация не дала бы мне такой возможности влиять с помощью, конечно, и своих коллег, и товарищесоратников на решения правительства региона.

У нас за 10 лет были такие крупные случаи, когда мы посредством конференций, общественных слушаний корректировали политику региона и корректировали власти, за что они впоследствии были нам благодарны, потому что все-таки губернатора окружают чиновники, чиновников окружают еще чиновники, и кто им скажет правду, как не общественная организация.

Влиятельность и ответственность

Бодрунов: Прозвучала очень хорошая мысль, что мы можем внести какие-то корректировки в политику региональных властей. Я думаю, что иногда и в федеральные программы через предложения, которые мы формируем. Мы издаем в Вольном экономическом обществе книги, готовим программы, которые пишут члены нашего Общества, которые обсуждаются у нас и потом направляются в Правительство. Откуда берутся многие мысли? Оттуда, где эти мысли рождаются. Эти мысли рождаются, обсуждаются и оттачиваются в таких организациях, как в том числе наша организация Вольное экономическое общество.

Прозвучала важная мысль, что на сломе эпох Вольное экономическое общество взяло на себя определенную ответственность. Я бы сказал, ответственность передачи славных, великих традиций, присущих российскому обществу в целом: традиции поддержки экономических преобразований, поддержки всех слоев населения, которые оказываются в сложном положении, поддержки нашей культуры. В связи с этим я даже хотел бы, пользуясь случаем, сказать, что, в частности, Сергей Николаевич, когда работал в Счетной палате, внес вместе со своим руководителем Сергеем Степашиным большой вклад в то, чтобы восстановить один из монастырей России — Муромский Спасский монастырь.

Рябухин: Это был необычный поворот в моей судьбе, в моей жизни. Так получилось, что в колыбели нашего Вольного экономического общества выросло Императорское православное Палестинское общество, первым руководителем которого был великий князь Сергей Александрович Романов. Организации уже больше 136 лет. Ее работа была восстановлена по инициативе Президента Путина и святейшего патриарха Степашиным Сергеем Вадимовичем.

В свое время академик Лихачев обращался к президенту Ельцину с вопросом выдворения из этого древнейшего монастыря, тысяча лет ему, полка спецсвязи, и убедил его передислоцировать полк на другую территорию, но монахи долгое время не могли восстановить монастырь, потому что он очень древний — пережил и нашествие Мамаю, и польско-литовское. После полка он, конечно, был почти в руинах, и мне пришлось, выполняя поручение Степашина, собрать группу энтузиастов, и мы в течение 10 лет восстановили монастырь с величайшей историей. Его основал великий князь Глеб, который был убит в 1015 году, то есть, как вы понимаете, это более чем тысячелетняя история.

Почему мы взялись за это? Потому что в экономической традиции, в экономической истории любого государства есть какие-то основы. Допустим, Китай, а позже, в XVII веке, уже и Япония,

и Корея основывались на Конфуции, вся экономика выстроена на парадигме Конфуция. И наша тысячелетняя экономика выстраивалась на православии. Это надо понимать. Мы сумели за 10 лет собрать сумму 205 млн руб. и восстановить 36 руинированных объектов на территории монастыря.

Якутин: Монастыри были проводниками передовых технологий производства, растениеводства, хранения продуктов. Это были образцовые хозяйства. И мне очень нравится, что, действительно, Вольное экономическое общество не стеснялось обращаться в монастыри за опытом.

Из библиотеки ВЭО России

Бодрунов: Если мы так глубоко затронули историю нашего Общества, я бы хотел представить те исторические книги, которые у нас изданы и составляют часть огромной библиотеки Вольного экономического общества.

Якутин: Книга «Пчелы, в улей мед приносящие» посвящена учредителям, создателям, отцам-основателям нашего Общества. Этот девиз придумала Екатерина — мудрая женщина. Один раз ей сказали: «Ну что вы, матушка государыня, с этим человеком говорите? А он же про вас рассказывает гадости». А она отвечает: «Для меня важно и с ядовитых растений мед собирать, он вкуснее будет». Это принцип.

Это шикарная книжка для любых читателей. Тут удивительные вещи. Вольное экономическое общество стало проводником идей борьбы с оспой и, по сути дела, 150 с лишним лет занималось оспой. Закупали материалы, специальные лекарства. Вольное экономическое общество выполняло функции такого благотворительного Минздрава, вы можете себе представить?

Когда Менделеев создавал свою собственную палату мер, весов в Санкт-Петербурге, Вольное экономическое общество ему помогло. Наши книги крайне познавательны. Плюс научные труды. Это наша 250-летняя традиция — издавать научные труды.

Бодрунов: 350 томов вышло до революции, потом, когда были восстановлены права организации под названием «Вольное экономическое общество», было издано уже больше 200. Здесь публикуются работы выдающихся российских экономистов, которые обсуждают те или иные экономические проблемы на наших мероприятиях.

ЧАСТЬ I

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА И ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

КАКАЯ У НАС ПРОМЫШЛЕННОСТЬ?

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ
4-Й ИНДУСТРИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПРИЧИНЫ НИЗКОЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА

«УСКОРЕНИЕ УСКОРЕНИЯ» В НИО.2

РОЛЬ ОПК В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ — ЛОКОМОТИВ РАЗВИТИЯ ГОРОДА

ПИЩЕПРОМ НОВОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ИСТОРИЯ. СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИТОГИ ПРОМЫШЛЕННОГО
РАЗВИТИЯ РОССИИ В XIX В.

КАКАЯ У НАС ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ИЗБРАННЫЕ МНЕНИЯ ЭКОНОМИСТОВ РОССИИ

По материалам научно-практической конференции ВЭО России и Финансового университета при Правительстве РФ «Российская промышленность на фоне мировой»

Чужое оборудование

*Дмитрий Сорокин,
научный руководитель Финансового
университета при Правительстве РФ, член-
корреспондент РАН, вице-президент ВЭО России*

— Как говорил человек, 200-летие со дня рождения которого мы недавно отмечали, экономические эпохи отличаются не тем, что производится, а чем производится, какими орудиями труда. В эту пятницу я специально пошел на громадную выставку на Краснопресненской набережной — Международную выставку металлорежущего оборудования. Я пришел туда, чтобы посмотреть на наше, отечественное. Не буду пересказывать, что я там увидел...

Если вы производите даже самую красивую и сложную вещь на чужом технологическом оборудовании, ни о какой импортонезависимости, технологической независимости речи не идет. Я напомним, что в указе Президента четко сказано, что других источников роста нет, кроме роста производительности труда, и с 2024 года производительность должна расти не менее чем на 5% в год, а если вы посмотрите на среднегодовые за последние семь лет официальные цифры, это значит, что нам нужен скачок производительности от трех до пяти раз по несырьевым отраслям. Такой скачок сделать на имеющейся технологической базе в принципе невозможно.

В декабре 2008 года на научной сессии Академии наук был озвучен доклад по состоянию технологической базы нашей экономики, где было сказано, что российская экономика в основном находится в четвертом технологическом укладе с элементами пятого, в то время как страны — технологические лидеры — в пятом с элементами шестого. При таком разрыве, как бы вы ни определяли содержание укладов, в принципе невозможно выйти на тот уровень, потому они и обгоняют нас по производительности.

Отсутствие приоритетов

*Руслан Гринберг,
научный руководитель Института экономики
РАН, член-корреспондент РАН*

— Что лежит в основе того, что не осуществляются хорошие планы? В моем представлении, здесь — сочетание мировоззренческой философской линии российских

реформаторов, как при Ельцине, так и при теперешнем президенте, и нежелания рисковать. Я это очень хорошо понимаю, поскольку объявлять широкомасштабные планы по поводу импортозамещения или 25 млн высокотехнологических рабочих мест — одно дело. Это хорошая риторика, она всегда зовет вперед, это нормально — любая власть должна излучать оптимизм, наша — не исключение.

Но если серьезно посмотреть, чего не хватает?.. Я вижу основной грех разговоров о промышленной политике, а тем более ее реализации, в том, что это — промышленная политика без приоритетов. Когда говорят об импортозамещении — это и есть промышленная политика без приоритетов, всем сестрам по серьгам. У всех есть задание увеличить долю отечественной продукции — это смехотворная история. Если ты действительно хочешь получить тотальное импортозамещение, то ты должен закрыть страну, а это значит — обречь себя на технологическое захолустье на долгие времена.

Неэффективное образование

Олег Смолин,

первый заместитель председателя Комитета по образованию Государственной Думы ФС РФ, академик Российской академии образования, д. ф. н.

— Международные исследования показывают, что модернизацию проводят те страны, которые тратят на образование около 7% и более от ВВП. Бразилия поставила задачу выйти на 10%. В России, по данным Высшей школы экономики, в 2006 году было 3,9%, а сейчас — 3,6%, то есть в два раза меньше. Если говорить о международных делах, то мы — 22-е среди государств Организации экономического сотрудничества и развития по доле финансирования от консолидированного бюджета и 29-е — по доле финансирования от ВВП.

Не далее как позавчера я спрашивал у Алексея Кудрина, что будет с программой ЦСР в области модернизации образования. Ответ был такой: «Предусматривает, но в очень слабом виде». Что касается программы ВШЭ и ЦСР «12 решений для нового образования», полной ясности нет — если она и будет реализована, то очень частично...

На мой взгляд, совершенно очевидно, что если мы говорим о новой индустриализации, то она требует новой образовательной политики. Контур этой новой образовательной политики мы заложили в большой проект законов об образовании для всех. Он предлагает решение всех основных системных проблем российского образования.

Нет собственных технологий

Владимир Катенев,
депутат Государственной Думы ФС РФ, член
Комитета ГД по энергетике, председатель
совета Санкт-Петербургской торгово-
промышленной палаты

— Недавно в Ленинградской области была сделана газовая турбина Siemens на новом современном заводе, мы провели экспертизу, подтвердили, что эта турбина — российского происхождения по степени добавленной стоимости, по переработке и т. д. Та самая турбина, которую мы попытались поставить в Крым. И чем все это дело закончилось?..

Первое, что должно лежать в основе поддержки государства, — это собственные технологии. А в этой связи первым звеном являются проектные институты. Они оказались невостребованными, практически все превратились в бизнес-центры. Лаборатории на моем заводе все закрылись, потому что сегодня это отрасли, которые не финансируются.

Слабый пищепром

Сергей Митин,
заместитель председателя Комитета Совета
Федерации по аграрно-продовольственной
политике и природопользованию, д. э. н.,
профессор

— Агропромышленный комплекс за последние 15 лет стабильно демонстрирует неплохие темпы роста. Последние 5 лет — 15%, это в три раза выше, чем рост ВВП... Мы вытеснили практически весь импорт, тем не менее только на 1,7% превысили уровень 1990 года. Это говорит о малой насыщенности нашего рынка. Фактически одна треть продуктов питания, которые к нам приходят на прилавки магазинов, — это импортные продукты. С экспортом тоже есть проблемы: у нас — 20 млрд долларов, но в 2016 году у США — 140 млрд, у Голландии — 90 млрд, то есть мы входим только в двадцатку стран.

В структуре экспорта превалирует сырье. Если пшеница — 14% от мирового экспорта, то мука — только 2%. Если мороженая рыба — 9,8%, то филе из этой рыбы — 2%. Повторяется то же самое, что и с жидкими углеводородами,

и с лесом. Что необходимо сделать? Прежде всего, развивать пищевую перерабатывающую промышленность, но сегодня из 6500 наименований оборудования, которое применяется для производства продуктов питания, только 2000 мы можем делать сами. В мясопроизводстве — 94% оборудования импортное, в молочной продукции — до 90% и т. д.

Низкая целевая эмиссия

Михаил Ершов,
главный директор по финансовым
исследованиям Института энергетики
и финансов, профессор Финансового
университета при Правительстве РФ, д. э. н.

— Финансовые экономические кризисы повышают значение промышленной политики. Последний кризис — тому наглядное подтверждение. Хотя промышленная политика в той или иной мере существовала всегда, именно при администрации Обамы, а это был пик последнего ипотечного кризиса, эта промышленная политика существенно увеличила масштабы, размеры и объемы. Вся эмиссия национальных валют составила почти 4 трлн с большим креном в сферу целевых длинных бумаг. Это подтверждает тезис, что в зрелых экономиках национальные приоритеты формируют основу всей денежной системы.

Все доллары мира, которые сейчас существуют, на 90 с лишним процентов были проэмитированы под государственные задачи. Все японские иены, которые сейчас есть в мире, изначально были проэмитированы под государственные приоритеты японского министерства финансов. У нас целевая эмиссия — меньше 5%. По сути, в их случае имеет место полномасштабная денежная политика, когда вся монетизация решает сначала приоритеты экономической политики.

Если мы в той или иной мере будем использовать и разрабатывать аналогичные подходы у нас, то это фактически сделает нашу финансовую сферу и нашу экономику суверенной, сможет обеспечить нам рост в условиях внешних ограничений и санкций.

Слабая политика технологических заимствований

Виктор Полтерович,
заведующий лабораторией математической
экономики Центрального экономико-
математического института РАН,
академик РАН

— Мы — догоняющая страна, очень сильно отстаем от передовых стран. Для того чтобы догнать, нужно прежде всего заимствовать технологии. Об этом говорит соответствующая теория, об этом говорит опыт тех стран, которые добились успеха. Один из наиболее известных

теоретиков догоняющего развития — Александр Гершенкрон в 1952 году ввел понятие «преимущества отсталости», это возможность заимствовать технологии и методы хозяйствования, уже разработанные, доказавшие свою эффективность в передовых странах. А вот цитата известного японского историка развития труда Хаями Акиры: «Период ускоренного экономического роста с середины 50-х гг. до начала 70-х был по существу процессом быстрых технологических заимствований».

До тех пор пока мы рассчитываем на то, что создание «Нанотеха» или «Сколково» позволит нам совершить этот большой скачок, мы будем терпеть неудачи. У нас определенное понимание этой задачи на самом деле есть: 31 мая 2016 года было создано Агентство технологического развития, ему поставлена специальная задача как-то управлять заимствованием технологий, но масштабы деятельности недостаточны, финансирование недостаточное. Эта задача должна быть поставлена на государственном уровне.

Отсутствие стратегии

Елена Ленчук,
директор Института экономики РАН, д. э. н.,
профессор

— У нас нет стратегии, мы не знаем, какую экономику мы строим, мы выстроили стратегию нанотехнологического развития, где ни слова не говорится о технологиях

вообще. Сейчас выстроена национальная технологическая инициатива — она тоже создавалась достаточно кулуарно, и непонятно, как она будет управляться и финансироваться, что она нам дает. Только сегодня разрабатывается прогноз нанотехнологического развития, который пытаются привязать к реальному сектору экономики.

У нас фактически все поставлено с ног на голову. Сначала рвут стратегии, которые ни о чем, а потом делают прогноз, а в прогнозе опираются на сценарии, которые прописаны в стратегии. Этого быть не должно. Мне кажется, если бы у нас реализовывалась цепочка, которая прописана в законе о стратегическом планировании: прогноз — стратегии — программы и дальше проекты, мы могли в определенной мере продвинуться вперед, а сейчас мы в принципе не понимаем, что нам нужно и где мы находимся.

Высокая энергоемкость

Роман Голов,
член Президиума ВЭО России, заведующий
кафедрой «Менеджмент и маркетинг
высокотехнологических отраслей
промышленности» Института инженерной
экономики и гуманитарных наук МАИ, д. э. н.,
профессор

— Энергоемкость российской экономики, в частности промышленного сектора, имеет потенциал для энергосбережения, который оценивается в 138 млн тонн условного топлива. Есть такой показатель — интенсивность использования энергии на единицу ВВП, измеряемый в килограммах нефтяного эквивалента на доллар США. Среди всех

стран БРИКС у нас этот показатель самый высокий — 0,34. Китай — 0,23, Индия — 0,14, Бразилия — 0,11, Южная Африка — 0,25. У промышленно развитых стран этот показатель составляет до 0,15... Одним из инструментов, который себя хорошо зарекомендовал в Европе и Америке, является механизм энергосервиса, когда к реализации проектов по повышению энергоэффективности подключаются сервисные компании, которые за свои средства реализуют энергосберегающие мероприятия, а возникающий финансовый эффект компании делят в определенной пропорции, что обеспечивает возврат инвестиций.

Нетехнологичность управления

Виталий Шаров,
профессор Департамента общественных финансов Финансового университета при Правительстве РФ, д. э. н.

— Мы сейчас говорим о проблемах, связанных с принятием решений в реструктуризации экономики, в развитии экономики, в формировании каких-то стратегий. Я ни разу не видел, чтобы при решении этих задач те органы государственного управления, которые принимают решения, использовали соответствующие научные технологии принятия решений. Существуют точные алгоритмы, которые надо соблюдать, чтобы была хотя бы надежда на принятие разумного решения. Если эту технологию не соблюдаешь, никакой надежды нет. Мы должны постоянно подчеркивать это обстоятельство: любое разумное решение можно принять только в том случае, если используешь давно известные и точно сформулированные технологии принятия решений.

Низкая производительность труда

Георгий Остапкович,
директор Центра конъюнктурных исследований НИУ ВШЭ

— Главная проблема промышленности — производительность труда. У нас нет резервной армии занятых, нет дополнительной загрузки мощностей. Часто звучит мысль, что надо все импортозамещать. Не надо. Нужно замещать

те производства, которые будут работать в начале 2020-х: фотонику, искусственный интеллект, редкоземельные металлы, фармацевтику. Не нужно создавать современные станки и строить станкостроительные заводы.

Есть два фактора риска. Первое: промышленность накрывает демографическая яма. Эта отрасль требует физических затрат, а сейчас катастрофически будут выбывать рабочие в возрасте 32–52 года. Для промышленности — серьезный удар. И второе. Не надо нам мифологизировать четвертую промышленную революцию — создание

цифровой экономики. Это все хорошо, но доходы от первой революции, от создания парового котла, ваты, ткацкого станка были гораздо больше, чем то, что произойдет...

Общие призывы

*Яков Дубенецкий,
руководитель Центра инвестиций Института
народнохозяйственного прогнозирования РАН,
профессор*

— Сложилось так, что, как только выйдут очередные указы, мы с придыханием ждем выполнения, но как они выполняются, мы уже видим: больше профанаций, чем выполнения. Если критически посмотреть на эти документы: нет конкретных механизмов, ресурсных маневров, конкретных ответственных за конкретные задачи, практически все — общие призывы. По-моему, манифест компартии был более конкретен...

Главный порок системы управления страной — это практически полное отсутствие ответственности на всех уровнях. Года три назад министр промышленности и торговли с гордостью докладывал, что торговля обогнала обрабатывающую промышленность: дала 18% ВВП, а промышленность — только 16%! Мы с такими министрами — без элементарных политэкономических и общих экономических понятий — какие-то промышленные сдвиги собираемся делать.

WHAT KIND OF INDUSTRY DO WE HAVE?

SELECTED COMMENTS BY ECONOMISTS

Foreign-Made Equipment

Dmitry Sorokin

Head of Research at the Financial University under the Russian Federation Government, a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Vice President of the FES of Russia

— According to the man, whose 200th anniversary we just celebrated, an economic era is not about what is produced, it's about what tools are used to produce it. I visited a huge exhibition on Krasnopresnenskaya Embankment on Friday, the International Metal Cutting Machinery Exhibition. I came there specifically to see some domestic equipment. I will not tell you what I saw there...

If you make even the most beautiful and complex product using foreign-made tech, you cannot call it import substitution or technological independence. Let me remind you that the presidential decree clearly states there are no sources of growth other than the growth of labor productivity, and beginning in 2024 productivity should grow by at least 5% a year; if you look at the official average yearly figures over the last 7 years you'll see we need a 3 to 5 times rise in productivity in non-resource industries. It is absolutely impossible to achieve this using the available tech.

At the December 2008 Academy of Sciences session a report was made on the state of our economy's technological base. It was reported that the Russian economy was basically in the 4th technological order with some elements of the 5th order whereas the tech leaders were in the 5th, with elements of the 6th. Given such a gap, no matter how you define the orders, it is absolutely impossible to reach that level. Therefore, they are ahead of us in productivity.

Ineffective Education

Oleg Smolin

First Deputy of the Chairman of the Education Committee of the RF State Duma, Academician of the Russian Education Academy, doctor of philosophy

— International research shows that modernization is accomplished by those countries which spend over 7% of their GDP on education. Brazil has set a target of 10%. According to the Higher School of Economics data Russia spent 3.9% in 2006, but currently it spends a mere 3.6%, i.e. twice less. On the international arena we are in 22nd place among the Organization for Economic Co-operation and Development countries in terms of the share of financing in the consolidated budget and in 29th place in terms of the share of financing in GDP.

The other day I asked Alexei Kudrin what would happen with the program developed by the Center of Strategic Research for the modernization of education. His answer was: “The budget provides for it, but in a very weak way.” As regards the program developed by the Higher School of Economics and the Center of Strategic Research, “Twelve Solutions for New Education”, its fate is unclear; only parts of it will be implemented, if at all...

In my opinion, it is obvious that if we talk about a new industrialization, it requires a new education policy. We have outlined such a policy in a large package of draft laws on education for everybody. It proposes solutions for all major systemic problems facing Russian education.

No Domestic Technologies

Vladimir Katenev

Deputy of the State Duma of the Russian Federation, a member of the State Duma Committee for Energy, Chairman of the Council of the Saint-Petersburg Chamber of Industry and Trade

— Recently, a Siemens gas turbine was manufactured at a brand-new modern factory in the Leningrad Region. We had experts review it to confirm the turbine was made in Russia in terms of added value, processing, etc. It was the very turbine we tried to ship to Crimea. And how did it all end? In such a situation my first point is: the first thing the state should support is domestic technologies. In this regard, design institutes are the starting point. I myself had been the director of a design institute. They were considered unnecessary and converted into office centers. All labs at my factory were shut down because they belonged to sectors which received no financing.

Weak Food Industry

Sergei Mitin

Deputy Chairman of the Federation Council Committee for Agricultural and Food Policy and Environmental Management. doctor of economics, professor

— Over the last 15 years the agro-industrial complex has been constantly demonstrating high growth rates. For the last 5 years they have stayed at 15%, three times higher than the GDP growth rates... We got rid of practically all imports and yet we've only managed to exceed the 1990 levels by a mere 1.7%. It suggests that our market is not sufficiently saturated. In fact, one third of the food products sold in stores are imported. Besides, there are problems with our exports: they were \$20 billion in 2016, with \$140 billion in the US and \$90 billion in the Netherlands; we are only among the top 20 countries. Raw materials prevail in the structure of our exports. If grain accounts for 14% of global exports, flour is a mere 2%. If frozen fish accounts for 9.8%, fish filet is just 2%. The situation with liquid hydrocarbons and timber repeats itself.

What is to be done? First of all, we must develop our food processing industry. Today, we can only manufacture 2,000 out of 6,500 types of equipment used in food production. The percentage of imported equipment is 94% in food production and up to 90% in milk production, and so on.

No Priorities

Ruslan Grinberg

Head of Research at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, a corresponding member of the Russian Academy of Sciences

— Why are good plans not implemented? I believe because of the combination of the Russian reformers' philosophy, both under Yeltsin and the current president, and the unwillingness to take risks. I get this very well. It's one thing to announce far-reaching plans concerning import substitution or 25 million high tech jobs. It's a good rhetoric, it calls us to move forward, it's OK — any government should radiate optimism, and ours is not an exception.

But seriously, what's missing?.. As I see it, the biggest sin I see in the discussion, and even more so in the implementation of the industrial policy is that this policy has no priorities. Any talk of import substitution is an industrial policy with no priorities, everybody gets some task. Everybody is tasked with increasing the share of domestic products — it's just hilarious. If you really want total import substitution, you should close up the country turning it into a technological backwater for many years to come.

Weak Borrowing Policy

Viktor Polterovich

Chief of Math Economics Laboratory of the Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences

We are a catch-up country, we substantially lag behind the advanced countries. In order to catch up, first of all we must borrow technologies. The theory says this, the practical experience of the successful countries says this. Alexander Gerschenkron, one of the most famous catch-up development theoreticians, invented the “advantage of backwardness” concept, the opportunity to borrow technologies and economic methods that have already been developed and proven to be effective in advanced countries. Here's a quote from the famous labor development historian Hayami Akira: “The period of

accelerated economic growth from the mid-50s till the early 70s was, essentially, a process of rapid technology borrowing.” As long as we believe nanotech or Skolkovo will enable us to make this big leap forward we will not succeed.

In fact, we do understand the task before us: on May 31, 2016 the Technological Development Agency was established and specifically tasked with somehow managing technology borrowing. But the scale of its activity is insufficient, the financing is insufficient. It’s obvious the task must be set at the government level.

Targeted Money Emission Too Low

*Mikhail Yershov
Chief Finance Research Director of the Institute of
Energy and Finance under the Russian Federation
Government, doctor of economics*

— Financial and economic crises increase the significance of industrial policy as clearly evidenced by the last crisis. Although some kind of industrial policy has always existed, particularly during the Obama administration years when the last mortgage crisis peaked, that industrial policy has significantly increased in scale, size and volume. The overall domestic currency emission was nearly 4 trillion, with a huge shift towards targeted long-term securities. It confirms the point that in an advanced economy national priorities should form the basis of the entire monetary system.

Ninety percent of all the dollars that exist in the world today were initially earmarked for the goals set by the government. All the Japanese yen that exist in the world today were initially emitted based on the priorities of the Japanese Finance Ministry. As for us, our targeted emission is under 5%. Essentially, they have been pursuing a full-scale monetary policy with monetization primarily addressing priorities of economic policy. If, in some way or another, we will use and develop similar approaches, it will effectively make our financial sphere and our economy sovereign and will ensure our growth amid external limitations and sanctions.

High Energy Consumption

Roman Golov

Chief of High Tech Industries Management and Marketing Department at the Institute of Engineering Economics and Humanitarian Sciences of MAI, doctor of economics, professor

— The energy consumption rate of the Russian economy, particularly the industrial sector, has a potential for energy saving which is assessed at 138 million tons of fuel equivalent, with the industry accounting for 73.2 of them. The modern industrial policy should be energy-efficient, there's no other way.

There's an indicator called energy consumption per unit of GDP measured in kilograms of oil equivalent per US dollar. In Russia it is the highest among the BRICS countries, 0.34, with 0.23 in China, 0.14 in India, 0.11 in Brazil, 0.25 in South Africa. For industrially developed countries this indicator is below 0.15...

One of the instruments widely used in Europe and America is the energy service mechanism when service companies become involved in the implementation of projects to increase energy efficiency, energy saving in industry. Those companies use their money to implement energy-saving measures, and the financial result is divided among the companies according to a certain proportion which ensures return on investments.

Low Labor Productivity

Georgiy Ostapkovich

Director of the Center for Business Tendencies Studies of the National Research University of the Higher School of Economics

— Industry's main problem is the productivity of labor or, I would say, the totality of productivity factors. We don't have a reserve army of the employed, especially the skilled employed, we don't have additional capacity load; the facilities we have are completely unproductive.

It is often said all imports should be substituted. Not all. If we buy equipment for \$100 and get \$500 in added value, such import is effective. We should substitute those imports which will matter in the early 2020s: photonics, artificial intelligence, rare earth metals, pharmaceuticals. We shouldn't create modern machinery or build machine-building plants.

There are two risk factors which are practically not discussed today. First, industry will be affected by the demographic hole. Industry requires appropriate physical costs, while the number of people aged 32-52 will become increasingly smaller. It might be a serious blow for industry. Second, we shouldn't put too much faith in the 4th industrial revolution and digital economy. It's good, but we gained much more from the first revolution, the invention of the steam engine, cotton wool or the loom, than we are going to gain from what's to come.

No Strategy

Yelena Lenchuk

Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, doctor of economics, professor

— We lack strategy, we don't know what kind of economy we are building. We have built a technological development strategy which does not say anything about technology. Now we've built a national technological initiative — it was created behind closed doors and it is not clear how it will be managed and financed and where it will get us. We just started working on a technological development forecast and we are trying to tie it to the real sector of economy. In fact, it's a complete mess. First, they invent strategies which are quite empty, then they make forecasts and in doing so they rely on scenarios outlined in the strategies. It shouldn't be like this. Had we followed the path prescribed by the law on strategic planning, forecast — strategies — programs, we would have been able to move forward to a certain extent. But now we have absolutely no idea what we want and where we are.

Insufficient Use Of Technology

Vitaly Sharov

Professor at the Department of Social Finance of the Financial University under the Russian Federation Government, doctor of economics

— We are now talking about the problems connected with decision-making in economic restructuring, economic development, strategy building. I have never seen any of the government bodies charged with decision-making in those areas use any appropriate decision-making technologies when solving those tasks. There are precise algorithms which should be followed in the hope of making a reasonable decision. If you don't follow those technologies there's no hope at all. We should constantly underline this: you can make a reasonable decision only if you use time-proven and precisely crafted decision-making technologies.

Empty Slogans

Yakov Dubenetskiy

Chief of the Investment Center of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the Audit Commission of the FES of Russia, professor

— As a result of the high democratic development there's a situation when, as soon as a presidential decree is out, we treat it with reverence and wait for its implementation. But we can see how such decrees are implemented: more fakes than real deeds. Let's take a critical view of these documents: if you look beyond abstract goals, slogans, appeals or incantations, they turn out to be quite meaningless. They do not specify exact mechanisms for meeting the goals, or any resource maneuvers, or any persons responsible for specific tasks. I've made a comparison: the Communist Manifesto seems to be more specific than those documents filled with good intentions for the future.

I once quoted the businessman/journalist Yuriev, he gave the following assessment of various sides of our life: "I would award 5 stars to our foreign policy, 3 to domestic policy, 1 to economy." It's arguable, but there's some truth in it. The governance system's main flaw is the complete lack of responsibility at all levels. Three years ago I read the report written by the Minister of Industry and Trade where he proudly stated the trade industry accounted for 18% of GDP and was ahead of the processing industry with its 16% of GDP!! What are we going to achieve with a minister like that? Will we continue to limit ourselves to ideas, appeals, lofty goals, etc.?

В РАЗВИТИЕ ТЕМЫ

Догоним и перегоним?

Как Правительство видит промышленную политику

Закону «О промышленной политике в РФ» скоро четыре года, в некоторых странах — целый президентский срок. На итоговом заседании коллегии Минпромторга чиновники отчитались о том, что количество региональных индустриальных парков выросло больше чем в четыре раза по сравнению с 2012 годом, и привели много других цифр. Но насколько они отражают то, что реально можно назвать реиндустриализацией страны?

Что сделано?

Четыре года назад были введены антироссийские санкции, и главным словом для всех отраслей экономики стало «импортозамещение». Сократить зависимость от оборудования, материалов, ИТ иностранного производства предстояло и в промышленности. На совещании по итогам деятельности в 2017 году Минпромторг рапортовал об успехах в импортозамещении и объявил новый фокус промышленной политики — наращивание экспорта. В законе «О промышленной политике в РФ» особое внимание было уделено вовлечению в индустриальное развитие регионов и формированию в них разветвленной промышленной инфраструктуры. На итоговом заседании коллегии Минпромторга в апреле этого года было отмечено, что количество региональных индустриальных парков выросло больше чем в четыре раза по сравнению с 2012 годом. Сейчас в стране работают 110 таких площадок, на их территории разместились больше 2,5 тысячи российских и иностранных производителей. А в 45 промышленных технопарках более 3 тысяч компаний выпускают высокотехнологичную продукцию.

Для взаимодействия промпредприятий из разных регионов формируются промышленные кластеры, сегодня их 50. Еще один инструмент межрегионального партнерства — государственная информационная система «Промышленность». Она начала работу в пилотном режиме два года назад, и за прошедшее время в ней собрана практически вся номенклатура высокотехнологичной продукции, которую уже производят или планируют выпускать российские предприятия.

Основными инструментами финансовой поддержки отраслей промышленности стали Фонд развития промышленности (ФРП) и специальные инвестиционные контракты (СПИК). Совокупный бюджет проектов, реализуемых с применением этих механизмов,

превысил полтриллиона рублей. ФРП был создан в 2014 году, с помощью займов фонда было открыто 260 новых производств в 60 регионах, объем инвестиций которых в экономику без учета займов фонда составил 127 миллиардов рублей. Общая выручка профинансированных фондом проектов — 1,4 триллиона рублей.

Механизм региональных Списков позволил привлечь в крупные промышленные проекты около 170 миллиардов рублей. К осени Правительство рассчитывает представить новый механизм специальных инвестиционных контрактов (СПИК 2.0). Об этом в начале июля сообщил вице-премьер РФ Дмитрий Козак на Международной промышленной выставке «Иннопром». Нормативную базу планируется создать до ноября — все необходимые решения уже приняты, принципиальные подходы к новому механизму согласованы. «Здесь очень важно обеспечить открытость и предсказуемость государства для бизнеса, стабильные условия ведения бизнеса, именно на это нацелены специальные инвестиционные контракты, которые мы значительно усовершенствовали, — подчеркнул Дмитрий Козак. — В рамках этого механизма к этой работе будут привлечены региональные, муниципальные власти. Мы намерены обеспечить стабильные, надежные условия деятельности для бизнеса на весь период реализации специальных инвестиционных контрактов». Все принятые меры, как подчеркнули в Минпромторге, позволили «оперативно реализовать задачу ускоренного импортозамещения». С 2014 года совокупный объем инвестиций в создание российских аналогов иностранной продукции превысил 600 миллиардов рублей, из них 120 миллиардов — это государственные средства. Было запущено около 1200 проектов импортозамещения, треть из них уже вышла на стадию серийного производства.

«Важнейшим условием успеха любых программ импортозамещения является систематическое и длительное применение стимулов, которое позволяет добиться эффекта масштаба и успеть исправить недостатки продукции первого поколения и перейти к реализации улучшенной версии продукта или услуги, — говорит первый вице-президент «Опоры России» Павел Сигал. — Кроме этого, действительно успешное импортозамещение чаще всего означает создание продукта с экспортным потенциалом, и этим надо активно заниматься, помогая производителям занимать долю на развивающихся рынках Африки, Латинской Америки, Индии и ЮВА».

Он обратил внимание на то, что с точки зрения успешности импортозамещения интересные результаты получены в фарма-

НЕПРАВИЛЬНО ПОДСЧИТАЛИ

До 2022 года, согласно прогнозу Минэкономразвития, промпроизводство будет расти больше чем на 2% в год, а после превысит 3% (3,2% в 2022 году, 3,3% в 2023 году и 3,4% в 2024 году). Росстат между тем в июне значительно пересчитал данные по промпроизводству за 2017 год и начало 2018 года. Оценка роста промпроизводства за 2017 год увеличена более чем вдвое — с 1 до 2,1%. Цифры за первый квартал этого года также увеличились: 2,8% вместо 1,9%. Такой рост оценок связан в первую очередь с новыми данными от малых и средних предприятий, в основном из сектора обрабатывающей промышленности.

**ИННОВАЦИЙ —
НЕДОСТАТОЧНО**

Несмотря на рост, по уровню и динамике инновационного развития отечественная промышленность в 4–6 раз отстает от ведущих индустриальных стран, отмечают эксперты ИСИЭЗ НИУ ВШЭ в информационном бюллетене серии «Наука, технологии, инновации». Так, в 2016 году уровень инновационной активности в промышленном производстве составил 9,2% (в Швейцарии — 60,2%, Бельгии — 59,7%, Германии — 58,9%). Однако это касается не всех отраслей. В высокотехнологичных секторах, например, уровень инновационной активности российских промышленных компаний достигает среднеевропейских значений (29,4%). Также неплохие показатели в химическом производстве (20,4%), производстве электрических машин и электрооборудования (20%), металлургии (17,7%).

цевтике — доля лекарственных препаратов с отечественным производством кратно выросла за десятилетие. Этот процесс, добавил Сигал, начался до санкций и связан с требованием к иностранным поставщикам иметь производство на территории России. «Часто это фактически может означать формирование лекформы и фасовку, но тем не менее в любом случае приводит к созданию новых технологичных рабочих мест и увеличению налоговых поступлений», — сказал эксперт.

По словам бывшего вице-премьера Аркадия Дворковича, по многим российским отраслям промышленности уже удалось добиться показателя импортозамещения на уровне более 90%. Однако не во всех случаях созданы технологии, которые можно назвать самыми передовыми в мире и экспортировать. «Где-то это так, где-то мы можем продавать то, что создали. А где-то не совсем так. Экспортно ориентированное импортозамещение еще не везде случилось», — отметил экс-вице-премьер.

**На очереди —
«экспортозамещение»**

Создавать конкурентоспособные на мировом рынке продукты во всех отраслях промышленности — новая амбициозная задача. К 2024 году объем неэнергетического несырьевого экспорта должен вырасти до 250 миллиардов долларов (140 миллиардов долларов по итогам 2017 года). На эту цель в бюджете заложено 1,98 триллиона рублей, из них по промышленному экспорту — 885 миллиардов рублей. Минпромторг подготовил свои предложения по нацпроекту «Международная кооперация и экспорт». До конца следующего года должны быть обновлены отраслевые программы, также планируется изменить условия предоставления господдержки, утвердить единый перечень высокотехнологичной продукции.

До конца этого года предстоит разработать концепцию модернизации торговых представительств — теперь они переданы от Минэкономразвития Минпромторгу. По словам министра промышленности и торговли Дениса Мантурова, по результатам 2017 года удалось достичь значимых результатов: несырьевой неэнергетический экспорт России вырос на 22%. Но чтобы выйти на утвержденные объемы к 2024 году, обрабатывающему сектору необходимо наращивать несырьевой неэнергетический экспорт ежегодно темпами не ниже 10%, подчеркнул он.

Для этого потребуются диверсифицировать структуру внешних поставок в пользу продукции высоких переделов. Минпромторг совместно с Минсельхозом, Минтрансом, Минэкономразвития и другими ведомствами, а также Российским экспортным центром разрабатывает национальный проект развития экспорта. Эта работа должна была быть закончена к 1 октября. А к сентябрю Минпромторг разработает экспортные стратегии по «прорывным» отраслям — химической промышленности, фармацевтике, металлургии и лесной промышленности. Для всех отраслей будут приняты регуляторные решения, направленные на минимизацию издержек, связанных с выходом на внешние рынки. Речь идет

о смягчении валютного контроля и сокращении периода возмещения НДС по высокотехнологичным экспортным товарам.

«Принято решение о серьезной модернизации валютного регулирования, — рассказал на форуме «Иннопром» глава Российского экспортного центра Андрей Слепнев. — Уже даны необходимые поручения по разработке законопроекта, который позволит экспортерам, всем профессиональным участникам внешнеэкономической деятельности отказаться от штрафных санкций за нарушение валютного законодательства. Будут предупреждения и мониторинг в плане анализа сомнительных сделок, но от «драконовских» мер по валютному законодательству договорились отказываться».

Автор: Кира Камнева

***Нияз Мустякимович Абдикеев**
Директор Института промышленной политики
и институционального развития Финансового
университета при Правительстве РФ, д. т. н.*

***Сергей Юрьевич Глазьев,**
советник Президента Российской Федерации,
академик РАН*

***Сергей Николаевич Рябухин,**
председатель Комитета по бюджету и финансовым
рынкам Совета Федерации ФС РФ, д. э. н.*

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА В 4-Й ИНДУСТРИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Мы живём в эпоху новой индустриальной революции — компьютеризации, цифровизации, робототехники и т. д. В информационный экономический лексикон в России вернулся термин «промышленная политика». Долгие годы необходимость этой политики де-факто игнорировалась. Итак, что нужно менять, чтобы соответствовать требованиям новой индустриальной революции?

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
директор ИНИР им. С. Ю. Витте, президент
Международного союза экономистов,
эксперт РАН, д. э. н., профессор*

*Борис Юрьевич Титов,
уполномоченный по правам предпринимателей при
Президенте РФ, председатель Наблюдательного совета
Института экономики роста им. П. А. Столыпина,
сопредседатель Общероссийской общественной
организации «Деловая Россия»*

Можно ли возродить промышленность?

Бодрунов: По данным Росстата, за последние 25 лет производственные мощности в России сократились на 30%. Мы потеряли гораздо больше, если смотреть эти данные более внимательно и глубоко, в объемах, структуре, темпах роста промышленности и многих других позициях. Что надо делать сегодня? Надо, конечно, восстанавливать промышленность. Нужна реиндустриализация на новой технологической основе, с этим согласны практически все уже эксперты, даже в Правительстве. Сергей Юрьевич, но что именно нужно делать?

Глазьев: Начнём с того, что это задача очень сложная. Она не решается простыми методами. Нет какого-то одного рычага, нажав на который мы можем реанимировать промышленность.

Бодрунов: Да, одной педали не существует.

Глазьев: Вы упомянули чудовищные цифры деиндустриализации, и надо понять, почему она произошла. Она произошла не потому, что наша промышленность была неконкурентоспособной, как это нам часто объясняют. Например, когда я работал депутатом от Подольского округа — это крупнейший центр машиностроения, — я видел там останки машиностроительных заводов и интересовался, куда делось оборудование. Его не на металлолом отправили — оно продано в Болгарию, Турцию, Индию, в другие страны...

АРХАИЧНАЯ
СТРУКТУРА

НИЯЗ АБДИКЕЕВ
 Директор Института
 промышленной
 политики
 и институционального
 развития Финансового
 университета при
 Правительстве РФ,
 д. т. н.

Основной причиной низкой конкурентоспособности отечественных предприятий на внешнем и внутреннем рынках является архаичная структура обрабатывающей промышленности. Экспорт промышленной продукции падает, а импорт возрастает. Анализ статистических данных показывает, что продукция только

15 отраслей обрабатывающей промышленности из 83 конкурентоспособны на внутреннем рынке.

Как следствие, по глобальному индексу конкурентоспособности обрабатывающей промышленности Россия занимает 32-е место в мире, в то время как, например, Турция со своими помидорами — 16-е место, а Мексика — 8-е.

Бодрунов: Наше оборудование...

Глазьев: Да, и там работает. Куда делись рабочие специалисты? Они переквалифицировались не в чернорабочие: они в торговлю ушли, а кто-то уехал за границу тоже вслед за оборудованием, в том числе компетентные инженеры. То есть надо понимать, что, если мы хотим, чтобы наша страна была мощной промышленной державой, нам нужно избавиться от догм, которые подкупают своей простотой, своей банальностью, типа: «снизим инфляцию, и дальше все остальное само по себе» — как грибы после дождя будут расти предприятия, потому что инфляция низкая. Промышленная политика требует благоприятной макроэкономической среды. Не будут расти роскошные цветы в пустыне, если нет кредита, если не хватает денег на оборотный капитал, если невозможно профинансировать инвестиции и внедрить новые технологии.

Выращивание промышленных предприятий — это создание крупных коллективов людей, специалистов. И я — сторонник того, что трудовые коллективы должны ощущать себя хозяевами, инженеры. Предприятие — сложный организм, где все участники процесса должны быть интегрированы ради достижения главной цели — выпуска конкурентоспособной продукции.

И наконец, современная промышленность, если мы берем капиталовложения в развитие промышленности, это на 2/3 — расходы на научно-исследовательские, опытно-конструкторские разработки, это постоянная связь науки и производства. Сейчас мы переживаем технологическую революцию. В связи с переходом к новому технологическому укладу востребованность новых знаний и технологий резко повышается. И производство, промышленная политика должны быть как единое целое с отраслевой наукой, которая у нас в результате приватизации была практически полностью утрачена. И нам сегодня нужно эту отраслевую, фирменную науку создавать всеми силами. То есть весь экономический механизм должен быть нацелен на стимулирование инновационной, инвестиционной активности.

Поэтому, когда мы говорим про промышленную политику, это не только закон о промышленной политике, это и денежно-кредитная политика, и налогово-бюджетная политика, то есть все звенья экономической политики системно должны быть ориентированы на выращивание предприятия.

Рябухин: Если говорить о роли государства, о чем говорит Сергей Юрьевич, в развитии и формировании промышленной политики, да, без этого невозможен рынок, к которому призывает президент Путин в майском указе, где 12

приоритетных направлений. К 1 октября, как заявляет председатель Правительства, эти направления облекут форму национального проекта, предусматривается увеличение дохода на 1,8 триллиона рублей. Бюджет из дефицитного превращается в профицитный, и самое главное — туда закладывают все вещи долгожданные, которые эксперты Совета Федерации предлагали, то есть меры, позволяющие начать финансировать эти национальные цели. Это сейчас в поправку бюджета текущего года уже закладывается — предполагаются 36 миллиардов рублей направить на поддержку через институт инструментализации...

Бодрунов: Инструменты могут быть разные. Главное — направленность средств.

Рябухин: По 5 миллиардов закладывается поддержки на школьные автобусы, кареты скорой помощи...

Бодрунов: Решать социальные задачи, одновременно поддерживая промышленность...

Рябухин: Целый ряд таких интересных расходов, которые закладываются уже в бюджете текущего года.

Готовые рецепты

Титов: Какие конкретно меры необходимы: здесь должно быть несколько направлений. Первое. Это должна быть макроэкономическая политика, а именно дешевый кредит, стоимость которого сегодня зависит от той макроэкономической денежно-кредитной политики, которую проводят Центробанк и Правительство. Она должна стимулировать низкую процентную ставку. Второе: конечно, должна быть политика, которая стимулировала бы спрос на внутреннем рынке. Мы предлагаем несколько программ ипотеки под 5%, которая могла бы увеличить объем строительства в два раза. Мы предлагаем сегодня помочь самым нуждающимся специальными программами, дешевыми продуктами и фармацевтикой — это еще один фактор развития спроса, не только социальный фактор. Кроме этого, мы говорим о том, что надо стимулировать и российскую промышленность официальными программами, которые уже реализовывались, например, в автосекторе, распространить их на другие сектора российского машиностроения.

Конечно, надо помогать кредитом и инвестициями. Здесь мы говорим о развитии институтов роста или институтов развития, таких как уже существующий Фонд развития промышленности. Мы предлагаем создать еще четыре такого же рода фонда и насытить их достаточно большими

капиталами для того, чтобы они, хорошо оценивая риски, способствовали бы инвестициям и привлекали бы частные инвестиции. Конечно, еще и налоги, и тарифы сегодня растут очень быстро, и мы здесь имеем очень серьезные претензии к нашей власти, которая утратила вообще контроль за этими тарифами, и предлагаем целую схему, как его восстановить.

В общем, целый комплекс мер. Но самое главное одно — рабочие места, причем современные, на основе новых технологий рабочие места могут создаваться только в реальном секторе, в секторе переработки, в сельском хозяйстве, в инновационном секторе.

Глазьев: Очевидно, что без кредита, как мы говорили, невозможно наращивать инвестиции. Кредит — это механизм авансирования экономического роста. И не случайно совершенно первая промышленная революция, которая уже почти 300 лет назад проходила, совпала с созданием национальных банковских систем, национальных банков.

Бодрунов: Создание финансовой системы стало толчком, потому что производство — капиталоемкая вещь.

Глазьев: Конечно. Промышленная революция и первая, и вторая, и даже та, которую сегодня мы переживаем, связанная со сменой технологических укладов, — это всегда гигантские инвестиции. И неслучайно в экспертном обороте уже 10 лет, только, к сожалению, в зарубежном обороте, фигурирует понятие «денежно-промышленная политика», не просто промышленная политика, а деньги как инструмент, который должен работать на экономический рост, на модернизацию производства, на внедрение новых технологий, и государство обеспечивает экономическое развитие, используя деньги как инструмент. А у нас какой-то денежный фетишизм, у нас — не деньги для развития, а промышленность — для изъятия денег. Посмотрите, как устроены наши взаимоотношения между промышленностью и банковским сектором: грабительские проценты, которые превышают рентабельность в обрабатывающей промышленности. Это означает, что прибыль банкиров — результат недоплаты труда...

Бодрунов: И деятельности предприятий...

Глазьев: Да... Это сокращение оборотного капитала. Предприятие, когда вынуждено рассчитываться по завышенным процентным ставкам, оно это делает за счет чего? За счет сокращения оборотного капитала. Это значит, сначала экономят на тех же самых научных исследованиях, на капиталовложениях, потом экономят на зарплате...

Бодрунов: Вплоть до здоровья, экологии.

Глазьев: И в результате мы видим сегодня огромное кладбище заводов в нашей стране. Не случайно страны, которые имеют уже большой опыт капиталистических механизмов, перешли к денежно-промышленной политике, снизили процентные ставки до нуля. В Европе, например, если банк кредитует производственное предприятие, он может взять деньги у Центрального банка под отрицательную процентную ставку.

Самое простое вообще из решений — это денежная политика, здесь много ума не надо. Деньги создаются из ничего, надо лишь следить за тем, чтобы они не разворачивались и шли по назначению. А вот самое сложное — это вырастить конкурентное, высокотехнологическое производство. И вся денежная и макроэкономическая политика должны быть ориентированы на помощь людям, которые занимаются выращиванием высокотехнологических промышленных предприятий.

Бодрунов: В тех идеях и инициативах предпринимательского сообщества в промышленности таких проектов достаточно много. Мне кажется, что как раз через них и может быть реализовано то, о чем вы говорите, — через конкретные инвестиционные проекты, через конкретные промышленные проекты, через конкретные структурные, инфраструктурные проекты...

Глазьев: Сейчас как раз для этого созданы все необходимые правовые условия, начиная с того, что президент еще четыре года назад поставил задачу разработки специальных инвестиционных контрактов для решения этой задачи подтягивания денег под развитие производства. Закон о промышленной политике этот инструмент закрепил, он есть, но беда в том, что он только на региональном уровне применяется, и получаются абсурдные вещи: мы не можем найти 200 миллиардов рублей для того, чтобы наполнить Фонд развития промышленности, зато находятся полтора триллиона для того, чтобы спасти обанкротившийся банк.

Будут деньги или нет?

Бодрунов: А давайте спросим Сергея Николаевича. Найдем 200 миллиардов рублей для фонда развития промышленности? Что у нас предусматривается в бюджете?

Рябухин: Хороший вопрос, Сергей Дмитриевич. Для того чтобы реализовать те цели, которые указаны

в майском 2018 года указе, как Президент и Правительство потом подтвердили, потребуется не менее 8 триллионов рублей к тем 17 триллионам, которые есть в федеральном бюджете до 2024 года. Вообще, если посмотреть структуру доходов и расходов консолидированного бюджета, имея в виду все уровни бюджетной системы, то мы имеем около 30 триллионов рублей — это без учета теневой экономики, которая не участвует в формировании доходов на всех уровнях. Приблизительно 17,5 триллиона рублей на федеральном уровне, около 11 триллионов на региональном и остальное — на муниципальном — это около 30 триллионов. Здесь очень важно, чтобы эффективное и четкое планирование было по расходованию этих средств, имеется в виду и промышленная политика.

На сельское хозяйство, например, направляется около 450 миллиардов рублей по всем видам субсидий, субвенций, по сумме всех ассигнований. Сейчас заявлено о том, что будет формироваться внутри бюджета еще и бюджет развития. Цена вопроса — около 3,5 триллиона рублей. И очень жаркие сейчас дискуссии идут об источниках наполнения этого бюджета развития. Как раз один из инструментов — это НДС, который повышен с 18 до 20%. Это будет давать приблизительно 600 миллиардов в год. Мы переходим к сокращению консолидированных групп налогоплательщиков (добровольных объединений организаций, создаваемых для уплаты налога на прибыль с совокупного финансового результата всей группы. — Прим. ред.) — эта позиция была изложена еще четыре года назад Советом Федерации, — и я очень рад, что Правительство, наконец, согласилось с нами. Эта непрозрачная и непонятная система, во-первых, полностью исключает региональные финансовые денежные власти в прогнозировании, в планировании. Они даже не могут спрогнозировать, потому что...

Бодрунов: А затраты на содержание инфраструктуры несут местные власти, регионы...

Рябухин: Да даже дело не в этом. Если 15 консолидированных групп у нас есть в России...

Бодрунов: То непонятно, какие деньги будут выплачены...

Рябухин: Абсолютно, да. Поэтому здесь нужен целый комплекс мер. В акцизной политике, если мы сейчас наведем порядок в акцизах по табаку и по алкоголю, это даст приблизительно 200 миллиардов дополнительных доходов, потому что мы имеем уже 25% контрафакта и контрабанды в табаке и порядка 40% — в крепком алкоголе. Победить

алкогольную и табачную мафию — вот они, пожалуйста, 250 миллиардов. Мы сейчас внесли поправки в Федеральный закон...

Бодрунов: Источников, на самом деле, много...

Глазьев: Кстати, обращаю Ваше внимание, Сергей Николаевич, что производителями табака у нас являются сплошь иностранные компании. Это тоже вопрос промышленной политики.

Бодрунов: Конечно, об этом и речь. Опять мы финансируем чужую, причем вредную для нас промышленность.

Без чего не будет промышленности

Бодрунов: Что же нам надо делать? К чему нужно прийти? И есть ли такие возможности у нас?

Сергей Юрьевич, я знаю, что Вы над этими проблемами много работаете. Я прекрасно знаю Ваши работы, и многие наши специалисты знают работы, где Вы анализируете возможности рывка, возможности обойти конкурентов для России. И Вы верите, насколько я вижу по Вашим трудам, что в России все-таки эта возможность существует, и скепсису надо дать бой.

Глазьев: Прежде всего, догоняющее развитие там, где мы безнадежно отстали. Таких сфер немало. Исходя из концепции долгосрочного экономического развития как процесса смены технологических укладов, мы сегодня можем довольно четко прогнозировать будущее примерно на 20–30 лет вперед, технологическое будущее.

Новый технологический уклад сформирован: это нано-, биоинженерная, информационно-коммуникационная технологии, аддитивная технология и знаменитая цифровая революция. Этот комплекс взаимосвязанных производств революционизирует сегодня экономику, это и есть очередная технологическая революция, связанная с формированием принципиально новых производств и модернизации всех остальных на новой технологической основе. Так вот, новый технологический уклад растет сегодня с темпом примерно 35% в год. Это то, на что мы должны ориентировать нашу науку, наших разработчиков. И выращивание нового технологического уклада, создание его ядра, которое сегодня формируется, это и есть опережающее развитие. Ключевой элемент стратегии должен быть в опережающем развитии на основе всемерного стимулирования нового технологического уклада.

Я замечу, что большая часть молодежи, которая работает в этих сферах, сегодня уезжает за границу — то есть у нас есть люди, есть мозги, есть технологии, но они реализуют их там, потому что нет денег, нет финансового механизма, который будет поддерживать эту инновационную активность, связанную с огромными рисками на этом неизведанном поле, где только формируется технологическая траектория. Надо рисковать, надо создавать много разных образцов техники. И для того, чтобы одна курица у вас получилась, которая будет нести золотые яйца, приходится целое стадо этих прорывных технологий иметь, чтобы выстояла одна хотя бы, через долину смерти прошла. Это ключевой элемент стратегии опережающего развития.

Второе направление — стратегия динамического намерствования. Это касается авиационной промышленности, например, то есть там, где наша промышленность близка к мировому технологическому уровню и где нам нужно только ее поддержать, обеспечить спрос — тут речь идет прежде всего про спрос на новые самолеты через те же самые государственные банки, которые должны давать в лизинг нашим авиакомпаниям российские самолеты. И третье направление — это догоняющее развитие уже в чистом виде, заимствование технологий. Оно единственное, которое у нас в какой-то мере реализуется на примере промышленной сборки иномарок. Это вот — типичное направление догоняющего развития.

Могу так сказать: новый технологический уклад — это темпы роста 35–50% в год плюс резкий скачок эффективности. Материалоемкость снижается на порядок, снижение потребления электричества — на порядок. В десятки раз повышается эффективность, и это работает во всей экономике. Собственно, само это ядро может быть небольшим, может быть, всего лишь 2% от промышленности, но оно проникает везде и поднимает везде технический уровень, помогает реализовывать все остальные стратегии.

И наконец, четвертое направление — увеличение глубины переработки сырья. Казалось бы, очевидно, да, но для этого нужны большие инвестиции. Опять же мы упираемся в долгосрочный кредит.

Рябухин: В каждом регионе с точки зрения пространства и производительных сил, отраслей разная ситуация. Вот, смотрите, Ульяновская область (Сергей Николаевич Рябухин — представитель от законодательного органа государственной власти Ульяновской области в Совете Федерации ФС РФ. — Прим. ред.) — сбалансированная по экономике, 29% — сельское хозяйство, есть автомобильный кластер, о чем Сергей Юрьевич говорил, и там нужна поддержка. Я рад, что выделяются 36 миллиардов на утилизацию в автопроме, авиационный кластер, ядерно-медицинский кластер.

Я хочу сказать, что надо выстраивать программу пространственного развития таким образом, чтобы 29 регионов, которые сейчас называют депрессивными, подтянулись, потому что выстраивать технологию или стратегию прорыва только на базе 49 агломераций — неправильно, отдельная программа должна быть для депрессивных регионов, где низкий экономический потенциал.

INDUSTRIAL POLICY IN THE CONTEXT OF THE FOURTH INDUSTRIAL REVOLUTION

We live in the era of a new industrial revolution – computerization, digitalization, robotics, and so on. The expression “industrial policy” has made a comeback in Russia’s economic lexicon. For many years, the need for such policy was de facto ignored. So, what needs to be changed in order to address the challenges of the new industrial revolution?

PANELISTS:

Niyaz Mustykimovich Abdikeev

Director of the Institute of Industrial Policy and Institutional Development of the Russian Federation Government’s Financial University, Doctor of Economics.

Sergey Y. Glazyev

Advisor to the President of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Sciences

Sergey Nikolaevich Ryabukhin

Chairman of the Committee on Budget and Financial Markets of the Russian Federation Council, Doctor of Economics

Sergey Dmitrievich Bodrunov

President of the FES of Russia, Director of the S.Yu. Witte Institute of New Industrial Development, Doctor of Economics, Professor

Boris Yuryevich Titov

Presidential Commissioner for Entrepreneurs’ Rights, Chairman of the Supervisory Board of the P.A. Stolypin Institute for the Economy of Growth., Co-chairman of the all-Russian nongovernment organization Business Russia

IS IT POSSIBLE TO REVIVE INDUSTRY?

Bodrunov: According to Rosstat, over the past 25 years, production capacity in Russia has decreased by 30%. If we give those data a closer look, we'll see we've lost so much more, in terms of volume, structure, industry growth rate, and many other positions. What is to be done? It is necessary, of course, to restore the industry. What we need is a re-industrialization on a new technological basis, as all experts seem to agree, and even the Government. Sergey Yurevich, what exactly needs to be done?

Glazyev: Let's start with the fact that this is a very difficult task. It cannot be solved by simple methods. There is no single switch to flip, that would reinvigorate the industry.

Bodrunov: Yes, there's no single pedal.

Glazyev: You mentioned the horrific de-industrialization figures, and it's necessary to understand why de-industrialization happened in the first place. It didn't happen because our industry was not competitive, as we have often explained. For example, when I worked as a deputy representing the Podolsk district – a major mechanical engineering hub – I saw the remains of machine building factories. I enquired about the equipment. Where did it go? It was not scrapped, it was sold to Bulgaria, Turkey, India, and other countries ...

Bodrunov: Our equipment...

Glazyev: Yes, and it's still in operation there. Where are the workers, the specialists? They didn't switch to being laborers: some of them became traders, others, including highly qualified engineers, followed the equipment abroad. We must understand that if we want our country to be a powerful industrial nation, we need to get rid of dogmas which have enticed us with their simplicity and banality, such as, "we only need to reduce inflation, and everything else will follow automatically", and businesses will grow like mushrooms after the rain because inflation will be low. Industrial policy requires a favorable macroeconomic environment. A beautiful flower will not grow in a desert, if there is no credit, if you don't have enough money for the working capital, if it is impossible to finance investment and introduce new technologies.

Cultivating industrial enterprises means assembling large groups of people, specialists. I support the idea that work collectives and engineers should take matters in their own hands. An enterprise is a complex organism, which required a high degree of integration in order to achieve the main goal – the ability to produce competitive products.

Finally, in modern industry, research and development account for 2/3 of capital investments, ensuring strong ties between science and production. At present, we are experiencing a technological revolution. Because of the transition to a new technological mode, the demand for new knowledge and technologies is surging. Production and industrial policy should maintain close ties with industry-specific R&D, which were almost completely severed as a result of privatization. And today we need to re-create this industry-specific, enterprise-specific R&D by any means necessary. The entire economic mechanism should be aimed at stimulating innovation and investment activities.

Therefore, when we're talking about industrial policy, we are not only talking about the law on industrial policy, we are talking about monetary policy, fiscal policy... That is, all elements of the economic policy should be systemically focused on cultivating the enterprise.

Ryabukhin: As regards the role of the state, according to Sergei Yuryevich, in the development and formation of industrial policy, it is absolutely essential for achieving the breakthrough that President Putin called for in his May Decree, which highlighted 12 priorities. The Prime Minister says those priorities will take the shape of a national project by October 1; it is expected that budget revenues will increase by 1.8 trillion rubles. Budget deficit will turn into a surplus, and most importantly, provisions will be made in the budget for some long-expected measures suggested by the Federation Council experts to fund the national goals. An amendment to this year's budget is already being made, it is proposed to spend 36 billion rubles on supporting the goals through the institute of instrumentalization ...

Bodrunov: Instruments may differ. The focus of funds is the most important thing.

Ryabukhin: School buses, ambulance cars... each of the programs will get 5 billion rubles.

Bodrunov: We need to solve social problems, while supporting the industry ...

Ryabukhin: A whole series of budget expenditures, which have been already included in this year's budget.

READY RECIPES

Titov: As regards specific measures, we should prioritize. Firstly, we need a macroeconomic policy or, in other words, cheap credit, the cost of which currently depends on the macroeconomic monetary policy pursued by the Central Bank and the government. It should help maintain lower interest rates. Secondly, of course, we need a policy that would fuel demand in the domestic market. We have offered several mortgage programs at 5%, which could double the volume of construction. We believe the poorest should get help through social programs, cheap food and pharmaceuticals; it's another way of developing a demand, and not just a social factor. In addition, we propose stimulating Russian industry through government programs, some of which have already been implemented, for example, in the automotive sector, and extending those programs to other sectors of the Russian machine-building industry.

Of course, we need help with loans and investments. Here we are talking about the development of the institutions of growth or development, such as the existing Industrial Development Fund. We propose setting up four more funds of the same kind and fill them up with capital to ensure that they promote investment and draw private investment while considering all the risks. Of course, taxes and charges are growing very rapidly, and we have a lot to complain about to the government which has lost all control over these taxes; we've offered a mechanism for restoring that control.

In general, we need a whole range of measures. But the most important one is creating jobs, bearing in mind that modern high tech jobs can only be created in the real sector, in the processing sector, in agriculture, and in the innovation sector.

Из библиотеки ВЭО России

«Рывок в будущее» Сергея Глазьева

Монография «Рывок в будущее. Россия в новом технологическом и мирохозяйственном укладах» — итог многолетней работы Сергея Глазьева. В ней представлены научные, публицистические и методологические работы автора на тему преодоления экономического кризиса, даются рекомендации, как реализовать «рывок» в развитии российской экономики. Вот слова самого автора и мнения некоторых его коллег об этой монографии.

*Сергей Глазьев,
советник Президента РФ, академик РАН*

— Книга, представленная вашему вниманию, написана в смешанном жанре. Она включает в себя фундаментальную теорию, где излагаются закономерности долгосрочного экономического развития, прикладные разработки, связанные с применением этих закономерностей в экономической политике, программные предложения по практической реализации тех научно обоснованных рекомендаций, которые вытекают из фундаментальных знаний, понимания, где мы находимся, процессов, происходящих в мире, и наших возможностей. Также там вы найдете ряд эмпирических наблюдений, призванных проиллюстрировать проблемы, которые нам необходимо решать для вывода экономики страны на траекторию опережающего экономического развития. И некоторые обобщения, связанные с состоянием собственно экономической теории, которая, не будем скрывать, уже длительное время находится в кризисе с точки зрения теории и методологии науки. Накоплено большое количество аномальных фактов, которые не вписываются в мейнстрим экономической теории, и назрела сегодня научная революция в экономических теориях, связанная с выработкой принципиально нового подхода к анализу процессов экономического развития... Попытки выстроить рекомендации относительно того, как нам развиваться, вокруг теории экономического равновесия приводят нас к хождению по кругу. Мы уже в третий раз ходим по кругу, пытаясь обеспечить равновесие путем подавления инфляции, не думаем об инвестициях и научно-техническом прогрессе. Эта политика ведет к тому, что инвестиций нет, экономика теряет конкурентоспособность, происходит девальвация валюты, что в свою очередь дает новый инфляционный шок.

Сергей Бодрунов,
 президент ВЭО России, директор ИНИР им. С.
 Ю. Витте, президент Международного союза
 экономистов, эксперт РАН, д. э. н., профессор

— Мало кто из экономистов умеет так четко, как Сергей Юрьевич, выразить свое видение экономического развития страны. В исследованиях Сергея Юрьевича Глазьева содержится глубокий анализ технологических укладов и технологического развития экономики. Книга обобщает работу многих лет, колоссальный опыт Сергея Юрьевича. Она мужественная, искренняя, откровенная, и это подкупает. Читать ее — удовольствие. За ней виден человек, компетентный и знающий. Столько, сколько сделано автором в теории технологических укладов, сколько сделано в исследовании технологического развития экономики, наверное, не сделано никем у нас в стране. Многие вещи, которые выходили из-под пера Сергея Юрьевича были для многих открытием.

Квинтэссенцию всего того, что есть в книге, я бы выразил для себя двумя фразами из нее. Первая: «Из теории экономического развития и практики развитых стран следует необходимость комплексного подхода к формированию денежного предложения в увязке с целями экономического развития и с опорой на внутренние источники денежной эмиссии. Важнейшим из них является механизм рефинансирования кредитных институтов, замкнутый на кредитование реального сектора экономики и инвестиций в приоритетные направления развития». Вот это очень важная вещь. К ней нужно добавить другую фразу из этой книги: «Продолжение инвестиций в расширение бесперспективных производств уходящего экономического уклада... — типичные для развитых стран ошибки, усугубляющие структурный кризис, в том числе и в России». Эта книга — не только научный документ, но и программа деятельности, программа того правительства, которое могло бы быть, если бы такие люди, как Сергей Юрьевич, могли осуществить свои идеи и предложения.

Виктор Ивантер,
действительный член Сената ВЭО России,
научный руководитель Института
народнохозяйственного прогнозирования РАН,
академик РАН

— В этой книге точно ничего скучного нет. Все, что тут написано, очень интересно, спорно, вызывает желание мыслить, делать, то есть это успех книги. Я думаю, что это не случайно, потому что автор — политик, политолог, государственный деятель и ученый, и все это вместе. Это все здесь есть. Как определить, успешный ученый или неуспешный? Очень простой способ: если его имя ассоциируется с результатом, то он успешный. Я бы сказал так: Сергей Юрьевич и технологические уклады — это вполне естественная связь. Я смотрел еще лет 20 назад, когда был в ВАКе — там идет масса работ по технологиям, и нет работы, чтобы не было на него ссылок. Он вошел в научный оборот, и это колоссальный успех, и он развивает это дело.

Роберт Нигматулин,
научный руководитель Института
океанологии РАН имени П. П. Ширшова,
академик РАН

Книга будет иметь выдающееся значение в развитии нашей экономической мысли, хочу выразить благодарность автору за то, что он уже много лет отстаивает самые правильные и передовые представления о развитии нашей страны.

Михаил Ершов,
член Президиума ВЭО России, главный директор
по финансовым исследованиям Института
энергетики и финансов

Об актуальности книги. Я помню, мы с Сергеем Юрьевичем на каком-то собрании обсуждали проблематику налогов и выступили за максимальное снижение НДС как отжившего и тормозящего развитие инструмента. Сейчас наши регуляторы повышают для восполнения недостающей расходной части бюджета. Повышение НДС, как и любого другого налога, затормозит экономический рост, ухудшит качество этого роста, потому что главное бремя этого налога ляжет на отрасли с добавленной стоимостью. Это — проблема, учитывая, что задача Президентом была поставлена — и обеспечить рост, и улучшить его качество...

Если те рекомендации, которые в этой книге изложены, будут приняты в той или иной степени к реализации, то наша экономика все-таки будет иметь основания рассчитывать на более успешные решения проблем, которые перед ней многие годы стоят.

Борис Титов,
уполномоченный по правам человека при
Президенте РФ

— Сергей Юрьевич сегодня является представителем целого направления научно-экономической, и не только экономической, мысли, который с таким упорством, с такой энергией, с такой мужественностью отстаивает свою точку зрения. Мы как представители бизнеса были вынуждены вмешаться в процесс экономических исследований, экономических предложений и сформировали, и спасибо за упоминание этого в книге, наш взгляд в «Стратегии роста».

Вместе с тем, конечно, некоторые вещи мы все-таки не считаем абсолютными во взглядах автора... Автор критикует наше Правительство, особенно денежно-кредитные власти, за то, что они копируют западные модели, но я бы не сказал, что это так. Это — наше собственное изобретение. Наша модель исходит из того, что у нас есть очень серьезные доходы от экспорта нефти. Нам не надо думать о доходах, то есть у нас нет главной цели. Основное давление было именно в том, что все у нас развивалось по сырьевой модели. И очень удобно было строить такую денежно-кредитную политику, которая не допускала излишних рисков дисбалансировки, потому что они были не нужны.

Мао Энчуй,
посланник Посольства КНР в России

— Сергей Юрьевич — известный в Китае российский политик, ученый, экономист именно в связи с его усилиями, направленными на разработку современной теории развития экономики Российской Федерации, на формирование собственно российской модели развития. Выпуск новой книги — это еще одно свидетельство.

Сергей Юрьевич является большим другом Китая. Об этом свидетельствуют ежегодные встречи с китайским экспертным сообществом. Мы очень благодарны, что академик Глазьев уделяет большое внимание тому, чтобы поддерживать и продвигать решения, которые приняли председатель Си Цзиньпин и президент Путин для сопряжения «Экономического пояса Шелкового пути» и Евразийского экономического союза.

Sergei Glaziev **A Leap into the Future**

The presentation of the new book by Academician Glazyev was arranged by the Free Economic Society of Russia at the Economist House in Moscow. The author and his colleagues shared opinions on the monograph.

*Sergei Glaziev,
Academician of the Russian Academy of Sciences, Adviser to
the President of the Russian Federation*

The book presented for your attention is written in a mixed genre. It includes a fundamental theory that outlines the patterns of long-term economic development, methods for the application of these patterns to economic policy, program-related proposals for the practical implementation of those scientifically sound recommendations which stem from fundamental knowledge and the understanding of our exact position, the processes occurring worldwide, and our capabilities. You will also find a number of empirical observations, which are intended to illustrate the problems we need to solve in order to set the country's economy on a trajectory of advanced economic development. And certain generalizations connected with the state of the economic theory itself, which, let's not hide this fact, has long been in crisis from the point of view of the theory and methodology of science.

A large number of abnormalities have been registered that do not fit into the mainstream of economic theory, and today there's a need for a scientific revolution in economic theories connected with the development of a fundamentally new approach to analyzing the processes of economic development.

Sergey Bodrunov

President of the FES of Russia, Director of the S.Yu. Witte Institute of the New Industrial Development, President of the International Union of Economists, expert of the RAS, Doctor of Economics, Professor

Nobody in this country has probably done as much as Sergei Yurievich in the theory of technological structures or the study of technological development of economy. A lot of works that came out from Sergei Yurievich's pen turned out to be revelatory for a bunch of people.

For myself, I would express the essence of the book with the words from page 445: «From the theory of economic development and the practice of developed countries follows the need for an integrated approach to the creation of money supply in tandem with the goals of economic development and with reliance on internal sources of monetary emission. The most important of these is the mechanism for limiting the refinancing of credit institutions to lending to the real sector of economy and investing in priority areas of development.» This is a very important point. I would add another phrase from the book: «Continuation of investment in the expansion of failing industries of the vanishing economic order and production facilities of the new technological order are mistakes that are typical for developed countries, which exacerbate the structural crisis in Russia, among other countries.»

This book is not merely a scientific statement, but also an action plan, a program for a government that might exist, if people like Sergei Yurevich were able to implement their ideas and proposals.

Victor Ivanter

Chief of Research at the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences

Nothing in this book is boring, that's for sure. Everything that's written here is very interesting, controversial, and inspirational; that is, the book is a success. I think that this is not an accident, because the author is a politician, a political scientist, a statesman and a scholar, and all of this combined. It's all there. How to determine whether or not a scholar is successful? Very simple: if his name is associated with a result, then he is successful. I would say this: Sergei Yurievich and technological orders are quite naturally connected. I looked it up nearly 20 years ago, when I worked for the All-Russian Attestation Commission — there was a lot of papers on technology, and all those papers quoted him. He is held in high regard by the scientific community, and it is a tremendous success and he is expanding his studies. This is my first point

The second point is that the author has pioneered critique of the reform that is taking place in the field of science in Russia. I hope many remember the first professional assessment of the reform which was published in *Nezavisimaya Gazeta* in July or August 1992. Surprisingly, it was written by the person who worked in the government, and I must say that he was very consistent in sticking by all of his original ideas, and, naturally, it is all reflected in these pages.

Mikhail Ershov

Chief Financial Research Director of the Institute of Energy and Finance

What immediately catches one's eye is a combination of deep theoretical foundations and purely applied solutions interconnected with industrial, monetary, financial, fiscal and foreign exchange policies, structural and regional policies, and so on. It is similar to the human body: you cannot treat one organ without understanding the condition of the other, because one organ may cause problems in the others.

As for the relevance of the book, I remember, Sergei Yurievich, how we discussed tax problems at a meeting. We both proposed to reduce VAT as much as possible for it's an obsolete tax instrument which slows down our development. Now our regulators have proposed a VAT increase to fill the gap in the expenditure section of the budget. As a consequence, an increase in VAT, or any other tax, will impede economic growth. It is characteristic of all taxes. The quality of growth will drop, because the main burden of this tax will fall on the value-adding industries. We'll be in trouble since the President's decree has set the task of ensuring growth and simultaneously improving its quality...

I suggest that everyone should read this serious book, if possible. Just set yourself up for a very serious reading, because the book requires reading it with a pencil. I hope that if any of the recommendations set forth in this book are accepted for implementation, our country, our economy will have reasons to hope for more successful solutions to the problems that it has faced for many years.

Boris Titov

The Commissioner for Human Rights under the President of the Russian Federation

Today, Sergei Yuryevich is a representative of the entire direction of not just economic but scientific-economic thought who has persistently, vigorously, and bravely defended his position. His office is located in the Old Square, but he has few supporters. As businessmen, we were forced to intervene in the process of economic research and economic proposals because the things we heard did not correspond to our ideas on how the economy should and can develop.

So we have formed (and we appreciate mentioning our strategy in the book) our view of the Growth Strategy. We thank Sergey Yurievich for his active participation in the preliminary stage of its writing.

Yet, of course, we still do not consider some of the author's points as absolute truth... Today we need to analyze the new technological revolution in a special way, because it is not so simple, not even as simple as the invention of the Internet or the steam engine in the past.

The author criticizes our government, especially the monetary authorities, for copying Western models, but I would not say it is true. In our opinion, it's not. It's our own invention. Our model is based on the fact that we have received serious revenues from oil exports. We don't need to think about income, that is, we lack the main goal. The government has proclaimed the need for building businesses, ensuring development and creating certain conditions, but in fact, it has always pushed for the development of a resource model. And it was very convenient to build a monetary policy which did not allow for unnecessary risks of destroying the balance, because such risks were better avoided.

Mao Enchui

Envoy of the Chinese Embassy in Russia

Sergey Yurievich is a Russian politician, scholar, economist who is well-known in China for his efforts aimed at creating a modern theory of economic development of the Russian Federation and building a development model for Russia, as evidenced once more by the release of his new book

I think that Russia has every condition, every potential for continuous and sustainable economic development. Once the goals have been set — a leap forward and a breakthrough development — we have no doubt these goals will be reached.

Sergei Yurievich is a great friend of China. This is evidenced by the annual meetings with China's expert community. We are very grateful that Academician Glazyev pays much attention to supporting and advancing the decisions made by Chairman Xi Jinping and President Putin to ensure integration between the economic silk road and the Eurasian Economic Union.

НИЗКАЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА

ПРИЧИНЫ И РЕЦЕПТЫ ЛЕЧЕНИЯ

Известная российская проблема — отставание в росте производительности труда. Что, мы действительно неэффективно работаем? С чем это связано? И как зависит экономический рост и качество жизни от роста производительности нашего труда? Есть разные мнения.

СОБЕСЕДНИКИ

*Дмитрий Владимирович Пищальников,
председатель Комитета по эффективному производству,
повышению производительности труда Общероссийской
общественной организации «Опора России», председатель
совета директоров Краснокаменского завода
металлических сеток*

*Георгий Владимирович Остапкович,
директор Центра конъюнктурных исследований
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»*

*Яков Моисеевич Миркин,
заведующий отделом международных рынков капитала
ИМЭМО РАН, д. э. н., профессор*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, директор ИНИР им. С. Ю. Витте,
президент Международного союза экономистов, эксперт
РАН, д. э. н., профессор*

Как оценить реальную производительность?

Бодрунов: Начну с двух простых тезисов. Первый тезис: мы реально здорово отстаем от многих стран, которые выходят на передовой уровень в технологическом развитии, в экономике. Второй: есть мнение, что многие проблемы экономического роста России можно решить только за счет того, что мы сумеем существенно и быстро поднять производительность труда.

Пищальников: Но что такое производительность труда на практике? Это не количество деталей в единицу времени, это слишком упрощенно. Это производство и последующая продажа конкурентоспособной продукции. Я думаю, что это самый правильный подход к оценке и он объясняет это комплексное, большое явление. Мы либо производим конкурентоспособную продукцию, либо нет. А какие товары мы сегодня с вами покупаем? По некоторым данным, до 90% продукции в некоторых отраслях, особенно технологичных, мы просто завозим из-за границы... И вот, не дай бог, полные санкции случатся, так даже памперсы производить мы не сможем сегодня — это просто смешно. Этот вопрос решается на уровне микроэкономики страны.

Сегодня производственные предприятия по сути являются центрами подготовки людей, ведь качество сотрудников, которые приходят на предприятие, очень низкое, как мы можем видеть. Приходит человек молодой, с амбициями, окончил вуз. Он знает таблицу умножения и имеет какое-то отдаленное представление о реальной жизни, и мы вынуждены его переучивать и социализировать, заново должны обучать. Это касается не только специалистов, которые окончили высшие школы, это касается и выпускников профтехучилищ, и ребят после школы. Более-менее готовы работать ребята после армии, там все-таки серьезная школа, которая дает представление о труде.

Остаткович: Конечно, производительность труда — это один из главных факторов роста экономики, роста производства и вообще создания благоприятной экономической ситуации в стране. Если оценивать полностью, есть даже такая терминология — совокупность факторной производительности. Это не просто количество изделий. Адам Смит приводил известный пример в своем бестселлере «Богатство народов» по поводу производства булавок: один человек может за день сделать 20 булавок, но 20 человек, если разбить на 18 функций эту булавку, делают 48 тысяч этих булавок, то есть в 240 раз больше, чем один человек. Организация труда — та же самая производительность, и я считаю одним из основных факторов, из-за которых мы отстаем в производительности труда, очень высокий износ основных фондов. У нас износ основных фондов в целом по экономике где-то порядка 48,5%. А в самой инновационной, в самой производительной отрасли, где работают наиболее квалифицированные кадры в промышленности, — износ больше 50%. Добыча — лидер по износу основных фондов в стране (57%). Две отрасли, которые занимают первые два места, — это добывающая промышленность и здравоохранение. Вы можете представить, что у нас со здравоохранением, если там такой износ фондов? А это отрасль, связанная с людьми. Обработывающая промышленность — 50% износ фондов. Более того, в обработке где-то 25–30% оборудования работает с истекшим по нормативам сроком эксплуатации. На таком оборудовании поднимать производительность труда крайне затруднительно. Низкая производительность — это не из-за того, что у нас люди мало работают...

Бодрунов: Я так понимаю, что речь также не может идти о том, чтобы вместо старого станка поставить новый, такой же точно? Наверное, новый станок должен соответствовать новым требованиям.

Остапкович: Конечно. В совокупную как раз факторную производительность входят именно технологии, именно инновации.

Бодрунов: Когда мы говорим об инновационном прорыве, мы, конечно, подразумеваем в том числе и вот такой способ — убирать амортизированное, ставить новое оборудование.

Остапкович: Совершенно верно, нужно менять парк оборудования, особенно на высокотехнологичных отраслях.

Бодрунов: Иначе мы будем производить то же самое количество булавки, которое производили.

Остапкович: Ну конечно.

О культуре производства

Пищальников: Я не могу с Вами согласиться до конца. Я согласен, что новое оборудование нужно. Но, как первый шаг, и об этом говорит моя практика, самый главный фактор — это низкая производительная культура.

Бодрунов: То есть Вы полагаете, что основная беда больше все-таки в культуре производства?

Пищальников: Об износе основных фондов я знаю не понаслышке: знаю, что такое пожар на предприятии, знаю, что такое сломанный станок, который разлетается в разные стороны по заводу. Но тогда возникает вопрос: а как же так получается, что на новом оборудовании, которое мы привозим, мы выдаем показатели производительности в два раза ниже, чем японцы, или американцы, или те же немцы? То есть оборудование само по себе, оно нужно, безусловно. Но на первом этапе необходимо заняться научной организацией труда.

Бодрунов: Когда мы говорим о современном производственном процессе, то организация производства выступает одним из четырех базовых факторов.

Пищальников: Конечно, научная организация труда, конечно, кадры... Сейчас поступают на производство выпускники или со специальным, или с высшим образованием, которые обладают определенным уровнем знаний, но не обладают компетенциями, не обладают навыками. Он великолепно знает, я условно говорю, арифметику, но

для производства он должен знать, как внедрять свои знания. Вот в чем главная задача сейчас.

Бодрунов: Я думаю, что и управление производством, и управление персоналом, и другие задачи, связанные с организацией самого производственного процесса, — это все входит в большой комплекс организации производства. И если заниматься повышением эффективности в этой части, рост может быть очень большой.

Причина — в алгоритме

Пищальников: В России мы традиционно отстаем. Вопрос производительности труда поднимался Петром Первым, Столыпиным, на всех съездах ЦК КПСС заявлялось, что надо догнать и перегнать по производительности труда. Эта проблема была всегда, и показатели были примерно одинаковые: в два, три, четыре раза догнать по производительности труда. Когда мы говорим так, мы понимаем, что проблема есть, но непонятно, как ее решить. Есть в этом клубке задач самая главная проблема, с которой нужно начинать. Мы вынуждены были заняться разработкой программы по производительности труда.

Бодрунов: Вы, Дмитрий Владимирович, — один из разработчиков программы «Опоры России» по повышению производительности труда и росту экономики...

Пищальников: Она разработана совместно с общественным объединением по повышению производительности труда, прошла оценку в РАН. Было исследовано более 600 предприятий в современной России, которые повышали производительность труда в течение 15 лет в 2, 3, 4 раза. Оказалось, что главное звено кроется в нашей низкой производительной культуре. Что такое культура? Это всего лишь алгоритм принятия решений человеком. Как он приходит на работу, во сколько, как он относится к начальнику, как он относится к своим подчиненным, к своей работе.

Бодрунов: К перекурам.

Пищальников: К перекурам, к станку. И за счет регламентации работы, исходя из практики, на старом оборудовании можно повысить производительность труда от 30 до 200% за счет своевременной наладки, за счет своевременной подачи материалов, за счет своевременного обслуживания трансформаторов.

Причины, почему старое оборудование не работает,

могут быть разными, в том числе люди, которые бьют себя в грудь и говорят, что 30 лет на заводе работают, а сами ничего не знают толком, кроме двух операций. Когда мы открываем инструкцию станка, то выясняем, что он не знает, как переналадку правильно делать. Доказательством этому служит тот факт, что на многих предприятиях Европы станки стоят 1956 года, 1972 года. Даже «Тойота» говорит, что, если есть станок, который не нужно модернизировать и заменять, какой смысл это делать?

Бодрунов: У меня был опыт работы директором одного из холдингов, и до этого директором завода, и в нижестоящих звеньях управленческой пирамиды я тоже поучаствовал в более молодом возрасте. Могу согласиться, что очень часто причиной была вот эта так называемая бесхозяйственность, безалаберность в организации работы, необязательность в выполнении. Как только начинали наводить элементарный порядок, производительность труда росла, и причем росла иногда действительно на десятки процентов, а может, и в разы. Другое дело, что одними такими мерами нельзя добиться всего. Все равно надо рано или поздно заниматься, конечно, выборочно, селективно, если вы разумный предприниматель, руководитель по производству, заменой оборудования.

Пищальников: Совершенно верно, самое слабое звено.

Бодрунов: Но это тоже входит в организационную часть, потому что вы должны сначала посмотреть, оценить состояние, разобраться. При этом понятно, что надо ориентироваться не на общие показатели и все подряд менять — так не должно быть.

Пищальников: Есть несколько тезисов, которые я бы хотел сегодня подчеркнуть: только эффективное предприятие может быть честным, только эффективным предприятиям нужно помогать и поддерживать их, и только эффективные предприятия способны к инновациям.

Миркин: У нас очень неблагоприятные условия в кредите, в проценте, валютном курсе. Это во многом — экономика наказания, где правила растут по экспоненте. Производительность труда — это тогда, когда вместо асфальтового полотна, из-под которого выбиваются немногие, наоборот, животворная почва, когда все, кто готов работать, иницируют новые идеи, новые проекты и автоматически получают поддержку, и не только тогда, когда они находятся в крупных, очень крупных образованиях, очень крупных компаниях. Вот в этом супе из среднего

и малого бизнеса, из стартапов, животворном бульоне растет производительность, тогда мы незамедлительно, очень быстро начнем решать эту задачу.

Бодрунов: А ваше мнение?

Остапкович: Ни в коем случае не надо помогать эффективным предприятиям. Эффективные предприятия — они и так эффективны. Вы тогда снижаете конкуренцию. Помогать надо среднему ряду и даже нижнему ряду, чтобы выводить их на уровень эффективности. Эффективным можно дать заказы и т. п. Но не дай бог напрямую деньгами помогать точке роста. Мы это уже проходили. Эффективные предприятия все равно не спасут всю экономику. Экономика должна диверсифицироваться и расширяться.

Асфальт для бизнеса

Остапкович: Я полностью согласен с мнением господина Миркина. И мы пока не затронули административные барьеры. Это же какой-то караул!

Бодрунов: Да, это общая болевая точка — то, о чем сказал Яков Моисеевич, тот самый асфальт, который закатывает бизнес.

Остапкович: Дело даже не в асфальте. За последние 4–5 лет мы с того места в рейтинге Doing Business перешли на 35-е. Прекрасно. Но есть, например, такая позиция, как получение разрешения на строительство.

Бодрунов: Я об этом, собственно, и говорю.

Остапкович: Мы — на 115-м месте, ниже нас — Белиз, мы — чуть-чуть выше Гватемалы. 240 дней нужно, чтобы получить разрешение в среднем. Ну почему Южная Корея 37 дней тратит, Грузия — 60 дней?

Бодрунов: Почему?

Остапкович: Это и вопрос к административным барьерам. Значит, есть люди, которые заинтересованы в подобном. Вы представляете, что такое 240 дней? Это сметная стоимость строительства меняется, это ценовые расклады меняются.

Бодрунов: Естественно, рынок меняется.

Остапкович: Рынок меняется, заказчики, подрядчики могут сменить, банки лопнуть, как они у нас сейчас.

Пищальников: Ну, мы так с вами никогда приоритета не выберем. Что бы я хотел сказать про нашу административную систему: ни «Тойоте», ни «Мерседесу», ни «Киа» это не мешает работать здесь эффективно.

ИЗ БИБЛИОТЕКИ ВЭО РОССИИ

«Заряженные на результат. Культура высокой эффективности на практике»

Нил Доши, Линдси Макгрегор. М.: 2017

Опираясь на исследования в области психологии, авторы показывают, что ключ к успеху в бизнесе — высокоэффективная корпоративная культура. Авторы доказывают, что вдохновляющая культура не возникает из ниоткуда: она опирается на научные методы. Из книги вы узнаете, как выстроить в компании культуру с нуля, как оценить нынешнюю культуру и какие изменения внести, если она испытывает трудности.

Бодрунов: Кстати, в той самой «Тойоте» говорят, что надо сначала научиться делать не машины, а людей, а потом машины.

Пищальников: Это верно, но мы говорим про административный фактор. То есть они заходят, спокойно работают и говорят: «Ну да, у вас есть такая специфика, ну да, 240 дней на строительство, ну, мы сидим, спокойно ждем, закладываем в бюджет два года. А потом, когда получаем разрешение, все остальные затраты формируем». Это очень важно для наших предпринимателей. Те, кто вырос за 100 лет, — международные монстры, вообще никаких проблем не испытывают. Я считаю, это не самое главное — административные барьеры можно отрегулировать. Но если вы начнете сейчас реформировать те более 2 миллионов регулирующих воздействий, которые существуют, то, во-первых, мы столкнемся с сопротивлением, во-вторых, это выльется во временные, денежные затраты. Это, конечно, нужно делать, но у нас другая проблема — денег в бюджете не хватает, нам нужно наполнять бюджет, поэтому в первую очередь необходимо создавать добавленную стоимость, увеличивать поступления в бюджет, увеличивать зарплату. Что такое рост производительности труда? Это в первую очередь рост добавленной стоимости, поступление денег, рост заработной платы.

Остапкович: Я общаюсь часто с предпринимателями, причем разного уровня — малых предприятий, средних предприятий, крупных. Спрашиваю: «Ребята, какой вот вам нужен самый главный маневр, чтобы у вас производительность труда выросла, что вас лимитирует?» Думаю, сейчас скажут: высокое налогообложение, недостаточный спрос, нехватка оборудования. Но из десяти восемь человек говорят: «Установите жесткие и продолжительные правила игры».

От спроса — к предложению

Остапкович: Перед нами сейчас — очень опасный перекресток. Весь мир и мы вместе с ним вступаем в четвертую промышленную революцию, входим в цифровую эпоху. Но вот проблема в чем: будут меняться не только профессии, но и виды деятельности.

Бодрунов: Многие уйдут в прошлое.

Остапкович: Потребуется компетенции. Повысится поляризация между низкоквалифицированным и высококвалифицированным трудом. Усилится неравенство в доходах, хочешь ты этого или не хочешь. Возникнет масса проблем. Плюс мы попадаем сейчас в демографическую яму. Можно как угодно к этому относиться, но вот для той же отрасли инновационной и производительной промышленности будет сокращаться численность высокообразованных людей в возрасте от 28 до 52 лет — это самый инновационный, производительный возраст. К чему я подвожу: нужно менять в принципе модель экономики, уходить от экономики спроса на углеводород и переходить на предложение продукции с высокой добавленной стоимостью, высокой степенью передела...

Бодрунов: Хотите верьте, хотите нет, как в известной кинокомедии, но ровно 10 лет назад я публиковал статью, которая называлась «От экономики спроса к экономике предложения». Прошло 10 лет, и мы говорим о том же самом. Модель надо действительно менять. Я думаю, что, когда мы говорим о специальных мерах поддержки государства для развития производительности труда, все позиции, которые мы сегодня называли, — от организации производства до мотивации персонала — должны найти отражение в комплексных документах...

LOW PRODUCTIVITY OF LABOR CAUSES AND REMEDIES

Russia's well-known problem is that it lags behind in terms of labor productivity. Are we really that inefficient? What's the reason? And how does economic growth and quality of life depend on the growth of our productivity? Opinions differ.

PANELISTS:

Dmitry Vladimirovich Pishchalnikov,
Chairman of the Committee for Efficient Production and Performance Improvement of the All-Russian non-government organization Opora Rossii, Chairman of the Management Board of the Krasnokamensk Metal Mesh Works

Georgi Vladimirovich Ostapkovich,
Director of the Center for Market Research of the National Research University at the High School of Economics

Sergei Dmitrievich Bodrunov,
President of the FES of Russia, Director of the S.Yu. Witte Institute of New Industrial Development, Doctor of Economics, Professor

How to assess the actual performance?

Bodrunov: Let me start with two simple points. The first point: we are indeed lagging behind many countries that have reached an advanced level of technological development. Second, it is believed that many of the problems of Russia's economic growth can only be solved if we are able to significantly and quickly increase productivity.

Pishchalnikov: But what does labor productivity mean in practice? It's not the number of items produced per unit of time, it's too simplistic. What it means is the ability to produce and subsequently sell competitive products. I think it is the most proper approach to providing an explanation for this complex and important phenomenon. We either produce competitive products or we don't. And what kind of products are we buying today? According to certain estimates, up to 90% of produced goods in some sectors, especially high tech ones, are simply imported from abroad... And if, god forbid, any new sanctions are imposed, we won't even be able to produce diapers on our own, it's just ridiculous! This issue can be solved at the microeconomic level.

Currently, industrial enterprises are actually serving as training centers, obviously because workers hired by the enterprise have very poor skills. Say, a company hires a young and ambitious man who has just graduated from a university. He knows the multiplication table and has some remote understanding of the real world. So he should be re-trained and taught social skills. This doesn't only apply to university graduates, it also applies to vocational school and high school graduates. Those who served in the army are better skilled, the army taught them a lot.

Ostapkovich: Of course, labor productivity is one of the most important factors of economic growth, production growth and, generally, of creating a favorable economic environment in the country. For the complete evaluation, there's a term, total-factor productivity. It's not just the quantity of products. In his best-selling book "The Wealth of Nations" Adam Smith gave a famous example about the making of pins: an individual can make 20 pins a day, but 20 people, if they divide their labor into 18 functions, can make 48 thousand pins, 240 times more than a single person. Organization of labor is the same thing as productivity, and I think one of the main factors of our lagging behind in labor productivity is a very high rate of depreciation on fixed assets. For our economy in general, the rate of depreciation is approximately 48.5%. It is even higher, over 50%, in the most advanced and productive sector, where the

most qualified personnel is employed. The mining sector is the county's leader in the wear and tear of fixed assets (57%). Mining and health care are the two industries which are at the top of the list. Can you even imagine the situation in health care with such a depreciation rate? And health care is about people. The processing sector's depreciation rate is 50%. Moreover, 25-30% of equipment in the processing sector is past end-of-life. It is extremely difficult to increase productivity on such equipment. Low productivity is not caused by people doing less work...

Bodrunov: I understand you can't just replace an old piece of equipment with a new one which is exactly the same as the old one? Most likely, the new machine must meet new requirements.

Ostapkovich: Of course. Total-factor productivity includes technologies, or innovations, to be more precise.

Bodrunov: When we talk about an innovational breakthrough, we, of course, also mean replacing depreciated equipment with new equipment.

Ostapkovich: That's right, you need to change all of the equipment, especially in high-tech industries.

Bodrunov: Otherwise, we will be producing the same number of pins we have been producing.

Ostapkovich: Of course.

Production culture

Pishchalnikov: I cannot fully agree with you. I agree that new equipment is necessary. But only as a first step, as my practical experience suggests. The main factor is the low level of productivity culture.

Bodrunov: So you believe the main trouble is a lack of production culture?

Pishchalnikov: I know firsthand about depreciation on fixed assets, I know what a fire at the factory is, I know what a broken machine is and how it explodes in all directions all over the factory floor. And then there is the question: how is it possible that our productivity on new equipment is half that of the Japanese or Americans, or Germans? The equipment itself is important, of course. But first of all it is necessary to ensure scientific organization of labor.

Bodrunov: When we talk about the modern production process, the organization of production is one of the four basic factors.

Pishalnikov: Yes, scientific organization of labor, and staffing... Currently, we are hiring university or high school graduates who possess a certain level of knowledge but lack competence or skills. Figuratively speaking, they know arithmetic pretty well, but in order to work in production they must learn how to implement their knowledge. Today, that is the main task.

Bodrunov: I think that production management, personnel management, and other tasks related to the organization of the production process are all part of a vast system of production organization. And if you approach the problem of efficiency from that direction, the effect can be quite substantial.

В РАЗВИТИЕ ТЕМЫ

СОБЕСЕДНИКИ

**Сергей
Дмитриевич
Бодрунов**

*Президент Вольного
экономического
общества России,
директор Института
нового
индустриального
развития (ИНИР)
им. С.Ю. Витте,
президент
Международного союза
экономистов, эксперт
РАН, д. э. н., профессор*

**Александр
Владимирович
Бузгалин**

*Руководитель Центра
социоэкономики
кафедры
политической
экономики МГУ им.
М.В. Ломоносова,
заслуженный деятель
высшего образования
Российской Федерации,
д. э. н., профессор*

«Ускорение ускорения» В НОВОМ ИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ

Если мы сконцентрируемся на переходе к информационным технологиям при правильной промышленной политике, в том числе — в расстановке правильных инвестиционных приоритетов для бизнеса, то деньги активнее пойдут от инвесторов. Если новая экономическая модель примет в качестве основы переход к новому индустриальному обществу следующего поколения, мы получим первый эффект за 5–7 лет, а, возможно, и быстрее.

Бузгалин: Сергей Дмитриевич, Вы предложили очень интересную гипотезу, которая, на мой взгляд, даже не гипотеза, а теория, показывающая возможность перехода к новому технологическому укладу без увеличения, скорее даже — с сокращением, я бы сказал, удельных издержек на решение тех или других экономических проблем.

Бодрунов: Идея, которая лежит в основе, — я не скажу, что теории или концепции, а скорее — некоторого аспекта, некоторого следствия из общей концептуальной платформы нового индустриального общества второго поколения — это некое теоретико-практическое предложение, которое может иметь важный практический смысл и теоретическую подоснову для тех решений, которые надо принимать для того, чтобы разогнать российскую экономику. Что я имею в виду?

До настоящего времени всякий переход на новый технологический уклад сопровождался значительным удорожанием применяемых технологий, это существенно тормозило его приход в экономику, поскольку требовало предварительного накопления необходимых ресурсов для инвестиций, того «излишка», который можно было бы направить на новые технологии. Это было связано с превалирующей долей материальной части в технологиях предыдущих укладов, а «материальная» часть априори более дорогостоящая, чем «знаниевая». Кроме того, в отличие от последней, материальная часть нетиражируема, «неразмножаема» и требует при реализации всякий раз (в любой единице технологического оборудования) затрат на вовлечение/использование материалов, тогда как «знаниевая» часть, однажды «придуманная», может быть без особо весомых дополнительных затрат использована многократно, да еще и, в силу природы знания (содержащегося в каждой «порции» знания всякий раз большего знания, чем конкретное, отвечающее на конкретный запрос исследователя), в разных вариантах применения. Я бы назвал это свой-

ство вариативностью знания; так вот — вариативность знания существенно выше вариативности материального предмета.

Далее: переход к любому новому техноукладу происходил и происходит быстрее, чем к предыдущему. Причина этого — непрерывный рост «знаниевой» части последующего уклада в сравнении с предыдущим.

Именно отсюда — провозглашенное нами «ускорение ускорения»!

Нынешний же переход к новоукладным технологиям — в резкое, принципиальное отличие от предыдущих — сопровождается (впервые!) превалированием в новых технологиях знания.

Отсюда — еще два следствия.

Первое — более ускоренный, чем ранее, похожий на взрывной, переход на новый техноуклад («новая индустриальная/технологическая революция»).

Второе — удешевление, а не удорожание «относительных затрат» общества на переход к новому укладу.

О втором надо сказать подробнее.

Если исходить из того, что

а) новое индустриальное общество базируется на технологическом укладе, где знаниеемкие технологии являются превалирующими и основными, то надо понимать, что переход к новому технологическому укладу повлечет за собой расширение (в качестве базовых) тех технологий, которые имеют в основе «знания» и «емкость», имплементируя воплощенные определенные технологические решения. Если мы понимаем, что такие технологические решения — это в основном цифровые решения, инфокогнитивного характера, то они, эти технологические решения, являясь базовыми, сформируют определенное пространство в новом технологическом укладе и станут его основой (ядром). В этом смысле надо посмотреть, что собой представляет с точки зрения затратности переход к новым технологиям, к такого рода технологиям;

и б): когда я в ИНИРе в свое время ставил вопрос о реиндустриализации российской экономики на новой технологической основе, я, естественно, предполагал, что в качестве такой основы будут выступать (более!) высокие технологии, технологии следующего уровня знаниеемкости. Сегодня их называют «высокими технологиями». Высокие технологии — это в том числе те технологии, которые входят в тот самый сектор NBIC-технологий, о котором только сейчас стало модно говорить. Интегрированные в нем и так далее. А сейчас уже все говорят, и, наверное, это правильно, — интегрированные на единой цифровой платформе. То есть основа, «инфочасть» — она в себя включит и остальные компоненты. Далее «инфо» станет, по крайней

мере, и той почвой, на которой будет все остальное расти, и в то же время подспорьем, «подпоркой», за которую будут цепляться ростки всех остальных технологий. То есть — создаваться такое «заплетенное» на информации пространство.

Бузгалин: Почвой механизма интеграции?

Бодрунов: Да. Будет расти такой естественный механизм интеграции, механизм формирования основания.

Когда года три тому назад я делал доклад в Вольном экономическом обществе России, мне коллеги задавали вопрос: «Вы знаете, на это же надо большие деньги, чтобы фактически бросить то, что уже есть, существующую технологическую базу, хотя она, конечно, рано или поздно должна будет как-то уйти. Но ведь, чтобы создать новую технологическую базу, необходимы огромные деньги!» Таким был один из главных контраргументов.

Я в то время еще не формулировал ответ на этот вопрос так, как сейчас хочу сформулировать, а отвечал, раскрывая, образно говоря, часть решения: «Будет сильная устойчивая экономика — будут ресурсы для перехода к следующему этапу».

Это — правда.

Но — не вся.

То есть я полагал, что так отвечать можно тогда, когда в стране принималось принципиально решение: мы все-таки идем на реиндустриализацию, и она становится основой новой экономической модели, а идея реиндустриализации используется в качестве того, на чем строятся вообще все экономические решения — или нет? Иными словами, я предполагал, и это, мне кажется, справедливо и не противоречит тому, что я скажу далее, но что не оттолкнет реципиентов моих мыслей от идеи перехода к НИО.2, — что сначала надо стабилизировать экономику, обеспечить ее устойчивость, предложить разные рецепты в рамках реиндустриализационной модели и прочее и потом дальше двигаться к новому технологическому этапу.

Прошло несколько лет.

Мы, во-первых, прошли в целом некую кризисную историю и получили все-таки некую устойчивость экономической ситуации в стране.

Во-вторых, этот опыт и мне оказался полезен — для переосмысления, что называется, порядка действий. Я сегодня не столь сильно убежден в том, что надо добиваться «твердой» устойчивости экономики сначала, а потом начинать движение к новым технологиям. Я сейчас гораздо более убежден в том, что надо двигаться параллельно, по

возможности — даже опережая, с точки зрения технологического развития. Потому что...

Бузгалин: ...это новые технологии...

Бодрунов: ...они, первое, тоже придают, если смотреть интегрально, больше устойчивости экономике. Почему?

Потому что, второе, понятно: если все будет совсем хаотично, неустойчиво, если будет неразвивающаяся экономика, то никакие технологии не помогут.

Но — третье — при том уровне сегодняшнего состояния экономики России, которое уже имеется, можно говорить и о том, что нам необходим конкретно: приоритет — именно, так сказать, приоритет — тех технологий, которые будут выводить вперед.

Четвертое: какие это технологии? Я имею некоторый интересный анализ, ИНИРовский и из других источников, который сделан по разным материалам, на основе работ великих и не очень великих ученых, которые исследуют разным образом отношение, так скажем, общества к новым технологиям. Точнее — отношение к новым технологиям той части общества, которая в них заинтересована, — либо это реципиенты этих технологий в качестве конечных потребителей, либо реципиенты в качестве бизнеса, который использует эти технологии, либо те люди, которые управляют созданием технологий, — конструкторы, инженеры и так далее и тому подобное (то есть разные страты, «завязанные» так или иначе на технологии).

Итак, имеется анализ их представлений о приоритетных технологических решениях на «сейчас» и на перспективу. Мне кажется, плодотворным будет следующий подход для оценки прорывности или нужности этих технологий. Они, эти страты, формируют представления общества в целом: какие технологии сейчас важнее и быстрее всего движутся.

Здесь тот самый клятый рынок очень многое может подсказать. Почему? Потому что формируется общественный запрос на конкретные технологии. И понятно, что какие-то вещи могут «стрелять» и дальше, может быть, они более прорывны, стреляют чуть дальше, но они не осознаны пока обществом, потому что есть в умах этот момент использования потребности в технологиях, в каких-то вещах, пусть даже напрямую не сказано, что в технологиях, в новых применениях каких-то и так далее. Эти потребности, нынешние и перспективные, и формируют общественный спрос на то, что будет идти вперед, то есть «прорывать», тащить остальное одеяло экономики за собой.

Вот почему плодотворным представляется подход, когда мы берем и делаем, условно говоря, опрос или смотрим: «Кто чем занимается? В каких процентах, долях?» Существует уже — я искал, порылся — такого рода статистика, которая нарабатывается общественными исследовательскими центрами. И там действительно по всем параметрам впереди идут некоторые, и в первую очередь — эти «ядерные» (входящие в ядро грядущего уклада) технологии. Приоритетно — инфокоммуникативно-когнитивные, если их так комплексно обозвать (ранее был термин ИКТ, инфокоммуникативные технологии, сейчас я настаиваю на другой аббревиатуре — ИККТ). На единой «цифровой» платформе. Именно ими больше интересуется общество, ими больше интересуются инженеры, ими больше интересуются домохозяйки, «работники и рабы». То есть — все, кто задействован так или иначе в процессе, ими интересуются больше, чем другими вещами. Далее идут, так сказать, по убывающей — энергетика, электроника и прочее.

Это, с одной стороны, подтверждает наше предположение, что в новом индустриальном обществе, в новом техническом укладе, который станет основой для перехода к новому индустриальному обществу, будут превалировать именно эти ИККТ. С другой стороны, это показывает нам направление, условно говоря, главного удара при этой самой цифровизации.

Что еще — пятое? Важно — что? Когда мы говорим о знаниеемкости этих технологий, мы понимаем, что информационные технологии, да и в целом ИККТ, — наиболее знаниеемкие. Да, там есть, конечно, не только, условно, софт, там есть и хард, там есть и «железо», и оборудование под конкретное программное обеспечение, и прочее. Но с точки зрения знаниеемкости и насыщенности тем, что не связано с чисто материальной основой, — они гораздо выше, на несколько порядков выше, чем другие технологии, где требуются все-таки в приличном количестве материалы... Да, знания нужны, условно говоря, и при формировании сплава какого-нибудь, где знаний тоже много, но — там и материала много. При общем падении (помните, у меня было в предыдущих работах?) материалоемкости в продукте...

Бузгалин: И фондоемкости...

Бодрунов: Да, фондоемкости, соответственно, капиталоемкости, но в материальной части, материалоемкости, при этом мы получаем в продукте не просто увеличение доли знаниевой части, повышение знаниеемкости, а некую его информационную составляющую, я бы так сказал. Если

мы понимаем смысл информации, ее сущностные черты, о чем и я, и многие уже писали, то понятно, что информация, как сублимированное, вытащенное из подсознания знание, превращаемое путем определенных манипуляций в чистую информацию, — оно не имеет такой затратности на условную единицу применения, которая требуется для применения материальных ресурсов, то есть материальной части, материального наполнения.

Таким образом, мы можем начать реиндустриализацию сразу на новой технологической основе, не откладывая, и принимая в качестве основы эти самые прорывные технологии — в той части, в которой можно отследить, какие для нас будут важны технологии, куда люди понесут свои деньги, где они будут этим пользоваться. Более того, сам этот процесс «пользования» даст деньги в эту отрасль, суботрасль. Именно эти направления можно было бы поддержать институтами государства, частно-государственным партнерством, налоговой системой, чем угодно. В случае перехода к новым технологиям такого рода государственные затраты, бюджетные затраты будут неизмеримо меньшими, чем если бы это был бы переход не к таким технологиям, а к технологиям предыдущего уклада.

Я вообще готов сделать более радикальный вывод: новый технологический уклад, который формируется сейчас, — он будет впервые, наверное, среди всех укладов, которые были ранее, «сделан» «дешевле» по отношению к «обобщенному» продукту уклада, чем во всех остальных, предыдущих укладах; меньше будет стоимость затрат на единицу продукта, который даст по итогам этот уклад в сравнении с предыдущими. Почему? Потому что его основу составляют те технологии, которые гораздо дешевле, — в силу показанных выше причин.

Отсюда вытекает еще один вывод. Нам говорят: для перехода к цифровым технологиям, к новому технологическому укладу, развитию на базе таких технологий и так далее нужны колоссальные деньги, и поэтому мы не сможем это сделать. На это я отвечаю: мы в состоянии перейти к цифровой, инфокоммуникативной, ИККТ-экономике — по той хотя бы причине, что на самом деле таких гигантских затрат это не потребует. Именно затрат бюджетных, государственных. Особенно при разумной промышленной политике...

Бузгалин: Это очень важно.

Бодрунов: Да, но это нюанс.

Дело в том, что можно по-разному оценивать разумность политики.

Давайте отойдем от преимущественно теоретических

размышлений и посмотрим на практические задачи, встающие перед экономической политикой в нашей стране в контексте сделанных ранее выводов. Я думаю, это можно обозначить как вторую часть нашего коллоквиума.

Вот если отвлечься немножко, так сказать. Мы всегда работаем в рамках своих возможностей, так? Но при переходе к новым технологиям возможности на самом деле шире, они — реально шире. Причем «ширина» этого «коридора возможностей», как часто говорят, такова, что мы можем спокойно, абсолютно разумно, если действовать, перейти в новый технологический уклад теми ресурсами, которые сегодня у нас имеются. И это первое.

Второе: мы можем не просто перейти, обогнав (если помните «Стратегию опережающего развития» Глазьева, я тоже об этом частично писал — что, когда идет переход от одного уклада к другому, мы можем обойти, перешагнуть предыдущие уклады и обойти в технологическом и экономическом развитии их носителей).

России не надо переходить на пятый уклад, а можно (и нужно!) сразу идти в шестой. Почему? Потому что это будет и дешевле, и быстрее. И это еще один, так скажем, довесок, немалая гирька на эти весы — в пользу того, что мы сумеем быстрее, качественнее и лучше, с большими силами перейти на новый технологический уклад, обойдя многие другие страны.

В этом смысле мне представляется, что наша концепция нового индустриального общества второго поколения не только дает ответ на вопрос, каким будет новое индустриальное общество, но и указывает нам на то, что практически перейти к нему, во-первых, можно. Во-вторых, для этого не нужны сверхгигантские, неподъемные для нас усилия. В-третьих, у нас есть, принимая вышесказанное как некую оценку условий и закономерностей перехода (именно — современного!), достаточные материальные, финансовые и прочие ресурсы для того, чтобы к этому приступить и это сделать. И четвертое, остается только сформировать правильную промышленную политику. Вот, собственно говоря, главное, что я хотел бы в этом диалоге сформулировать.

Бузгалин: Это очень важные положения. Я думаю, эти выводы и их обоснование должны быть обязательно опубликованы в серьезных изданиях... Но я бы добавил еще одну мысль, которую мы с Вами ранее обсуждали, а именно — о том, что, как хорошо известно, информационные технологии обладают свойством распределения издержек, поэтому они намного дешевле.

Бодрунов: Да, это предполагается само собой.

Бузгалин: Но это надо проговорить все-таки и для этого материала.

Бодрунов: Можно проговорить, напомнить, что ли. Хотя я это описал еще в своей первой кандидатской диссертации. Какой там был год, уже забыл? Я, кажется, в 1978 году начал писать диссертацию. Это известнейшая вещь, что информация «размножается»... я кучу свойств информации в свое время описал — в том числе, что, к примеру, даже если иметь в виду ее материальные носители, и цена их — зачастую ничто по сравнению с ценностью самой информации, то и при этом затраты на стоимость информационного файла или единицы информации, масштабируясь, приобретают практически нулевую величину, а цена диска с такой информацией будет приближаться к цене материального носителя плюс затраты на копирование/обработку (хотя вся реальная основная ценность такого продукта — в его инфосоставляющей, в знаниевой компоненте).

Почему я говорю, что знаниеемкие технологии, или технологии, сублимированные в информационную реализацию, как раз и будут удешевляться? Именно по этой причине, по причине свойства самой информации... Вы правы: я напрасно не сказал это сейчас, упустил. Но я предполагаю, что это все понятно.

Бузгалин: То, что очевидно Вам, не всегда очевидно другим, надо это помнить.

Бодрунов: Исходя из фундаментальных свойств информации как феномена, можно говорить о том, что цена единицы информации, уточню — размер затрат на эту единицу, стремится к нулю при увеличении количества потребителей этой информации. Понятно, что, когда мы увеличиваем количество потребителей, переходя к новому укладу, а потребителей становится в разы и даже на порядки больше, потому что станет «всем это надо», тогда это может дать колоссальные доходы без увеличения затрат.

Бузгалин: Одно соображение «по ходу»: думаю, надо напомнить, что порядок — это не в 2–3, а в 10 раз больше. Иногда и наша грамотная публика не очень понимает, что означают определенные слова, пришедшие в обиходную речь из математики или других наук.

Бодрунов: Естественно, да, может, стоит учесть. При том, что в 10 — для десятичной системы счисления.

А по теме... В этом смысле то обстоятельство, что мы можем относительно дешево решать вопросы, когда нач-

нем их масштабировать (к примеру, через решение инфраструктурных задач, массовое внедрение через ИККТ, находить по необходимости/потребности все новые технологические решения) — это придаст нам больше сил, больше ускорения.

Еще один важный аспект, свойство информации — кажется, это стоит подчеркнуть, если мы заговорили об этом — это уникальность «применения по месту». То есть, когда мы создаем некий продукт, он всегда — уникальный. Хотя мы, исходя из неких представлений о «стандарте», например, говорим: типовая чашка — одна, вторая, третья. Но если внимательно посмотреть, она не совсем типовая, в каждой есть особенность. Там щербинка, тут рисунок не такой и что-то еще. Но при этом различия материального продукта можно свести к минимуму, некоему «стандарту», образцу. При том что все равно будут некоторые, незначительные в рамках стандарта, индивидуальные отличия. Информация же имеет гораздо больше возможностей индивидуализации. Несмотря на «общность», идентичность двух квантов ее любого информационного блока, файла и единицы, она может быть уникальна даже «по месту», способу своего применения, по приложению. То есть давать разный продукт. Не буду приводить примеры, понятно, о чем речь идет.

В результате у нас открываются не только колоссальные возможности по количественному переходу, но и — по качественному. То есть качественно видим иную ситуацию — уникальные, индивидуализированные продукты растут, при том что в основе своей тиражируются. Да, это тоже особенность, которой невозможно добиться в «качественном количестве» при других технологических укладах, в продуктах технологического уклада. А здесь — да.

Бузгалин: То есть не просто одновременно стоимость производства и тиражирования стремится к нулю, но при «тиражировании» еще и создаются уникальные объекты?

Бодрунов: Да, и в этом — «тайна» важнейшего аспекта перехода и к технологиям НИО.2, и к самому НИО.2 — перехода к массовой индивидуализации продукта для удовлетворения растущих индивидуальных потребностей, а не к стандартизации, типизации продукта, как это было (в качестве одного из главных достижений) в эпоху изобретения и внедрения индустриального способа производства, массового производства однотипных индустриальных продуктов. В этом — еще одно важное отличие новоиндустриального типа производства в эпоху НИО.2. Мы уже видим повсеместно тенденцию, противоположную традиционному индустриальному типу производства, — тогда шел переход от индивидуального продукта к типово-

му, массовому, сейчас — при возросших индустриальных (за счет роста знаниеемкости!) возможностях мы можем позволить себе удовлетворять потребность человека в индивидуальном продукте. И ранее я пояснил, откуда это берется, следствием чего является. Когда мы говорим о том, что информационные технологии и вообще технологии следующего уклада в целом приведут к НИО.2, а дальше — к НОО и к ноономике (экономику НИО.2 ноономика расширяет, дополняет и затем заменяет), мы говорим на самом деле о том, что продукт будет дешев, продукты будут «ничего не стоить», то есть мы говорим о переходе к неэкономической хозяйственной деятельности. При переходе к ноономике ничего не будет стоить ничего и все будет стоить ничего. Именно по той причине, что информационные технологии этого уклада проникают все дальше и дальше вглубь, в основу процесса по всем направлениям — в производство, труд, материалы. Они будут проникать везде, наполнять этим «ничего не стоящим» (с точки зрения усилий по его «добыче» со стороны пользователя, потребителя) компонентом весь производственный процесс и, соответственно, продукт. Потому что информационные технологии с относительно небольшой «материальной частью» под названием «робот» через какое-то время будут производить все... Да, там будет какая-то материальная часть, но для нас то, что он будет производить, но только для нас — это будет чисто потребительское благо, которое не имеет цены, потому что это не участвует в обмене и не имеет эквивалента. Производственная система «отделится» от общества.

Бузгалин: Это очень существенные моменты.

Возвращаюсь к прагматике сегодняшнего дня. Вы очень справедливо сделали акцент на промышленной политике, и есть еще один аспект, который, я думаю, важно затронуть. В «производстве знаний» главная роль принадлежит человеку и его творческим способностям. Если главный «ресурс» развития — человек и его творческие способности, то формирование творческих способностей человека — это, с одной стороны, может быть достаточно затратный процесс, а с другой стороны, он, видимо, может быть организован так, чтобы не быть затратным...

Бодрунов: В будущем НОО не будет затратным ничего, потому что не будет «трат».

Бузгалин: Если сегодня мы начинаем переход, то, видимо, один из ключевых вопросов — это формирование массового креативного класса, причём...

Бодрунов: Репарка: Вы знаете, как негативно я отношусь к терминологической несурразице под названием «производство знаний», мы это уже как-то обсуждали. По сути — о творчестве и роли человека: я не только не возражаю, я бы полностью это поддержал. Почему? Потому что, когда мы задаем вопрос о постепенном переходе к новому укладу, мы видим, что изменяется характер труда как компоненты производственного процесса; эта часть производственного процесса будет заменена. Характер труда меняется — мобильность повышается, пятое, десятое. Растет в нем интегрально-творческая компонента.

Но в конечном счете все придет к тому, что человек либо должен будет постоянно переучиваться в творческом процессе (при том, что и учеба — это творческий процесс), либо он не будет ничем заниматься. Ничем не будет заниматься — такого не может быть по определению. Потому что человек — творец, что называется — создан по образу и подобию Божию как творец. Соответственно, как творец, как творец-созидатель на первых этапах новых идей, продуктов, в дальнейшем — созидатель каких-то творческих вещей, образцов культуры, еще чего такого. В конечном счете он не остановится и на этом и начнет созидать самого себя, свой мозг, свой интеллект, свои знания и прочее. То есть уйдет дальше.

На каждом из этих этапов потребуются все более и более творчески мыслящие люди. Продукт, «главный продукт» в этом плане в новом индустриальном обществе, как провозвестник перехода к новому обществу, к НОО, — это творческий человек. Вот это — главный продукт нового индустриального общества. Не материальный продукт, а именно творческий человек. Почему? Потому что основной продукт нового индустриального общества второго поколения — это творческий продукт, а творец — это человек. Человек, создающий творческий продукт. Сиречь — творец.

Я еще раз твердо настаиваю на том, что роботы, искусственный интеллект — они не могут творить, как человек. Они созданы по образу и подобию человека — внешне, если можно так сказать, а человек — по образу и подобию Творца. При этом роботы могут создавать какие-то вещи по заданному алгоритму, могут создавать алгоритм по алгоритму. Но творческий процесс, видимо, все-таки нечто иное, его никто не описал. Математическими формулами, алгеброй... Но сам по себе творческий процесс, его тайна — нераскрываема. Непроверяема эта «гармония» «алгеброй». Это — что-то такое, «из небесных сфер», что называется, дано нам свыше. Соответственно, такие вещи запрограммировать невозможно. Потому что те вещи, который человек изобретает в процессе работы, в процессе жизни, они никак не могут быть детерминированы, определены заранее, по некоему алгоритму. А техника любая, любые «интеллектуальные системы» — работают принципиально, по каким бы там ни было, но — алгоритмам.

Бузгалин: Совершенно верно. Это очень точно. Возвращаясь к нашим практическим, сегодняшним задачам. По-видимому, это можно трактовать как теоретическое обоснование необходимости выработки адекватной этим выводам стратегии, и, в частности, индустриальной политики.

Бодрунов: Именно об этом можно говорить. Вот президент недавно сказал в майском указе, обозначил задачи, новые задачи, в том числе — и задачи в сфере перехода к новым решениям, созданию цифровой экономики и прочее. Правда, многие по-разному это понимают. Но неважно. Наконец-то, хотя бы вербально, это все обозначено, больше того, обозначено не только вербально, а кое-что и вроде начинает реализовываться, вот уже переименовано одно из ведомств в «цифровое министерство», и прочие вещи сделаны, которые говорят, по крайней мере, о намерении власти двигаться в этом направлении. Но вот возникает задача, и сидят умные и правильные люди — и считают, сколько нужно на выполнение майского указа Президента. И насчитывают, что нам дефицит составляет, Медведев назвал, 8 триллионов рублей.

Бузгалин: Хорошо, что не долларов.

Бодрунов: Да, но 8 триллионов рублей надо где-то найти за несколько лет. Я вижу здесь два аспекта, которые можно было бы обсуждать. Первый аспект, самый прагматичный и не вытекающий прямо из нашей концептуальной платформы. Он прост как грабли. Это — всего 120–125 миллиардов долларов. У нас сегодня резервы 500 почти. Ни один из кризисов нам не обошелся дороже, чем в 300. То есть у нас просто впустую деньги лежат. Если мы потратим эти деньги на то, чтобы разумно выстроить промышленную политику в этом плане, в том, в котором вербально хотя бы обозначил президент, то у нас будут большие результаты. И придется потом поддерживать бесконечными резервами эту экономику, потому что она перестанет шататься, потому что она сядет в правильную колею, колею нового технологического уклада. Это надо поставить, искать надо колею, смотреть. И для этого мы как раз и пишем наши статейки.

Ну а вторая часть связана непосредственно с нашей концептуальной платформой. Не надо бояться роста затрат после старта реальной реиндустриализации по «цифровизационному» типу. Даже если эти резервы оставить, но сформировать правильное представление и ввести правильную индустриальную политику, даже практически не трогая резервы, но и не тратя много текущих средств только на финансирование гигантских «околоимиджевых»

проектов (хотя, не буду отрицать, может, они для имиджа, повышения привлекательности страны, консолидации общества и пр. и нужны — олимпиады, там, спартакиады, футбольные поля и что-то еще? Но что важнее?). Мне представляется, что все-таки значительная часть средств должна идти на переход к новому обществу, новому индустриальному обществу второго поколения, на развитие технологий. Но при этом ошибка заключается в том, что оценка затрат на это дается, исходя из «минималистических» представлений о типе результатов такого перехода для экономики и «материалистических», «счётных» подходов к оценке затрат (типа: сколько нужно купить того, сколько нужно купить сего, сколько нужно компьютеров, сколько меди, стали, проката и прочее, прочее?..), без оценки синергии вложений.

Подсчитали, получили 8 триллионов. На самом деле, если мы будем переходить не к этим вещам, а сконцентрируемся на переходе к информационным технологиям (то есть если «правильно» будем переходить, по моему представлению, еще раз подчеркну — при правильной индустриальной политике, промышленной политике, в том числе — в расстановке правильных инвестиционных приоритетов для бизнеса, в том числе — для создания реального инвестиционного климата в соответствующих областях и отраслях, а мы понимаем, что это — важнейшие отрасли!), то деньги активнее пойдут от инвесторов. И их будет для решения задачи достаточно, потому что этих денег, во-первых, не так много надо будет из бюджета, как выше подсчитали (потому что часть финансирования возьмет на себя частный инвестор, да и окупаемость инфотехнологий выше, чем в других отраслях, в силу тех вещей, о которых мы только что сказали), а во-вторых, они появятся, если будет правильная политика. А правильная политика прямо связана с тем, о чем мы говорим, — ребята, смотрите, что мы предлагаем, что у нас за душой. Если эта модель, новая экономическая модель, примет в качестве основы задачу перехода к новому индустриальному обществу следующего поколения или, по крайней мере, формирования базовых предпосылок для нового технологического уклада, в том числе — перехода к основным информационным позициям технологического пространства, — мы получим первый эффект за 5–7, может, и быстрее, лет. А дальше — воспроизводство пошло, причем это будет постоянно расширяемое и «ускоряющееся» воспроизводство.

РОЛЬ ОПК В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Оборонно-промышленный комплекс России. От этого словосочетания веет чем-то фундаментальным, основополагающим и незыблемым. Это — в большой степени так и есть. ОПК — первая отрасль, которую мы начали восстанавливать после катастрофической деиндустриализации, и, пожалуй, единственная высокотехнологическая отрасль, конкурентоспособная в мире. Эта беседа — о том, какие есть проблемы у нашей оборонки, как она может помочь общему развитию промышленности и технологий и многих других аспектах развития ОПК.

СОБЕСЕДНИКИ

*Александр Александрович Дынкин,
президент Национального исследовательского
института мировой экономики и международных
отношений имени Е.М. Примакова РАН, академик РАН*

*Андрей Васильевич Мисюра,
генеральный директор «НПО автоматики имени
академика Н.А. Семихатова»*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, директор ИНИР им. С.Ю. Витте,
президент Международного союза экономистов, эксперт
РАН, д. э. н., профессор*

*Чен Эньфу,
директор отдела марксистских исследований Китайской
академии общественных наук, председатель Всемирной
политэкономической ассоциации, профессор*

Как дела у оборонки?

Бодрунов: Сегодня мы часто видим репортажи с выставок — недавно в Абу-Даби была выставка, в Дубае, в Бурже, российские выставки — Нижний Тагил, «Иннопром» и т. д. — нам показывают авиационную технику, оборонную технику. Я сам вышел из оборонки и могу сказать, что у нас действительно есть очень хорошая техника. И если говорить о применении этой техники, хотя не хотелось бы ее применять, то в той же самой Сирии были продемонстрированы более чем приличные тактико-технические характеристики, судя по результатам, а это — итог определенного технологического прогресса, благодаря которому оборонно-промышленный комплекс обрел нынешнее состояние. Андрей Васильевич, я сначала спрошу у Вас как у технического специалиста, как у представителя производства, промышленности: скажите, со своей стороны, изнутри, как Вы оцениваете сегодня состояние оборонно-промышленного комплекса?

Мисюра: Если сравнивать тот период, когда я пришел на «НПО автоматики» первый раз, это был 2003 год, тот уровень оснащения, с сегодняшним днем, то оборонка прошла этап технического и технологического перевооружения. Те технологии, которые применяются в оборонно-промышленном комплексе, не уступают уровню западных, американских, в том числе и гражданских технологий.

Бодрунов: Я Вас поддерживаю. Когда я работал директором Корпорации «Аэрокосмическое оборудование», в котором было много предприятий, мы провели технологическую модернизацию примерно в период между 2005 и 2009 годами. В момент, когда был кризис, мы уже набрали обороты, темп и неплохо перевооружились. У нас порядка 60% оборудования к 2009 году было просто новое. А у Вас как?

Мисюра: За счет федеральной целевой программы мы до сих пор занимаемся перевооружением, но уже нет такого массового характера. Обновление происходит точно, конкретно под заказы. Все испытательное оборудование, стенды, основные производственные процессы, в том числе сопутствующие технологические процессы, на 100% заменены.

Бодрунов: Александр Александрович, Вы директор института, который анализирует в мире все. Каково Ваше представление о том, на каком «свете» мы находимся в нашем оборонно-промышленном комплексе?

Дынкин: Андрей Васильевич сказал о тех процессах, которые в последнее время разворачивались. Конечно, реализация государственной программы вооружения создала большой спрос на продукцию нашего оборонно-промышленного комплекса, что подстегнуло его развитие. И конечно, то состояние оборонно-промышленного комплекса, которое мы видели в 90-е годы, кроме разочарования и уныния ничего не вызывало. Мне тоже приходится бывать на оборонных предприятиях, вот не так давно я был на заводе «Сатурн» в Рыбинске — «Рыбинские моторы». То, что я там увидел: 3D-технологии — это уже элемент производственного процесса.

Бодрунов: Это не что-то экзотическое.

Дынкин: Это норма. Скажем, тканые материалы, из которых выращиваются различные узлы и агрегаты, — это тоже стандартная технологическая процедура. Производит сильное впечатление.

Бодрунов: Кстати, по долгу службы и как заинтересованный экскурсант я бывал на многих заводах, западных заводах, и могу сказать, что очень редко где такие вещи увидишь.

Дынкин: Да, конечно, «Рыбинские моторы» — это исключение, потому что, я считаю, газотурбинное двигателестроение — это самая сложная, самая высокотехнологическая отрасль машиностроения, если говорить о железе. Эти вещи происходят, это приятно, но государственная программа вооружения закончится, и надо думать о том, что дальше.

Конверсия 2.0

Мисюра: Конверсия.

Дынкин: Это очень хорошее слово, Андрей Васильевич, но я вспоминаю 90-е годы, когда собирались одна за другой конференция по конверсии, и Вы понимаете, чем это дело кончилось.

Мисюра: Третий раз заходим в эту реку.

Бодрунов: Вы знаете, проблема конверсии, мне кажется, в том, что, как только начинаешь рушить что-то уже работающее, а остальные цепочки все завязаны, начинает сыпаться многое другое. Поэтому если заниматься конверсией, то, мне кажется, надо выращивать немножко сбоку эту конверсию, продолжая основное производство, не ломая ничего.

Мисюра: Такую диверсификацию провести не все могут. Это точно не примет массового характера, потому что есть определенная специализация предприятий. Нам об этом проще говорить в том, что касается автоматике, потому что мы делаем систему управления — и с точки зрения построения системы управления неважно, чем управлять, боевой ракетой или комбайном.

Бодрунов: Наш Президент в свое время сказал, что предприятиями управлять сложнее, чем государством, потому что риски больше, а методы — примерно те же. Это очень сложное производство, задачи постоянно меняются, нужно идти в ногу с прогрессом.

Мисюра: В шестой технологический уклад надо идти. С большими big data.

Дынкин: Андрей Васильевич, если можно, поясните: я не очень понимаю, что такое шестой технологический уклад. Я как-то бывал там, где делают изделия, которые относятся к этому укладу, к сожалению, не у нас в стране, спрашиваю: «Где у вас шестой технологический уклад?» Они на меня смотрели с изумлением и готовы были позвать психиатра на эту тему. Надо делать дело, а не называть что-то этими мифическими именами, с моей точки зрения. То, что имеет спрос, то, что находится на острие технологий. Как говорят, нововведение рождается в точке пересечения спроса и технологической возможности. Надо ловить эту точку. Я говорю, конечно, о гражданской продукции.

Драйверы поменялись

Бодрунов: Александр Александрович, мне кажется, у нас очень часто остается старое представление из предыдущего цикла индустриального развития, что в военной области всегда суперпередовые технологии, которые дальше так или иначе транслируются в гражданский сектор. Наверное, отрицать это сложно, так было практически всегда. В Соединенных Штатах, насколько мне известно, давным-давно существует определенный закон, который требует бесплатной передачи некоторых технологий в гражданское производство и позволяет наводить такие мосты между оборонной и гражданской промышленностью. Получается, что гражданский прогресс становится быстрее. А сейчас какие идеи есть по этому поводу, что меняется сейчас в этом смысле у нас?

Мисюра: Мне кажется, тренд поменялся, потому что технологии, которые сегодня внедрены в гражданском производстве и востребованы широким населением, являются, наоборот, толчком, драйвером для развития оборонных технологий. На примере нашего предприятия я могу сказать, что интернет-технологии, которые мы сегодня реализуем у себя на производстве в различных гражданских проектах, востребованы в оборонно-промышленном комплексе, и мы уже видим, как их применить.

Бодрунов: Я бы хотел так поставить вопрос: является ли оборонно-промышленный комплекс сейчас драйвером глобальной экономики, Александр Александрович?

Дынкин: Я думаю, что нет. Если Вы посмотрите список капитализаций десяти крупнейших корпораций мира, то там нет ни одной компании, которая напрямую выполняет оборонные заказы.

Бодрунов: А 15–20 лет назад было не так?

Дынкин: Конечно. Тогда нефтедобывающие компании были во главе, сегодня картина другая. Но я очень хочу поддержать Андрея Васильевича в том, что конкурентные условия и жесткость конкуренции на коммерческих рынках часто превосходит то, что мы видим на рынках государственного заказа. Те предприятия, которые это понимают, которые будут ловить этот тренд, будут выигрывать и оборонный заказ в будущем.

Я могу привести пример из американского опыта. У них есть такая контора DARPA (Defense Advanced Research Projects Agency — Управление перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США), о кото-

рой у нас очень любят говорить. Так вот, у них в условиях приема на финансирование заказа — в ТЗ должно быть прописано потенциальное коммерческое применение. И эта DARPA создала в конечном итоге и интернет, и дроны, и все такое — небольшими грантами. Но сразу должно быть двойное применение. В этом, на мой взгляд, секрет.

Потенциальная возможность коммерческого использования технологии, рожденной оборонно-промышленным комплексом, зависит от жизненного цикла технологии. Если это начальная стадия — легче это сделать. Когда технология уже зрелая, ориентирована исключительно на решение военных задач, ее труднее конвертировать, поэтому лучше этим заниматься на ранних стадиях роста.

Бодрунов: Это очень важное наблюдение.

Дынкин: Даже не конвертировать — не совсем правильное слово, слово из XX века, — а параллельные, двойные инновации делать.

Мисюра: Сергей Дмитриевич, Вы вначале сослались на слова Владимира Путина об управлении предприятием. Я бы хотел сказать, что в данном случае по линии гособоронзаказа, по линии отношения между государством и предприятием ОПК государство может быть более эффективным регулятором, потому что через гособоронзаказ оно может толкать предприятия на внедрение новых технологий, которые востребованы в гражданском секторе.

Государство, во-первых, может задавать рамки по эффективности, внедрению безлюдных технологий, вернее, конвейерных способов, больших big data, искусственного интеллекта, снижению ограничений на производство, которые есть на всех оборонных предприятиях, повышению эффективности инвестиций.

И во-вторых, государство за счет своих инвестпрограмм как бы технически перевооружает предприятия, дает им средства производства новых высокоэффективных конкурентоспособных продуктов, которые могут быть востребованы в гражданском секторе. Поэтому в данном случае я считаю, что оборонные предприятия имеют колоссальный потенциал именно как предприятия, которые задают тренд по внедрению новых технологий производства.

Бодрунов: Мне кажется, это очень важное наблюдение. Особенно приятно это слышать из уст директора завода, потому что были другие времена. Когда я в свое время пришел работать на первый оборонный завод — это была середина 90-х годов, когда начался этот развал — предыдущий директор сказал, напутствуя меня в дальнюю дорогу, я был

еще молодым парнем: «Знаешь что, Серега, помни одно, никогда не берись за новое, всегда получишь по шее. Я считаю своим главным достижением то, что я сумел отбиться от внедрения этого, этого и этого». Вот как все изменилось за каких-то 20 лет.

Дынкин: Сергей Дмитриевич, я его, между прочим, понимаю, потому что я несколько лет был членом совета директоров одной очень нашей продвинутой оборонной компании, и им спускали показатели инновационной продукции. Я говорю: «Объясни мне, что это такое? Это новый продукт, которого не было на рынке?» — «Нет». Я говорю: «Что такое инновационный продукт?» — «Это такая продукция, которой раньше не было». Я говорю: «И как вы этот показатель выполняете?» А он растет по годам. Он говорит: «Мы приборы с одного изделия ставим на другое изделие, где такого не было, и это инновационный продукт». Может быть, против этого предупреждал Вас предшественник.

Бодрунов: Я его понимал так: берешься за новое, значит, надо внедрять новые технологии, это повлечет за собой бесконечные сбои производства, возникнут проблемы с переобучением персонала и так далее. Сплошные хлопоты. А какой результат? А тут сделал старую продукцию, за ту же сумму продал — и все.

Мисюра: Сейчас-то эта ситуация опять возвращается.

Бодрунов: Сейчас, наверное, невозможно так работать?

Мисюра: Сейчас эта ситуация возвращается, поэтому выход для многих оборонных предприятий — делать гражданскую продукцию, потому что там нет ограничений ответственности.

Бодрунов: Это важный тренд, о котором мы говорим. Мне в свое время советом директоров компании ставилась такая задача: давайте добьемся 30–40-процентного перехода к гражданской продукции. Вы идете таким путем?

Мисюра: Мы сейчас идем немного по другому пути, мы работаем с малым бизнесом, берем стартапы из малого бизнеса, создаем с ними различные формы сотрудничества.

Бодрунов: Да, я читал, что у Вас много таких идей.

Мисюра: Нам это позволило за год прирасти многими направлениями и увеличить долю гражданской продукции до 40%.

Бодрунов: А сейчас скажите, какой путь более предпочтителен: создавать новое с нуля или все-таки потихонечку модернизироваться?

Мисюра: Вы имеете в виду в области военной техники?

Бодрунов: В области и военной, и гражданской. Я имею в виду, что модернизация обычно осуществляется под рынок.

Мисюра: В области гражданской техники надо создавать новые продукты для нашего внутреннего рынка, чтобы наращивать компетенции и выводить их на внешний рынок.

Бодрунов: Не взамен продукции импортозамещения или взамен?

Мисюра: Рынок импортозамещающий — это просто потенциал, нельзя сразу сделать качественный продукт, дешевый продукт. Необходимо его отработать на какой-то определенной серийности. И за счет внутреннего рынка это можно сделать, потому что на внутреннем рынке можно создать определенные преференции для предприятий.

ОПК как гарант

Бодрунов: Я в свое время часто бывал в Китае, в том числе и по вопросам оборонно-промышленного комплекса, и всегда задумывался, как и многие наши эксперты, достаточно ли мы тратим средств, достаточно ли инвестиций делаем в этот комплекс? В те времена, 10–15 лет назад, мне казалось, что очень-очень мало и недостаточно. Но и денег по большому счету в стране было не так много.

С другой стороны, я всегда считал — я не являюсь специалистом в сфере международных отношений, но тем не менее — что Китай все-таки не опасен с военной точки зрения как наш геополитический противник. Мы говорим об экономике, но роль ОПК в государстве еще и в том, чтобы защищать эту самую экономику, защищать людей, защищать территории, интересы и так далее. Александр Александрович, здесь Вам слово, конечно, безусловно.

Дынкин: Видите, какая история: конечно, у нас сейчас оборонный бюджет, я считаю, находится на пределе возможностей нашей экономики, и это не какое-то свидетельство нашей агрессивности, а результат того, что в 90-е годы он вообще отсутствовал — нельзя же потерять оборонно-промышленный комплекс. Мы должны на каком-то этапе его переразмерить, но программа кончится,

и Андрей Васильевич очень разумно говорил о том, какие надо предпринимать шаги, чтобы сохранять предприятия и их развивать.

Я могу сказать, что китайский оборонный бюджет в пять раз больше нашего, но и экономика, соответственно, больше, и у них не было таких перерывов, о которых я только что сейчас сказал, в 90-е годы. Каждая страна должна заботиться о своей обороне.

Нам надо развивать стратегическое партнерство с Китаем, может быть, создавать совместные системы вооружения, как мы это делаем с Индией. Но, конечно, национальная оборона — это дело каждой страны.

Бодрунов: А можно ли ожидать какого-то качественно нового этапа в развитии оборонно-промышленного комплекса сейчас у нас в стране и вообще в целом глобально в мире?

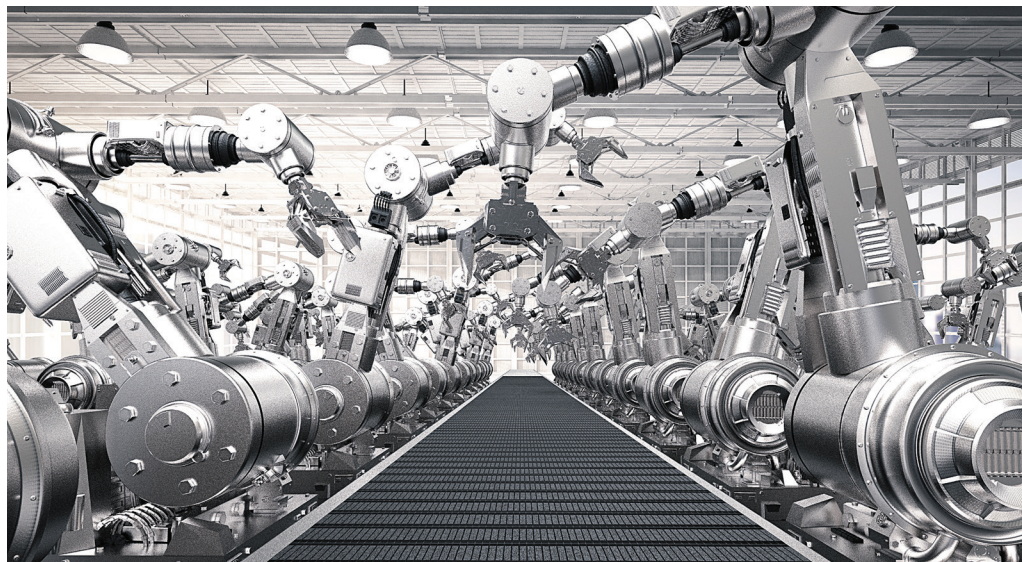
Мисюра: Про нашу страну я могу сказать, что у наших оборонных предприятий есть колоссальный потенциал именно в части внедрения безлюдных технологий. С учетом того, что есть определенное давление, созданное дефицитом бюджета, и мы видим, что есть определенный тренд снижения расходов, предприятия, которые хотят остаться в теме, будут вынуждены снижать издержки, повышать эффективность. И это нельзя сделать без внедрения современных технологий, которые относятся к шестому технологическому укладу. Дальше — снятие модели ограничений, интернет вещей на производстве. Это колоссальный потенциал.

Бодрунов: Понятно, что Вы имеете в виду. То есть Вы считаете, что такой новый этап будет связан с новыми технологиями?

Мисюра: Наши оборонные предприятия — это огромный рынок для внедрения таких технологий.

Бодрунов: А во всем мире как это смотрится?

Дынкин: Во всем мире принято понятие четвертой промышленной революции, это примерно то же, о чем Вы говорите. Помимо того, что Вы сказали, это и блокчейн, и квантовые технологии, и открытые интерфейсы прикладного программирования. Если говорить коротко и популярным языком, это цифровая экономика. Это суть четвертой промышленной революции, и я думаю, что мы здесь не должны отстать, и я, готовясь к нашему собранию, посмотрел кое-какие данные. У нас уже

оказывается 100 фирм, созданных молодыми предпринимателями, которые занимаются роботами. Причем они полагают, что в сфере промышленных роботов мы уже немножко отстали, и фокусируются на сервисных роботах — там, где есть поле, где есть рынки. Это абсолютно нормальная, здоровая логика.

Бодрунов: Вы знаете, с учетом тех тенденций, которые мы наблюдаем, когда быстро развивающийся в конкурентных условиях гражданский сектор дает такие технологии, которые потом применяют и военные, я считаю, что этот путь абсолютно спокойно можно считать базовым и правильным. Наконец, мне представляется, что мы с вами подметили важную особенность нового индустриального этапа в целом мирового развития: это то, что гражданский сектор, как Александр Александрович абсолютно точно сказал, работающий в более конкурентной среде, чем военный, в силу специфики самого этого рынка, сегодня является источником трансфера технологий в военный сектор в случае необходимости, а не наоборот. Мне это представляется важной тенденцией.

Мы можем долго говорить о том, что сегодня собой представляет оборонка, но задачи, которые сегодня стоят перед Россией, — задачи защиты территории, обеспечения мощной базовой поддержки международных интересов — оборонный комплекс уже решает. Это его очень важная роль в развитии нашего государства, в его становлении. И с точки зрения развития технологий эта роль также очень велика.

MILITARY-INDUSTRIAL COMPLEX IN RUSSIA

STATUS AND PROSPECTS

СОБЕСЕДНИКИ

Alexander Alexandrovich Dynkin,
*President of the Primakov Institute of World Economy and
International Relations, Russian Academy of Sciences,
Academician of the Russian Academy of Sciences*

Andrei V. Misyura,
*General Director of the Academician N. A. Semikhatov NPO
Automation*

Sergey Dmitrievich Bodrunov,
*President of the FES of Russia, Director of the S. Yu. Witte
Institute of New Industrial Development, Doctor of Economics,
Professor*

Bodrunov: Alexander, I think we are very often left with an old impression from the previous cycle of industrial development that the military have always used super-advanced technologies which can be subsequently translated to the civilian sector. It's hard to deny it, and it seems to be true. In the United States, as far as I know, for a very long time there has been a certain law that requires free transfer of certain technologies to civilian production and thus makes it possible to bridge together the military and the civilian sectors. And so, civilian progress is speeding up. And what about Russia, have there been any changes in this department?

Misura: I think the trend has changed, because the situation has reversed: it's the technologies that are currently in place in civilian production and in demand among the general population that are driving the development of defense technologies. For example, the internet-technologies our company has been implementing in production and in a variety of civil projects, are much sought-after by the military-industrial complex, and we have already realized how we can apply them.

Bodrunov: Alexander Alexandrovich, I would like to ask whether the military-industrial complex is currently a driver for the global economy?

Dynkin: I think it's not. If you look at the list of the world's top 10 companies by market capitalization, you won't see any company directly working on military contracts.

Bodrunov: Was the situation different 15-20 years ago?

Dynkin: Of course. The oil companies were in the lead then, while today there's a different picture. But I really want to support Andrei Vasilyevich in that the competitive conditions and the severity of competition in commercial markets are often superior to what we see in government contract markets. Those businessmen who understand it, who will try to follow this trend, will be winning military contracts in the future.

I can give you an example from US experience. They have such an organization called DARPA ((сокка: Defense Advanced Research Projects Agency of the US Department of Defense)), which is much talked about here. It only approves financial backing for a contract if a potential commercial use is spelled out in the corresponding terms of reference. And DARPA has ultimately created the Internet, drones, and many other things by handing out small grants. But there should have always been the dual-use focus. I believe, it's their secret ingredient.

The potential for commercial use of technologies invented by the military-industrial complex depends on the technology lifecycle. If it's the initial stage, it is easier to do. When a technology is already mature and is focused exclusively on solving military tasks, its conversion is more difficult; therefore it is better to get it done during the early stages of growth.

Bodrunov: This is a very important observation.

Dynkin: I shouldn't say "conversion", it's a wrong word, a 20th century word; let's call it parallel or dual innovation instead.

Misyura: Sergey Dmitrievich, in the beginning you quoted Vladimir Putin's words on enterprise management. I would suggest that, as between the government and the military-industrial enterprise, the government may be a more effective regulator, because it can use government contracts to push the enterprise towards introducing new technologies which are in demand in the civilian sector.

Firstly, the government can set targets for efficiency, introduction of unmanned technologies or, rather, conveyor-belt technologies, big data, artificial intelligence, it can lift certain restrictions on production facilities owned by defense enterprises, improve investment efficiency.

And, secondly, at the expense of its investments, the government makes sure that enterprises undergo technical upgrades, giving them the means of production of new highly competitive products that may be in demand in the civilian sector. Therefore, in this case, I believe that the military-industrial companies have enormous potential as trend-setters in the field of new production technologies.

Military-Industrial Complex as a Guarantor

Bodrunov: There was a time I frequently visited China, particularly to discuss issues connected with the military-industrial complex, and, like many other experts, I often questioned myself whether we were spending enough money, whether we were making enough investments in the complex? At that time, 10-15 years ago, it seemed to me we were not. But, in any event, Russia didn't have much money then.

On the other hand, I've always believed – I am not an expert in the field of international relations, but still – that China as our geopolitical opponent is not a threat from a military standpoint. We are talking about economy, but the role of the country's military-industrial complex is also to protect the economy, to protect people, to protect the territory, interests, and so on. Alexander Alexandrovich, you have the floor here, of course.

Dynkin: I see it this way: our military budget, I believe, has almost reached the limit of what our economy can withstand, and it's not a sign of our aggressiveness; it's the result of its total absence in the 90s – and you just can't abandon your military-industrial complex altogether. At some point, we must resize it, but the program will be over, and Andrey Vasilievich has suggested some very reasonable steps we should take to preserve and develop the enterprises.

I can say that the Chinese military budget is five times larger than ours, but their economy is also larger, and they did suffer such interruptions as we did, in the 90s. Each country must take care of its defense sector.

Of course, we need to develop a strategic partnership with China, perhaps, create joint weapons systems, as we do with India. But, of course, each country should deal with its own national defense.

Bodrunov: Can we expect a qualitatively new stage in the development of the military-industrial complex both at home and globally?

Misura: As for Russia, I can say that our military enterprises have a huge potential for the implementation of unmanned technologies. Given that there is a certain pressure, created by the budget deficit, and we see there is a definite trend to reduce costs, companies that want to remain on that market will be forced to reduce their costs and increase efficiency. And it cannot be done without the use of modern technologies that belong to the sixth technological mode. Next will follow the lifting of restrictions, the Internet of things on the production floor. This is a huge potential.

Bodrunov: I see what you mean. So you think this new stage will be associated with new technologies?

Misyura: Our defense enterprises are a huge market for introducing such technologies.

Bodrunov: And how does it look in the global perspective?

Dynkin: The world has accepted the concept of the fourth industrial revolution, it is roughly the same as what you've said. In addition to what you've said, it is also blockchain and quantum technologies and open application programming interfaces. In short, in a popular language, this is digital economy. It is the essence of the fourth industrial revolution, and I think that we should not be lagging behind. When I was preparing for our discussion, I looked up some data. There are already a hundred companies set up by young entrepreneurs who design robots.

And they believe that we are a little bit behind in the field of industrial robots, and so they focus on service robots because there's a demand and a market for them. And it is absolutely normal, a sound logic.

Bodrunov: You know, in view of the trends that we have observed, when a fast-paced civilian sector existing in a competitive environment provides technologies, which are then used by the military, I believe that, basically, it's absolutely the right way to proceed. Finally, it seems to me that you and I have noted an important feature of the new industrial stage in the global development in general: the fact that the civilian sector, which operates in a more competitive environment than the military sector due to specific market mechanisms, as Alexander Alexandrovich has rightly noted, is currently a source, from which technology could be transferred to the military sector, if necessary, and not the other way around. I believe, it's an important trend.

We have a lot to discuss about what the defense sector is currently up to, but the problems facing Russia today – protecting the territory, providing a strong base of support for the country's foreign policy – are already being solved by the military-industrial complex. It plays a very important role in the development of our country. And in terms of technological development, its role is also quite substantial.

**Михаил
Александрович Лобин**

*Генеральный директор
исполнительной дирекции
Союза промышленников
и предпринимателей Санкт-
Петербурга*

**Сергей
Дмитриевич Бодрунов**

*Президент ВЭО России,
президент Международного
союза экономистов, директор
ИНИР им. С.Ю. Витте,
президент Международного
союза экономистов, эксперт
РАН, д. э. н., профессор*

В РАЗВИТИЕ ТЕМЫ

Промышленность — локомотив развития городов

Санкт-Петербург — один из отличников в области промышленности среди российских городов. В городе идет, судя по цифрам, бурный рост промышленного производства, который превышает темпы роста по стране. Но структура роста не удовлетворяет экспертов. Об этом — разговор двух промышленников Северной столицы.

МАШИНЫ И ЕДА

Бодрунов: Михаил Александрович, первый вопрос: как Вы оцениваете ситуацию в промышленности на текущий момент у нас в городе?

Лобин: Вы знаете, сегодня говорят, что у нас в городе идет бурный рост и рост экономики, рост промышленного производства превышает темпы роста, которые сегодня есть по Российской Федерации. Но когда начинаешь разбирать структуру этого роста...

Бодрунов: Качество роста.

Лобин: И качество этого роста, то на самом деле это происходит за счет ограниченного числа факторов, скажем так. Прежде всего — это рост продаж автомобилей, второй фактор — рост пищевой продукции в результате импортозамещения, и мы здесь безусловно преуспели, в том числе и за счет поддержки государственных органов власти Санкт-Петербурга. А то, что касается реального сектора экономики машиностроения, транспортного машиностроения, радиоэлектроники, здесь сегодня намечается определенный спад, который связан с конкретным достижением определенного уровня выполнения государственного оборонного заказа.

Бодрунов: Собственно говоря, мы это прогнозировали.

Лобин: Я могу привести примеры так называемых конверсий, которые у нас проходили в 80-е годы, когда в одночасье без всякой подготовки прекращалось финансирование оборонного заказа. И предприятия, которые в основном ориентированы на это, попадали в достаточно серьезную яму, когда нет продукции, нет возможности загрузить своих людей, нет возможности обеспечить их заработной платой и вообще достойной жизнью.

МИХАИЛ ЛОБИН

Родился в 1952 году в Ленинграде.

В 1983-м окончил Ленинградский инженерно-экономический институт имени П. Тольятти. Трудовую деятельность начал в 1969 году на Ново-Адмиралтейском заводе. За 20 лет прошел путь от рабочего до первого заместителя генерального директора главного инженера Ленинградского оптико-механического объединения имени Ленина. В 1992 году — заместитель генерального директора в Департаменте

оборонной промышленности Министерства промышленности Российской Федерации. В 1992–1994 годах — заместитель начальника главного управления территориального развития инвестиций и региональных программ конверсии государственного комитета Российской Федерации по оборонным отраслям промышленности. В 1994–2000-х — заместитель председателя правления, вице-президент БалтОНЭКСИМ-банка, Санкт-Петербург. В 2000–2002 гг. — председатель совета директоров, генеральный дирек-

тор ОАО «Северо-западное пароходство». В 2004–2006 гг. — заместитель генерального директора ОАО «Компания Усть-Луга», генеральный директор ОАО «Морской торговый порт Усть-Луга». В 2011–2012 гг. — директор научно-производственной корпорации «Государственный оптический институт имени С.В. Вавилова». С апреля 2012 по апрель 2016 года — генеральный директор дизелестроительного предприятия ОАО «Звезда». С 2014 по 2017 год — генеральный директор ЗАО «Звезда-Редуктор».

С 11 апреля 2016 года — генеральный директор, первый вице-президент Союза промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга, член промышленного совета при губернаторе Санкт-Петербурга. Награжден медалью «За трудовую доблесть» и медалью «За доблестный труд» Союза машиностроителей России.

Лобин: Мы в последнее время постоянно говорим нашему Правительству, что этот момент спада может наступить в самое ближайшее время, поэтому принимаются какие-то меры. В частности, организована конверсионная группа во главе с Сергеем Мовчаном, вице-губернатором, который рассматривает все вопросы. По моей информации сегодня уже радиоэлектронный комплекс начинает не только оставаться, он просто резко тормозит по целому ряду позиций: что производить дальше, что делать дальше, предприятиям становится проблемой. Мы предлагаем целый ряд мер поддержки, в частности, для того, чтобы они начинали работать на удовлетворение городских потребностей, и это нормально.

Бодрунов: Михаил Александрович, возникают проблемы у одного предприятия, у другого. Скажите, за прошлый год какие-то вопросы удалось решить с Союзом промышленников или, по крайней мере, сдвинуть с мертвой точки?

Лобин: В последнее время разработан целый ряд мер поддержки, хотя мне это слово очень не нравится, мы ведь все — не больные люди, не инвалиды, чтобы нас поддерживать. Нам надо создавать определенную среду для того, чтобы бизнес себя чувствовал комфортно и развивался. Вот создание такой среды — это самое главное с точки зрения отношения к производителям, тем, кто формирует экономику города, а в конечном счете — бюджет, который позволяет содержать и медицинское обеспечение, и образование, и так далее. За последнее время мы совместно с Комитетом по промышленной политике проработали многие вещи, связанные с фондом, в который сегодня

СОЮЗ ПРОМЫШЛЕННИКОВ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Одна из крупнейших общественных организаций России. Союз был создан по инициативе директоров городских промышленных предприятий в апреле 1990 года, когда после 70 лет работы в условиях плановой государственной системы страна начала движение к рыночной экономике. За прошедшие 25 лет изменялись задачи деятельности Союза, но неизменной оставалась главная цель — всемерно содействовать развитию промышленности, экономики города и страны в целом. Сегодня Союз промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга насчитывает около 250 индивидуальных и коллективных членов, а это более 1000 предприятий города, фактически весь сектор реальной экономики.

КОНВЕРСИЯ

Масштабы конверсии (так называли перевод оборонных предприятий на выпуск гражданской продукции) в начале 90-х годов вызвали тяжелые последствия и стали одним из факторов падения промышленного производства в целом. В результате демилитаризации экономики расходы на закупку военной техники снизились в 14 раз. На военный НИОКР — в 13. Сокращение производства по различным отраслям ОПК составило от 34 до 60% и более. С предприятий ОПК было уволено более 1 миллиона человек.

влито полтора миллиарда рублей: может быть, сумма не такая большая, но тем не менее деньги идут как раз на финансирование под малый процент, под 5%, определенных программ, которые дают толчок к развитию целых направлений, дают возможность заместить падение оборонного заказа и позволяют развивать нашу отечественную технику.

Бодрунов: Вот мне кажется очень важным, когда мы такие решения принимаем — о создании той самой комфортной среды, решать проблему комплексно, а именно: желательно чтобы у петербургского бизнеса была кооперация, тогда эти деньги по цепочке придут туда, и второе — нужно посмотреть, кто какие деньги может дать дополнительно в эти цепочки. Где-то собственные средства предприятия, где-то могут банки поучаствовать. И то, что этим занимается Союз промышленников, мне импонирует, потому что это грамотный, умный и правильный подход. Хотелось бы, чтобы и власти предрежающие внимательно на это смотрели и обращали внимание на то, что эксперты Союза имеют высокий интеллектуальный потенциал для того, чтобы видеть проблемы, находить их решения и помогать эти решения воплощать.

Лобин: Ну, безусловно, это — экспертное сообщество, по-другому не назовешь. Эти люди каждый день работают в этой среде, каждый день принимают решения. Несут ответственность за принимаемые решения, что немаловажно. У нас сегодня попробуй задержать заработную плату — лично будешь отвечать, так что это люди высочайшей ответственности.

И вы абсолютно правы, что развитие кооперационных связей между предприятиями — это один из локомотивов, поскольку каждый начинает проявлять больший интерес к тем компетенциям, которыми он владеет, к развитию этих компетенций, потому что это усилит его присутствие на рынке. Речь идет и о расширении номенклатуры, и о расширении поставок, и увеличении в конечном счете объемов производимой продукции. Мы сегодня не замыкаемся за забором, где начинаем развивать все, что только можно, как это в свое время было.

Бодрунов: Натуральное хозяйство.

Лобин: Когда ты владел абсолютно всем, но всем владеть невозможно: что-то будет лучше, что-то — хуже.

Бодрунов: И дороже.

Лобин: И дороже в конечном итоге. Есть еще одна проблема, которую сегодня городские власти поднимают, — это использование промышленных территорий. На самом

деле это тоже может быть одной из тем промышленной политики, на таких избыточных территориях можно развивать как раз возможности тех самых малых и средних предприятий, поскольку это дешевле, ведь такие зоны обладают полностью всей инфраструктурой. Во всем мире до 50–60% промышленного производства дают как раз малые и средние предприятия, для них необходимо создавать условия. Где их можно создать? Проще всего на крупных промышленных предприятиях.

Бодрунов: Надо стимулировать крупные промышленные предприятия для того, чтобы они создавали инфраструктуру для малых и средних. Огромный плюс еще в том, что происходит и обмен информацией, и сокращение накладных расходов. Огромные плюсы.

Лобин: Огромные плюсы — это занятость людей, развитие тех самых компетенций, повышение уровня, в конечном счете возможность малому предприятию вырасти до среднего, среднему — до крупного. И если предприятие начинает зарабатывать такие серьезные средства, то оно может построить собственное производство.

Бодрунов: Это очень важная мысль, Михаил Александрович, потому что мне кажется, что вот такие аналитические наработки Союза промышленников позволяют управленцам ориентироваться точнее на нужды нашей промышленности и находить решения не там, где какие-то советники откуда-то из-за рубежей пишут в своих умных книжках, а находить решения здесь, на месте. Мы должны идти этим путем, о котором сейчас говорим. Инфраструктура для этого есть, люди здесь работают и кадры учатся рядом. Есть высокая школа петербургской промышленности.

Лобин: К сожалению, наступает, Сергей Дмитриевич, такое время, когда поколение 60-х начинает уходить, понимаете? А это — самые квалифицированные кадры. Поколение 90-х, оно, к сожалению, не сумело перехватить те навыки и ту школу, которая была рождена и создана еще в Советском Союзе.

Лобин: И это очень серьезные вещи. Боюсь, если мы сейчас своевременно не создадим условия для развития промышленного производства, мы можем потерять очень многое. К сожалению, сегодня надо констатировать, что те условия, которые диктует Центральный банк, монетарная политика, которую проводят наши финансовые власти, никак не стимулируют промышленность. Я все время вспоминаю прошлый Петербургский экономический форум, на котором один из круглых столов проводил господин Ма — владелец компании Alibaba. Я посчитал нужным

В Петербурге к землям промышленности относятся 12 100 гектаров, или 13,6% от общей площади города.

Наиболее распространенные проблемы промзон — загрязнение территории, наличие большого количества объектов, находящихся под охраной государства, разрозненная структура собственности. На сегодняшний день потребности в финансировании и модернизации инфраструктуры серого пояса города специалисты оценивают от 3,2 до 11,6 миллиарда руб.

**Падение объемов
промышленного
производства
в новейшей истории
России
сопровождалось
массовым оттоком
квалифицированных
кадров
с предприятий.**

За 25 лет мы выучили гуманитариев, экономистов и управленцев. При этом мы практически не занимались профессиональным образованием, то есть теми людьми, которые приносят добавочную стоимость. «Россия приняла участие в двух последних мировых чемпионатах Worldskills, по итогам которых стало ясно, что просели мы практически везде. Уровень производительности российских компаний — в лучшем случае в районе 50%, тогда как у мировых чемпионов — он 90–95%», — говорит гендиректор движения Worldskills, Роберт Уразов. На сегодняшний день, по данным Роструда, почти каждая третья вакансия в Общероссийской базе вакансий и работы в России относится к рабочим специальностям.

пойти и послушать внимательно, каким образом человек достиг таких невероятных успехов, что у него там — семь пядей во лбу? Мне просто было интересно. И вы знаете, с чего он начал свой круглый стол? С того, что в Китае даются деньги под 2% на развитие на 20 лет. Я встал и ушел. Мне больше не надо было объяснять ничего.

Когда у нас будут экономические условия, достойные для развития бизнеса, люди будут развиваться, они будут развивать производство, не только одной торговлей живет этот мир. У нас люди в общем достаточно образованные, достаточно умные. Вы смотрите, ведь наши питерские ребята сегодня совершенно спокойно конкурируют на глобальных рынках в IT-технологиях. Команда ЭТМ седьмой раз подряд завоевывает чемпионство мира, и это действительно — конкуренция на глобальном рынке.

Сегодня задача — вот этих людей и их талант, их возможности максимально направить в реальный сектор экономики, соединив цифру с реальным производством. Сегодня можно совершенно спокойно оцифровать жизненный цикл изделия. У нас сегодня растет и достаточно серьезно фармпроизводство, было открыто, по-моему, девять заводов за последний год.

Бодрунов: Я даже как-то однажды в одном из своих выступлений назвал Петербург новой фармацевтической долиной, по аналогии с Кремневой.

Лобин: Действительно, это энтузиасты своего дела, они живут этим, понимаете, у них глаза горят, когда приезжаешь на завод и они рассказывают о том, что они делают.

Бодрунов: Это очень высокие технологии на самом деле.

Лобин: У нас есть потенциал, но нужно создать условия для развития, пока их, к сожалению, нет.

Бодрунов: Помните, в свое время создавали программу развития промышленности, там базовая тема была: впереди новая индустриальная революция — это был еще 2010 год, а разрабатывать начали мы с вами еще в 2008-м.

Хорошо, что сегодняшняя петербургская программа развития промышленности в значительной мере это все учитывает. Но вот скажите, ощущает ли в целом промышленность Петербурга эти новые веяния? Как это отражается на работе вашей исполнительной дирекции Союза промышленников?

Лобин: Ветер перемен действительно дует, и становится прохладно от того, что проблемы, которые существуют на этом пути, к сожалению, не осознаются властью предрежащими людьми. Я имею в виду, скорее, все-таки эконо-

мическую политику нашего Правительства Российской Федерации. Посмотрите, что происходит? Сегодня оборотных средств у предприятий не хватает, чтобы начать какую-то инвестиционную программу, даже имея очень хорошую наработку, кадры, рынок в конечном счете. Если вы пойдете за ресурсом в банк, от вас потребуются колоссальный залог, который большинство предприятий не сможет обеспечить.

Это длинная, длинная, длинная процедура, нужны новые институты развития, которые будут обеспечивать эти процессы, потому что само предприятие, я вам абсолютно точно говорю, не может ее пройти. Это те самые условия, которые сегодня не позволяют нам в четыре раза увеличить валовой национальный доход или дать хотя бы 4% роста. Для этого нужны инвестиции, в два раза превышающие эти 4%. Где они у нас?

Мы живем в довольно странном пространстве. У нас сегодня нет единства в понимании, единства целей в экономической политике, политике государства, политике бизнеса и в конечном счете потребностей индивидуальных. Если эти вещи гармонизировать, то тогда получится нормальное понимание ситуации, которая позволит развиваться. Пока этого не будет, мы живем каждый в своем пространстве. Пока эти интересы будут как те прямые, которые и за горизонтом не сходятся, жить, ничего хорошего не будет.

Бодрунов: Это смена в целом нашего экономико-промышленного ландшафта. Если мы говорим о промышленности, то должны быть абсолютно другие горизонты. Мы понимаем, что здесь есть и технологическая компонента развития технологий, здесь есть одновременно экономическая компонента, которая дает эффективность повышать, здесь есть образовательная компонента и в целом вопрос качества жизни.

Лобин: И не дай бог, мы этот момент упустим. Это такой серьезнейший тренд развития, который может дать колоссальный толчок экономике. Но надо к этому быть готовым — не одной трубой, которая на Восток идет.

Бодрунов: Наша задача с вами, Союзом промышленников, все-таки эти задачи разъяснять и с помощью наших властей проводить в жизнь.

СОБЕСЕДНИКИ

Сергей Герасимович Митин,
представитель от исполнительного органа
государственной власти Новгородской области
в Совете Федерации ФС РФ,
заместитель председателя Комитета Совета
Федерации по аграрно-продовольственной
политике и природопользованию

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, директор ИНИР
им. С.Ю. Витте, президент Международного
союза экономистов, эксперт РАН, д. э. н.,
профессор

Андрей Борисович Лисицын,
научный руководитель Федерального научного
центра пищевых систем им. В.М. Горбатова,
д. т. н., академик РАН

Виктор Иванович Гришин,
ректор РЭУ им. Г.В. Плеханова, вице-президент
ВЭО России, д. э. н.

ПИЩЕПРОМ НОВОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА

Были времена, когда за продуктами приходилось стоять в очередях, а в некоторых районах их и вовсе не было. Сейчас по качеству тех самых продуктов люди ностальгируют, так как хотя очередей и нет, но купить качественный товар за приемлемые деньги для большинства людей все равно невозможно. Почему? Ведь сельское хозяйство у нас развивается лучше многих отраслей. Что нужно сделать, чтобы ситуацию изменить, обсудили участники сессии Координационного клуба ВЭО России, которая прошла в партнерстве с Советом Федерации ФС РФ.

*Екатерина Валерьевна Лучкина,
исполнительный директор Национального союза
мясопереработчиков*

*Александр Васильевич Петриков,
директор Всероссийского института аграрных
проблем и информатики им. А.А. Никонова, академик
РАН*

*Роберт Искандрович Нигматулин,
научный руководитель Института океанологии РАН
им. П.П. Ширшова, академик РАН*

Сергей Бодрунов: Уважаемые коллеги, у нас сегодня очередная, 16-я экспертная сессия Координационного клуба Вольного экономического общества России. Мы поговорим на важную тему: отечественные продукты питания, их конкурентоспособность, качество и т. д.

Во-первых, я благодарен всем, кто нашел время прийти сегодня к нам, и прежде всего докладчику, который, находясь в отпуске, подготовил доклад. Я хотел бы также подчеркнуть, что мероприятия, которые мы проводим, в том числе и сессии Координационного клуба, постепенно решают ту задачу, которая стоит перед Вольным экономическим обществом. Эта задача — обсуждение актуальнейших проблем и доведение идей, мыслей наших экспертов до тех, кому эти идеи и мысли желательно было бы вложить в голову, чтобы их реализовать либо, по крайней мере, использовать при реализации. То бишь властей. Мы направляем наши документы — заключения Экспертной сессии в Правительство, в Совет Федерации, в Думу, в министерства и ведомства. В ряде случаев в последнее время нам идут навстречу и сами просят провести по той или иной теме мероприятия. Так, сегодняшняя сессия проводится под эгидой не только ВЭО России, но и Совета Федерации РФ. Почему? Потому что Валентина Ивановна Матвиенко включила эту тему в план работы экспертной группы Совета Федерации. Как говорил один великий ученый, когда его спрашивали, зачем он все это пишет, ведь никто не реализует: «Чтобы через сто лет сказали: какие умные люди были!» Я думаю, что эту задачу мы точно решим.

Президентом России в майских указах и в целом поставлена задача повышения качества и продолжительности жизни наших граждан. Такого рода глобальные задачи имеют массу подзадач. Одна из таких подзадач — это качество продуктов питания. Чем людей кормить, как кормить? Идут всевозможные дискуссии, научные нормы разрабатываются, но тем не менее остается масса вопросов. В советские времена Институту питания ставились задачи организации научных норм рациона, сколько чего — для разных категорий работников... Много чего там было. Когда я стал молодым директором завода — почитал и понял, что это страшное дело: столовую заводскую при таких нормах надо закрывать, потому что не выдержишь никогда. Сейчас столовая работает в другом режиме, сейчас свои нормы, и все же сегодня задача такая стоит. И, наверное, эту задачу — повышения качества продуктов, которыми пользуется население, отечественных продуктов в первую очередь, надо считать приоритетной.

Вторая, связанная с этим, очень важная вещь. Мы должны с вами осознавать (об этом мало когда говорится, но тем не менее), что продукты питания — это высокопередельная продукция, это не сырье, это продукт, причем по сегодняшним временам продукт зачастую высоких технологий, потому что технологии переработки, хранения, доставки, утилизации и т. д. — огромный комплекс вопросов — требуют сегодня очень серьезных технологических решений и хороших знаний. От этого зависит и вторая компонента, о которой я говорю, — наша конкурентоспособность на мировом рынке продуктов питания. Мы достигли определенных высот в экспорте пшеницы, но надо понимать, что пшеница хотя и тоже продукт сельскохозяйственного труда, но все-таки в какой-то мере сырье, поэтому можно говорить, что мы опять экспортируем нефть. Но из нашего золотого руна можно сделать очень много, и не только в сфере переработки зерновых, но и во многих других отраслях, поэтому говорить надо не только о том, что мы работаем, чтобы накормить людей, но и для создания конкурентоспособной продукции на мировых рынках. Будем в этой отрасли конкурентоспособны, будут и доходы населения — тех, кто работает в этих отраслях, и это стабильный доход. Возьмем тот же самый Китай — огромный рынок, который прямо перед нами. Если мы будем сотрудничать с такими странами, как Китай, мы сможем получить очень большие преимущества. Я не буду распространяться о том, какие это геополитические преимущества, хотя сегодняшний мировой опыт показывает, что, если страны завязаны на каком-то большом экономическом секторе, им очень сложно поссориться политически.

Я хотел бы на этом завершить свое вводное выступление и предоставить слово компетентнейшему специалисту

в этой области — Сергею Герасимовичу Митину. Он работал у нас и министром сельского хозяйства, и губернатором, и сегодня возглавляет профильный комитет Совета Федерации, поэтому мы попросили его сделать базовый доклад по этой теме.

Сергей Митин: Спасибо большое, Сергей Дмитриевич. На самом деле тема настолько интересна и широка, что, я думаю, мы сегодня только верхушку айсберга затронем, потому что при внимательном рассмотрении обнаруживается очень много системных проблем, которые требуют решения. На мой взгляд, решение этих проблем позволит найти новый драйвер нашей экономики. То, о чем вы сказали, — это как раз возможности России в современном международном разделении труда занять достойную нишу. Мы имеем ресурс, которого сегодня у многих стран нет, в виде земли, огромной территории, людей, испокон веков на этой земле работающих.

Итак, я прежде всего хотел бы определиться с терминами, которыми мы будем сегодня пользоваться. Что понимаем мы под продуктами питания? Какие критерии определяют конкурентоспособность продукции? Что такое первичный передел продукции, что такое обработка продукции? Торговая классификация различает продукты питания по следующим группам: хлебобулочная продукция, кондитерские изделия, плодоовощные товары, чай, кофе, соки, воды, винно-водочные, мясные, рыбные, табачные — 11 групп.

Что такое конкурентоспособность продуктов питания? Это комплекс потребительских и стоимостных свойств товара, обеспечивающий ему коммерческий успех на данном рынке в определенное время. У продуктов питания, в отличие от других, есть особенность — он долгое время конкурентоспособным не может быть, находясь на прилавке в магазине. В сегодняшнем рассмотрении я мало затрону ценовые характеристики конкурентоспособности, потому что это, на мой взгляд, совершенно отдельная тема, требует отдельного исследования и обсуждения уже с привлечением экспертов других отраслей — торговли, логистики, маркетинга, промышленности. Мы говорим сегодня о других характеристиках — качестве продуктов питания и, что очень тесно с этим связано, об ассортименте (ряд показателей качества применяется и для идентификации ассортиментной характеристики).

Я хотел бы отметить особенность: продукты питания являются производной двух секторов экономики по торговой классификации — сельского хозяйства и промышленности. Во многом качественные, в том числе ассортиментные и ценовые характеристики продуктов питания определяются уровнем развития сельского хозяйства.

У нашего сельского хозяйства есть важные особенности: доля аграрного сектора в валовом продукте составила 4,7%, а вместе с пищевой промышленностью — около 7%. Это значительно больше, чем в современных развитых странах, но во многом объясняется низкой эффективностью труда в сельском хозяйстве. У нас занято в сельскохозяйственном производстве 6,6 млн человек, то есть 9,4% трудоспособного населения. Ни в одной развитой стране в мире, конечно, такого соотношения нет. С одной стороны, вроде бы неплохо, потому что темпы роста сельского хозяйства за последние 5 лет — 15%. Это в три раза выше уровня роста ВВП. Мы достигли неплохих результатов, в частности, 135 млн тонн зерна в прошлом году — никогда такого показателя в России не было. Вроде бы темпы роста хорошие, в то же время следует отметить снижение площадей пахотных земель при увеличении поголовья скота. Это говорит о том, что мы все-таки трудимся более эффективно. В растениеводстве применяются более высокие технологии, семена — более продуктивные, животноводство — тоже более эффективное, поскольку при снижении поголовья скота увеличивается объем производства мяса.

При этом важно привести такой очень важный показатель: в прошлом году уровень АПК, несмотря на такой значительный рост, лишь незначительно превысил уровень 1990 года, всего лишь на 1,9%. Получается, растем высоко, но раньше объемы тоже были большие. К этому я бы еще добавил, что, несмотря на выполнение многих показателей, по молоку, фруктам, ягодам и овощам, рыбе мы отстаем от норм потребления продовольственных товаров. Они ниже рациональных норм, утвержденных Минздравом. Особенно это касается молока. При этом импорт продовольствия тоже достигает значительной цифры — 25–30%.

Проведенный анализ позволяет сказать, что начиная с 2005 года наметился устойчивый, положительный тренд развития сельхозпроизводства. На наш взгляд, он стал возможен благодаря очень важным мерам государственной поддержки. Сельское хозяйство — единственная отрасль, которая практически во всех странах мира имеет специализированное министерство. И, конечно, во всех странах помогают сельскому хозяйству. У нас в 2005 году был обозначен приоритетный национальный проект, в 2006 году — принят базовый федеральный закон о развитии сельского хозяйства. Как законодатель отмечу, что за эти годы 17 изменений в него внесены. Затем была утверждена доктрина продовольственной безопасности, государственная программа развития сельского хозяйства, регулирование продовольственных рынков. В результате мы видим такие позитивные сдвиги в развитии сельского хозяйства.

Вместе с тем у нас есть еще ряд проблем системного характера, которые требуют решения на уровне законодательной и исполнительной власти. Прежде всего, если мы еще раз рассмотрим продукты питания как производное двух секторов экономики — сельского хозяйства и промышленности, то увидим, что на конкурентоспособность влияет и та и другая отрасль примерно одинаково. И если наше сельское хозяйство хоть как-то свою составляющую в ассортименте, в качестве, в цене за счет увеличения объемов производства реализует, то в промышленности дело обстоит значительно хуже. Мы это можем определить, прежде всего, по темпам роста, потому что в последние шесть лет наблюдается устойчивое превышение роста производства сельхозпродукции.

Практически всегда индекс пищевой продукции, включая напитки и табак, ниже индекса сельхозпроизводства. Но качество, ассортимент и цена также зависят и от уровня эффективности в пищевой промышленности. Мы начали внимательно разбираться и обнаружили ряд документов. В 2012 году была разработана и утверждена Правительством стратегия развития пищевой и перерабатывающей промышленности до 2020 года, однако решение многих вопросов там носило, скорее, декларативный характер — это во многом и определяет текущее состояние отрасли.

Пищевая перерабатывающая промышленность — это около 30 отраслей, 56 крупных и средних предприятий, полтора миллиона работающих. Отрасль принадлежит 12% общего промышленного производства, и ее вклад в оборот розничной торговли — 49%. Огромная система!

Что из себя представляет подотрасль пищевого машиностроения? 270 крупных предприятий, 14 тысяч работающих. Лишь незначительное количество предприятий использует инновационные технологии, ресурсосберегающее технологическое оборудование. Глубина переработки сельхозсырья не превышает 60%. Потери готовой продукции из-за неразвитости инфраструктуры, современных систем хранения, логистики — 25–30%. Большая часть технологического оборудования, которое предназначено для глубокой переработки сельхозсырья, на отечественных предприятиях не выпускается. Из 6,5 тысячи наименований отечественные предприятия могут делать только 2 тысячи, могу вас заверить, наименований не самого лучшего оборудования.

Еще очень важный показатель. Существуют восемь видов государственной поддержки. В этом году выделено 27 млрд рублей на поддержку предприятий машиностроения, но в прошлом году средствами воспользовалось только 31 предприятие — 607 млн рублей. То есть состояние сегодня такое, что предприятия даже не могут воспользоваться мерами государственной поддержки, поскольку они просто бизнес-план не могут составить, нормально уча-

ствовать своими средствами в финансировании, и поэтому мерами государственной поддержки не пользуются. Отсюда и уровень импорта технологического оборудования в отдельных отраслях пищевой промышленности.

В мясной промышленности — 94% импортного оборудования, в сахарной промышленности — 81%, в фасовочно-упаковочной, весоизмерительной — 79%, оборудование для молочной промышленности — 70%.

Еще один очень важный момент: крупные предприятия, большие холдинги удовлетворены импортной технологической продукцией, с удовольствием ее покупают, она, безусловно, современная, высокопроизводительная. Но около 20–25% продуктов питания выпускают малые и средние предприятия. Они не могут себе позволить купить такие комплексные линии. Поэтому нам надо учитывать, что только в структуре производства сельхозпродукции крестьянские, фермерские, индивидуальные предприниматели — 174 тысячи, личные подсобные хозяйства — 18 миллионов, некоммерческие объединения граждан — 76 тысяч. Цифры — огромные. И мы на них ставим сегодня в развитии рынка продовольствия. А оборудования у них нет, и, я думаю, вряд ли какой-нибудь крестьянин сможет, скажем, из Оренбургской области поехать в Италию или Германию, чтобы купить там современное оборудование. Это нам надо учитывать.

Уже как законодатель я должен рассмотреть еще один показатель — какие нормативные документы у нас существуют в области здорового питания жителей? Мы внимательно проанализировали и установили, что базовым законом является закон о качестве и безопасности пищевых продуктов, который был выпущен в 2000 году. В соответствии с этим законом выпущены гигиенические требования безопасности и пищевой ценности пищевых продуктов, утвержденные главным санитарным врачом Российской Федерации, выпущены СНИПы, ГОСТы, технический регламент Евразийского экономического союза. Все это разработано с требованиями Всемирной организации здравоохранения, ФАО и Регламентом Европейского Союза. То есть мы можем сказать, что нормативная документация, определяющая качество товаров, есть и пока не вызывает серьезных сомнений: надо по ней работать и ее исполнять.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о значительном отставании отечественного машиностроительного комплекса по производству высокотехнологического оборудования для пищевой перерабатывающей промышленности. Мы можем четко сказать, что совершенно ясен дисбаланс между сельским хозяйством и пищевой

промышленностью, как и ясен дисбаланс, долгие годы складывающийся, законодательного и нормативного обеспечения мер государственной поддержки в этой сфере. По-видимому, сам бизнес не в состоянии сделать рывок, а мер государственной поддержки или не существует, или они слабы для того, чтобы эту ситуацию изменить.

Учитывая сложившуюся ситуацию, постановлением Совета Федерации от 20 февраля этого года была создана временная комиссия по вопросам законодательного обеспечения развития машиностроения для пищевой перерабатывающей промышленности. Я возглавил эту комиссию, и мы провели уже достаточно серьезную работу, прежде всего, анализ существующих дел, который лег в основу сегодняшнего моего выступления. Должен признать, что определенные изменения уже произошли. Минпромторгом совместно с нами был разработан и представлен в Правительство Российской Федерации проект стратегии развития машиностроения для пищевой перерабатывающей промышленности. Этот документ распространяется на 29 подотраслей машиностроения и определяет объемы и перспективы роста. Конечно, нельзя думать, что этот документ решит сразу все вопросы, но он, во всяком случае, позволит нам помочь предприятиям отрасли выполнить эту задачу. Я бы очень просил коллег из Вольного экономического общества помочь нам в этом деле, привлечь к теме все наши бизнес-структуры, в том числе и крупный бизнес, военно-промышленный комплекс, государственные корпорации, машиностроительные заводы, тем более что меры государственной поддержки существуют, я о них сказал, это 27 миллиардов, достаточно большие деньги.

И, наверное, следует еще упомянуть, что последний указ Президента от 5 мая 2018 года №204 тоже дает нам очень серьезные основания заняться этой проблемой. Мы подсчитали: в указе 14 пунктов посвящены развитию сельского хозяйства и рынку продовольствия, и 9 из них касаются технологического перевооружения агропромышленного комплекса и промышленности. Мы их здесь все расписали: тут и ускорение технологического развития, и доведение предприятий, применяющих современные инновации, до 50% от общего числа, и формирование в сельском хозяйстве глобальных конкурентоспособных несырьевых секторов, общая доля которых составит не менее 20% от ВВП, и задача выйти на 45 млрд экспорта сельхозпродукции.

Как известно, в 2017 году экспорт составил 20,7 миллиарда, в этом году в два с лишним раза надо увеличить. Очень важный фактор — ориентация промышленной и аграрной торговой политики, включая применяемые

механизмы государственной поддержки, на достижение международной конкурентности российских товаров.

Мне кажется, грамотная реализация этих задач Правительством Российской Федерации, законодательными органами власти, представителями бизнеса, наукой, а сегодня наука этим очень много занимается, позволит нам реально изменить ситуацию с технологическим оснащением пищевой перерабатывающей промышленности, что, в свою очередь, глобально повлияет на повышение качества и конкурентоспособность наших товаров.

Лисицын: Я хотел бы остановиться на вопросе, который Сергей Герасимович затрагивал, — о качестве пищевых продуктов. Качество в принципе — это понятие комплексное, и прежде всего то, что есть качество, надо сформулировать, проведя научные исследования, разработать нормативную документацию, потом обеспечить качество на промышленном предприятии, затем сохранить качество на протяжении всего жизненного цикла продукта и подтвердить соответствие качества тому, что заявлено. Это все невозможно решить без системного подхода, который заключается только в том, что нужна национальная система управления качеством пищевых продуктов. Основополагающий документ для этого есть. В 2016 году вышло поручение Президента разработать стратегию повышения качества, а в соответствии со стратегией — и план реализации этой стратегии. Но национальной системы управления качеством нет.

Из чего она должна состоять? Прежде всего — это прослеживаемость продукта от поля до прилавка, в результате чего мы должны знать весь жизненный цикл и сырья, и продукта. Мы должны знать, что есть в поле, в воде, что есть в растениях, потом — в животном, что есть в сырье и что остается в продукте. Должна быть национальная система мониторинга. У нас есть и Россельхознадзор, и Роспотребнадзор, которые занимаются этими проблемами, и Росаккредитация, и много испытательных центров. Все это должно быть объединено с созданием единого центра, который бы возглавил проблемы управления качеством. У нас при Минпромторге есть Роскачество, но они не подходят так системно к вопросам качества пищевых продуктов. В нашем понимании это где-то в Минсельхозе должно быть создано. Кстати, Россельхознадзор занимается сегодня проблемами прослеживаемости, но они преследуют свои цели — ветеринарные. Вот если бы объединить наши предложения и то, чем занимается сегодня Россельхознадзор...

Следующий вопрос, который в национальной системе должен быть отражен, это образование и подготовка высококлассных специалистов, освещение в СМИ проблем каче-

ства не только так, как сегодня, зачастую предвзято. Если все это нам удастся сделать, то, я надеюсь, вопросы управления качеством будут решены. И роль Росстандартизации в этом вопросе важна. Государственные стандарты, межгосударственные стандарты сегодня в евразийском экономическом пространстве есть, и хотя сегодня они добровольного применения, они везде прописаны. Так, есть стандарт на разработку технических условий на пищевые продукты, в котором прописано, что требования, заложенные в технических условиях, не должны быть ниже тех требований, которые заложены в стандарты.

Почему у нас сегодня говорят, что пищевые продукты в советское время были другие? Да потому что там стандарт был обязательным и невыполнение стандарта каралось законом. Была комплексная система управления качеством — КСУКП. Да, сегодня другие возможности, сегодня есть другие подходы для того, чтобы объективно пройти вот этот весь путь.

Закljučая свое выступление, я хотел бы сказать, что сегодня даже неудобно произносить цифры по фальсификации и контрафакту у нас в стране. А вот если мы будем прослеживать от поля до прилавка...

Россельхознадзор сейчас внедряет систему «Меркурий» (автоматизированная информационная система «Меркурий» предназначена для электронной сертификации и обеспечения прослеживаемости поднадзорных государственному ветеринарному надзору грузов при их производстве, обороте и перемещении по территории Российской Федерации в целях создания единой информационной среды для ветеринарии, повышения биологической и пищевой безопасности. — Прим. ред.). Это чрезвычайно важное и нужное дело. Но сколько противодействий этой системе! Да, на нее очень сложно перейти, но у нас объявлено о строительстве цифровой экономики, а это все как раз — IT-технологии и цифровая экономика, системный подход.

Бодрунов: Я не могу воздержаться от некоторых комментариев, потому что очень важная тема затронута. Коллеги, несмотря на свои молодые годы — мне 60 лет в этом году исполняется, — я еще в советское время застал эту самую систему — КСУКП — систему управления качеством продукции. Это было на всех уровнях и везде, мы помним прекрасно те времена, когда стандарты были обязательными. Сегодня говорят, что, если продукция выпущена по ТУ, она, как правило, хуже, чем по стандарту. А должно быть, как сказал у нас уважаемый академик Лисицын, наоборот, чтобы ТУ были выше, чем стандарт, чтобы это означало добровольно взять на себя обязательства выполнить не только стандартные требования, но

и нечто другое, дать дополнительные характеристики, качества и т. д. Очень важен вопрос, на мой взгляд, научно-обоснования всех этих позиций: что такое качество, как оно должно быть квалифицировано и классифицировано. Если мы внимательно посмотрим на нашу законодательную базу, несмотря на большое обилие документов, которые есть и которые в общем-то работают, многое в них понимается на уровне интуиции, а не на уровне научного обоснования тех или иных терминов и идей. Почему важно обсуждение в научной среде этих проблем? Потому что ученые смотрят на это системно, смотрят на это так, как положено смотреть с научной точки зрения. Отсюда вылезают все проблемы, которые мы видим сегодня в реальной жизни. Например, это фальсификат или не фальсификат? Это контрафакт или не контрафакт? Как отличить, по каким нормам это считать? И насколько это законно будет или незаконно? Должно быть все это описано. И если необходимо для этого вносить изменения в наше действующее законодательство, то для этого мы, собственно, и собираемся, и даем предложения.

Гришин: Коллеги, я бы хотел поднять некоторые общие вопросы. Сергей Герасимович говорил о том, что оборудование на предприятиях достаточно плохое, на большинстве предприятий оно несовременное и т. д., но есть такой момент: у нас в последние четыре года не растут доходы населения, и я знаю немало предприятий, оснащенных самым современным оборудованием, но залеживается сыр, залеживается колбаса — они не могут реализовать то, что у них сегодня есть, товары высокого качества. За последние четыре года мы действительно сократили потребность людей в удовлетворении возможности в хорошем питании. Когда мы говорим об инвестициях, сами инвестиции, конечно, это хорошо. Хорошо, когда государство помогает, каким-то образом обеспечивает льготные кредиты, компенсирует ставку и т. д. Но любой предприниматель, прежде чем взять даже у государства денежку, понимает, что придется возвращать, пусть даже с низкими процентами, он понимает, что все зависит от того, каким образом он эту продукцию реализует. Если он видит, что в течение ближайших 2–3 лет реализация продукции будет затруднена, естественно, он никакой бизнес-план разрабатывать не будет.

Некоторые наши ученые говорят: для того чтобы поднять ВВП, нам важно сейчас увеличивать инвестиции. У нас в среднем в год в России получается инвестиций где-то 17 триллионов рублей. Если взять доходы населения, то это 53–55 триллионов. Когда мы говорим о товарообороте, который составляет порядка 29–30 триллионов, и платных услугах — порядка десятка триллионов, — этот спрос дей-

ствительно формирует и инвестиции, и прибыль, и зарплату, и т. д. И вот если мы на самом деле сейчас не будем формировать прежде всего внутренний рынок, понимая, что он зависит от того, что люди получают и чем они распоряжаются... Да, говорят, много денег на сберкнижках, много денег в банках, но, простите, скорее всего, это деньги небольшого количества людей, которые не всегда нашу продукцию даже покупают, хотя я понимаю, что и бабушки иногда откладывают небольшую сумму, чтобы у них было что-то на старость и т. д.

Когда мне начинают говорить, что у нас доходы должны быть связаны с производительностью, я все это понимаю, но когда мы начинаем снова разбирать зарплату за рубежом и нашу, то там доля зарплаты в ВВП — порядка 60%. У нас она — на уровне 53–54%. То есть у нас есть возможность поднимать доходы населения. Когда мы сейчас говорим о пенсиях, тоже вопрос возникает: а как лучше сделать? Если говорить о самих пенсиях, то, чтобы их поднять, нужно то-то и то-то, мы понимаем, что Пенсионный фонд в основном формируется за счет заработной платы, и если мы могли бы повысить сейчас заработную плату, то повышение на 2–3 триллиона доходов граждан могли бы решить проблему 600 миллиардов, которые мы берем из бюджета для компенсации дефицита Пенсионного фонда.

Нигматулин: На самом деле в процентном отношении это вообще небольшая сумма.

Гришин: Я считаю, что с точки зрения доходов населения это не очень много, можно решать. Что касается поднятия пенсионного возраста, можно, конечно, говорить о том, что за рубежом все выстроено таким образом, так как люди дольше живут, но тем не менее у нас и другая ситуация, и другие возможности. Что касается качества продукции, на самом деле, мы понимаем, что очень много зависит от села.

Лет 20 назад я был в Америке, встречался там с местным самоуправлением. Они рассказывали, что картошку сейчас сеют на Аляске, потому что все земли в средней полосе, где Америка располагается, уже заражены. Я не знаю, как у нас, но, мне кажется, с точки зрения контроля качества действительно должна быть выстроена понятная система. И если ее не будет, наверное, так и будет, где-то банановое масло... или какое там масло иногда появляется?

Лисицын: Пальмовое.

Гришин: Да, и когда мы молоко получаем из порошка, и когда помидоры дустом посыпают, чтобы они быстро вызревали, и все это бесконтрольно поступает на рынок, естественно, нужна понятная система.

С точки зрения государственной поддержки, наверное, за последнее время предприняты достаточно серьезные шаги. Месяца два назад я встречался с коллегой, Николаем Михайловичем Ольшанским, у него в Воронежской области серьезное хозяйство — около 40 тысяч гектаров земли, два или три района, где-то 7 тысяч поголовья скота. Он рассказывал по прошлому году: все замечательно, урожай отличный — под 50 центнеров с гектара, как он говорит, в среднем, коровы дают по 7 тысяч литров молока в год, но в прошлом году и урожай был похуже, и надои тоже, а была прибыль. Как только получается урожай, получают убытки: зерно некуда складировать и т. д.

Государственная поддержка здесь тоже должна быть понятной. Тут речь идет и об инфраструктуре, потому что, если взять, условно говоря, малое и среднее предпринимательство, там получить урожай пшеницы, понятно, можно. Но, получив пшеницу, куда ее деть? Повезешь на элеватор, там надо платить столько, что... Вот здесь, мне кажется, тоже надо разбираться.

Конечно, у нас потенции большие, несомненно. Мы по природно-климатическим условиям имеем возможности, как, пожалуй, десяток лучших стран с точки зрения сельского хозяйства в мире. Вроде бы и за рубеж на большое количество процентов с 2001 года увеличили поставки, но на зарубежный рынок просто так никто не пускает. Я уверен, что, как только мы будем наращивать производство любых видов продукции, возникнут проблемы. Я говорил, что есть сыр, но попробуйте его поставить на рынок: голову сломаешь, пока получишь разрешения всякие, пока с налоговыми, с таможенными органами договоришься — море всего.

Итак, проблемы есть, но мы в состоянии их решать. Надо только системно все это обговаривать и потихоньку задачи решать.

Бодрунов: Спасибо, Виктор Иванович. Думаю, что в Вашем выступлении затронуты очень важные вопросы. Слушаю, и у меня ощущение складывается, что мы, наше государство, будто стесняется быть протекционистами своих собственных компаний. Вы говорите, что невозможно пробиться на рынок. Я в промышленности работал длительное время и могу сказать, что там ситуация не только похожа, но и еще сложнее, попасть на рынок с каким-либо продуктом...

Митин: В свое время мы хотели у себя трактора сделать. Договорились с производителем в Англии, а у нас в Саранске был экскаваторный завод: «Давайте сделаем такой трактор». А у них есть тракторный завод в Турции, и изначально, прежде чем ехать в Англию, мы заехали в Турцию, там завод выпускает примерно такие же трактора, но стоимость у турок — процентов на 30 как минимум ниже по отношению к английскому, и англичане специально дают возможность строительства таких заводов, так как есть дешевая рабочая сила и какая-то прибыль будет. Для того чтобы завоевать рынок, они действуют таким образом. Но на свой рынок, где они продают эти трактора, никогда не пустят.

Бодрунов: Именно это я и хотел сказать. Замечательный пример, так что я воздержусь от своих примеров. Мне кажется, при решении этих проблем государство должно взять на себя патронаж, у нас есть ведомства, которые должны этим заниматься, — возьмите наши торгпредства, разнообразные межгосударственные комиссии. Не обязательно говорить только о протекционизме в сфере продуктов питания. Пожалуйста, вы нам помидоры, как турки, мы вам самолеты. Это тоже важно, правильно? Но тогда мы должны понимать, где мы можем свои помидоры продать, в конце концов, и чей самолет взять взамен, и какие преференции предоставить их компаниям у нас на рынке. Вот тогда у нас будет нормальное отношение ко всем этим проблемам, поэтому, как говорил академик Лисицын, необходима системная работа не только ведомств, которые отвечают за сельское хозяйство или за пищевку, извините за этот термин, — здесь задача общегосударственная. И учитывая объемы этого рынка — от 50% всей торговли — это десятки процентов в ВВП. Конечно, мы поддерживаем идеи технологической модернизации, цифровизации и т. д. — это важно, суперважно, но за всем этим нельзя забывать и об этих важных вещах.

Митин: Если можно, я бы Виктора Ивановича дополнил, может быть, даже поспорил с ним чуть-чуть. Во-первых, уважаемые коллеги, мы должны помнить одну вещь, я о ней сказал и хотел бы еще раз акцентировать внимание: у нас почти 7% трудоспособного населения заняты в сельском хозяйстве. В Соединенных Штатах это меньше процента. При этом Соединенные Штаты кормят себя полностью и еще полмира. Мы проэкспортировали 20,7 миллиарда долларов, и это здорово, с 2000 года темпы роста сумасшедшие. Впервые экспорт сельхозпродукции превысил экспорт вооружения. Но Штаты-то экспортируют 140 миллиардов, а Голландия — 96! Мы 30-е место занимаем с 20 миллиардами. При этом еще один важный

факт: 25–30% продукции мы импортируем, поэтому когда мы говорим, что сыр некуда девать, значит, не тот сыр делают. Я сегодня не представляю Правительство, за платежеспособность не хочу отвечать, но тем не менее могу сказать, что дело тут не только в платежеспособном спросе — если такой платежеспособный спрос, то делать надо то, что будут брать. Вы правильно сказали, что ваш друг в Воронежской области сделал зерна чуть побольше и уже некуда девать, потому что мы зерно экспортируем, зерновых хранилищ нет, вагонов нет. Об этом я как раз и говорю.

Уважаемые коллеги, если не будет технологий, то вообще ни о чем говорить нельзя. Давайте мы возьмем такой избитый пример — автомобилестроение. БМВ, где бы ни была выпущена, — в Африке, в России, в Калининграде или в Мюнхене — соответствует своим стандартам. Давайте сделаем так, чтобы сыр и хлеб, выпущенные на наших предприятиях, соответствовали таким стандартам. Уровень технологии сегодня позволяет это сделать, и тогда не надо никаких контролеров. В советское время контролеров была уйма, я тоже все пережил, и военную приемку, и ОТК, и «Знак качества» — ничего не получалось. А получится БМВ, если мужик-африканец неграмотный должен провернуть два с половиной раза ключ, если он провернет два, конвейер дальше не пойдет, если он провернет три, конвейер тоже не пойдет. Это стандарт технологий.

Если в хлебе стандарт вот такой, и он утвержден, и есть специальный орган в синих фуражках, который контролирует, тогда пожалуйста, но этого нет сегодня — вот в чем беда. Отсюда не хватает ни хранения, ни переработки, ни эффективности, на чем я и хочу сконцентрировать внимание, потому что осталась отдельная кафедра ценообразования, отдельная система управления качеством — ее надо делать. Если не будет технологии, все будет бесполезно. Все это мы проходили: и БМВ делали лучше, чем наши «Жигули».

Бодрунов: Я согласен с Вами полностью. Наверное, Вы знаете мое жизненное кредо: я всегда за технологии. Вы правильно акцентируете внимание, думаю, что сегодня коллеги еще эту тему затронут.

Митин: В докладе мы ушли от комбайнов, потому что там тоже огромный пласт, просто фантастический. Мы взяли только один небольшой сектор.

Бодрунов: Конечно, мы за модернизацию нашей промышленности в целом, а в частности — за то, чтобы перестроить на новых технологиях всю нашу пищевую промышленность. Что вы правильно заметили, на мой взгляд: если в мире есть кто-то, кто производит именно такой сыр, который по каким-то критериям соответствует стандартам качества, или есть некое вино — тоже по стандартам качества, значит, есть и технологии, которые позволяют это производить. Если эти технологии есть у них, это не значит, что мы не можем эти технологии либо повторить, либо купить. Мне в авиационной промышленности приходилось добывать оборудование импортное, которое было запрещено к ввозу в Россию по разным требованиям иностранных государств. Мы работали над модернизацией нашей промышленности и сумели сделать какие-то вещи, о которых сегодня аккуратно в мире начинают все задумываться. Так что надо работать над технологиями. И, конечно, акцент, который вы сделали, чрезвычайно важен для понимания этого.

Лучкина: Я представляю здесь реальный сектор экономики. Наш Союз объединяет больше 75 предприятий из разных регионов страны, поэтому, когда я буду говорить о преломлении какой-то ситуации в отношении регионов, поверьте, я знаю, о чем говорю.

Виктор Иванович, наверное, немножко скромничал, говоря о том, что далек от сельского хозяйства. Как говорится: если вы едите, вы уже имеете отношение к сельскому хозяйству. Я готова поддержать Виктора Ивановича в том, что спрос рождает предложение. Когда мы говорим о сбыте продукции, мы не должны забывать, какой уровень доходов у населения в регионах и что они на это могут себе позволить. При всем уважении, Сергей Герасимович, не соглашусь с Вами в части того, что в регионах будут покупать хлеб по 350 рублей за буханку, имея, например, в славном городе Волгограде средний доход 15 тысяч рублей. Я представляю не только реальный сектор, но и людей, которые представляют честный, прозрачный бизнес, который не говорит: отмените все проверки, нам ничего не надо, у нас все и так хорошо. Нет. Мы — за нормальные требования, за выполнение стандарта, но должна соблюдаться разумная грань, требования должны быть обусловлены чем-то и стандарты должны быть выполнимы.

Когда мы говорим о вопросах качества, мы должны понимать, что любое качество содержит в себе какую-то стоимость. Если человек в пост ест соевую сосиску, она качественная или нет? Он приобрел то, что он хотел. Он приобрел растительный продукт, который красиво упакован, приятен на вкус, и говорить о том, что это некаче-

ственный продукт, мы не можем. Так что тема качества — очень глубокая, серьезная и многогранная.

По поводу проверок качества. У нас есть система Роскачество, и проверяющие органы постоянно проверяют это самое качество. Но у нас большой вопрос в части интерпретации полученных результатов, потому что, как сказал Андрей Борисович, когда результат интерпретируется отрицательно предвзято, вместо того чтобы выявлять каких-то лидеров рынка, компании, которые показывают повышенные стандарты качества, и подтягивать к ним остальных, мы видим, что у нас почти сто процентов продуктов не соответствует требованиям.

Что касается фальсификата. Мы не должны производить фальсифицированную продукцию — мы и не производим, но поверьте, в настоящее время многие производители получают значительные штрафы по обвинению в производстве фальсифицированной продукции, потому что, к сожалению, на мясном рынке до сих пор не решен вопрос следовых ДНК. Как мы знаем, никакая промышленность не может работать без допусков. По ГМО у нас этот вопрос решен — установлена граница отсечения 0,9%. В мясной продукции никакого допуска погрешности вообще нет. И когда в ходе проверки контрольно-надзорными органами никаких нарушений на предприятии не обнаруживают, отбираются пробы продукции и находятся следы практически всего, что есть на предприятии. Технологии на месте не стоят, и уровень чувствительности метода постоянно совершенствуется, сейчас уже по некоторым ДНК она доходит до одной тысячной процента. И предприятия, добросовестно исполняющие все стандарты, даже ГОСТ, получают штрафы. Мы сейчас не говорим, что намеренно в продукцию был положен данный продукт, но поскольку он где-то на предприятии находится, остаются мелкие следы, предприятие получает штраф. Мало того что это значительные финансовые издержки, так это еще и имиджевые и репутационные потери.

Пока у нас не решен ряд внутренних глобальных проблем, которые влияют на целые отрасли, мы не можем быть ни достойными партнерами нашим иностранным коллегам, раз уж мы говорим здесь о развитии экспорта, ни достойно конкурировать с иностранными производителями.

Во взаимоотношениях с торговыми сетями отечественные производители испытывают дискриминационные практики, такие как, например, возврат не реализованной по истечении срока годности продукции. Когда торговая сеть закупает определенное количество продукции с ограниченным сроком годности, но не применяет возможные механизмы продажи в течение срока годности, она возвра-

щает отечественным производителям не реализованную продукцию. Никаких технологий переработки просроченной продукции в продукт нет, то есть возвращается утиль. В отношении иностранных производителей данная дискриминационная практика не применяется. Когда же отечественные производители пытаются законодательно решить этот вопрос и призвать к какому-то порядку на рынке, ведь переход права собственности по Гражданскому кодексу происходит в момент передачи товара, при приемке производятся все необходимые процедуры, так же как и процедуры возврата в случае, если брак был допущен производителем, мы встречаем массовое глобальное сопротивление. Непонятно вообще, чем обоснованное, о причинах такого можно только догадываться.

Очень многое в части контрольно-надзорных мероприятий у нас в законодательстве, к сожалению, отдано на усмотрение проверяющего, на усмотрение контролера. И когда мы видим в КоАПе большую вилку по штрафу, либо на выбор штраф или закрытие предприятия на срок приостановки деятельности до 90 суток, к сожалению, зачастую предприятия в регионах сталкиваются с тем, что проверяющий (а здесь, наверное, мы можем подозревать и коррупционную составляющую) применяет максимальное наказание. У нас сейчас в тех же майских указах стоит задача развития малого и среднего бизнеса. Но для малого и среднего предприятия, закрывшегося в регионе на 90 суток, это равносильно закрытию в принципе.

Бодрунов: Да, это банкротство.

Лучкина: Конечно же, в законодательстве нужно предусмотреть максимально прозрачные критерии, которые бы соответствовали принятому решению в отношении применяемых санкций. Реформа контрольно-надзорной деятельности, начатая министром Открытого правительства Абызовым, как мы знаем, до сих пор не завершена. К сожалению, чек-листы, которые в основе своей были очень замечательной идеей, до сих пор не всеми ведомствами сформированы. До сих пор включаются в чек-листы требования, которые были приняты в 60–80-х годах, которые по 294 ФЗ «О защите прав предпринимателей при проведении контрольно-надзорных мероприятий» не должны применяться. Все эти внутренние проблемы мы должны решать, чтобы в том числе повышать конкурентоспособность и на внешних рынках.

Что касается прослеживаемости, я Андрею Борисовичу обещала прокомментировать ситуацию с системой «Меркурий». Возвращусь к тому, что я представляю бизнес, который готов открыто и честно работать. И когда мы говорим о том, что внедрение системы «Меркурий» встречало

некое сопротивление, оно шло не от того, что бизнес не хочет честно работать, а от неготовности системы. Несмотря на то что с 1 июля она вступила в полную силу и мы обязаны всю продукцию животного происхождения сопровождать электронными ветеринарными сертификатами, до сих пор в регионах мы каждую неделю снимаем статистику от трех до шести часов — простои достигают шести часов. А продукция с ограниченным сроком годности погружена в автомобиль, топливо у нас подорожало, но мы должны обеспечить условия сохранности продукта — значит, машина стоит, расходует топливо, сохраняя продукт. За это время мы срываем поставки в торговые сети — штраф. В первые дни работы системы, вы не представляете, мне один из регионов уже жаловался на то, что десятки миллионов штрафов торговые сети выставили за недопоставку, за то, что ты не попал в окно разгрузки, которое тебе выделено в течение 15 минут. Мы были настолько за эту идею прослеживаемости, что я на совещаниях говорила: мы по аналогии с молочными продуктами готовы пойти в систему маркировки контрольными идентификационными знаками, потому что она будет более всеобъемлющая. «Меркурий» же подразумевает прослеживаемость только продукции животного происхождения. Как мы знаем, ни колбаса, ни молоко полностью не состоит только из животных компонентов. Так что, к сожалению, система «Меркурий» в том виде, в котором она сейчас работает, не обеспечит прослеживаемость. Предприятие — это черный ящик. На входе сертификат погасили, на выходе сформировали новый. И были уже реально случаи, когда из малого количества молока получали тонны масла, поэтому мы за прослеживаемость, но нужно правильно и грамотно здесь все реализовывать. Сейчас бизнес несет потери временные, набран штат сотрудников, потрачены деньги на интеграционные решения. И бизнес просто не понимает, а для чего?

Лисицын: То есть получается, эта система, с одной стороны, не обеспечивает целевые свои задачи. Не доработана.

Митин: Я должен тут немножко внести ясность. Безусловно, эта система глобальная, огромная. Рассчитывать на то, что она начнет работать с первого дня... Кстати, она уже была задержана примерно на полтора года из-за неготовности прежде всего товаропроизводителей. Конечно, здесь и чиновничий аппарат не лучшим образом иногда выглядит, но то, что это необходимо сегодня, стопроцентно. Это нормальный процесс внедрения крупной организационной государственной системы.

Что касается возврата. Сразу бы хотел сказать Екатерине Валерьевне, что Государственная Дума в первом чтении приняла закон, запрещающий возврат, Совет Федерации его поддержал. Поэтому я думаю, что в ближайшие 3–4 месяца после каникул, в осенней сессии этот закон будет принят, хотя он тоже неоднозначен. Так же как и все вещи, связанные с торговлей, с отношениями с сетями. Например, у меня лично есть огромное количество обращений субъектов Российской Федерации, причем крупных сельскохозяйственных производителей, таких как Краснодарский край, Ленинградская область, которые против этого закона.

Мы остановились на технологической части, потому что вопрос взаимоотношений с торговыми сетями, логистики, ценообразования настолько сложный, что я бы его предпочел вынести в отдельную тему, подготовившись к ней как следует. Там есть много вопросов. Надо определить термины, определения, потому что, когда мы все это сваливаем в одну кучу, получается, что вообще работать нельзя. Мне кажется, надо некие реперные точки найти и последовательно пойти от них. Технологическое сопровождение, взаимоотношения с торговыми сетями, закон о торговле в целом — огромный закон, вызвавший массу неприятностей. Могу даже рассказать некоторые подробности о том, как он писался. Изменения в него, такие как возврат, Государственная Дума полностью поддерживает, и Совет Федерации их тоже поддержал в первом чтении. Сейчас и Правительство, и министерства отдельные, и субъекты федерации вносят дополнения, изменения. В частности, даже наш Комитет три предложения вносит.

Нигматулин: Главное, чтобы он после изменений не то что не сохранил ту инициативу положительную, которую содержал, а не изменил бы еще в худшую сторону то, что было изначально в законе.

Митин: Надо подумать. Меня тоже волнует такой ажиотаж: немедленно принять, обязать Правительство не изменять форму этого закона — это напоминает лоббизм. В экономике, в политике, в чиновничьей бюрократии такие вещи, как «немедленно», «не изменять», «плохо», «хорошо», — это недопустимые вещи. Есть экономические критерии, есть проблема — давайте ее решать. Но когда одна сторона говорит, что надо так решить, а вторая говорит, что ни в коем случае так нельзя, значит, надо кому-то очень внимательно с этим разобраться, провести исследования. К сожалению, у нас не всегда так бывает. Сам по себе закон о торговле очень сомнительный, будем так говорить. Отсюда — все эти проблемы с сетями. Начинаешь с сетями разбираться, оказывается, что виноваты во многом и сельхозпроизводители. Начинаешь разбираться с производите-

лями, они плачут, что сети их душат. На самом деле это так. С одной стороны, сельхозпроизводителя представляет небольшая компания, может быть, 5–8 человек, которые должны вовремя поставить какой-то продукт. С другой стороны — сети, хозяин которых живет в Швейцарии, банки его обслуживают зарубежные, у него триллионные обороты, даже не миллиардные, и он, конечно, этого маленького сельхозпроизводителя, как хочет болтает. Государство на это смотрит, не понимая, кому помогать. Начинаем помогать: с одной стороны, я уж извиняюсь за такие грубо-сти, неграмотный этот парень, который знает, как картош-ку выращивать, с другой — группа финансистов, юристов высокооплачиваемых, высочайшей квалификации. Кто победит? Конечно, они победят.

Бодрунов: Надеемся на то, что законодатели разберутся и услышат все стороны.

Митин: Алексей Васильевич Гордеев недавно выступал у нас в Совете Федерации. Он говорил, что сейчас очень важна роль ассоциаций. Ассоциации объединяются с институтами, вот с такими специалистами, как Александр Васильевич, Андрей Борисович, платят им, если надо, деньги, потому что у них тоже не хватает всегда, разрабатывают научно-обоснованные предложения и реализуют их с помощью законодательной и исполнительной власти. Мы гото-вы. Схема, в общем-то, понятна.

Бодрунов: Законодателю надо дать научную базу.

Митин: Да, потому что нам тяжело это самим опреде-лить. Мы работаем очень тесно с вами. Я благодарен кол-легам, Екатерине Валерьевне. Для этого мы и собираемся. Эта тема сегодня чрезвычайно актуальна. Мы видим, какие споры.

Лучкина: Мы понимаем необходимость и целе-сообразность, но, к сожалению, наука в настоящее время не предлагает нам пакетных решений — так, чтобы бизнес заплатил и получил в итоге необходи-мый ему результат.

Лисицын: Екатерина Валерьевна, отсюда поподробнее.

Лучкина: Самое главное, что тема обозначена. И очень хорошо, что вице-премьер ее четко обозначил: союзы, ассоциации с инсти-тутами, с наукой должны разработать свои предложения.

Митин: Спасибо большое. Я для себя сделал несколько важнейших пометок сегодня. Вот ДНК, вот возврат, вот критерии надзора, вот система «Меркурий», вот то, что сегодня беспокоит коллег.

Бодрунов: Я бы предоставил сейчас слово академику Александру Васильевичу Петрикову.

Петриков: Как говорил мой учитель, последний президент ВАСХНИЛ Александр Александрович Никонов, столетие со дня рождения которого мы будем отмечать 19 августа, сельское хозяйство — это вселенная и ее окрестности. Всегда есть что добавить к уже высказанному. Одно замечание — насчет зарубежного опыта, американского в частности. У нас непопулярно сравнивать Россию и Америку, но могу сказать, что отношению к сельскому хозяйству, крестьянству и фермерству надо поучиться у Америки, в первую очередь, потому что американский фермер — это олицетворение лучших черт американского народа, а у нас крестьянин — символ забитости и отсталости. Вот когда у нас будет с точностью наоборот, тогда и проблема будет решаться. И еще американцы понимают то, о чем хорошо сказал один из их стратегов, Генри Киссинджер, которого недавно Российская академия наук избрала своим членом по глобалистике: «Когда вы управляете ценами на нефть, вы управляете поведением правительства, а когда вы управляете ценами на продовольствие, вы управляете поведением народов». Об этом не надо забывать, когда мы говорим о сельском хозяйстве.

Я не специалист в проблеме качества и конкурентоспособности, я сделаю несколько ремарок с экономической точки зрения. Замечательно, что мы сегодня об этом говорим. Это свидетельствует о несколько другом уровне дискуссии на продовольственную тему, потому что раньше мы говорили о проблеме экономического роста в сельском хозяйстве, наращивании ресурсов российского внутреннего рынка и вообще количественные проблемы поднимали, а теперь мы поднимаем проблемы качественные. Это заметил и Алексей Васильевич Гордеев, который создал тот формат аграрной политики, благодаря которому и решили проблемы экономического роста в сельском хозяйстве. Теперь перед нами — гораздо более сложная проблема качества.

Конечно, новый орган по управлению качеством не надо создавать. У нас, если по каждой проблеме создавать свой орган управления, не хватит вообще никакого государственного бюджета. Надо, чтобы в госпрограмме развития сельского хозяйства был обозначен национальный проект по повышению качества продовольствия в нашей стране, который бы вобрал в себя несколько таких направлений.

Есть проблемы с конкурентоспособностью по издержкам производства. У нас конкурентоспособные издержки производства, наверно, процентов у 20 производителей. Надо, конечно, стремиться конкурировать по издержкам, но, я думаю, что надо избрать направление конкуренции на рынке по качеству продукции. Не было счастья, да несчастье помогло. Мы в разы меньше употребляем минеральных удобрений, пестицидов. Наша земля отдохнула за 20 лет, когда 30 миллионов гектаров в 90-е годы вывели из оборота. Потом мы позиционировали себя, благодаря настойчивости Президента, страной, свободной от ГМО. И я думаю, что это замечательный маркетинговый ход с точки зрения экономической. И, наконец, мы сейчас приняли закон об органике. В этом направлении нам и надо двигаться.

Возник спор по вопросам законодательного регулирования качества. Я думаю, что надо все вернуть на круги своя. Надо затеять реформу технического регулирования и отменить его главный постулат: то есть требования по качеству продукции должны быть не рекомендуемые, а обязательные, а сейчас обязательным является только требование по безопасности. А потом уже — совершенствование методов контроля, риск-ориентированный подход и т. д.

Конечно, необходимо развитие переработки. У нас здесь диспропорция. Сергей Герасимович приводил разницу между индексами в сельском хозяйстве и перерабатывающей промышленности. Особенно это касается глубокой переработки. Новые технологии переработки, глубокой переработки, извлечение высокой добавленной стоимости из сырья — направление должно быть магистральным.

Развитие конкуренции на рынках. Уважаемые коллеги, я, работая девять лет в министерстве в качестве заместителя и статс-секретаря, имел отношение к совершенствованию законодательства и к разработке закона о регулировании торговой деятельности. И два года потратил на поправки в отношении электронной и ветеринарной сертификации, знаю отношение бизнеса к сельскому хозяйству, знаю, кто там за и кто против. В основном против, потому что очень существенные группы в бизнесе не заинтересованы в том, чтобы была прослеживаемость. Я сделал вывод, что никаким совершенствованием законодательства о торговле и контроле ничего нельзя сделать без развития рыночной конкуренции. Пока у нас будет такой уровень монополизации агропродовольственного рынка, как он сейчас складывается, когда в сельском хозяйстве у нас 7600 крупных сельхозпредприятий, агрофирм и агрохолдингов определяют погоду, а вот остальные, хоть они и прибыльные, и показывают бухгалтерский плюс, но еле

сводят концы с концами, на грани рентабельности работают. Пока у нас в переработке такие монополисты и диктуют условия для производителей сырья, а над ними еще монополизированная торговля сетевая. Поэтому особое значение имеет развитие конкуренции в торговле и переработке. Государство должно создать преференции для развития внесетевой торговли и для выстраивания системы вертикальной сельскохозяйственной кооперации, когда потребитель будет напрямую связан с производителем. У нас посмотрите на статистику: 75 сельскохозяйственных кооперативов, и цифра не растет по 2017 году.

Митин: По-моему, по закону о сельском хозяйстве они в сельское хозяйство не попадают.

Петриков: Нет, сельскохозяйственные кооперативы попадают.

Митин: Потребкооперация не попадает.

Петриков: Потребкооперация по особым живет законам. Но и ту систему надо по существу реанимировать, и другую.

И наконец, последнее, о чем я хотел сказать. Хорошо, что эта тема прозвучала — о требованиях к науке со стороны бизнеса. Законные требования. Приведу одну цифру. Как финансируется сельскохозяйственная наука? Даже по сравнению с другими отраслями есть такой международный индикатор — это внутренние затраты на исследования и разработки по отношению к ВВП страны и по отношению к валовой добавленной стоимости конкретной отрасли. Так вот, в целом по науке у нас это отношение — 1,1% всего, а должно быть порядка 4% в развитых странах. Если взять затраты на сельскохозяйственную науку к валовой добавленной стоимости в сельском хозяйстве — это 0,54%. То есть в два раза больше нужно финансировать. Конечно, тут усилия предпринимаются, но есть такой оселок по отношению к реформе государственных академий и государственной сельскохозяйственной науки, как удельный вес отечественных сортов и вообще достижений селекционной деятельности в Госреестре. Я посмотрел последнюю статистику. Накануне реформы государственных академий у нас было российских селекционных достижений в этом реестре — 60,2%, а сейчас — 58,2%. Но это не все. У нас из всех результатов интеллектуальной деятельности сельскохозяйственной науки патентами защищено 38%, а имеют лицензионные соглашения — 6%. Остальные разработки пылятся на полках. У нас нет в стране крупной внедренческой компании в области АПК и сельского хозяйства, которые есть во всех странах. У нас Правительство

почему-то надеется, что малые инновационные предприятия или, скажем, другие институты развития — «Сколково», «Ростех» — будут заниматься и вытащат сельское хозяйство. Нам надо создавать крупную государственно-частную, основанную на частно-государственном партнерстве компанию по внедрению результатов НИОКР в сельском хозяйстве. Своеобразный институт роста сельхозтехнологий по примеру Россельхозтехна. У нас замечательные программы по президентской инициативе приняли. Федеральная научно-техническая программа развития сельского хозяйства до 24 года — замечательная. Но мало кто обращает внимание на то, что она не имеет собственного бюджета. Эта программа должна рекрутировать бюджетные расходы из других государственных программ, а туда не внесены поправки, и она подвисла. Программе уже два года. Единственная принятая подпрограмма — по семеноводству картофеля. Другие обсуждаются.

Митин: И там тоже денег не много.

Петриков: Да. И там денег не много. Минпромторг создал Фонд развития промышленности. Такого фонда нет в сельском хозяйстве. Министр Гордеев эти проблемы поднимает, надеюсь, на это обратят внимание, и тогда мы сможем законные запросы бизнеса выполнить.

Бодрунов: Вы — как всегда, кладезь знаний. Включение этих идей в наше экспертное заключение по совершенствованию законодательства в этой области, подготовка предложений в Правительство будет очень полезным.

Я по роду своей деятельности часто бываю за рубежом. В последнее время обращаю внимание на то, что немецкие компании рекламируют российский хлеб, российскую икру, другие товары. И слово «российское» они там не стесняются сказать. Наоборот, это бренд. Почему это бренд?

Нигматулин: Скоро с этим будет покончено.

Бодрунов: Посмотрим когда. У нас натуральный продукт, и это педалируется в рекламе, не загаженная земля, не побитые пестицидами хлебные поля, чистая родниковая вода. Это то, чем богата сегодня Россия, и то, из чего сегодня делаются наши продукты питания. Я думаю, что вот эта линия прослеживается, она должна быть поддержана в том числе и теми, кто должен это исполнять, кто должен формировать соответствующие запросы к промышленности, соответствующие запросы от промышленности к Правительству.

И я поддерживаю идею госкорпорации для сельхозпроизводства, для сельхозпромышленности, потому что, если не будет такого управляющего звена, как госкорпорация, наверное, будет очень сложно все задачи свести воедино и реализовать. Но что меня радует — то, что у нас есть определенное направление в движении, то, что мы понимаем, какие продукты лучше всего было бы в России делать — без ГМО, чистые продукты. Это будет мировой бренд, и, учитывая огромные рынки, учитывая то, что у нас перспективы есть по развитию сельского хозяйства, мы вполне можем эту нишу занимать. Это высокотехнологичная продукция, и очень хорошо ложатся сюда и все требования по развитию технологий. Пусть не доработана система отслеживания, но ее доработают рано или поздно, так же, как и усовершенствуют системы соблюдения требований по ГОСТам. На мой взгляд, структура нужна не на уровне министерства, а именно государственная корпорация, которая могла бы иметь возможности реализации этих задач, и деньги на это иметь, и владеть какими-то активами, чтобы можно было эту ситуацию как-то контролировать, но при том, что у нас будет ужесточено антимонопольное регулирование, чтобы не превратить эту структуру в очередную «воровайку», как говорит Валентина Ивановна. Хорошее дело, нам надо обязательно эти все вещи в едином плане как-то выстроить.

Нигматулин: Может возникнуть вопрос: что здесь математику-океанологу делать? Я считаю, что мне есть здесь место. Я бы эпитафией все-таки поставил следующую фразу, она будет вас шокировать, но тем не менее. «Сотни лет губила Русь вера в добрые намерения царей. Не потому, что цари были плохие, а просто цари не понимали». Вот нынешние тоже не понимают. Я остановлюсь на таких фундаментальных проблемах.

Что бы вы ни делали, подъема не будет. Я хочу проиллюстрировать это цифрами про спрос и баланс. Я во многих странах бываю, всегда спрашиваю, какая минимальная зарплата. Смотрю, сколько стоит бензин. В среднем в развитых странах на минимальную зарплату можно купить тысячу литров: где-то — 900, где-то — 1100, в Америке — 2000... А у нас? 250–300 литров. И сразу со спросом все понятно. Откуда будет спрос? Кстати, даже я, академик, за 650 рублей этот хлеб не куплю, хотя в деньгах не нуждаюсь.

Еще один момент. Это уже касается сельского хозяйства. Сколько стоит килограмм хлеба по отношению к литру бензина? У нас килограмм хлеба — литр бензина. А во всем мире? 3–5 литров. То есть у нас бензин свой, а хлеб нам труднее вырастить, мы живем в более сложных климатических условиях. Получается, у нас 5 литров должно быть за килограмм хлеба.

Это не значит, что пришел — и цены поменяли. Нет, конечно. Но Президент должен это понимать. А раз интеллигенция этого не понимает, то и Президент не поймет, что нужно вести курс в сторону снижения цены на бензин. То, что у нас, — совершенно аномально. Более того, современные экономисты начинают сравнивать по банковскому курсу литр бензина: сколько там и сколько у нас. На первой же лекции по макроэкономике в Лондонской школе экономики узнают, что такие вещи нужно сравнивать на паритет покупательной способности, потому что все мы покупаем бензин и хлеб за свои рубли. Это американец, если придет, для него бензин будет дешевым.

Мы должны повышать долю доходов на оплату простого и среднего трудящегося. Вы знаете, каков доход 0,4% самых богатых? Это около 10 триллионов рублей. Пенсионная реформа — от одних бедных деньги брать и другим бедным отдавать — говорит об убогости мышления Правительства, минфиновских людей. Минфиновское мышление.

Я был одним из руководителей комиссии, которая рейтинги институтам давала, и вы знаете, многие медицинские и сельскохозяйственные институты практически не имели публикаций, а у некоторых минфиновских людей и у академиков была идея: давайте их к чертовой матери закроем. Но их, наоборот, нужно поднять. Это, как правило, институты в регионах. А что надо сделать, чтобы их поднять? Директора можно снять. Директора можно в тюрьму посадить. Но институт-то нужно укреплять, а не говорить, что вы тут чего-то недоработали.

Мы радуемся экспорту зерна. Но, коллеги, дорогие, мы же вывозим сырье. Зерна в прошлом году было больше, чем в РСФСР было, но в этом году будет меньше, но только мы еще и ввозили кормовое зерно и производили молоко, мясо. И кстати, сыр производили свой — «Костромской», «Ярославский», «Степной» и «Швейцарский». Сами этот делали сыр, а сейчас невозможно делать, потому что молока нет.

А у нас у трудящегося денег нет. Ладно, у меня, у академика — я куплю себе сыр, но мы же должны не на академиков ориентироваться, а на людей, которые получают 15 тысяч рублей. У нас менее 20 тысяч рублей зарплату получают сколько процентов? 50% трудящихся, более половины получают зарплату менее 20 тысяч. Что они купят? А сколько людей получают более 70 тысяч? А на эти 70 тысяч можно купить меньше 2 тысяч литров бензина. У нас таких всего 7%. У нас народу ничего не нужно, потому что он ничего не может купить. В этом смысле как бы Грудинина ни ругали, как он там с женой развелся, но он совершенно правильно говорил о том, что главный инве-

стор сельского хозяйства — это благосостояние. А я скажу: главный инвестор — это народ, городской житель, получающий нормальную зарплату. И пока это не поймет интеллигенция, Путин тоже этого не поймет. Что он, семи пядей во лбу? Вот этого понимания простых вещей нет. Если не выполняются базисные вещи, ничего не будет. Запомните, 1000 литров — минимальная зарплата, и килограмм хлеба должен стоить 3–5 литров бензина, а не один к одному. Вот пока не будут эти цифры изменены, ничего не будет.

Поэтому если бы я был Президентом, что бы я начал делать: нужно думать, как нам повысить заработную плату, долю доходов среднего класса людей, чтобы минимальная зарплата стремилась к этому, а это можно сделать за счет умеренного сокращения доходов супербогатых. Супербогатые при этом не перестанут быть супербогатыми, не надо их превращать в изгоев ни в коем случае, они все равно будут с этими дворцами сидеть, ради бога, но это нужно делать.

И конечно, цены на бензин. Что с ценами на бензин творится, это свидетельствует о полной несостоятельности экономического блока нашего Правительства. Цена на бензин у нас должна быть 25 рублей, по затратам — даже меньше. Вот это и будут инвестиции в сельское хозяйство. И это несложно сделать, нужно уменьшать акцизы, не пытаться бюджетные проблемы решать за счет цены на бензин. Бюджетные проблемы нужно решать за счет товара. Пока вы этого не поймете, ничего у нас не будет. Дорогие коллеги, сколько можно об этом говорить? Вообще, русская интеллигенция никогда не хвалила министров и Правительство, никогда. Это признак плохого тона.

Бодрунов: Я всегда с Вами соглашаюсь. Вы своим напором коммунистическим пронзаете насквозь. Мне это особенно приятно, так как — похвалюсь Вам в узком кругу — я только-только, летом, получил премию Всемирной политэкономической ассоциации за вклад в поддержку марксистских идей. Так что в этом плане никуда не денешься.

Нигматулин: Прошу прощения, но марксисты всегда должны резче говорить, чем говорят коллеги.

Бодрунов: Когда мы говорим о детях, мы стараемся сказать какие-то вещи, которые бы их поощрили, а не «ты балбес», «ничего не понял», «ты еще маленький». И когда мы говорим о Правительстве, о властях — я не говорю конкретно о российских властях, а о власти той, которая над нами, — мы должны четко понимать, что власть тоже должна быть чем-то мотивирована. Их все ругают. За то, что взятки берут чиновники, что они недалекие, неграмот-

ные, неумные, а они тем не менее пишут эти документы, программы и прочее. Мы должны со своей стороны подсказывать, правильно формулировать Правительству те задачи, которые нам решать, искать пути вместе и идти на какую-то конфронтацию там, где это необходимо, — для этого есть ассоциации, которые могут высказать более жестко свои требования. А мы должны быть все-таки взвешенными, но при этом, если видим, что что-то делается правильно, мы должны это правильное обязательно обозначить, потому что люди в Правительстве на любом уровне должны видеть, правильно они поступают с точки зрения науки или неправильно. Я считаю, что это важно. И то, что у нас есть идея на государственном уровне — не знаю, Президента это идея или кого-то из помощников — о сохранении России в девственном, натуральном виде в том, что касается продуктов питания, очень важно. И если я в этом плане согласен с Правительством, то я говорю: да, я с этим согласен, правильно делаешь, товарищ Правительство. Если мы не согласны, допустим, с какими-то элементами пенсионной реформы, мы об этом прямо говорим: мы с этим не согласны. Почему? Вот — аргумент один, второй, третий. У них тоже есть свои аргументы. И наша задача — разобраться, где правда, где логика, где уши торчат чьи-то. И тогда у нас будет более-менее сбалансированная, как говорит Роберт Искандрович, политика.

Митин: Певле — министр внутренних дел в царской России: «Та часть нашей общественности, в общезнании именуемая русской интеллигенцией, имеет одну преимущественно ей присущую особенность, она принципиально и притом восторженно воспринимает всякую идею, всякий факт, даже слух, направленный на дискредитацию государственной, а также духовно-православной власти. Ко всему же остальному в жизни страны она индифферентна».

Мне кажется, от этого немножко надо уйти. Я хочу сказать одно. Когда смотрим, например, цену на бензин и цену на хлеб, мы должны понимать одну вещь: уровень обеспеченности нашего крестьянина количеством тракторов, количеством электрических машин и прочее, она разве меньше? Но труд крестьянина чрезвычайно неэффективный, и прежде всего, чтобы равнять цену буханки хлеба (иначе мы такой дисбаланс в экономике внесем), нам надо постараться снизить все-таки цену на бензин, поднять цену на хлеб. Крестьянин должен хлеб делать.

Нигматулин: Поднять цену на хлеб и поднять одновременно зарплату, потому что простой человек...

Митин: Понимаю, баланс — баланс нужен.

Нигматулин: Я не закончил. Вот мы зерно вывозим: 30, даже говорят под 50 миллионов тонн, а 90% крахмала ввозим. Это иллюстрация. В 80-е годы, проклятые советские тоталитарные, у нас было белка потребления — 3500 ккал на душу, в 2000–2010 — 2900, население недоедает белок, поэтому солдаты слабые, ребяташки слабые. И наконец, последнее. Большие резервы пищи — в океане. Сушу поделили уже, все границы между государствами есть, практически кончаем делить шельф. Это в основном касается, конечно, минеральных ресурсов, нефти и так далее. Сейчас начинают делить открытый океан. В открытом океане на больших глубинах не только минеральные ресурсы, но и новые рыбные ресурсы. Вы знаете, что мир добывает 100 миллионов тонн рыбы в год всего?

Сейчас обнаруживаются миллиарды. Например, анчоус — в открытом океане вылавливается. Компетентные, состоятельные страны захватят эти ресурсы, а у такой, как наша страна во главе с нашим Правительством, денег нет на экспедиции, и мы останемся без этого. В этих открытых зонах океана Америка вылавливает столько анчоусов, кильки по-нашему, что она его перерабатывает в муку и кормит кур. Более того, она даже вносит из них удобрения в почвы. Вот такие новые перспективы открываются в океане, и они будут использоваться теми странами, где во главе сидят более умные люди, чем у нас.

Петриков: Я только одну реплику вставлю. А на что нам в сельском хозяйстве надеяться? Честный исторический анализ показывает, что, только когда первые лица страны поворачивались лицом к крестьянству, у нас был прогресс в сельском хозяйстве.

Поэтому уж извините за комплименты в адрес руководства. Тем более что такой русский интеллигент, как Александр Сергеевич Пушкин, любил родное Правительство и даже у него пушкинисты обнаружили николаевский стих сейчас.

И еще одно, уже профессиональное. Коллеги, очень важный показатель — диспаритет цен на сельское хозяйство и промышленные товары — на хлеб и на бензин. Но это не главный показатель, потому что еще надо учитывать налоги и бюджетную поддержку. Я думаю, что надо говорить не о выравнивании этого индекса цен, а о выравнивании доходов и гарантировании крестьянам, сельхозпроизводителям определенного уровня доходов. Именно сейчас на такую систему переходят и в Америке, и в Канаде.

Нигматулин: Я об этом и сказал. И приведение цен к балансу.

Петриков: Я с Вами согласен насчет реформы зарплаты полностью.

Нигматулин: И не надо Николая I хвалить.

Петриков: Я не хвалю, я только пример показал.

Нигматулин: Ну и что, что Пушкин, а он, Николай I, Крымскую войну проиграл. Сильно хвалили.

Бодрунов: Уважаемые коллеги, я хотел бы сказать следующее. Тема горячая, как оказалось. И здесь как горячие пирожки пекутся идеи, которые мы сегодня обсуждаем, скоро можно уже целый караван сделать законодательных инициатив, которые можно было бы реализовывать. Но мне кажется, что все равно эта тема заслуживает более тщательного и длительного обсуждения. Может быть, не в прямом контексте — мы занимались сегодня больше постановкой задач, — сколько в тех направлениях, где эти задачи сегодня надо решать.

Мы сегодня рассмотрели, допустим, технологическое обеспечение, но возникла отдельная тема, которую поднял академик Нигматулин: до тех пор, пока мы не решим главные задачи... Это, знаете, как на дороге: дороги нет, а мы все пытаемся тропинки находить какие-то. Конечно, если нет дороги, надо идти по обходному пути — формулировать и совершенствовать то, что есть. Но, в принципе, я бы сказал так: гораздо проще работать в компании, которая катится хорошо, там даже ошибки не видны, и совершенствовать особенно что-то не надо. А когда компания сложная, которую поднимать надо, то там любая ошибка на вес золота. И поэтому кажется, что все плохо.

Так вот, я могу сказать, что на самом деле очень важно понимать, что государство — это большая машина, государственный аппарат — это огромный механизм, порой несмазанный, и там колес огромное количество, и пересечений громадное количество, поэтому, безусловно, все вещи, о которых мы говорим, помогут этот механизм настроить.

PANELISTS:

Sergey Garsimovich Mitin

Representative of the Novgorod Region government in the Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation, Deputy Chairman of the Federation Council Committee for Agrarian and Food Policy and Environmental Management.

Sergey Bodrunov

President of the FES of Russia, President of the International Union of Economists, Director of the S. Yu. Witte INID, Doctor of Economics, Professor

Andrey Borisovich Lisitsyn,

Research Director of the V.M. Gorbатов Federal Food Systems Science Center, Doctor of Technical Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences

Victor Grishin,

Rector of the Plekhanov Russian Economics University, Vice - President of the FES of Russia, Doctor of Economics.

FOOD INDUSTRY IN THE NEW TECHNOLOGICAL MODEL

Yekaterina Luchkina
*Executive Director
of the National Union of Meat Processors*

Alexander Vasilievich Petrikov
*Director of the Nikonov All-Russian Institute of Agrarian
Problems and Informatics, Academician of the Russian
Academy of Sciences*

Robert Iskandrovich Nigmatulin,
*Research Director of the Shirshov Institute of Oceanology
of the Russian Academy of Sciences, Academician of the
Russian Academy of Sciences*

Bodrunov: Dear colleagues, today we are holding our 16th experts' session of the Coordination Club of the Free Economic Society of Russia. We are discussing an important topic: domestic food products, whether they can stand competition, what their quality is, and so on.

Firstly, I am grateful to everyone who took the time to come here today, and above all the rapporteur, who, while on vacation, has prepared a report. I would also like to emphasize that our activities, including the Coordination Club sessions, have been gradually solving the task the Free Economic Society has been facing. This task is to discuss the most relevant issues and to communicate the ideas and thoughts of our experts to those who would be implementing them or, at least, using them in their activities. I mean, the authorities. We have been sending our documents, the findings of the experts, to the government, the Federation Council, the Duma, the ministries and departments. In a number of recent cases, we were met halfway and asked to hold events on particular topics. So, today's session is held under the auspices of not only the FES of Russia but also the Federation Council of the Russian Federation. Why? Because Valentina Ivanovna Matvienko included this topic in the work plan of the Federation Council expert group. As a great scientist said, when asked why he wrote down his ideas despite knowing no-one would implement them: «So that after a hundred years they would say, 'How smart those people were!'» I think we will surely solve this task.

The President of Russia, in his May Decrees and elsewhere, set the task of improving the quality of life and longevity of our citizens. Such global tasks have a lot of subtasks. One of those subtasks is the quality of food. What kind of food should people eat, and how to provide that food? There have been all sorts of discussions, and scientific standards are being developed, but nevertheless a lot of questions have remained. In Soviet times, the Institute of Nutrition was tasked with organizing scientific ration standards, rations for different categories of workers... There was a lot going on then. When I became the youngest factory director, I read some books and realized a terrible thing: with those standards in force, the factory canteen should have been closed because it was impossible to ever comply with them. Now canteens work in a different manner, now every company has its own standards, however, the task still persists. Importantly, this task, the one of increasing the quality of food consumed by the population, domestic food products in the first place, must be considered a priority.

The second point I wish to make is also very important. We have to realize (it's not much talked about, but nonetheless) food is a highly processed product, it's not a raw material, it is a product, and today it's often a high tech product because of the processing, storage and delivery techniques, recycling and so on. A huge set of issues today require serious technological solutions and superb knowledge. And the second component of which I'm speaking, our competitiveness in the global food market, depends on it. We have reached certain heights in wheat grain exports, but we must understand that wheat grain, although it is also a product of agriculture, is still a raw material of sorts, so we can say that we have been exporting oil again. But our golden fleece is useful for a lot of things, and not only for processing of cereals, but also for many other sectors, so it can be said we are not just working to feed the people but we are also creating competitive products for the world markets. If we become competitive in this sector, we will secure income for people who work in those sectors, a stable income. Take China for example, it's a huge market that's right in front of us. If we cooperate with countries such as China, we will gain a massive advantage. I will not dwell on what the geopolitical advantages could be, although today's global experience shows that if several countries are bound together to a single large economic sector, it is very difficult for them to have a political falling out.

I would like to conclude my introductory speech and give the floor to the most competent specialist in this field, Sergey Gerasimovich Mitin. He worked as the Minister of Agriculture and a governor, and now he heads a Federation Council committee, so we asked him to make a basic report on the subject.

Mitin: Thank you very much, Sergey Dmitrievich. In fact, the subject is so interesting and far-reaching that I think we will address today only the tip of the iceberg, because on closer inspection a lot of systemic problems can be revealed, that would require solutions. In my opinion, a solution to those problems will allow us to find a new driver for our economy. What you have just described is a possibility for Russia to occupy a decent niche in the global division of labor. We have the resources, lacked by many other countries today, in the form of land, a vast territory, and people who have worked for centuries on this land.

So, first of all I would like to define the terms we use today. What do we mean by food? What criteria determine the competitiveness of products? What is the primary redistribution of products, what is product processing? Trade classification divides food products into the following groups: bakery products, confectionery, fruit and vegetable products, tea, coffee, juice, water, wine and liquor, meat, fish, tobacco, - 11 groups in all.

What is food product competitiveness? This is a set of the product's consumer and value-related properties ensuring commercial success in a particular market at a particular time. Unlike other products, food cannot remain competitive for a long time, while on the store shelf. In today's speech, I will not address the price characteristics of competitiveness, because, in my opinion, it's a separate topic which requires a separate study and discussion with the participation of experts from other sectors - trade, logistics, marketing, and industry. Today we are going to discuss other characteristics – quality of food and product range, which is closely connected with quality (a number of quality indicators are also used to identify the product range characteristic).

I would like to point out a unique feature: according to trade classification food products are a derivative of the two sectors of economy – agriculture and industry. In many respects, qualitative characteristics of food, including the product range and price characteristics, depend on the level of agricultural development.

Our agriculture has certain important features: the contribution of the agricultural sector to the gross domestic product is 4.7%, and about 7% if combined with the food sector. It is significantly higher than in the developed countries today, but it is largely due to the low labor efficiency in agriculture. We employ 6.6 million people in agricultural production, 9.4% of the working-age population. No such proportion exists in any developed country of the world, of course. On the one hand, it doesn't seem so bad, because the growth rate of agriculture has been 15% over the last 5 years. It's three times higher than the growth rate of the GDP. We've achieved good results, in particular 135 million tons of grain last year – Russia has never seen such a big crop. It seems that the growth rates are good, but at the same time it should be noted that the area of arable land has been shrinking as livestock numbers increase. This suggests we've begun working more efficiently. More advanced technologies are being used in crop production, seeds are becoming more productive and animal husbandry more efficient, seeing as the production of meat has increased as the livestock numbers decrease.

There's another very important indicator: despite the significant growth, last year the Agro-Industrial Complex production level only slightly exceeded the 1990 level, by a mere 1.9%. We are growing fast, but the production volumes were also large in the past. I would also add that, despite the achievement of many targets in milk, fruit, berries, vegetables, and fish, we are lagging behind the consumption standards for

food products. The actual figures are lower than the sustainable standards approved by the Ministry of Health. This is especially true for milk. At the same time, food imports have also reached a significant figure – 25-30%.

The analysis shows that, since 2005 there has been a steady, upward trend in agricultural development. In our view, it is possible thanks to the very important measures of state support. Agriculture is the only sector that has its own ministry in almost every country of the world. And, of course, in all those countries the ministries help agriculture. In 2005, our government initiated a top priority national project, and in 2006 a fundamental federal law on the development of agriculture was adopted. As a legislator, I should note that 17 changes have been made to it over the years. Then the food security doctrine was adopted, along with the state program for the development of agriculture and regulation of food markets. As a result, we have seen advancements in the development of agriculture.

At the same time, we have a number of systemic issues that need to be addressed at the legislative and executive levels. First of all, if we once again look at food as a derivative of the two sectors – agriculture and industry, we will see that they both affect the competitiveness in approximately the same way. And if agriculture has had certain competitive advantages in terms product range, quality and prices on account of sheer production volume, the situation is much worse in industry. We can see it, first of all, by the growth rates, because agricultural production has been growing at a faster pace over the last 6 years.

The index of food products, including beverages and tobacco, has almost always been lower than the index of agricultural production. But the quality, range and prices are also dependent on the level of efficiency in the food industry. We started to look into it, and found a number of documents. In 2012, a strategy for the development of food processing industry up to 2020 was developed and approved by the Government, but the solutions it offered to many of the issues were rather declarative, and that largely determines the current state of the sector.

The food processing sector comprises nearly 30 industries, 56 large and medium-sized enterprises, and employs one and a half million workers. The sector owns 12% of total industrial production, and its contribution to retail trade turnover is 49%. Quite a huge system!

What about the food engineering subsector? 270 large enterprises, 14 thousand employees. Only a small number of enterprises use innovative technologies or resource-saving process equipment. The degree of processing of agricultural produce does not exceed 60%. Loss of finished products due to the insufficiency of infrastructure, modern storage systems and logistics is 25-30%. Most of the process equipment, intended for

deep processing of agricultural produce, is foreign made. Out of 6.5 thousand items, only 2,000 can be manufactured domestically, and I can assure you, not the most important ones.

Another very important indicator. There are eight types of government support. This year, 27 billion rubles was allocated for supporting engineering enterprises, but last year only 31 enterprises took advantage of the funds, 607 million rubles. That is, the current situation is such that businesses cannot even take advantage of the measures of state support, because they are simply unable to write a business plan or use their own funds, in a regular manner, in the financial support program; therefore, they don't have much use for the state support measures. Hence, the levels of process equipment imports in certain industries of the food sector:

94% of equipment imports in the meat industry, 81% in the sugar industry, 79% in packing and weighting industry, 70% in dairy industry.

Yet another very important point: large enterprises, large holding companies are satisfied with imported technological products, they gladly buy it for it is definitely modern and high-performance. But we must remember that about 20-25% of food products are produced by small and medium-sized enterprises. They cannot afford to buy such sophisticated production lines. Therefore, we must remember that the structure of agricultural production includes 174,000 peasants', farmers', and individual entrepreneurs' farm holdings; 18 million private subsidiary plots, and 76 thousand non-profit associations. These numbers are huge. And we are betting on them to develop the food market. And they lack equipment for that, and I doubt a farmer from, say, the Orenburg region will be able to travel to Italy or Germany to buy modern equipment there. We need to take this into consideration.

As a legislator, I must consider another point: what regulatory documents do we have in terms of providing a healthy diet? We have made a careful analysis and found out that the basic law is the Quality Of Food Safety Law which was adopted in 2000. In accordance with this law, a number of documents were issued: hygiene requirements for safety and nutritional value of food products approved by the Chief Sanitary Physician of the Russian Federation, SNIps, GOSTs and technical regulations of the Eurasian Economic Union. All of them were developed in accordance with the requirements of the World Health Organization, the FAO and the European Union Regulation. That is, we can say that the regulatory documents, that define the quality of goods, are in place and have not yet raised any serious doubts: we should work in accordance with them and adhere to them.

Based on the above, it may be concluded that the domestic mechanical engineering sector producing high-tech equipment for the food processing industry has been significantly lagging behind. It's clear that there exists an apparent imbalance between agriculture and the food sector, just as it has existed for years in the sphere of legislative and regulatory support for government incentives in that sector. Obviously, by itself, business is unable to achieve a breakthrough while state support is either nonexistent or too weak to change this situation.

Taking into account the current situation, an interim commission on legislative support for the development of mechanical engineering for the food processing industry was established by a resolution of the Federation Council dated this February 20. I headed this commission, and we have already done some serious work; first of all, we have analyzed the existing cases on which I built my today's speech. I must admit that some changes have already occurred. Together with Ministry of Industry and Trade we developed and submitted to the Government of the Russian Federation a draft strategy for the development of mechanical engineering for the food processing industry. This document covers 29 mechanical engineering sub-sectors and defines the scope and prospects of growth. Of course, we shouldn't think this document will solve all the issues once and for all, but in any case it will allow us to help the enterprises to achieve this goal. I would really ask the colleagues from the Free Economic Society to help us in this matter, to reach out to our business community, including big businesses, the military-industrial complex, state-owned corporations, machine-building plants, especially since the state support measures are in place, as I've mentioned earlier, and 27 billion is quite a lot of money.

And I should also probably mention the latest presidential decree of May 5, 2018, № 204, which gives us very good reasons for tackling this problem. According to our calculations, 14 sections of the decree are devoted to the development of agriculture and the food market, and 9 of them pertain to the technological modernization of the agro-industrial complex and industry. We've described them all here: accelerating technological development, increasing the percentage of enterprises using innovations to 50% of the total number, and forming globally competitive non-primary sectors in agriculture, whose total share will be at least 20% of the GDP, targeting 45 billion in agricultural exports.

As you know, exports amounted to 20.7 billion in 2017; they should more than double this year. A very important factor is orientating the industrial and agrarian trade policy, including the applicable state support mechanisms, towards achieving the international competitiveness of Russian goods.

It seems to me that the skillful implementation of these tasks by the Government of the Russian Federation, legislative authorities, business and science communities, and science has been very much involved in this today, will allow us to really change the situation with the availability of process equipment in the food processing industry, which, in turn, will result in a global increase in the quality and competitiveness of our products.

ИЗ ИСТОРИИ
ВОПРОСА

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИТОГИ ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

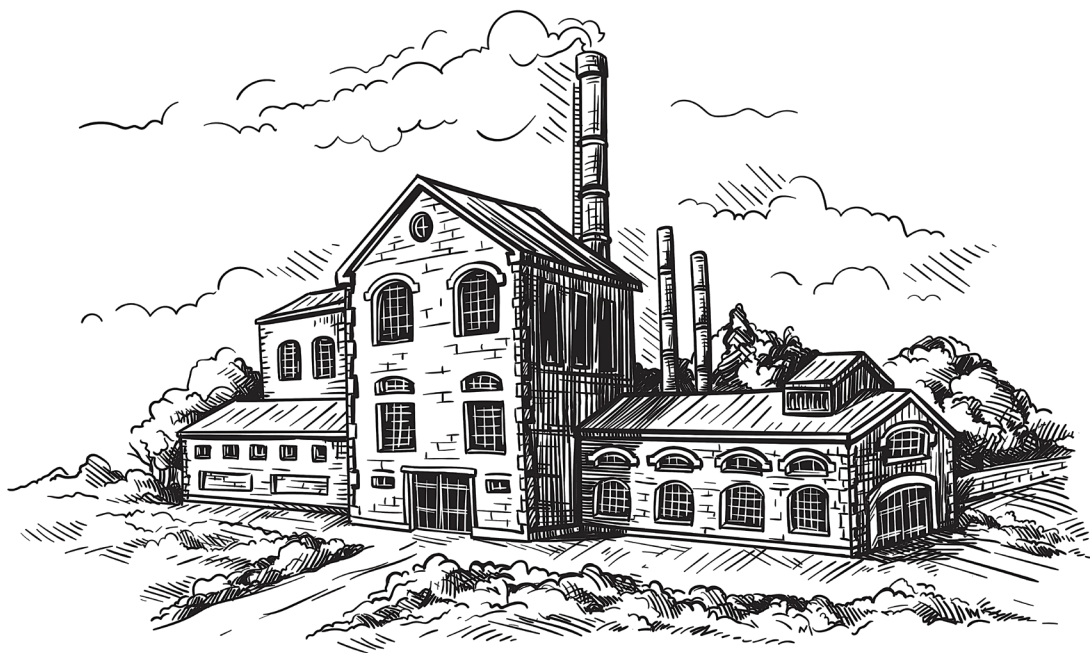

**МИХАИЛ ИВАНОВИЧ
ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ**
(8.01.1865 – 21.01.1919)

Русский экономист, историк, видный представитель «легального марксизма», после 1917 г. — министр финансов Украинской народной республики, член Императорского Вольного экономического общества. Степень магистра политэкономии и статистики получил в Московском университете. Работал в Департаменте торговли и мануфактур. Автор монографии «Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную

жизнь». С 1913 г. — профессор Петербургского политехнического института. Соавтор работы «Украинский народ в его прошлом и настоящем». По оценке австрийского и американского экономиста Йозефа Шумпетера, Туган-Барановский был самым выдающимся из «полумарксистских» критиков Маркса и наиболее выдающимся российским экономистом своего времени, соединявшим качества экономического историка и теоретика.

(Доклад М.И. Туган-Барановского, читанный в заседании III Отд. И. В. Э. Общества 17-го января 1898 г.)

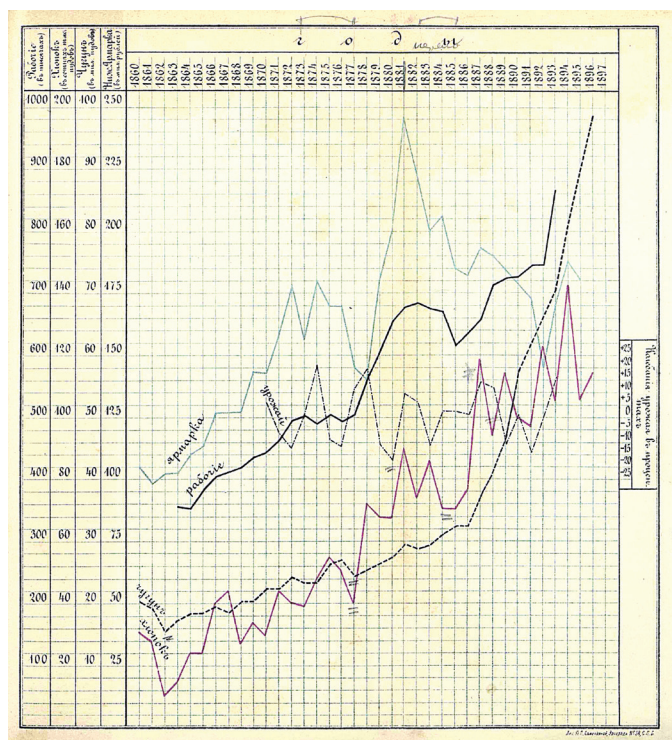
Нашу публику уже много лет уверяют, что русский капитализм совсем не похож на западноевропейский. На Западе капитализм повел к колоссальному росту национального богатства, огромному увеличению количества производимых продуктов. Капиталистическая промышленность Запада быстро прогрессирует и объединяет под фабричной кровлей все новые толпы рабочих. Крупные предприятия растут за счет мелких; происходит концентрация промышленности, особенно ярко обнаружившаяся в самое последнее время (синдикаты, тресты). В более передовых странах Запада земледелие уже давно перестало быть основной, господствующей отраслью производства, дающей тон всей промышленной жизни: своеобразный цикл капиталистической промышленности, смена периодов оживления и застоя почти совершенно не зависит от колебаний урожая. Промышленный застой нередко наблюдается в урожайные годы, а оживление — в годы неурожая. Вместе с тем доля населения, занятого в промышленности и торговле, на Западе растет с каждым годом, а земледельческое население относительно, а иногда и абсолютно, падает.

Совсем другое, говорят нам, мы видим в России. Развитие капиталистического производства повело у нас не к обогащению, а к обеднению страны; не только рабочие классы, непосредственные производители, обеднели, но даже и общая сумма производимых продуктов обнаруживает тенденции к сокращению. Число рабочих на наших фабриках почти не растет, а сравнительно с общей суммой населения, даже падает. Земледелие теперь, как и раньше, является основанием всего нашего хозяйственного строя. Всем управляет у нас «господин урожай». Уродился хлеб — мужик больше покупает ситцевых рубах — хлопчатобумажная промышленность оживляется. Хлеба мало — на фабриках работа приостанавливается, фабричные рабочие остаются без работы. Периоды оживления и застоя нашей промышленности вполне совпадают с годами хорошего и дурного урожая. В самой фабричной промышленности не наблюдается той концентрации производства, которая замечается на Западе. В новейшее время размер нашей фабрики стал быстро сокращаться. Фабрика становится мельче. Наш капитализм был достаточно силен, чтобы окончательно разорить мужика, убить его промыс-

лы, но оказался совершенно неспособным исполнить культурную миссию западноевропейского капитализма — объединить рабочих, поднять производительность национального труда. Русский капитализм походит на западноевропейский отрицательной стороной; но у него совершенно отсутствует положительная сторона, несомненно, имеющаяся в капиталистической промышленности Запада.

Так или почти так изображаются русский и западноевропейский капитализм большинством наших почтенных экономистов. Нам говорят, что число фабричных рабочих в России почти не возрастает, концентрация производства не наблюдается, урожай является вершителем судеб нашей промышленности, сумма производства увеличивается медленно. Попробуем же проверить все это на цифрах; но уже принявшись за статистику, не будем довольствоваться случайно выхваченными цифрами за тот или иной отдельный год, а статистически исследуем движение промышленности за весь новейший период развития нашего капитализма, то есть с эпохи освобождения крестьян. Оговорюсь при этом, что в настоящем докладе я совсем не буду касаться крайне важного пункта — влияния нашего капитализма на интересы рабочего класса и вообще массы населения. Это потребовало бы особого доклада.

Теперь я попрошу от вас, господа, немного внимания и терпения. Прилагаемая таблица (стр. 3) и диаграмма могут дать довольно отчетливое представление о ходе нашего промышленного развития после крестьянской реформы.

Верхняя черная линия на прилагаемой диаграмме выражает собой изменение числа рабочих на фабриках (не обложенных акцизом) в 50 губерниях Европейской России. Известно, что официальные сведения о числе фабричных рабочих крайне неточны и неполны; действительное число рабочих, без сомнения, значительно превышает показываемое в отчетах. Тем не менее общая цифра рабочих за разные годы все же является очень верным показателем роста нашей крупной промышленности, как в этом можно убедиться из рассмотрения соответствующей кривой на нашей диаграмме.

БЕСЕДЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ

Годы	Ввоз хлопка и хл. пряжи с 1887 г. Также и сбор хлопка в Туркестане (в тысячах пудов)	Количество чугуна, выплавляемого в Российской империи (в тысячах пудов)	Число (в тысячах) рабочих на фабриках и заводах Европейской России (кроме Финляндии и Царства Польского; рабочие на горных заводах, железнодорожные и рабочие в заведениях, обложенных акцизом, не включены)	Колебания урожая ржи в России, принимая за 100; для 1870–1882 г. — средний урожай за эти 13 лет, и для 1883–1893 г. — средний урожай за последние 11 лет	Ценность привоза на Нижегородскую ярмарку (в млн р.)
1860	2975				
	20 468				
	—		105		
1861	2796	19 451	—	—	98
1862	1085	15 268	—	—	103
1863	1586	17 027	358		
	—	103			
1864	2460	18 301	355	—	111
1865	2422	18 281	381	—	113
1866	3956	18 568	397	—	127
1867	4417	17 553	407	—	128
1868	2744	19 807	414	—	126
1869	3427	20 104	428	—	144
1870	3057	21 949	442	105	
	143				
1871	4458	21 933	463	93	158
1872	3925	24 375	492	88	178
1873	3853	23 484	498	100	158
1874	5009	23 213	487	120	180
1875	5588	26 080	501	90	170
1876	5048	26 947	491	88	169

Ввоз хлопка и пряжи до 1894 г. включительно по изданию Департамента таможенных сборов. *Tableaux Statistiques du Commerce Extérieur de la Russie* (S. Pet. 1896); за 1895 и 1896 г. по «Кратким сведениям о внешней торговле России за 1896 г.».

Сбор хлопка в Туркестане 1887–1893 г. по данным «Фабрично-заводской промышленности и торговли России». Изд. 2-е, стр. 6 (до 1887 г. сбор хлопка в Туркестане имел ничтожное значение); за 1894–1896 г. принята цифра сбора 1893 г.

До 1893 г. по «Материалам для истории и статистики железной промышленности России». Общий обзор железной промышленности. СПб. 1896 г.; за 1893 и 1894 г. по «Сборнику статистических сведений о горнозаводской промышленности России»; за 1895 и 1896 г. по «Вестнику Финансов», 1897 г. №21. Стр. 531.

По официальному «Отчету о ходе торговли на Нижегородской ярмарке за 1896 г.».

ЧАСТЬ 1. ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА И ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

1877	4051	24 336	500	110	146
1878	7103	25 473	559	118	142
1879	6859	26 413	608	88	181
1880	6800	27 375	648	83	200
1881	8917	28 662	668	108	246
1882	7447	28 237	682	105	224
1883	8681	29 407	669	87	201
1884	6918	31 106	665	102	206
1885	7086	32 206	616	102	186
1886	7733	32 484	635	100	184
1887	11 914	37 389	657	113	193
1888	9425	40 716	707	111	190
1889	11 514	45 561	716	89	187
1890	10 086	56 560	720	100	181
1891	9797	61 340	738	85	168
1892	12 475	65 432	742	96	144
1893	10 562	70 141	860	115	167
1894	14 299	81 347	—	—	187
1895	10 465	88 785	—	—	176
1896	11 453	98 414	—	—	177

Цифры за 1863–1865 г. взяты из «Сборника сведений и материалов по ведомству министерства финансов» за соответствующие годы, причем из общих итогов сборника вычтены цифры рабочих Сибири, Кавказа, Финляндии и Царства Польского. От 1866 по 1877 г. включительно цифры имеют лишь приблизительный характер и получены следующим образом. В «Ежегодниках министерства финансов» печатались (в выпусках I, VIII и XII) цифры рабочих за соответствующие годы, но не по всем родам производства, а лишь по главнейшим. Чтобы получить приблизительные цифры рабочих по всем производствам, я прибавлял к общим цифрам фабричных рабочих в «Ежегодниках» число рабочих в недостающих производствах, вычисляемое следующим образом: я брал цифры рабочих по этим производствам в 1865 и 1878 годах и путем сложных процентов определял, сколько рабочих было в данном производстве в данном году, предполагая, что число рабочих возрастало равномерно. Предположение это, разумеется, не соответствует истине, но зависящая от этого погрешность не особенно важна, так как число рабочих, вычисляемых таким образом, лишь приблизительно, не превышало 20% всего числа рабочих, в большинстве же случаев было значительно менее. Цифры за 1878–1884 г. взяты из официальных «Сведений о фабричной и заводской промышленности Российской империи» департамента торговли и мануфактуры за соответствующие годы. Эти цифры имеют тот недостаток, что в них включены отчасти и рабочие по мелким производствам (благодаря этому число рабочих за каждый год немного увеличено, на десять–двадцать тысяч). Наконец, цифры от 1885 г. и дальше взяты из ежегодно выходящих «Сводов данных о фабрично-заводской промышленности России», изд. департамента торговли и мануфактур. Цифры за 1892 и 1893 гг. пришлось опять вычислять, так как в «Сводах» за эти годы в общий итог включены и рабочие на горных заводах и заведениях, обложенных акцизом. Я должен был ограничиться в этой таблице цифрами рабочих только указанной в тексте категории (на фабриках и заводах, не обложенных акцизом), по отсутствию данных о рабочих других категорий за прошлые годы. Отсюда видно, сколько труда пришлось потратить на составление приводимого в тексте ряда цифр, и все-таки цифры получились не вполне надежные. Значение их для определения действительной численности рабочих за каждый отдельный год невелико: далеко не все рабочие регистрировались. Но, как увидим ниже, для характеристики относительных изменений числа рабочих за равные годы они вполне пригодны.

Цифры взяты из «Влияния урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства». Т. II. Стр. 121, 122. Мне пришлось относить колебания урожая ржи к двум различным средним (1870–1882 и 1883–1893 гг.) потому, что вследствие изменения способа регистрации урожаев, данные об урожаях первого периода (1870–1882 гг.) не сравнимы с данными последующего периода (1883–1893 гг.). В этом отношении я следовал группировке данных об урожаях, принятой авторами названного исследования.

Эта кривая обнаруживает три ясно обозначенных колебания. Одна волна достигает своей вершины в 1873 г.; затем следует небольшое падение и число рабочих не растет до 1877 г.; с этого года начинается новое поднятие; в 1882 г. волна достигает апогея. В течение следующих трех лет число рабочих падает. Следующее поднятие начинается с 1886 г., причем голод 1891 г. вызывает только легкую приостановку поступательного движения; число рабочих быстро растет, и особенно значительный рост замечается в последнем году, за который имеются сведения, — в 1893 г.

Верхняя синяя кривая означает собой движение ярмарочной торговли в Нижнем. До половины 80-х годов эта кривая колеблется так же, как и кривая рабочих: начало 70-х и еще более 80-х годов выражается в ней резким поднятием, а половина 70-х и 80-х годов — падением. Две волны выражены гораздо сильнее, чем в кривой рабочих. Совпадение колебаний обеих кривых, полученных совершенно из разных источников, является доказательством того, что колебания эти выражают известную реальность. Как ни неточны цифры рабочих на фабриках и цифры подвоза товаров на Нижегородскую ярмарку за каждый отдельный год, но взятые за длинный ряд лет, они отражают на себе действительные изменения промышленности.

Начиная с половины 80-х годов кривая ярмарочной торговли быстро опускается книзу, в то время как кривая рабочих так же быстро растет. Что же это значит? А то, что значение Нижегородской ярмарки в нашем торговом обороте падает. Архаическая форма торговли — ярмарки — сходит со сцены. Капиталистическая Россия усваивает и более культурные, более современные формы торговли.

Нижегородская ярмарка перестает быть «всероссийским торжищем», игравшим такую первенствующую роль в торговом механизме прежней России. Обороты ярмарочной торговли достигают своего апогея в 1881 г. и уже, наверное, никогда не достигнут цифры этого года. Падение ярмарочной торговли за последнее десятилетие является одним из выдающихся симптомов быстрого экономического роста России. Ярмарка отмирает, вместе с отмиранием наших старинных бытовых экономических форм — кустарного производства, общины и пр. Все эти формы гибнут от одной основной причины — преобразования условий транспорта и обмена и вытекающего отсюда развития промышленного капитализма.

Не одна Нижегородская ярмарка сходит со сцены. Поэзия украинских ярмарок, так ярко описанных Гоголем, также отходит в область прошедшего, вместе со старинным укладом нашей экономической жизни. Ярмарочная торговля издавна процветала в Украине. Полтава, Нежин, Ромны были центрами ярмарочной торговли; мануфактурные товары Московского промышленного района, для которого

Малороссия была одним из самых важных рынков, закупались на этих ярмарках местными торговцами и развозились по всей стране. Но уже с 70-х годов старинные украинские ярмарки вместе со старинными центрами украинской торговли начинают падать. Параллельно с этим быстро растет новый торговый центр Украины — Харьков. Целый ряд ярмарок переводится в Харьков; ярмарки следуют в нем одна за другой почти в течение всего года. Но такие непрерывные ярмарки утрачивают собственно характер ярмарок, превращаясь в постоянную, оседлую, а не кочующую торговлю.

Сумма проданных товаров (прим: Фабрично заводская промышленность и торговля России. СПб. 1896. Стр. 425–427.) (в млн руб.):

		1868–72 гг.	1895 г.
Ромны:	Маслянская ярмарка	3	0,4
--//--	Вознесенская --//--	2,2	0,3
--//--	Александровская --//--	3,6	0,3
Полтава:	Ильинская ярмарка	15	1,4
Харьков:	Крещенская ярмарка	8,5	14
--//--	Троицкая --//--	2,9	1,8
--//--	Успенская --//--	2,5	7
--//--	Покровская --//--	5,3	8,3
Курск:	Коренная --//--	5,6	0,7
ВСЕГО:		48,6	34,2

То же самое отмечается и на всех других ярмарках России, в том числе и на важнейшей после Нижегородской, Ирбитской.

Обороты Ирбитской ярмарки	
1887 года	56 млн руб.
1889 --//--	49 --//--
1891 --//--	45 --//--
1893 --//--	48 --//--
1894 --//--	49 --//--
1895 --//--	48 --//--

Чтобы оценить значение всех этих цифр, нужно помнить, что общие размеры торгового оборота России быстро растут, почему, если бы даже сумма ярмарочных оборотов оставалась теперь такой же, как и раньше, то это доказывало бы относительное падение ярмарочной торговли. Тем более сильно это падение, если даже абсолютные размеры ярмарочной торговли сокращаются.

Нижняя красная кривая выражает собой количество подвозимого хлопка и бумажной пряжи из-за границы и из Туркестана. При этом нужно иметь в виду, что бумажная пряжа ввозится в Россию в ничтожном количестве, главным же образом ввозится хлопок-сырец. Общая сумма хлопка, действительно потребляемого русскими фабриками, значительно (за последние годы на 2–3 миллиона пудов) превосходит приводимые мною в таблице цифры, так как, кроме иностранного и туркестанского хлопка, у нас употребляется хлопок других среднеазиатских владений России, а также Закавказья. Я не мог ввести в общий учет цифры среднеазиатского и закавказского хлопка, по невозможности достать таковые за прежние годы. Во всяком случае, необходимо помнить, что в действительности наше хлопчатобумажное производство растет быстрее, чем значится на моей диаграмме, ибо именно за последние годы стала сильно развиваться культура хлопка в наших азиатских владениях.

Легко видеть, что кривая хлопка, в противоположность кривой рабочих, колеблется очень сильно из года в год. Но не нужно забывать, что эта кривая не выражает собой количества действительно переработанного хлопка в данном году, а только подвезенного. Подвоз должен колебаться гораздо сильнее, чем самая переработка, так как на подвоз сильно влияют многие обстоятельства, мало влияющие на размеры производства, как, например, изменения цены хлопка, изменения пошлины на хлопок и пр. Так, быстрый скачок подвоза хлопка в 1887 г. и следующее затем падение его были вызваны следующей причиной. В 1887 г. повышена пошлина на заграничный хлопок; торговцы поспешили подвезти хлопок в усиленном количестве в 1887 г., чтобы избежать платежа пошлины, и по этой причине подвоз хлопка в 1888 сильно сократился. Но нет основания думать, что в 1888 г. и хлопчатобумажное производство сократилось. Если бы нам было известно количество хлопка, действительно перерабатываемого на фабриках, то многие неправильные скачки и падения хлопковой кривой сгладились бы; зубцы вниз и вверх закруглились бы; кривая стала бы колебаться не так часто и колебания ее приняли бы волнообразный характер.

Если мы все это будем иметь в виду, то легко заметим, что в общем кривая хлопка движется в том же направлении, как и кривые рабочих и ярмарочной торговли до

1886 года. 1876 и 1877 годы знаменуются сильным падением подвоза; затем подвоз начинает быстро расти, и кривая образует зубчатый выступ, соответствующий рабочей волне конца 70-х и начала 80-х годов. Затем идет падение, и только с 1886 г. вновь начинается энергичное повышательное движение, продолжающееся со значительными колебаниями до 1894 г.

Нижняя черная кривая выражает собой движение выплавки чугуна. Эта кривая мало колеблется. Только крестьянская реформа вызывает глубокое падение ее (падение хлопковой кривой в том же году было вызвано не крестьянской реформой, но совершенно иной причиной, действие которой совпало по времени, — американской междоусобной войной). Затем кривая чугуна почти не двигается вверх вплоть до конца 60-х годов. С 70-х начинается повышение, но крайне медленное; 1877 год, как и в кривой хлопка, отмечается падением. До 1886 г. продолжается прежде медленное повышательное движение. В этом году картина резко меняется. Кривая делает огромный скачок вверх и почти вертикально повышается без всяких колебаний до конца рассматриваемого периода.

Движение этих кривых довольно отчетливо воспроизводит историю нашей промышленности в пореформенную эпоху. Очевидно, в развитии нашей промышленности замечались колебания: развитие это имело периодический характер, подобно развитию промышленности других капиталистических стран. Если мы сравним колебания нашей промышленности с колебаниями промышленности, например, английской, то увидим, что за последнее время эпохи промышленного оживления и зстоя совпадают у нас с таковыми же эпохами в Англии. В самом деле, оживление в английской промышленности замечалось в начале 70-х годов, в конце 70-х и начале 80-х, в конце 80-х и начале 90-х. Эпохи зстоя — середина 70-х годов и середина 80-х. Чтобы убедиться в параллелизме колебаний нашей промышленности и английской, достаточно сравнить вышеприведенную диаграмму с соответствующей диаграммой для Англии, помещенной в моей книге «Промышленные кризисы в современной Англии» на стр. 340. Кривая английского экспорта растет и падает в те же годы, как и кривая русских рабочих. Существенная разница заключается в том, что английская кривая, в общем, не обнаруживает повышательного движения, а русская кривая быстро движется, хотя и с колебаниями, вверх.

Чем же вызывались эти колебания? Уже из одного того, что они соответствуют английским колебаниями, следует заключить, что причина их не имеет чисто местного характера. У нас обыкновенно думают, что единственным, или, по крайней мере, наиболее важным фактором, определяющим состояние нашей промышленности, является «госпо-

дин урожай». Это мнение нашло яркого выразителя в лице г. Николая -она. Для этого экономиста, видевшего во всей нашей пореформенной промышленной истории только быстрое падение, приближение к какой-то фантастической экономической катастрофе, чуть ли не к всеобщему разрушению, грозным ангелом которого явится все уничтожающий капитал, урожай является единственной причиной «процветания» нашей промышленности. Легко понять, как важен был этот тезис для всей теории г. -она. Если колебания нашей промышленности всецело объясняются колебаниями урожая, то, значит, земледельческое «народное» производство и по настоящее время является фундаментом всего зыбкого здания нашего капитализма. А так как этот фундамент оказывается весьма ненадежным и притом не только не улучшающимся со временем, но даже ухудшающимся под влиянием разных неблагоприятных условий, в прах рассыпающих наши вековые устои, то и капиталистической «надстройке» предстоит печальная участь погибнуть вместе с устоями.

Пунктирная линия на прилагаемой диаграмме выражает колебания урожая ржи с 1870–1893 гг. Сравните колебания этой кривой с тремя остальными кривыми и скажите, можно ли на основании этого сравнения утверждать, что в России всем вертит урожай. Промышленный застой середины 70-х годов совпадает скорее с хорошими, чем дурными урожаями; из четырех лет 1874–1877 гг. урожай 1874 г. был даже наилучшим за весь период. Конец 70-х годов и начало 80-го были, несомненно, эпохой оживления нашей промышленности. Было ли вызвано это оживление урожаями? Правда, урожай 1878 г. был очень хорош (хотя и не так, как 1874 г.), но зато урожай 1879 г. был значительно ниже среднего. Время от 1882–1886 гг. было эпохой депрессии; между тем только один год (1883) этой эпохи был неурожайным, а в 1882, 1884 и 1885 гг. урожай был выше среднего, и все-таки промышленность была в застое. Напротив, неурожайная эпоха начала 90-х годов едва была в силах немного приостановить рост общей цифры рабочих и хлопчатобумажного производства.

Если мы обратимся к кривой выплавки чугуна, то тут мы не заметим уж ровно никакой связи между колебаниями урожая и состоянием производства. Эта кривая вообще колеблется крайне мало и только в самом конце рассматриваемого периода необыкновенно быстро идет вверх. Поразительное развитие чугунно-плавильного производства начиная с 1887 г., очевидно, находится вне всякого влияния урожаев.

Из всего этого, разумеется, не следует, что урожай не играет никакой роли в состоянии нашей промышленности. Нет, на некоторые роды производства урожай, несомненно, влияет очень сильно. Нельзя сказать, чтобы годовые колебания хлопчатобумажного производства всецело обуславливались колебаниями урожая; но что эти последние являются одними из существенных факторов первых, в этом легко убедиться из той же диаграммы, если только не забывать, что, во-первых, влияние урожая сказывается, главным образом, в следующем календарном году, и, во-вторых, кривая ввоза хлопка не есть еще кривая хлопчатобумажного производства, почему многие неправильные скачки этой кривой не выражают собой таких же изменений производства. Зато на другие производства урожай почти не влияет; к числу таковых относится, как видно из нашей диаграммы, одна из важнейших отраслей нашей промышленности — чугуноплавильное производство и, вообще, добыча металлов.

От чего же, в таком случае, зависят волнообразные колебания нашей промышленности? Как я говорил, уже из того, что эти колебания, в общем, совпадают с колебаниями английской промышленности, можно заключить, что причины их не местного характера. В развитии нашей промышленности отражается периодичность, свойственная капиталистическому производству всего мира. Чередование эпохи оживления и застоя промышленности является в нашем пореформенном хозяйстве таким же обычным явлением, как и в других капиталистических хозяйствах. Именно этой причиной — периодичностью развития, типичной для капиталистического производства, и вызываются правильные волнообразные колебания числа рабочих на наших фабриках и оборотов на Нижегородской ярмарке.

Тяжелый мировой кризис 1857 года, пронесшийся ураганом по всей Западной Европе и Северной Америке, отразился, хотя и значительно слабее, и в России. Конец 50-х годов был отмечен у нас банкротствами банков, акционерных предприятий, торговых и промышленных фирм, застоем торговли и сокращением производства — обычными симптомами промышленного кризиса. Вот что пишет об этом один современный русский писатель: «Образовалась акционерная игра, слава богу, продолжавшаяся недолго, в которую вдалились и учредители, и акционеры еще тогда, когда действия обществ ничем не доказывали на практике выгоды затеянных предприятий. Сначала казалось, что акционерные дела идут весьма хорошо, и публика обратилась к ним с необыкновенным доверием. Акции всех обществ весьма легко перепродавались на бирже и часто заменяли

наличные деньги или облигации. Но скоро все изменилось. Невыгодный баланс (обычное явление в эпоху, предшествующую промышленному кризису; подробнее об этом см. мою книгу «Промышленные кризисы в современной Англии» М. Т. Б.) произвел невыгодный курс и вызвал большой спрос монеты... Банки перестали выдавать ссуды под недвижимые свободные имения и дома. Акции потеряли свою ценность и не могли уже по-прежнему заменять денежных знаков. С одной стороны, недостаток в деньгах мгновенно и быстро усилился, а с другой — потеря ценности акций заставила акционеров обратить внимание на действия правлений, — и тогда открылись их ошибки, злоупотребления и даже иногда расхищения акционерных капиталов... Последствием всего этого было почти полное уничтожение цен на акции. Акции многих обществ не покупались и не принимались в платежи ни по каким ценам, тогда как собранные на эти начальные предприятия с 1856 г. суммы простирались свыше 150 млн руб. серебром... Недостаток денег сделался повсеместным. Все это совокупно отразилось на всех других отраслях промышленности, особенно на мануфактурных, и произвело повсеместный в государстве застой торговли... Этот застой торговли отражается на множестве различных мелких промышленных предприятий, с которыми сопряжена торговля этими товарами. Если бы правительство не открыло для купечества кредит в московской конторе коммерческого банка на более льготных основаниях, то банкротства от совокупности всех описанных обстоятельств произошли бы весьма значительные и многочисленные, и внутренняя торговля наша была бы потрясена весьма сильно». Это описание вполне воспроизводит обычную картину торгово-про-

мышленного кризиса. Более подробное описание действия кризиса конца 50-х годов на русскую промышленность мы находим у В. Безобразова: «Оживление промышленности и коммерческих дел, с окончанием восточной войны, было для всех так очевидно, что нет надобности доказывать его... Коренное оживление наших промышленных и коммерческих дел принадлежит к 1854–1857 гг. Оно началось еще до заключения мира. Оно проявилось чрезвычайным усилением фабричной деятельности, преимущественно в северной промышленной полосе, необычайной бойкостью оборотов на всех внутренних ярмарках, быстрым увеличением сбыта как отечественных, так и иностранных мануфактурных товаров... Апогей этого движения внутри России был в 1855 и 1856 годах, о которых решительно все участники нашей промышленной и коммерческой деятельности говорили, как о золотом времени. И простые рабочие, и фабричные, и фабриканты, и купцы всюду говорили нам об этом време-

ни: «мы тогда озолотились»; фабрики не успевали готовить товаров, строились новые фабрики и расширялись старые, цены на все товары и заработки росли непомерно... После промышленного оживления настала другая эпоха, с совершенно противоположными признаками: всеобщий промышленный и коммерческий застой, дающий положению наших дел, с 1858 и 1859 гг., характер кризиса. Уже с 1858 г. начинаются во внутреннем производстве и торговле задержки, заминки, которые в 1859 г. превращаются внутри России в значительный кризис. С начала этого года начинают раздаваться жалобы на слабость сбыта, на накопление непроданных товаров, с 1858 г. начинаются плохие ярмарки, состояние которых с тех пор не улучшается, а с каждым годом ухудшается. Крушение акционерных компаний было бы излишне описывать: оно слишком всем известно; немногие из акционерных предприятий уцелели, и то почти исключительно те, которые существовали до войны. Место безграничного увлечения акционерным делом заступила или настоящая паника, или полнейшее равнодушие... Но акционерный кризис действовал более или менее на поверхности общества и на верхушках народного хозяйства. Во всем внутреннем его организме произошли затруднения гораздо более глубокие, более продолжительные и более опасные. Как внутреннее промышленное оживление, о котором мы говорили, составляло главный характер первой эпохи испытанного нами переворота, так промышленный и коммерческий застой, поразивший наше народное хозяйство во всех внутренних центрах производительности и на всех внутренних рынках, представляет собой самую серьезную сторону второй или, лучше сказать, нынешней эпохи кризиса»*.

Я не буду дольше останавливаться над описанием кризиса конца 50-х годов, так как описание отдельных моментов нашей промышленной истории не входит в задачу этого доклада. Приведу только несколько цифр, из которых читатель может судить об акционерной горячке, предшествовавшей кризису.

* В. Безобразов. «О некоторых явлениях денежного обращения в России». Москва. 1863 г. II, стр. 24.

КАПИТАЛ ВНОВЬ ОСНОВАННЫХ АКЦИОНЕРНЫХ КОМПАНИЙ*

1856	15 млн руб.
1857	300 ---//---
1858	51 ---//---
1859	67 ---//---

Начало 70-х годов было эпохой самой безумной учредительской горячки в Западной Европе, особенно в Австрии и Германии. За этой горячкой последовал знаменитый венский биржевой крах в мае 1871 г., а затем кризис распространился и на Соединенные Штаты и охватил собой почти всю Европу. Точно так же и у нас в 1870–1872 г. замечалось значительное расширение производства, а затем последовал кризис и банкротство торгово-промышленных предприятий. По словам Я. Гарелина, «конец 1872 г. и начало 1873 г. были ознаменованы банкротствами... Такой ход торговли объясняется не конкуренцией с иностранными фабрикантами. Главная причина плохой торговли заключалась в том, что ситцев было наработано громадное количество, и их нужно было сбыть во что бы то ни стало»**.

В своем отчете за 1876 г. Московское отделение совета торговли и мануфактур указывало на печальное положение торговли и промышленности Московского района. О размерах кризиса можно судить по росту несостоятельности в районе Московского коммерческого суда.

ГОД	ЧИСЛО НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЕЙ	ОБЩИЙ ПАССИВ
1874	68	5313 тыс. руб.
1875	56	10 900 ---//---
1876	113	31 495 ---//---

Общее положение рисуется в отчете такими словами: «В настоящее время можно сказать без преувеличения, что нет ни одной фирмы в Москве, которая не понесла бы более или менее значительных убытков и не была бы вынуждена к более или менее значительному сокращению своих оборотов»***.

* Безобразов, II, стр. 22.

** Я. Гарелин. Город Иваново-Вознесенск. II, стр. 60.

*** «Вестник Европы», 1877, XII. Внутр. обозрение.

По объяснению отчета, кризис был вызван следующими обстоятельствами: в начале 70-х годов фабричное производство значительно расширилось благодаря быстрому развитию железнодорожной сети. Предложение скоро обогнало спрос, но расширение кредитных продаж давало возможность фабрикантам сбывать товар продавцам. Спекуляция удерживала товарные цены от падения, и производство продолжало расти, несмотря на все увеличивавшуюся трудность продавать товар потребителям. Неурожаи 1872 и 1875 года дали толчок к кризису: цены мануфактурных товаров быстро упали, производство сократилось, и последовал целый ряд банкротств, от которых особенно пострадали мануфактурные фирмы.

Внутренний обозреватель «Вестника Европы» очень верно отмечает важнейшую причину, вызвавшую сначала расширение, а затем сжатие нашего внутреннего рынка в 70-х годах. И то и другое объяснялось влиянием на народный спрос постройки железных дорог. В период железнодорожной горячки конца 60-х и начала 70-х годов на постройку железных дорог было израсходовано больше миллиарда рублей. Более всего дорог строилось в 1868–1871 г. Затем постройка вдруг упала, и хотя в 1873 и 1874 она опять увеличилась, но в следующие годы стала решительно уменьшаться.

Параллельно с этим изменялся спрос на товары. Пока железные дороги усиленно строились, спрос на товары был боек; когда постройка сократилась — упал и спрос.

«Громадный оборот железнодорожного строительства везде вызывал кризисы, независимо даже от политических обстоятельств... У нас же, в стране крайне медленного экономического развития, он представлял нечто в роде того «золотого дождя», какой явился в Германии пятью миллиардами франков французской контрибуции. Ведь основной капитал наших железных дорог — 1544 млн кред. рублей — также недалек до пяти миллиардов франков. И... сокращение строительства повлияло и у нас на возникновение чего-то в роде краха»*.

Что касается до конца 70-х годов, то эта эпоха вполне имела характер спекулятивной и учредительской горячки. Ярмарка 1878 г. по размеру привоза была самой низкой в 70-х годах, но зато по спросу на товары она была наилучшей. Благодаря тому, что товаров было подвезено мало,

* «Вестник Европы», 1877, XII. Внутреннее обозрение, 802. Именно этими причинами и вызывается периодическая смена оживления и застоя промышленности в Западной Европе и Америке. См. мою книгу «Промышленные кризисы в современной Англии». Ч. II. Глава II.

а спрос на товары сильно оживился после окончания турецкой войны, товарные цены чрезвычайно поднялись. «Нижегородская ярмарка 1878 г. разыгралась необыкновенно блистательно во всех отношениях. Подобной ярмарки не запомнили в летописях Макария. Сбыт всех товаров был необыкновенно бойкий; почти по всем отраслям спрос превышал предложение. В особенности были хороши расчеты; все продажи делались за наличные, все уплаты по прежним обязательствам производились с величайшей исправностью. В наличных деньгах было неслыханное изобилие». Все это «усилило до нельзя возбуждение в нашем промышленном мире... Это возбуждение, какого давно не запомнят в нашей промышленности, необыкновенное усиление производства на всех прежних фабриках и заводах и расширение новых, достигли своего апогея в средний 1879 г., и он (апогей) продолжался до 1880 г.»*.

О степени торгового оживления этой эпохи можно судить по тому, что, по словам В. Безобразова, прибыли торгово-промышленных фирм в эту эпоху достигли огромных размеров. По официальным отчетам некоторых акционерных обществ, прибыли их за этот период достигали 40, 50 и даже 70% на акционерный капитал.

Такое возбуждение должно было неизбежно повести к реакции.

Ярмарка 1880 г. уже обнаружила превышение предложения товаров сравнительно со спросом. Тем не менее, как видно из вышеприведенной диаграммы, толчок 70-х годов был так силен, что ярмарка 1881 г. оказалась наивысшей по размерам подвоза; но зато за этой ярмаркой последовал целый ряд неудачных, подвоз товаров падал, производство сокращалось. Последовал тяжелый промышленный застой, продолжавшийся до 1887 года. О промышленном застое 80-х годов имеются подробные сведения в Московском Статистическом Ежегоднике. Состояние промышленности ухудшалось вплоть до зимы 1886–1887 г. Все земские корреспонденты единогласно указывали, что эта зима отличалась крайним упадком фабричных заработков крестьян. «Цены на труд и спрос на рабочие руки упали; многие фабрики стали; другие сократили производство» — этими словами характеризуется Ежегодником фабричная промышленность Московск. губ. в конце 1886 г. Застой в делах так силен, что многие фабричные, совершенно отвыкшие от земледелия, вернулись в деревню и опять взялись за

* В. Безобразов. «Народное хозяйство России». I, стр. 277.

соху. В некоторых местностях «фабричное производство почти что приостановилось, весь фабричный народ жил дома без заработка»*.

Новая эпоха промышленного оживления начинается с 1887 г. и продолжается почти без перерыва до настоящего времени. Биржевой кризис 1896 г., обнаружившийся преимущественно на петербургской бирже, быть может, знаменует собой начало реакции. Но лучшим доказательством того, что промышленный кризис, к которому мы теперь идем, не может существенно задержать быстрого поступательного хода нашей промышленности, являются факты прошлого. Рост чугуноплавильного производства служит характерным симптомом новой промышленной эры, наступившей для нас со второй половины 80-х годов.

Достаточно беглого взгляда на приведенную диаграмму, чтобы убедиться в быстром поступательном ходе нашей промышленности, несмотря на все колебания. Число фабричных рабочих за 30 лет возросло почти в 2½ раза, хлопчатобумажное и чугуноплавильное производства — более чем в 4 раза. Особенно бросаются в глаза успехи нашей чугуноплавильной промышленности за самое последнее время. Россия быстро догоняет в этом отношении опередившие ее страны Западной Европы.

ДОБЫЧА ЧУГУНА В РАЗНЫХ СТРАНАХ**

	1886 г. м. п.	1895 г. м. п.	Увеличение
Соед. Шт. Сев. Америки	347	586	+69%
Великобритания	434	478	+10 --//--
Германия	215	334	+55 --//--
Франция	93	122	+31 --//--
Австро-Венгрия	44	66	+50 --//--
Бельгия	43	51	+19 --//--
Швеция	27	28	+0,5 --//--
Россия	32	89	+178 --//--

* Статистический ежегодник Московского губернского земства. 1887. Кустарные, отхожие и фабричные промыслы. Стр. 18.

** «Материалы для истории и статистики железной промышленности России». Общій обзор железной промышленности, стр. 4; Радциг «Железодельательная промышленность всего света». Стр. 3.

В 1897 г. в России выплавлено чугуна, по приблизительному расчету, около 111 млн пуд. Россия уже почти догнала Францию, а через несколько лет, судя по количеству строящихся заводов и доменных печей, значительно ее перегонит*.

Одним из важных факторов этого промышленного развития, несомненно, явилась таможенная политика последнего времени. Так, слабое развитие чугуноплавильного производства вплоть до 1887 и последующий быстрый рост его в значительной мере объясняются тарифными причинами. В 1887 г. значительно повышена пошлина на чугун, железо и сталь (по тарифу 1868 г. чугун был обложен небольшой пошлиной в 5 к. с пуда, но фактически значительно большая часть всего ввоза иностранного чугуна в Россию поступала беспошлинно, благодаря предоставлению железным дорогам права беспошлинного привоза из-за границы рельс и других железнодорожных материалов, а также льготам по беспошлинному привозу чугуна, установленным в пользу разных заводов. С 1881 г. все эти льготы были отменены, а пошлины на чугун были постепенно повышаемы и в 1887 г. дошли до 25 к., в 1891 г. до 30 к. золотом с пуда). Резкое поднятие выплавки чугуна немедленно вслед за повышением пошлины находится в несомненной связи с этой последней причиной. То же самое можно сказать и о некоторых других горнозаводских производствах, особенно каменноугольном.

КОЛИЧЕСТВО КАМЕННОГО УГЛЯ, ДОБЫВАЕМОГО В РОССИИ (В МИЛЛИОНАХ ПУДОВ)**	
В 1880 г. — 201	В 1888 г. — 317
» 1881 » — 213	» 1889 » — 379
» 1882 » — 230	» 1890 » — 367
» 1883 » — 243	» 1891 » — 381
» 1884 » — 240	» 1892 » — 424
» 1885 » — 261	» 1893 » — 465
» 1886 » — 279	» 1894 » — 535
» 1887 » — 277	

* К вопросу о пошлинах на иностранный чугун. «Вестник финансов». № 50. 1897 г.

** «Производительные силы России». Отдел VII, стр. 37; за 1894 г. «Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России».

В 1884 г. была установлена пошлина на иностранный каменный уголь (до 2 коп. зол. с пуда; в 1886 и 1887 гг. она была еще повышена и доведена в 1891 г. до 4 к. зол. с пуда). С этого времени и начинается быстрый рост производства.

В мою задачу не входит рассмотрение и критика нашей таможенной политики. Замечу только, что из приведенных данных было бы очень ошибочно делать огульное заключение в пользу господствующей у нас таможенной системы. В таких сложных вопросах, как связь между системой тарифа и состоянием промышленности, прежде всего не нужно упускать из виду, что *post hoc* далеко еще не есть *propter hoc*. Что протекционизм далеко не всесилен и не обладает чудодейственной силой создавать новые отрасли производства, лучшим доказательством этому служит наша промышленная история.

Чугуноплавильное производство принадлежало у нас искони к наиболее покровительствуемым и опекаемым правительством. В дореформенной России ввоз чугуна был запрещен, и сверх того, правительство жертвовало громадные денежные суммы на поддержание частных горных заводов. И тем не менее эта отрасль промышленности находилась в полнейшем застое вплоть до освобождения крестьян. Протекционизм не только не развивал, но скорее убивал наше железоделательное производство, приводя к повышению цен на железо и к полному застою техники. После освобождения крестьян, в период почти полного отсутствия тарифной охраны, чугунно-плавильное производство развивалось, хотя и очень медленно. Наконец, со второй половины 80-х годов начинается поразительно быстрое развитие этого производства. Наши протекционисты видели причину ослабления роста выплавки чугуна в 60-х и 70-х годах в отсутствии таможенной охраны. Если верить им, то если бы наше правительство тарифами 1857 и 1868 г. не свернуло с истинного пути протекционизма и не сделало некоторых опасных уступок «либералам» фритредерам, то в настоящее время Россия, по степени развития своей промышленности, представляла бы собой чуть ли не вторую Америку. Но почтенные апологеты крупного капитала упускают из виду, что только благодаря беспешинному привозу в Россию рельсов и железнодорожных принадлежностей стала возможна быстрая постройка сети железных дорог, что, на наш взгляд, и явилось решающим моментом в деле развития нашей промышленности. Если бы правительство следовало политике, рекомендуемой нашими протекционистами, то у нас теперь было бы не 40 тысяч верст рельсового пути, а гораздо меньше. А между тем именно железные дороги и сделали возможным то быстрое промышленное развитие, которое наблюдается в последнее время.

Доказательством независимости промышленного подъема конца 80-х годов от новейших таможенных перемен является его общий характер. Бумаготкацкая промышленность от них нисколько не выиграла. Известно, что коренной недостаток протекционизма заключается в том, что, «поощряя» одну отрасль промышленности, он в то же время задерживает развитие других. Так и в данном случае. В 1887 г. была повышена пошлина на хлопок-сырец и на бумажную пряжу. Первое содействовало росту хлопководства в наших среднеазиатских владениях, но могло только затруднить развитие бумагопрядения и ткачества. А второе должно было неблагоприятно повлиять на бумаготкацкую промышленность. Тарифом 1891 г. пошлина на хлопок была еще повышена; тем не менее, как видно из вышеприведенной диаграммы, хлопчатобумажное производство продолжало, хотя и с колебаниями, расти. Отсюда ясно, что нельзя приписывать только тарифным изменениям последнего времени рост нашей промышленности. Важнейшим фактором этого роста было коренное изменение условий транспорта, под влиянием постройки железных дорог.

Самым любопытным фактом промышленного развития последнего времени является гигантский рост горнозаводской промышленности на юге России. Старинные уральские заводы, игравшие такую первенствующую роль в горнозаводской промышленности крепостной России, все более и более теряют свое прежнее значение. Выросшие на почве крепостного права, они оказались мало приспособленными к новым хозяйственным условиям России. Зато с изумительной быстротой возникло огромное горнозаводское производство в Донецком бассейне. Это производство, организованное вполне на крупнокапиталистический лад, составляет новейший и самый пышный цветок российского промышленного капитализма. Но важнейшим фактором развития Донецкой горнозаводской промышленности была постройка Донецкой железнодорожной сети и в особенности Екатерининской дороги, соединившей в 1884 г. криворожскую руду с донецкими углем.

Однако я несколько уклонился в сторону. Вернемся к одному любопытному вопросу, о котором я должен обстоятельно поговорить, а именно к возрастанию числа наших фабричных рабочих.

Вы были, господа, вероятно, несколько удивлены приведенными у меня цифрами и, быть может, заподозрили меня в некотором тенденциозном искажении этих цифр. Кто же не знает, что число наших фабричных рабочих почти не возрастает или, во всяком случае, возрастает гораздо медленнее, чем растет население. С тех пор как об этом было поведено русской читающей публике главой наших народников — г. В. В., многие из его последователей воз-

вращались к той же теме и новыми статистическими данными подкрепляли этот тезис, играющий роль краеугольного камня всей народнической критики русского капитализма. Ученый автор «Народнохозяйственных набросков» г. Карышев признает важным наблюдением, что «увеличение числа рабочих в России едва ли поспедало за ростом населения»*. Г. Николай -он также останавливается на этом предмете как в своей известной книге, так и в последующих журнальных статьях.

Полемизируя с г. Струве, совершенно справедливо указавшим г. -ону, что в уменьшении процента населения, занятого земледелием, заключается историческая миссия нашего капитализма, г. -он берет цифру фабричных рабочих в России как основание для решения вопроса о «миссии» нашего капитализма. И заключение оказывается крайне неблагоприятным для «миссии». «Как бы ни было желательно присоединиться к мнению г. П. Струве, — заключает наш автор, — но факты вопиют против него; плохо, очень плохо капитализм исполняет у нас свое историческое призвание или «миссию». Число рабочих, занятых на фабриках и заводах, не только стало в 1890 г. относительно меньше того, каким оно было в 1866 г., но, кроме того, оно имеет стремление к еще бо льшему понижению»**.

Итак, г. -он торжествует победу над «апологетами капитализма». На стр. 99 той же статьи читатель найдет и точные цифры рабочих за соответствующее годы; оказывается, что в 1865 г. в Европейской России всех фабричных рабочих (кроме горнорабочих) было 829 573, а в 1890 г. — 375 764; иными словами, за 25 лет число рабочих возросло лишь на 5½%***. Цифры г. -она принимает и проф. Каблуков в своих «Лекциях по экономии сельского хозяйства» (Москва. 1897 г.).

Зная все это, вы вправе не поверить моим цифрам. В моей таблице вы найдете, что в 1865 г. в 50 губерниях Европейской России было 381 тыс. фабричных рабочих (в заведениях, не обложенных акцизом), а в 1890 г. — 720 тыс. Число фабричных рабочих увеличилось на 89%.

* Русское Богатство, 1894 г. № 2. Народно-хоз. наброски, стр. 2.

** Русское Богатство, 1894 г. № 6. Нечто об условиях нашего хозяйственного развития, стр. 103.

*** Та же цифра фабричных рабочих в 1865 г. приводится г. Н.-оном и в «Очерках нашего общественного дореформенного хозяйства», стр. 125.

Итак, по г. Н. -ону, число рабочих в России за 1865–90 гг. выросло на 5%, по моим же данным — на 89%; разница довольно почтенная. Очевидно, кто-нибудь из нас виновен в крупной статистической ошибке, и притом не по какому-либо второстепенному вопросу, а по самому кардинальному. На этом пункте нельзя не остановиться. Разберем же, на чем основывает свой расчет г. -он.

Цифра рабочих у г. -она в 1890 г. превышает соответствующую цифру в моей таблице потому, что я беру только фабрики, не обложенные акцизом, а г. -он включает и заведения, обложенные акцизом. Число рабочих в 1865 г. взято им из «Военно-статистического Сборника». Действительно, на стр. 325 этого Сборника (выпуск IV) мы находим эту цифру. Итак, г. -он, по-видимому, не без некоторого основания торжествует победу над г. Струве? Погодите. Почти рядом с цифрой рабочих в Сборнике стоит и цифра «фабрик и заводов» в 1865 г. Оказывается, что в этом году в Европейской России было 70 631 фабрик и заводов. Сколько же их имеется в настоящее время?

Берем тот самый «Указатель фабрик и заводов» Орлова за 1894 г., откуда г. -он взял цифру рабочих за 1890 г. На стр. 5 этого «Указателя» находим, что фабрик и заводов в этом году было 21 124 (обложенных и необложенных акцизом). Вывод получается несколько парадоксальный.

За последние 25 лет число фабрик и заводов уменьшилось у нас более чем в три раза; уничтожилось 50 тысяч фабрик, то есть почти по 2 тысячи фабрик в год. Судя по этому, можно ожидать, что пройдет еще немного лет, и в России не останется ни одной фабрики.

Вот к каким удивительным результатам приводят иногда нелюбимые цифры! Наш капитализм и фабрика быстрыми шагами идут к гибели!

Но почему же, однако, г. -он совсем умалчивает об огромном сокращении у нас числа крупных промышленных предприятий и не пользуется таким превосходным аргументом для доказательства саморазрушающей силы нашего капитализма? Дело, по-видимому, нечисто.

И, действительно, дело вот в чем: г. -он проглядел, что цифры Военно-статистического сборника относятся не только к фабричным рабочим, но к этим последним плюс рабочие в мелком производстве и, отчасти, горнозаводские. Первое определенно указывается и в самом Сборнике. Приведенные цифры, по словам Сборника, «имеют тот недостаток, что в числе фабрик некоторые губернские статистические комитеты включали весьма часто крайне малые заведения, которые скорее относятся к ремесленной, а не к фабричной промышленности» (Сборники, стр. 319). Но и помимо этой оговорки, уже одна огромная цифра этих «фабрик» должна была показать г-ну -ону, что по крайней мере их являются кустарными и ремесленными мастерски-

ми. И, действительно, по официальным сведениям, в 1866 г. в Европейской России считалось только 23 751 фабрик и заводов (обложенных и необложенных акцизом)*. (О числе всех фабрик и заводов в 1865 г. точных данных у меня под рукой нет). Как видит читатель, эта цифра весьма далека от фантастических 70 тысяч фабрик, которые, по мнению г-на -она, существовали в России в 1865 г.**

Что касается до горных рабочих, то и они, без всякого сомнения, отчасти вошли в приведенный в Сборнике итог, что видно из высокой цифры рабочих, занятых обработкой металлов (128 тысяч).

Итак, принятое на веру нашими экономистами утверждение г. -она, что число фабричных рабочих у нас почти не возрастает, оказывается основанным на грубой статистической ошибке, которую г. -он мог бы избежать, заглянувши в соседнюю графу таблицы, откуда он заимствовал свою фантастическую цифру. Число фабричных рабочих у нас растет довольно быстро и, во всяком случае, гораздо быстрее населения. Население у нас увеличивается за последнее время немного более чем на 1% в год; число же фабричных рабочих увеличилось за 6 лет (1887–1893) почти на 31%, т. е. почти на 4% в год. За 30 лет (1863–1893) число фабричных рабочих возросло более чем на 140%, т. е. более

* Вешняков. Русская промышленность и ее нужды. «Вестник Европы», 1870 г., октябрь. Число рабочих на фабриках и заводах, обложенных и необложенных акцизом, в 1866 г., г. Вешняков определяет в 493 371 человек — цифра, довольно далекая от приводимой г. -оном.

** Я предвижу возражение, которое мне сделает г. -он (если он не предпочтет пройти всего этого инцидента молчанием). Г. -он скажет, что и мои цифры недостоверны, так как вообще наша официальная статистика не заслуживает доверия. Он скажет, что увеличение числа рабочих в моей таблице есть только кажущееся и выражает собой только улучшение приемов регистрации. Но, во-первых, это нужно доказать: нет решительно никаких оснований думать, что регистрация фабричных рабочих отличается теперь большей точностью, чем раньше, так как приемы регистрации остались теперь совершенно те же, что и раньше. Теперь, как и в 60-х годах, вся наша фабричная статистика всецело основывается на показаниях самих фабрикантов, которые показывают, что хотят, не отвечают за неискренность показаний и, вообще, уменьшают цифры своих рабочих и размеры оборотов. Поэтому приводимые мною данные не выражают действительного числа рабочих в каждом отдельном году, хотя они и вполне пригодны для изображения относительных изменений числа рабочих за разные годы. Во-вторых, лучшим доказательством, что мои цифры не фантастичны (как цифры г. -она), а выражают собой действительный рост числа рабочих, является совпадение колебаний этих цифр с колебаниями других рядов цифр, полученных совершенно из других источников. Число рабочих в моей таблице особенно повышается в эпохи промышленного возбуждения и падает в эпохи застоя, что доказывает относительною верность приводимых мною данных. Если бы все дело заключалось в улучшении регистрации, то почему цифры рабочих уменьшались бы в половине 70-х и 80-х годов? Это-то соображение, главнейшим образом, и побуждает меня признать нашу официальную фабричную статистику материалом, вполне пригодным для изображения движения нашей фабричной промышленности, хотя эта статистика, несомненно, не выражает действительною состояния промышленности в каждом отдельном году. И, наконец, в-третьих, есть серьезное основание думать, что цифры 60-х и 70-х годов скорее были преувеличены, чем уменьшены. В то время домашнее производство, по заказам фабрикантов, имело значительно большее значение, чем теперь, и домашние рабочие (кустари) сплошь и рядом регистрировались в качестве фабричных рабочих. На это указывает, напр., в 1870 г. официальный автор г. Д. Тимирязев, по словам которого, «в итог фабричных рабочих включаются и крестьяне-кустарники, работающие на фабрику на стороне, часто в другом уезде и даже другой губернии». (Статистический атлас главнейших отраслей фабричнозаводской промышленности Европейской России 1870 г. Вып. I. Стр. V). Теперь домашние рабочие, как общее правило, не зачисляются в число фабричных.

чем на 3% в год. Рост фабричных рабочих, следовательно, значительно обгоняет рост всего населения. Капитализм, как видит читатель, вопреки г. -ону, очень удачно исполняет свою «миссию».

Единственной ценной статистической работой по вопросу о новейшей эволюции нашей промышленности является весьма интересная статья г. П. Масленникова, которую в нашей литературе совершенно замолчали: «К вопросу о развитии фабричной промышленности». Автор этой статьи сделал опыт определения роста нашего хлопчатобумажного производства в период 1866–1879 гг. на основании сырого материала подлинных показаний, доставляемых департаменту торговли и мануфактур фабрикантами. Для 1866 г. г. Масленников пользуется теми же данными, какими пользовался и я, т. е. сведениями, помещенными в «Ежегоднике министерства финансов» за 1869 г., а для 1879 г. — подлинными показаниями фабрикантов. В виду этого последнего обстоятельства, работа г. Масленникова заслуживает особого внимания.

По расчету этого автора, на хлопчатобумажных фабриках (прядильных, ткацких и ситцепечатных) в 1866 г. было 94 566 рабочих, а в 1879 г. — 162 691, т. е. произошло увеличение за 13 лет на 72% (прим.: Масленников, таблица №14.). И это в той отрасли промышленности, в которой именно в эту эпоху наиболее энергично происходило замещение рабочих машиной (введение парового ткацкого станка).

Читатель видит, что быстрый рост фабричных рабочих констатируется и единственной в нашей литературе статистической работой, основанной на анализе подлинных ведомостей фабрикантов.

Наиболее быстрый рост фабричных рабочих замечается в самые последние годы. Попробуем теперь приблизи-

тельно определить число рабочих, занятых во всей нашей крупной промышленности, и вместе с тем выяснить значение промышленности и торговли в нашем хозяйственном строе вообще. По данному пункту, как и по многим другим, у нас господствуют самые неверные представления не только среди обывательской публики, но и среди специалистов. Кто не слышал, например, что в России 9/10 населения живет земледелием? Это утверждение можно найти в любой газетной или журнальной статье, или популярной книжке, трактующей о русской хозяйственной жизни.

Берем первую подвернувшуюся книгу «Ходатайство Императорского Вольного Экономического Общества об изменениях в русском таможенном тарифе» (1890 г.). На стр. 4 этой книги можно прочесть, что «в России земледельческое население превышает 90% всего числа жителей и одна эта цифра ясно свидетельствует о сравнительно слабом развитии всех других отраслей народного труда, не связанных с земледелием». В только что вышедшей книж-

ке г. Осипова «Пособие для устройства промышленных артелей» (СПб. 1897 г.) мы встречаем еще более смелое утверждение: «По самым свойствам страны (России) — бестрепетно заявляет автор — 9/10 ее населения навсегда останутся земледельцами» (стр. 15)*. Вот как решительно — даже и навсегда!

Читатель увидит, насколько соответствуют истине все такие утверждения, повторяющие избитую фразу об огромном преобладании земледельческого населения в России.

Итак, прежде всего, сколько числится, по официальным данным, рабочих в крупных капиталистических предприятиях?

ЧИСЛО РАБОЧИХ В 1893 Г. В 50 ГУБЕРНИЯХ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

На фабриках и заводах, не обложенных акцизом	859 984
» фабриках и заводах, обложенных акцизом	137 678
» горных заводах	323 000
» железных дорогах	257 133
ВСЕГО:	1 577 795

По «Своду данных о фабричной промышленности России за 1893 г.». Приводимой в тексте цифры читатель не найдет в этом «Своде», так как итоги Свода включают горные заводы и заведения, обложенные акцизом. Я должен был вычесть из общих итогов «Свода» цифры рабочих на горных заводах и заведениях, обложенных акцизом, в виду того, что в «Своде» эти цифры уменьшены (благодаря неточности регистрации) сравнительно с более точными данными департамента неокладных сборов и горного департамента.

Вычислено по данным «Отчета д-та неокладных сборов за 1893 г.». Рабочие на спичечных фабриках не включены, так как вошли в итог фабричных рабочих на фабриках и заводах, не обложенных акцизом.

Вычислено по данным «Сборника статистических сведений о горнозаводской промышленности России за 1893 г.».

Вычислено по «Статистическому сборнику министерства путей сообщения». Вып. 45.

Итак, по официальным данным у нас числилось в 1893 г. в крупных капиталистических предприятиях около 1600 тысяч рабочих. Сколько же числится рабочих в настоящее время — в 1897 г.? Точно определить этого нельзя, так как последние официальные данные по важнейшей группе производств (не обложенных акцизом) относятся к 1893 г. Но, что за последние 4 года число рабочих значительно возросло, в этом не может быть сомнения, если принять во

* Между тем можно думать, что одно городское население России приблизительно составляет 14% населения. (См. «Новое Слово». 1897 г., июнь. В. Михайловский. Факты и цифры из русской действительности).

внимание быстрый рост производства именно в последние годы. За предшествующие 4 года (1889–1893 г.) число фабричных рабочих (в заведениях, не обложенных акцизом) увеличилось более, чем на 25%. Допустивши, что за последние 4 года число рабочих росло тем же темпом, мы должны признать, что теперь, по официальным данным, в Европейской России (кроме Царства Польского и Финляндии) должно быть около 2 миллионов рабочих в крупных предприятиях. По некоторым производствам рост числа рабочих, вероятно, был значительно меньшим, зато по другим бо льшим. Так, напр., на заведениях, обложенных акцизом, число рабочих, как и размеры производства, вообще увеличиваются медленно. За 2 года 1893–1895 число рабочих в этих заведениях (по последнему «Отчету главного управления неокладных сборов») возросло лишь на 5%. Зато группа железнодорожных рабочих увеличилась, вероятно, в более сильной пропорции.

В 1894 г. число железнодорожных рабочих увеличилось на 61/2%. За самые последние годы наша железнодорожная сеть расширилась очень значительно, и потому есть полное основание думать, что и число железнодорожных рабочих стало соответственно больше. Еще более должна была увеличиться группа горных рабочих, судя по росту чугуноплавильного производства после 1893 г.

Поэтому можно думать, что в Европейской России (кроме Царства Польского и Финляндии), по официальным данным, около 2 млн человек заняты работой в крупных капиталистических предприятиях. Сколько же из этих рабочих взрослых мужчин? Для 1893 г. соответствующих данных не имеется, и потому приходится довольствоваться данными 1892 г., когда из числа 982 739 рабочих в заведениях, обложенных и не обложенных акцизом, и горных заводах было 738 443 взрослых мужчин (старше 15 лет), т. е. около 75% (прим.: Свод данных фабричнозаводской промышленности России за 1892 г.). Железнодорожные рабочие исключительно взрослые мужчины. Полагая, что в 1897 г. всех рабочих (мужчин, женщин и детей) числится 1650 тысяч в заведениях, обложенных и не обложенных акцизом, и горных заводах, и 350 тысяч на железных дорогах, мы получим, что теперь должно быть, по официальным данным, около 1600 тысяч взрослых мужчин, занятых в крупном производстве и железнодорожном транспорте. Всего в 50 губерниях Европейской России, по данным переписи 28 января 1897 г., было 94 188 750 жителей. Наши статистики принимают, что в России около 60% населения принадлежит к рабочему и полурбочему возрасту. Исходя из этого, мы можем принять, что в настоящее время в Европейской России около 28 млн мужчин рабочего и полурбочего возраста. Мы приняли, что в крупном производстве занято 1,6 млн взрослых мужчин; следова-

тельно, исходя из официальных данных, мы должны признать, что около 6% рабочего мужского населения России работает на фабриках, заводах, рудниках и железных дорогах.

Я сказал: «исходя из официальных данных»; но кто же не знает, что данные эти далеко отстают от действительности; какова действительная цифра рабочих, сказать невозможно. Допустим, что она должна быть увеличена лишь на сравнительно с официальными итогами; судя по данным земской фабричной статистики Московской губернии, такую прибавку нужно считать скорее незначительной, чем слишком большой. Так, напр., в Клинском уезде по официальным данным (сведениям полиции) в 1879 г. числилось 2665 фабричных рабочих, а г. Эрисман действительную цифру рабочих определил в 5000 чел. По словам г. Эрисмана, «то обстоятельство, что, по собранным сведениям для Клинского уезда, число рабочих оказалось вдвое больше, нежели оно показано в ведомости исправника, зависит, главным образом, от того, что владельцы фабрик и заводов, будучи спрошены официальным путем о количестве рабочих на принадлежащих им заведениях, почти всегда показывали значительно меньше действительности».

В Рузском уезде в 1880 г. считалось по сведениям полиции 755 фабр. рабочих, по расчету же г. Погожева в действительности было 1100 рабочих; в Можайском числилось 887 раб., было 1202; в Богородском числилось по данным полицейского управления 33 756 рабочих на крупных и мелких промышленных заведениях, было же по расчету г. Погожева 40–45 тыс. раб.; в Коломенском уезде числилось 6276 рабочих, оказалось 10 249 рабочих*. На некоторых фабриках число рабочих даже совсем не показывается в официальных сводах и получают такие курьезы, что крупные промышленные заведения фигурируют в официальных списках без одного рабочего**

Если мы примем, что действительное число рабочих на превосходит показываемое в официальных отчетах, то мы скорее уменьшим, чем увеличим истинное число рабочих. Тем не менее, допустим, что в действительности в крупном

* Сборник Стат. Свед. по Моск. губ. Отдел Санит. Стат. т. III. Выпуск I, III, IV, XI, XIII.

** Так, напр., в «Своде данных о фабричнозаводской промышленности России за 1893 г.» во Владимирской губ. не показано рабочих на одной шерстоткацкой фабрике, со стоимостью производства в 122 т. р., не показано рабочих по селитренному, кожевенному, проволочному, железоделательному производствам; в Вологодской губ. не показано рабочих на полотняной фабрике (ценность производства 90 т. р.), воскобойной (ценность производства 121 т. р.); в Волынской губ. рабочие отсутствуют на железоделательной фабрике (ценность производства 144 т. р.), кипажной, воскобелильной, паточной и др.; в Вятской губ. нет ни одного рабочего на машиностроительной фабрике, производящей изделий на 733 т. р. в год, медноплавильной, гончарной, свечносалных и т. д. и т. д. Такие примеры можно привести почти из каждой губернии. Из этих примеров, которые можно привести из каждой губернии, читатель может видеть, как велики пропуски в официальных подсчетах фабричных рабочих.

неземледельческом производстве и железнодорожном транспорте занято рабочих более, чем это значит в официальных сводах, — и в таком случае число фабрично-заводских, горных и железнодорожных рабочих достигнет 8% всего взрослого мужского населения России.

Итак, в крупном неземледельческом производстве занято не менее 8% рабочего мужского населения. Но ведь кроме крупного производства, есть еще и мелкое — ремесленное, кустарное. Затем мы не считали строительных рабочих-каменщиков, плотников, штукатуров, землекопов и проч. Далее, чтобы определить относительное значение в нашем хозяйственном строе неземледельческих занятий, нужно еще подсчитать лиц, занятых торговлей. Нечего и говорить, что мы не имеем никаких данных для определения хотя бы с приблизительной точностью всех этих групп населения. Но некоторое представление об их численности мы все же можем иметь.

Кустарей у нас обыкновенно считают 8–9 миллионов. Эта цифра, введенная в нашу литературу Андреевым и г. В. В., ни на чем, собственно, не основана и является совершенно произвольной. Сколько у нас кустарей — никто не знает, по отсутствию соответствующих подсчетов для всей России. Я также не берусь определить число наших кустарей, но думаю, что если в крупном неземледельче-

ском производстве занято 8% населения, то в мелком должно быть занято во всяком случае больше: нельзя же предположить, чтобы крупное производство у нас преобладало над мелким, в то время как даже в Германии мелкое производство занимает большее число рук. Поэтому, если рабочие в крупном производстве составляют у нас около 8% взрослого мужского населения, то мелкие производители — кустари и городские ремесленники — должны составлять, по крайней мере, 12% того же населения (т. е. численность их должна достигать, по крайней мере, 3 миллионов). В действительности, одних кустарей, вероятно, значительно больше, но для многих кустарей главным источником дохода остается земледелие; поэтому я и ограничиваюсь для кустарей и городских ремесленников умеренной цифрой в 3 млн, хотя у нас обыкновенно считают одних кустарей 8–9 млн.

Затем идет торговля. Торговых документов в 1892 г. было выдано 1 297 895*.

* Свод данных о торговых сборах в России за 1891 и 1892 г. СПб. 1895 г.

Благодаря своей раздробленности торговля занимает у нас очень большое число рук. В 1895 г. было 125 266 заведений, продававших крепкие напитки (трактиров, ренсковых погребов, портерных, винных, пивных лавок), патентов на торговлю табаком было выдано в этом же году 323 182*. Основываясь на цифре торговых документов, мы смело можем принять, что в торговле находили себе занятие не менее 1 млн взрослых мужчин, т. е. около 4% взрослого мужского населения страны.

Я прекрасно сознаю, какой грубый и неточный характер имеет весь этот подсчет. Но для меня в данном случае и не нужно точности. Я хочу только показать, что обычное представление о России, как стране исключительно земледельческой (в которой 9/10 населения живет земледелием), совершенно неверно. Мы уже насчитали около 24% населения, получающего доход исключительно или главным образом от промышленности и торговли, а скольких занятий и промыслов мы еще не касались! Мы не подсчитывали строительных рабочих (плотников, штукатуров, каменщиков и пр.), не подсчитывали прислуги, не подсчитывали рабочих в сухопутном и водяном транспорте (кроме железнодорожных каковы: извозчики, ямщики, лодочники, матросы и пр.), не подсчитывали, наконец, многочисленной армии служащих государству, либеральных профессий и многого другого. Поэтому есть полное основание думать, что надолго чисто земледельческого населения Европейской России приходится менее, а уже никак не более населения.

Проверим наш вывод сравнением составных частей национального дохода. По расчету г. В. Покровского, национальный доход Европейской России образуется из следующих слагаемых:

	МЛН РУБ.
1) от земледелия, скотоводства, рыболовства и пчеловодства	4480 (Прим.: В. Покровский. К вопросу об устойчивости активного баланса русской внешней торговли, стр. XXXVII.)
2) от огородничества, садоводства, ремесленного, домашнего и кустарного производства	600
3) от обрабатывающей и горнозаводской промышленности	1253
4) от прочих источников (транспорт, торговля, разные профессии)	1590
ВСЕГО:	7923

Разумеется, расчет этот очень неточен; против некоторых частей его могут быть сделаны серьезные возражения. Но так как г. Покровский увеличил, а не уменьшил значение земледелия, сравнительно с другими источниками дохода, то мы не будем с ним спорить.

Из расчета г. Покровского выходит, что доходы от земледелия, скотоводства, рыболовства и лесоводства составляют около 56% всего народного дохода; если даже к земледелию присоединить всю мелкую городскую и кустарную промышленность, то и тогда эти доходы не достигнут всего национального дохода России.

Таким образом подсчет ценности продуктов земледельческого и неземледельческого труда подкрепляет мое утверждение, что обычное представление о Европейской России, как стране с огромным преобладанием земледельческого населения и земледельческих интересов, совершенно неверно.

Перейдем теперь к очень важному вопросу — роли крупного капитала в торгово-промышленном обороте страны. Работы наших почтенных экономистов и статистиков так же затемнили и запутали этот вопрос, как и ранее разобранные нами вопросы. Читатель познакомился с поразительными статистическими упражнениями г. -она, победоносно доказавшего (вслед за г. В. В.) отмирание нашего промышленного капитализма. Тот же самый тезис доказывает на иной манер и другой наш ученый статистик г. Карышев. Г. -он установил, что число рабочих на наших фабриках, сравнительно с общей численностью населения, из года в год падает. Г. Карышев дополняет этот вывод не менее важным наблюдением, что в этой падающей по своему социальному значению крупной промышленности, сверх того, происходит раздробление производства. Фабрика становится мельче и мельче: промышленная эволюция России идет не «по Марксу» — происходит не концентрация производства, а нечто совершенно обратное. Капитализм отмирает, и можно думать, что недалеко то время, когда этот ядовитый продукт чужеземной культуры ассимилируется русской почвой и, превратясь в «народное производство», вернет нас к счастливым временам Алексея Михайловича.

В доказательство наблюдающегося в нашей фабричной промышленности раздробления производства г. Карышев приводит следующие цифры: в 1885 г., по его расчетам, на 1 фабрику приходилось в среднем в 50 губерниях Евр. России 12,3 рабочих, в 1891 г. — 8,3. «Очевидно, — заключает г. Карышев, — перед нами резко выраженное уменьшение рабочей силы относительно числа фабрик и заводов»... Затем г. Карышев приводит таблицу, показывающую, какой % составляли крупные промышленные предприятия в общей сумме предприятий. Оказывается, что в 1885 г. крупные предприятия составляли 31,7% всех предприя-

тий, в 1891 г. только 18%. Это сравнение дает основание г. Карышеву сделать следующее заключение: «Относительное количество крупных фабрик у нас в среднем падает... Едва ли может подлежать сомнению, что в исследуемый период размеры наших фабрично-заводских предприятий в среднем имели тенденцию сокращаться... Размножение числа промышленных единиц направилось, главным образом, в сторону развития мелкого типа предприятий, расширение размера крупных заметно начало приостанавливаться, и в результате получилось мельчание средних размеров производства. Последний вывод — справедливо замечает автор — является довольно неожиданным ввиду особенного усиления у нас в этот же период покровительственных тенденций»*.

Да, этот вывод можно признать «довольно неожиданным» и, вместе с тем, как я сейчас же покажу, столь же грубо неверным, как и вывод г. -она об относительном уменьшении у нас числа фабричных рабочих.

Приведем цифры среднего размера наших фабрик за соответствующие годы.

ЧИСЛО РАБОЧИХ НА 1 ФАБРИКУ (НЕ ОБЛОЖЕННУЮ АКЦИЗОМ) В 50 ГУБЕРНИЯХ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

1865	28
1885	36
1886	39
1887	39
1888	41
1889	41
1890	40
1891	44

В 1865 г. по «Сборнику свед. и матер. по ведомству м-ва финансов», числилось 381 тыс. раб. и 13 686 заведений; в 1885 г. — 615 598 раб. и 17 014 заведений; в 1886 г. — 634 822 раб. и 16 590 зав.; в 1887 г. — 656 932 раб. и 16 723 зав., в 1888 г. — 706 820 раб. и 17 156 зав.; в 1889 г. — 716 396 раб. и 17 382 зав.; в 1890 г. — 719 634 раб. и 17 946 зав.; в 1891 г. — 738 146 раб. и 16 770 зав. (Все эти цифры взяты из «Сводов данных о фабрично-заводской промышленности России» за соответствующие годы.)

* Русское Богатство. 1894 г. № 11. Народнохозяйственные наброски.

Опять мои цифры до такой степени расходятся с цифрами моих почтенных предшественников, что читатель вправе мне не поверить. По моим данным, в 1885 г. на 1 фабрику приходилось 36 раб., а в 1891 г. — 44. Происходила концентрация производства. По данным профессора Карышева, в 1885 г. на 1 фабрику приходилось 12,3 рабочих, а в 1891 г. — 8,1 раб. Производство раздроблялось чрезвычайно быстро. И абсолютные, и относительные цифры у меня совершенно иные, чем у г. Карышева. Кто же из нас двоих отводит глаза читателю и совершает некоторую... статистическую неправильность?

В «Сводах данных о фабрично-заводской промышленности России», которыми мы оба пользуемся, приводятся цифры двойного рода: 1) подробные и детально разработанные данные о числе фабрик, количестве рабочих, размерах производства, исполнительных механизмах, заработной плате, заведующем персонале, количестве топлива и пр. по более или менее крупным промышленным заведениям (с годовым производством не менее 1000 р. в год), и 2) краткие сведения о числе мелких промышленных заведений (с годовым производством менее 1000 р. в год) и числе рабочих на них. Насколько отрывочны, случайны и неполны сведения этого последнего рода, видно из того, что по многим губерниям они совсем отсутствуют. Так, напр., в 1892 г. не доставлены сведения о мелких заведениях в Архангельской, Ковенской, Курляндской, Нижегородской, Орловской, С.-Петербургской, Таврической, Уфимской, Эстляндской губерниях; в 1892 г. нет этих сведений по Курляндской, Нижегородской, С.-Петербургской, Смоленской, Таврической, Тамбовской, Уфимской, Эстляндской губ.; за 1885 г. нет сведений по Екатеринославской, Киевской, Самарской, Симбирской, Таврической, Эстляндской губерниям и т. д. За каждый год сведения относятся к разным губерниям. Неполнота их и непригодность для каких бы то ни было сравнений так велики, что в последнем «Своде» за 1893 г. данные этого рода совсем не напечатаны; очевидно, даже официальные статистики признали полнейшую негодность таких цифр, заведомо неполных и относящихся к различным губерниям.

И вот г. Карышев, чтобы доказать раздробление фабрики, продельвает следующий статистический кунштюк: причисляет к фабрикам мелкие заведения с годовым производством менее 1000 р. и затем выводит среднее количество рабочих на такую «фабрику». Благодаря этому приему, число «фабрик» в России вырастает в 1885 г. до 54 970, а в 1891 г. — до 102 751; оказывается, что за 7 лет фабрики в России почти удвоились. В действительности же, в 1891 г. случайно было просто больше зарегистрировано мелких заведений. Число действительных, а не выдуманных г. Карышевым, фабрик в 1891 г. даже уменьшилось

сравнительно с 1885 г.: в 1885 г. их было 17 014, а в 1891 г. — 16 770. Концентрация производства совершалась настолько быстро, что одновременно с ростом числа фабричных рабочих сокращалось число фабрик.

Известно, что земские статистики, исследовавшие промыслы Московской губернии, довольно своеобразно понимали мелкое производство. По словам г. Вернера, «в трудах статистического отделения в числе кустарей показаны промышленные заведения с 20, 30, 50 и даже 500 рабочими»*. Странные это «кустари», имеющие 500 рабочих! Г. Карышев дополняет эту своеобразную терминологию, называя «фабриками» заведения, имеющие в среднем менее 1 рабочего (таких заведений, причисляемых ученым профессором к фабрикам, было в 1891 г. 85 891, а работающих на них 122 330). Большая половина этих «фабрикантов» не имела ни одного рабочего; «фабрикант» обходился без помощи наемного труда и единолично работал в своей избе. Можно ли договориться до больших абсурдов?

Столь же странен другой оригинальный прием г. Карышева, при помощи которого он приходит к своему «неожиданному выводу». Ученый статистик утверждает, что относительное значение крупного производства в оборотах русской промышленности падает, а мелкого возрастает; и доказывает он это сравнением числа крупных и мелких заведений. Оказывается, что число мелких заведений растет, а крупных падает. Вот вам и падение крупного производства.

Ошибка, лежащая в основании этого рассуждения, так очевидна, что совестно ее и указывать, ведь, если так, то концентрация производства есть не что иное, как падение крупного производства. Благодаря трестам, некоторые отрасли промышленности в Соединенных Штатах находятся почти всецело в руках одной компании. Г. Карышев заключил бы, что в этих отраслях крупное производство почти исчезло: осталась всего-навсего одна крупная компания — а раньше их было много. Но именно в сокращении числа предприятий и возрастании их оборотов состоит то, что все, кроме г. Карышева, называют ростом крупной промышленности. Таблица г. Карышева доказывает совершенно обратное тому, что он из нее выводит; падение числа фабрик, при возрастании на них числа рабочих, свидетельствует о концентрации производства, а никак не о его раздроблении, как полагает г. Карышев.

Статистические подвиги г. Карышева тем более должны быть отмечены, что они ввели в заблуждение очень многих — даже такого опытного исследователя, как фрейбургский профессор Шульце-Гевеверниц. Этот последний автор,

* Статистический ежегодник Московской губернии за 1890 г. Промыслы Богородского уезда. Стр. 4.

в своих интересных статьях Die Moskau Wladimirsche Baumwollindustrie (Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung etc. 1896), вполне присоединяется к выводу г. Карышева относительно сокращения размера русской фабрики в новейшее время*. Но читатель видел, что «неожиданный вывод» г-на Карышева оказывается, сверх того, и совершенно неверным... Однако довольно о г-не Карышеве. Перейдем к более детальному рассмотрению изменений в размерах наших фабрик.

Читателю, знакомому с приемами точного статистического анализа, нечего доказывать, что изменение среднего размера предприятия далеко не достаточно для характеристики действительного направления промышленной эволюции, в том случае, если эта средняя составлена из весьма различных величин. Единственное средство поближе подойти к занимающему нас вопросу, это — не довольствоваться выводом «средних», а разбить производство на группы приблизительно сходных по размерам предприятий и посмотреть, как изменяется каждая группа за соответствующие годы. Работа эта очень кропотливая, так как приходится суммировать длинные ряды цифр рабочих на отдельных предприятиях. Нижеследующие данные относятся к хлопчатобумажному производству.

ХЛОПЧАТУМАЖНЫЕ ФАБРИКИ В ПЯТИДЕСЯТИ ГУБЕРНИХ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ												
Годы	РАЗРЯДЫ ФАБРИК										ВСЕГО	
	ПО 5 ТЫС. РАБОЧИХ И БОЛЕЕ		ОТ 1 ДО 5 ТЫС. РАБОЧИХ		ОТ 500 ДО 1 ТЫС. РАБОЧИХ		ОТ 100 ДО 500 РАБОЧИХ		МЕНЕЕ 100 РАБОЧИХ			
	Число фабрик	Число рабочих	Число фабрик	Число рабочих	Число фабрик	Число рабочих	Число фабрик	Число рабочих	Число фабрик	Число рабочих	Число фабрик	Число рабочих
1866	—	—	26	40 848	27	18 059	115	23 097	439	12 562	607	94 566
1879	1	8946	40	83 583	44	32 591	118	28 212	374	9359	577	162 691
1894	8	54 981	60	119 013	48	33 462	108	27 050	270	7545	494	242 051

Составлена для 1866 и 1879 гг. по данным Масленникова: «К вопросу о развитии фабричной промышленности в России»; для 1894 г. — по «Перечню фабрик и заводов в России». СПб. 1897.

* Шульце-Геверниц приводит в своей первой статье (III Heft, стр. 100) таблицу, из которой выходит, что число ткацких станков и веретен в России растет слабее, чем число фабрик. Эта таблица построена совершенно неправильно. В ней сравниваются несравнимые цифры: цифры 1886 и 1892 гг. взяты из разных источников и означают разное; а именно, цифры 1886 г. относятся только к более крупным фабрикам, а 1892 — ко всем фабрикам.

Эта таблица бросает яркий свет на внутренние изменения нашей фабричной промышленности по мере ее роста. Читатель видит, что число рабочих, занятых в хлопчатобумажном производстве, возросло за 28 лет более, чем в 2 раза, а число фабрик уменьшилось. Но далеко не все группы фабрик росли в одинаковых размерах. Число фабрик мелких, имеющих менее 100 рабочих, сократилось и точно так же сократилась общая численность их рабочих.

Число средних фабрик (от 100 до 500 раб.) осталось почти без перемен; сумма занятых на них рабочих несколько возросла. Более значителен рост фабрик с 500–1000 рабочими; число их и сумма занятых на них рабочих возросли больше, чем в полтора раза. Крупные фабрики, от 1 до 5 тыс. раб., по своему числу более чем удвоились, а по количеству рабочих почти утроились. Наконец, огромных фабрик с 5 тысячами рабочих и более в 1866 г. совсем не было, в 1879 г. такая фабрика была только одна, а в 1894 г. их было уже 8. Количество рабочих на самых крупных фабриках за 15 лет 1879–1894 увеличилось более чем в 6 раз.

Надеюсь, из этих данных и профессор Карышев не заключит о раздроблении производства. В 1866 г. на долю фабрик, имеющих более 1000 рабочих, приходилось 43% всего числа рабочих, в 1879 г. — 51%, а в 1897 г. — 72%. На долю средних и мелких фабрик, имеющих менее 500 рабочих, в 1866 г. приходилось 38% общей суммы рабочих, в 1879 г. — 23%, в 1894 г. — 15%. Концентрация производства шла настолько энергично и быстро, что в 1894 г. на 68 крупных фабриках было почти вдвое более рабочих, чем на 426 остальных.

К сожалению, я не могу настолько же детально анализировать изменение размера фабрик в других производствах, так как это потребовало бы слишком много труда. Ограничусь, поэтому, средними цифрами из «Сводов фабричнозаводской промышленности», дающими представление об общем направлении нашей промышленной эволюции.

СРЕДНЕЕ ЧИСЛО РАБОЧИХ НА 1 ФАБРИКУ (В 50 ГУБ. ЕВРОП. РОССИИ)			
	Суконные фабрики	Шелкоткацкие фабрики	Полотняные и льнопрядильные
1885	114	70	290
1890	126	79	330

Вычислено по «Сводам данных о фабричнозаводской промышленности в России»; после 1890 г. нельзя определить среднего числа рабочих по различным производствам, так как в «Сводах» прекращено печатание соответствующих цифр.

Таким образом, и в других отраслях текстильной промышленности наблюдалась за последнее время концентрация производства. Нижеследующая таблица может познакомить с изменениями размера фабрики в других родах производства.

СРЕДНЕЕ ЧИСЛО РАБОЧИХ НА 1 ФАБРИКУ (ВО ВСЕЙ ИМПЕРИИ)			
ПРОИЗВОДСТВА	1885 Г.	1890 Г.	ПРИРОСТ ИЛИ ПРИБЫЛЬ
Текстильное	134	145	+8%
Писчебумажное	97	104	+7%
Обработка дерева	25	32	+28%
Химическое	29	38	+31%
Обработка животных продуктов	9,1	10,4	+14%
Керамическое	25	30	+25%
Обработка металлов	75	83	+11%
Обработка питательных веществ	10,5	9	+14%

Кроме мелких производств по обработке питательных веществ (главным образом, мукомольное дело), во всех остальных отраслях труда мы видим быструю концентрацию производства (не забудем, что все эти данные относятся к короткому периоду в 6 лет). Очевидно, капиталистическое фабричное производство не только быстро растет вширь, захватывает все новые области труда, привлекает под фабричную крышу все новые толпы выходцев из деревни, но в то же время и внутри самой фабрики идет энергичная борьба между мелкими и крупными предприятиями. Крупная фабрика бьет не только кустаря, но и мелкую фабрику. Производство становится все крупнее и крупнее.

Еще энергичнее этот процесс совершается в горнозаводской промышленности юга России. Вот, напр., таблица, ярко рисующая концентрацию углепромышленности юга России*.

* «Вестник финансов», 1895 г., № 51.

ЧАСТЬ 1. ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА И ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Годы	Вся добыча каменного угля в сотнях вагонов	ДОБЫЧА УГЛЯ (В СОТНЯХ ВАГОНОВ) КОПАМИ, ОТПРАВЛЯЮЩИМИ В ГОД					
		5 тысяч вагонов и более	5–1 тысячи вагонов	1 тыс. до 300 вагонов	300– 100 вагонов	100–30 вагонов	Менее 30 вагонов
1882–1883	891	388	344	112	27	7	3
1883–1884	961	446	362	112	31	8	2
1884–1885	1078	535	379	173	22	7	1
1885–1886	1298	605	547	113	27	5	2
1886–1887	1430	713	423	207	57	26	6
1887–1888	1458	713	473	193	43	27	9
1888–1889	1911	1011	573	181	89	44	14
1889–1890	1969	1123	504	170	122	40	10
1890–1891	2061	1434	293	153	138	37	6
1891–1892	2533	1948	207	234	105	32	6
1892–1893	2801	2184	260	253	69	32	4
1893–1894	3147	2481	286	268	88	20	4
1894–1895	3348	2641	358	233	87	24	5

В 1882–83 г. добыча угля на крупных коях с производством более 5 тыс. вагонов в год составляла немного более 40% всей годовой добычи, а в 1894–95 г. уже 79%. За 13 лет 1882–94 г. добыча угля на крупных коях возросла почти в 7 раз, на средних коях (1–5 тысяч вагонов в год) осталась почти без перемены, на мелких (менее 1 тысячи вагонов) увеличилась немного больше, чем в 2 раза. В 1882–83 г. мелкие копи поставляли 17% всей годовой добычи угля, а в 1894–95 г. только 10%.

Так же энергично идет концентрация производства в некоторых производствах, обложенных акцизом*.

ГОДЫ:	Среднее число винокуренных заводов	Средняя ежегодная выкурка ведер безводного спирта в (тысячах ведер)	Средняя выкурка одного завода (в тысячах ведер)
1866–71	4353	29 432	6,8
1872–76	3460	31 294	9
1877–81	2596	30 729	11,8
1882–86	2449	32 709	13,4
1887–91	2107	32 156	15,3

* «Вестник финансов», 1896, № 25, стр. 987.

Число винокуренных заводов правильно понижается, а размер производства их возрастает. За 20 лет среднее производство завода возросло более, чем вдвое.

Изменение в новейшее время размера производства на фабриках и заводах, обложенных акцизом, видно из нижеследующей таблицы:

СРЕДНЕЕ ЧИСЛО РАБОЧИХ НА ЗАВОД ИЛИ ФАБРИКУ				
Годы	Винокуренные	Табачные	Пиво- и медо-варенные	Свеклосахарные заводы
1889	16	91	7	389
1890	15,6			
	96	7	390	
1891	14,5	97	7	388
1892	14,6	105	8	389
1893	15,1	108	8	395
1894	14,8	113	9	386
1895	15,5	133	9	390

По отчету бывшего Департамента складных сборов за 1895 г.

Размер винокуренных заводов сократился под влиянием совершенно особой причины: 4 июня 1890 г. вышел закон о сельскохозяйственном винокурении, чрезвычайно облегчивший устройство мелких винокуренных заводов и вызвавший образование множества мелких заводов. Этим и объясняется падение среднего числа рабочих на заводе в 1890 и 1891 гг. Затем размеры заводов стали опять возрастать. Зато в некоторых других отраслях производства, обложенных акцизом, мы наблюдаем энергичную концентрацию производства. На табачных фабриках число рабочих на 1 фабрику возросло почти на 50%, пивоваренных и медоваренных заводов — почти на 30%; только на свеклосахарных заводах размер предприятия почти не увеличился. Нужно иметь в виду, что эти данные относятся к периоду всего в 7 лет.

О значении крупного торгового и промышленного капитала в нашем торгово-промышленном обороте вообще можно судить из нижеследующих любопытных цифр, относящихся к гильдейским торговым и промышленным предприятиям, не обложенным акцизом.

ЧАСТЬ 1. ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА И ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

ПРЕДПРИЯТИЯ В 50 ГУБ. ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ С ОБОРОТОМ												
ГОДЫ	1 МИЛЛИОН РУБЛЕЙ И БОЛЕЕ		ОТ 1 МЛН ДО 250 ТЫС. РУБЛЕЙ		ОТ 250 ТЫС. ДО 150 ТЫС. РУБЛЕЙ		ОТ 100 ТЫС. ДО 10 ТЫС. РУБЛЕЙ		МЕНЕЕ 10 ТЫС. РУБЛЕЙ		ВСЕГО	
	Число предприятий	Годов. оборот (в млн руб.)	Число предприятий	Годов. оборот (в млн руб.)	Число предприятий	Годов. оборот (в млн руб.)	Число предприятий	Годов. оборот (в млн руб.)	Число предприятий	Годов. оборот (в млн руб.)	Число предприятий	Годов. оборот (в млн руб.)
1886	561	2465	1850	787	4194	580	44 489	1117	65 517	250	116 611	5198
1887	645	3560	2055	912	4414	612	45 157	1136	68 661	257	120 932	6476
1888	741	3972	2163	931	4577	629	48 055	1191	71 058	276	126 594	6999

Из этих цифр можно составить вполне определенное представление о строе нашей торговли. Обороты огромных предприятий, с годовым оборотом более 1 млн руб. каждое, достигали в 1886 году 47% всех оборотов гильдейских предприятий, а в 1888 г. — 55%. Число таких предприятий составляло около % всех гильдейских предприятий. Средние и мелкие предприятия, с оборотом менее 100 тыс. руб. в год, по своей численности составляли более 90% всего числа предприятий; между тем оборот их не превышал в 1886 г. 26% всех торговых оборотов гильдейских предприятий, а в 1888 г. — 21%. Г. Карышев из этих данных, быть может, вывел бы заключение о преобладании у нас мелкой торговли, так как крупные торгово-промышленные предприятия составляют ничтожную долю всех предприятий. Но всякий другой может заключить отсюда лишь об огромной роли в нашем торгово-промышленном обороте крупного капитала. На долю ничтожного числа миллионных предприятий приходится более половины всего гильдейского торгового оборота. И после этого находятся публицисты, серьезно обсуждающие вопрос, «предстоит или не предстоит» России пройти фазис капиталистического развития! Кого хотят эти публицисты обмануть?*

Но, может быть, читателя смущает то обстоятельство, что приводимые цифры относятся лишь к гильдейским предприятиям, т. е. более крупным. Мелкая торговля совершается не по гильдейским свидетельствам; быть может, эта негильдейская торговля и есть твердыня нашей экономической самобытности. Обратимся к цифрам.

* По «Статистическим результатам раскладочного и трехпроцентного сборов» за соответствующие годы. К сожалению, группировка предприятий по размерам оборотов после 1888 г. прекращена, по чему можно сделать сравнение только за трехлетие.

В 50 ГУБЕРНИЯХ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В 1889 Г.		
	Гильдейских предприятий	Негильдейских (содержимых по свидетельствам мелочного торгова и промысловым 1 и 2 разряда)
Общая сумма годовых оборотов	6927 млн р.	533 млн р.
Число предприятий	129 980 млн р.	217 054 млн р.

Статистические результаты процентного и раскладочного сборов за 1887 г. СПб. 1892 г.

Обороты негильдейских предприятий не достигали и 10% гильдейских оборотов. Очевидно, крупный капитал царит не только в одной гильдейской, но и во всей русской торговле.

Из всего этого читатель может видеть, правы ли наши самобытники, отыскивающие для России особые законы развития и противопоставляющие лукавый Запад верному Востоку. 30 лет тому назад гениальный экономист, один из величайших умов человечества, открыл законы развития капиталистического хозяйства. Все последующие факты экономической и общественной истории служат только новым подтверждением верности диагноза великого экономиста. Факты русской жизни вполне соответствуют теоретической схеме Маркса. И только игнорирование этих фактов позволяет держаться у нас распространенному взгляду о каких-то исключительных условиях русского народного хозяйства, не дающих возможности развиваться в России крупному капиталу, как он развивался и развивается на Западе. Но, надеюсь, приведенные данные достаточно доказывают известную истину, что Россия — капиталистическая страна, точно так же, как и все другие цивилизованные государства мира.

ЧАСТЬ II

ЭКОНОМИКА И ЭКОЛОГИЯ

ЭКОНОМИКА И ЭКОЛОГИЯ В РОССИИ

МАРКСИЗМ И ЭКОЛОГИЯ

ЗЕЛЁНАЯ ЭКОНОМИКА — УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ

ИНЬ И ЯН ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ВОДНЫЕ РЕСУРСЫ РОССИИ

ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНАЯ ЭКОНОМИКА В РОССИИ

ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСА. О ЛЕСОСБЕРЕЖЕНИИ

ЭКОНОМИКА И ЭКОЛОГИЯ В РОССИИ

Сегодня вряд ли кто-то будет отрицать, что состояние экономики и состояние экологии любой страны взаимосвязаны. Как они взаимосвязаны в России? Шагает ли в России наша экономика в ногу с экологическими технологиями? Что могут дать нам высоко организованные производственные процессы защиты окружающей среды.

СОБЕСЕДНИКИ

Сергей Николаевич Бобылев,
заведующий кафедрой экономики природопользования
экономического факультета, руководитель центра
биоэкономики и экоинновации экономического
факультета МГУ, д. э. н., профессор

Михаил Владимирович Бабенко,
директор программы «Зеленая экономика» Всемирного
фонда природы, к. э. н.

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, директор ИНИР им. С.Ю. Витте,
президент Международного союза экономистов, эксперт
РАН, д. э. н., профессор

Рост ВВП и экологических проблем

Бодрунов: Я хотел бы задать сразу прямой вопрос. Говорят, что есть некая зависимость между экологией и цифрами экономического роста, благосостояния людей и так далее. Даст ли прибавку к ВВП решение наших каких-то экологических проблем?

Бобылев: Зависит от того, что и как измерять. Есть такая замечательная книжка, я в последнее время про нее рассказываю своим студентам, она переведена сейчас в России, двух лауреатов Нобелевской премии, Стиглица и Сена, под названием «Неверно оценивая нашу жизнь». Они считают, что принципиальный вопрос для современной экономики — это, упрощенно говоря, что такое добро и зло при измерении развития. В этой книге лауреатов Нобелевской премии показано, что ВВП — во многом устаревший показатель, ему уже 60 лет. Для такой страны, как Россия, чем больше мы добыли, тем больше мы вырубали леса, чем больше мы всего этого продали, тем больше ВВП.

Бодрунов: И даже если будем переливать из пустого стакана в порожний, ВВП будет расти, но воды не прибавится.

Бобылев: Это затратный показатель, да, а с точки зрения экологии и природного капитала он вообще вредный для страны, потому что рост ВВП может достигаться, как показало начало двухтысячных годов, просто за счет роста мировых цен на нефть.

Бодрунов: Даже еще опаснее, потому что любая техногенная катастрофа ведет к росту ВВП, потому что надо последствия устранять.

Бобылев: Замечательный пример. И поэтому, когда мы говорим о росте ВВП и экологии, во-первых, на мой взгляд, это некорректный показатель для будущего и, во-вторых, нужны новые показатели. В последнее время в мире появилось большое количество довольно интересных показателей, которые лучше отражают правду о развитии, что такое добро и зло в экономическом развитии. Это и индекс человеческого развития ООН, и индекс скорректированных чистых накоплений Всемирного банка. На первый план выходит связанное с экологией здоровье человека. И с точки зрения этих показателей, если вы, например, добываете много нефти, газа, угля, вырубаete деревья, это минус. Да и с точки здравого смысла, когда мы смотрим длительные перспективы, какой же это плюс — рост ВВП, когда вы уничтожаете возможность для следующих поколений жить нормально. Так что, на мой взгляд, показатель ВВП — не очень экологически корректный, и в данном плане лучше искать другие показатели и ориентироваться не на рост ВВП, а на будущее для России.

Бодрунов: Наше благосостояние и нашу жизнь все меряют почему-то только в ВВП, и это звучит как мантра некая. А когда мы говорим об экологических проблемах, то не ясно, приведет ли их решение к росту ВВП или нет. Но вот приведет ли это к улучшению качества жизни? Как и в чем?

Бабенко: Я бы, наверное, посмотрел еще немножко с другой стороны. К великому сожалению, у нас экономика и экология до сих пор находятся в некоем таком...

Бодрунов: Когнитивном диссонансе.

Бабенко: Противопоставлении, да. Экономическое развитие как бы априори предполагает ухудшение экологического состояния. Если мы начинаем говорить бизнесу, что вы должны больше вкладываться в экологию, начинают кричать, что это дополнительные административные барьеры. И мы забываем, что на самом деле экономика и экология — это те две составляющие, которые не только могут идти нога в ногу, но они могут дополнять друг друга, потому что на сегодняшний день огромное количество отраслей, которые у нас не развиты, с одной стороны, помогают снизить нагрузку на окружающую среду и в то же время они создают дополнительный продукт.

Бодрунов: Дополнительные цифровые показатели.

Бабенко: Дополнительный доход. И это очень важная история. У нас, по-моему, до сих пор в законе о стратегическом управлении речь идет о социально-экономическом развитии, а вот экологического развития, того третьего компонента устойчивого развития, к сожалению, нет. Поэтому ответ однозначно «да». Это не только какие-то дополнительные затраты. Вообще плохо говорить про затраты на окружающую среду, нужно иметь в виду инвестиции в природный капитал, в окружающую среду, тогда и идеологически бизнес-циклы, бизнес-процессы становятся совсем другими.

Бодрунов: Мне кажется, что здесь возможно и регулятивное сочетание этих показателей. Если будут не только санкции за нарушение экологических норм, но и поощрения за поддержание тех или иных технологий, которые позволяют решать экологические проблемы — снижение энергоемкости, в частности, или снижение материалоемкости, будет стимул и экономический.

Бобылев: Мне бы хотелось закончить тему ВВП. Есть очень хорошая цифра, которая показывает некую иллюзорность ВВП. Перед Годом экологии было заседание Госсовета, там выступал Президент, и он назвал страшные цифры: что ущерб для здоровья населения из-за загрязнения окружающей среды в отдельных регионах может составлять 15% валового регионального продукта.

Тут народ умирает, болеет, какой может быть ВВП, какой ВРП на фоне этой ситуации экологии? Экономика, кстати, движется в том направлении, чтобы попытаться квантифицировать или дать количественную оценку очень тонким вещам — здоровью, экосистемным услугам и так далее.

Что из грязного — самое опасное?

Бодрунов: Я думаю, что Вы сейчас мне сможете назвать наиболее острые проблемы. Где, Михаил Владимирович, по оценкам Вашего Фонда, у нас сегодня проблемы острее всего?

Бабенко: Я, наверное, не возьму на себя такую ответственность — ранжировать проблемы, потому что придется сравнивать квадратное с зеленым. Что важнее, чистый воздух или чистая вода? И то и другое важно. Когда открываешь доклад о состоянии окружающей среды, который

готовит Минприроды, и смотришь на карту водных ресурсов, приходишь в ужас от того, в каком количестве в реки сбрасываются неочищенные стоки.

То же самое — с воздухом. Где-то в особо промышленных регионах это действительно реальная проблема. Взять тот же самый Красноярск. Мы прекрасно знаем, что промышленные предприятия очень много вложили уже средств в снижение выбросов, но, когда приезжаешь в Красноярск рано утром, первый запах, который ощущаешь, это запах горелого угля, потому что очень много маленьких мини-ТЭЦ установлено в домохозяйствах, работающих на угле. Запретительными мерами, наверное, эту проблему не решить, потому что устанавливают из-за бедности, нет возможности платить по тем тарифам, которые у нас есть.

Бодрунов: Нужна доступная альтернатива.

Бабенко: Есть альтернатива, но идут по наименьшему сопротивлению.

Бодрунов: Ну естественно, всегда так.

Бабенко: Следующая проблема — это то, каким образом мы управляем нашими природными ресурсами. Так, существует миф, что мы очень богаты лесом, а на самом деле это не так. Мы привыкли экстенсивно развивать лесную промышленность, захватывать все новые и новые территории. И в результате в некоторых регионах уже рубить нечего просто физически.

Бодрунов: Европа за 40 лет вырубилась вообще все.

Бабенко: Ну да. И без перехода на интенсивные методы лесного хозяйства решить эту проблему будет довольно-таки сложно. Вы упомянули свалки. Здесь, наверное, не только про бытовые отходы нужно говорить, но и про совершенно чудовищный накопленный экологический ущерб, который в некоторых случаях достался от Советского Союза в наследство, но мало что делается в этом направлении. Да, это будут большие затраты на восстановление экосистемы, на то, чтобы убрать эти свалки, сгрести их, с ними что-то сделать. Но без этого никак нельзя обойтись, потому что это все отражается в том числе и на здоровье. Помимо дикой природы, это влияет еще и на здоровье людей.

Бодрунов: В советское время, помню, лозунг висел у нас в студенческом общежитии: «Уходя, гасите свет». Воспитание населения и бизнеса в плане экономии ресурсов и использования менее затратных технологий — это тоже элемент

такой борьбы. Что касается мусорных свалок, то нужно не только заниматься ликвидацией и так далее, но и готовиться к тому, чтобы свалок было в будущем поменьше. Коллеги, у вас есть представление о том, могут ли эти проблемы быть все-таки решены в нашей экономической парадигме?

Бобылев: Возвращаясь к вопросу, что вреднее: загрязнение воздуха, воды, отходы, — экономическая наука за последние годы в мире сделала целый ряд шагов, чтобы как раз дать количественную оценку. И самое страшное для здоровья человека, оказывается, загрязнение воздуха. Если мы попытаемся ввести экономическую шкалу ущерба для здоровья, то где-то 70–75% ущерба приходится на воздух, 20–25% на воду. А отходы, о которых очень много говорят, действуют как раз или через загрязнение воды, или через загрязнение воздуха. Самое страшное, что отходы-то видны, а загрязнение воздуха — нет. Как говорят медики, самое страшное, это твердые, взвешенные частицы диаметром меньше 10 микрон и меньше 2,5, их не видно.

Теперь а что делать? В России практически нет дискуссии, по крайней мере в научных сферах, о том, что с 1 января 2019 года в России происходит технологическая революция. Вводится концепция наилучших доступных технологий. Выделены 300 самых грязных предприятий.

Бодрунов: Это, можно сказать, революционирующий подход.

Бобылев: Абсолютно верно. Мы получаем мощнейший рычаг для изменения и экономики, и экологии. Что такое наилучшие доступные технологии? Есть определение, которое я очень люблю, что это технология, минимизирующая экологическое воздействие и экономически доступная по размеру вложений.

Бодрунов: Конечно, можно добиться чистого воздуха, но это будет столько стоить!

Бобылев: Да, здесь речь идет о разумных размерах инвестиций, и примеры такого подхода есть в мире. Если государству удастся твердо провести эту политику так, чтобы после первых трехсот было еще 8 тысяч вредных предприятий и вся промышленность России переводилась на некий такой экологически дружелюбный базис, это будет фантастический результат.

Бодрунов: Это очень интересная мысль, спасибо, Сергей Николаевич. Михаил Владимирович, у Вас есть какое-то понимание, рецепты того, что же нам все-таки делать, чтобы экономика и экология шли в ногу.

Доход от экологической экономики

Бабенко: В прошлом году на Красноярском экономическом форуме была очень интересная, правда, заочная дискуссия между министром экономики Красноярского края и послом Швейцарии в России. Мы обсуждали на двух секциях зеленую экономику, и представитель от Красноярского края посетовал, что зеленая экономика — это очень дорого, это же огромные инвестиции, это переоборудование, мы сейчас не потянем, ситуация не та. А посол Швейцарии произнес совершенно фантастическую фразу, он сказал: «Зеленая экономика — это выгодно». Может быть, это не дешево, но это выгодно. Если мы говорим про отходы, ведь мы фактически закапываем важные ресурсы. И пластик, и бумага, и металл, и стекло, и резина. В Советском Союзе порядка 30% этих вещей перерабатывалось. Сейчас — от 5 до 7%. Мы теряем созданный доход, мы теряем дополнительные блага, которые могли бы получить.

Бодрунов: Вы абсолютно точно заметили. Надо понимать ситуацию, что, если мы тратим на добычу какого-то материала, из которого можно сделать продукт, какие-то деньги, потом дальше часть этого продукта используем как вторичку, мы не тратим эти 30 или 40% заново. Это удешевляет, а не удорожает производственный процесс. Тут нужна психологическая ломка представления обобщенного предпринимателя, в том числе и государства как предпринимателя, чтобы это понять.

Бобылев: Опять же это вопрос качества жизни.

Бодрунов: Да, с другой стороны — это дополнительная опция для улучшения качества жизни, потому что чем меньше ты перерабатываешь природный исходный ресурс, тем меньше ты тратишь того же самого ВВП на добычу, на переработку, на создание отвалов, свалок и прочее.

Бабенко: Да, если у нас, по некоторым оценкам, каждый год под свалки официально выделяется порядка 400 тысяч гектаров.

Бобылев: А сколько неофициально!

Бабенко: А сколько неофициально. Нужно отдать должное бизнесу — они потихоньку двигаются в направлении переработки. Создаются мощности, есть энтузиасты, которые видят, что это экономически выгодно. Но нет инфраструктуры по сбору отходов — без нее никак.

Бодрунов: Здесь необходима именно инфраструктура, вы верное слово выбрали. Инфраструктура для утилизации, переработки отходов, экологически чистые перерабатывающие заводы с хорошими технологиями, которые дают высокий КПД энергии. Заводы по переработке, например, пластмасс, из которых в океанах образовались уже целые острова — гибнет морская фауна, гибнет планктон, меняются экосистемы из-за этого. Это огромная проблема, с которой человек столкнется через 50, через 100 лет. И мы можем потом пенять как угодно, что это одной страны или другой страны мусор, или пяти стран — пожинать плоды придется нам всем. Если мы будем заниматься запретами и увещеваниями, то, может быть, паллиативное какое-то решение будет, но мы не добьемся фундаментального решения проблемы.

Бобылев: Традиционная экономика не умеет считать эффекты от минимизации и предотвращения экологических проблем. Мусор — это же здоровье населения. Вообще перед современной экономикой стоит, на мой взгляд, проблема количественного выражения природных воздействий. Сейчас экономисты уже называют это «экосистемные услуги».

А вот очень хороший пример. Москва, 2010 год, горят болота. Кто считал, сколько стоит болото и зачем оно надо, прежде чем его осушить?

Бодрунов: А кто считал, сколько стоит лечение людей, которые пострадали от этого смога?

Бобылев: Именно. Потом осушенные болота загорелись, и оказалось, что они играли важнейшую водорегулирующую роль, предотвращали выброс твердых взвешенных частиц и так далее.

По стране насчитали 2% ВВП ущерба от пожаров болот. То есть, казалось бы, для традиционной экономики абсолютно бесплатные вещи, а оказывается, очень важные. И их уничтожение ведет к очень большому экологическому ущербу.

Бодрунов: Действительно, мы должны понимать, что наша экономическая деятельность должна быть все более экологичной. Если мы рационально сумеем этих двух лошадей — экономику и экологию — впрячь в одну телегу, у нас качество жизни будет лучше и с точки зрения продукта, который должна дать экономика, и с точки зрения того, в какой среде человеку этот продукт придется потреблять.

ECONOMY AND ECOLOGY IN RUSSIA

Today, hardly anyone would deny that the state of economy and the state of ecology depend on one another in any country. How are they interrelated in Russia? Can Russian economy keep pace with environmental technologies? What's the contribution of highly organized production processes to environmental protection?

PANELISTS:

Sergey Nikolaevich Bobilev,
Head of Economics Department, Faculty of Environmental Economics, head of the Center of Bioeconomy and Ecological Innovations of the Faculty of Economics, MSU, Doctor of Economics, Professor

Mikhail Vladimirovich Babenko,
Director, Green Economy Program, World Wide Fund for Nature, Candidate of Economics.

Sergey Dmitrievich Bodrunov,
President of the FES of Russia, Director of the S.Yu. Witte Institute of New Industrial Development, Doctor of Economics, Professor.

Growth of GDP and environmental problems

Bodrunov: I would like to ask a direct question straight away. They say there is some relationship between the state of the environment and the indicators of economic growth, population well-being, etc. Will the resolution of some of our environmental problems lead to an increase in the GDP?

Bobylev: It depends on what to measure, and how. There is a wonderful book, I have recently been telling my students about it, it has now been translated to Russian, written by two Nobel Prize winners, Stiglitz and Sen, entitled “Mismeasuring our Lives.” They believe that, simply put, the fundamental question of modern economy is what’s good and what’s bad in measuring development. The Nobel Prize winners write that GDP is largely an obsolete indicator, which is already 60 years old. For a country like Russia, the more stuff we extract, the more forests we cut down, the more stuff we sell, the higher the GDP.

Bodrunov: And even if we pour water from one empty glass into another, the GDP will still grow, but the amount of water will stay the same.

Bobylev: It is an indicator of costs, yes, and, on the whole, it is harmful to the country in terms of ecology and environmental capital, because a GDP growth can be achieved, as was shown in the early two thousands, simply through a rise in global oil prices.

Bodrunov: It is even more dangerous, because any technogenic catastrophe leads to an increase in GDP since you need to eliminate the consequences afterwards.

Bobylev: A great example. And so when we talk about the growth of GDP in conjunction with the environment, firstly, I believe it’s a wrong indicator for the future, and, secondly, new indicators are needed. Recently, the world has seen a series of rather interesting indicators that better reflect the reality of development, what’s good and what’s bad in economic development. They include the UN human development index, and the World Bank’s adjusted net savings. Ecology-related issues are becoming paramount to human health. And in terms of these indicators, if you, for example, extract a lot of oil, gas, coal, or cut down a lot of trees, it’s a disadvantage. And, even if we look at the long-term prospects in a common sense manner,

how can this sort of GDP growth be an advantage when you destroy a chance for future generations to live a normal life. So, in my opinion, GDP is not an environmentally viable indicator, and in this respect it is better to look for other indicators and, instead of GDP growth, focus on Russia's future.

Bodrunov: For some reason, our well-being and our lives are only measured in GDP, and it sounds like a kind of mantra. And when we talk about environmental problems, it is not clear whether or not their resolution will lead to a higher GDP. But will it lead to an improvement in the quality of life? And how?

Babenko: I would probably look at the other side of the problem. Unfortunately, our economy and ecology are still in a state of...

Bodrunov: Cognitive dissonance.

Babenko: In opposition to each other, yes. Economic development, as it were, a priori implies a deterioration of the state of the environment. If we start telling businesses they need to invest more in environmental protection, they will accuse us of setting up additional administrative barriers. And we keep forgetting that, in reality, economy and ecology are the two components that not only go hand in hand, but can also complement each other, because a huge number of Russia's industries, that are currently underdeveloped, help reduce the burden on the environment, on the one hand, and create additional product, on the other hand.

Bodrunov: Additional digital indicators.

Babenko: Additional income. And it's a very important story. I believe the law on strategic management is still about socio-economic development; regretfully, it has no mention of environmental development, a third component of sustainable development. Therefore, it's definitely a "yes." It's not just some additional costs. It's not right to talk about environmental costs, we should be talking about investment in the environmental capital, in the environment; then, ideologically, business cycles and business processes will become quite different.

Bodrunov: It seems to me there is a possibility of combining these indicators on a regulatory basis. If we do not only impose sanctions for breach of environmental regulations but also encourage the use of particular technologies that address environmental issues, e.g. lower energy intensity or material intensity, we will have an economic incentive as well.

Bobylev: I would like to finish off the topic of GDP. There is a very good figure, which shows the illusory nature of GDP. Prior to the Year of the Environment, there was a session of the State Council, at which the President spoke; he cited some horrifying figures: the damage to public health from environmental pollution could be as high as 15% of the gross regional product in some regions.

With people getting sick and dying, what's the meaning of GDP, or GRP, in such an environmental situation? As a matter of fact, the economy is getting around to quantifying very subtle things — health, ecosystem services, etc.

What kind of “dirty” stuff is the most dangerous?

Bodrunov: I think you are now able to name a few problems which, in your opinion, are the most urgent. Mikhail Vladimirovich, what are the most pressing problems today according to your Fund?

Babenko: I guess it's not my place to rank problems, otherwise I would have to compare green and square. What is more important — clean air or clean water? Both are important. When you open a report on the state of the environment by the Ministry of Natural Resources and Ecology and look at the map of water resources, you become overwhelmed by the sheer amount of untreated sewage discharged into rivers.

The same is true for air. In some places, especially in industrial regions, it's a real problem. Take Krasnoyarsk. We are well aware that the industrial enterprises have been heavily investing into emission reduction, but when you come to Krasnoyarsk early in the morning, the first thing you smell is burning coal because a lot of households have installed small-sized coal-fired heaters. Restrictive measures do not seem to help in resolving this problem because the population is too poor to pay utility bills at the existing rates.

Bodrunov: We need an affordable alternative.

Babenko: There is an alternative, but they take the path of least resistance.

Bodrunov: Well, of course, it's always the case.

Babenko: The next problem is the way we manage our natural resources. There is a myth that Russia is very rich in forests, but in reality it's not true. We are accustomed to extensively developing the forest industry, grabbing more and more new territories. As a result, some regions no longer have trees to cut down.

Bodrunov: It took Europe 40 years to cut down everything.

Babenko: That's right. And without switching to intensive methods of forest management it will be quite difficult to solve that problem. You mentioned landfills. What we should talk about is not just household wastes but also the absolutely horrendous accumulated environmental damage, inherited in some cases from the Soviet Union. And yet, little is being done in this area. Yes, the costs of restoring the ecosystems, removing the dumps, and clearing the landfill sites will be high. But it should be done because, inter alia, they have an adverse impact on health. In addition to wildlife, they also affect people's health.

Bodrunov: In Soviet times, as I remember, a slogan hung in our students' dormitory: "Turn Off Lights When Leaving." Educating the public and businesses in terms of saving resources and using less expensive technologies is also an element of the overall effort. With regard to landfills, it is not only necessary to deal with their liquidation and so on, it is also necessary to minimize the number of landfills in the future. Colleagues, do you have any idea of whether the problem can be resolved within the context of the current economic paradigm?

Bobylev: As regards the question of what is more harmful: air pollution, water pollution, or wastes, in recent years the global economic science has made a number of initial steps towards making a quantitative assessment. It turns out air pollution is most harmful to human health. On an imaginary economic scale, air pollution accounts for 70-75% of the damage, and water pollution for 20-25%. And the impact of wastes, which is very often discussed, manifests itself either through water pollution or through air pollution. The worst thing is that wastes are visible but air pollution is invisible. Medical professionals say suspended solid particles with diameters below 10 and 2.5 microns are the worst as they are invisible.

What is to be done? In Russia, there is practically no discussion, at least in scientific circles, concerning the technological revolution that will be launched on January 1, 2019 with the introduction of the best available technology concept. The "dirtiest" three hundred enterprises have been identified.

Bodrunov: It can be said to be a revolutionizing approach.

Bobylev: Absolutely. We are getting the most powerful lever for changing both economy and ecology. What does the term "best available technology" mean? There is a definition I like very much: it is a technology that minimizes environmental impact and is affordable in terms of investments.

Bodrunov: Of course, you can make the air clean, but how much will it cost?

Bobylev: Yes, here we are talking about reasonable amounts of investment, and the world has seen examples of such an approach. If the government is able to firmly pursue this policy, so that after the first three hundred harmful enterprises another 8,000 would be identified and the entire Russian industrial sector would switch to operating on an environmentally friendly basis, it will be a fantastic result.

Bodrunov: It is a very interesting idea, thank you, Sergey Nikolaevich. Mikhail Vladimirovich, do you have an understanding or a recipe for what we should do to ensure that the economy kept pace with ecology.

Eco-friendly economy is profitable

Babenko: Last year at the Krasnoyarsk Economic Forum there was a very interesting, albeit non-face-to-face, discussion between the Minister of Economy of the Krasnoyarsk Krai and the Ambassador of Switzerland to Russia. Our two panels discussed eco-friendly economy, and a representative of the Krasnoyarsk Krai complained that green economy was very expensive and required huge investment and re-equipment, and was unaffordable under the existing circumstances. And the Swiss Ambassador uttered a completely brilliant phrase, he said: “Green economy is profitable”. Perhaps it’s not cheap, but it’s profitable. As regards wastes, we are actually burying important resources. Plastic and paper, metal, glass, and rubber. In the Soviet Union, about 30% of these things were recycled. Currently, we recycle 5 to 7%. We are losing income, we are losing the additional benefits we could have gotten.

Bodrunov: You are absolutely right. We need to understand the situation: if we invest in the extraction of any material which can be used to manufacture a product and earn money, then we can subsequently use part of this same product as recycled material without once again spending 30 or 40% on raw materials. As a result, instead of growing, the production costs will become lower. We need to revolutionize the thinking of businessmen, including the government when it acts as a businessman, for them to realize this.

Bobylev: Again, it is a matter of the quality of life.

Bodrunov: Yes, on the other hand, it is an additional option for improving the quality of life, because the less natural resources you process, the lower the percentage of GDP you spend on mining, processing, creating dumps, landfills, etc.

Babenko: Yes, according to some estimates, every year we officially allocate nearly four hundred thousand hectares for landfills.

Bobylev: And who knows how much unofficially.

Babenko: And who knows how much unofficially. We must do justice to businesses, they are slowly moving in the direction of recycling. They build up recycling capacities, there are enthusiasts who see it's economically beneficial. But there is no waste collection infrastructure, and it's a must.

Bodrunov: It's exactly infrastructure that is necessary, you have chosen the right word. An infrastructure for the disposal and recycling of wastes, environmentally clean high tech processing plants with high energy efficiency. We need plants to process plastic, which floats in the oceans forming huge patches, destroying aquatic life, killing plankton, and altering marine ecosystems. It is a huge problem people will face in 50 or 100 years. And not matter what country or countries we will blame then, all of us will have to reap what we have sown. If we limit ourselves to prohibitions and exhortations, we will probably be able to half-solve the problem, but we will not achieve a fundamental solution.

Bobylev: Traditional economics cannot measure the effects of minimization and prevention of environmental problems. The garbage problem is connected with the health of the population. In general, modern economy faces the challenge of quantification of environmental impacts. Today, economists have a name for it: "ecosystem services".

And here's a very good example. Moscow, 2010, peat fires. Who estimated the value of peat bogs before draining them?

Bodrunov: And who estimated the cost of treating patients who had suffered from the smog?

Bobylev: Exactly. When the wildfires started in the drained peat bogs, it turned out that they played a crucial role in water regulation and prevented emissions of particulate matter into the air, etc.

The damage caused by the wildfires accounted for 2% of the country's GDP. Although it seemed the peat bogs had zero value for the traditional economy, they turned out to be very important. And their draining led to a severe environmental damage.

Bodrunov: Indeed, we must understand that our economic activities should be more environment-friendly. If we manage, in a rational manner, to harness the two horses, economy and ecology, to one cart, our quality of life will be better in terms of both the products produced by the economy and the environment in which people will consume those products.

Александр Бузгалин

*Вице-президент ВЭО
России, заслуженный
профессор МГУ имени
М.В. Ломоносова*

**Жаком Биде
(Jacques Bidet)**

*Профессор Университета
Париж X — Нантер*

РАЗВИТИЕ ТЕМЫ

Марксизм и экология: актуальные проблемы

Бузгалин: Я знаю, что Вы много занимались вопросами развития марксизма, много лет были главным редактором журнала «Актуальный Маркс». Как на Ваш взгляд — устарел ли марксизм сегодня, на какие вопросы сегодня он может ответить? Например, нужен ли марксизм сегодня для исследования экономических и социальных проблем, в частности, бедности и неравенства? Быть может, он, на Ваш взгляд, более важен для исследования других вопросов?

Биде: Да, Вы затронули очень важные проблемы, для исследования которых важен марксизм, но я хотел бы подчеркнуть его значение для анализа другого вопроса — экологического. Я бы сказал, что главное сегодня — экология. Главный вопрос в том, что человечество развивается и впереди маячит экологический кризис. Маркс для меня — экологический мыслитель номер один. Потому что он очень четко указал, что у капитализма лишь одна цель — прибыль, что бы там ни случилось с человеком или природой. Никто не выразил этого яснее. Единственная цель капитализма — прибыль. И вот сегодня Маркс опять становится актуален, и людям это понятно. Раньше Маркс был более труден для восприятия. Конечно же, касался он и этих вопросов, но это не было столь заметным, столь прозрачным. Ведь многие люди считали, что хоть капитализм и не предмет для восхищения, он тем не менее лучшее из всех зол. Здесь речь идет не только о капитализме и погоне за прибылью, но еще и о войне, которая создает ужасные проблемы для экологии. Поскольку во время войны, да и после войны, слишком много всего уничтожается. И, разумеется, война во многом связана с капитализмом. Ведь сейчас, когда богатые страны воюют со странами бедными, эти войны между странами по большому счету идут за эксплуатацию ресурсов. Капитализм всегда существует бок о бок с империализмом, нам это давно известно. Но сегодня нельзя говорить просто об империализме. Имеет место полицентричный империализм. Есть мировая система, и есть периферийные подсистемы. Это умножает количество вооружений, а все эти вооружения несут разрушение на всех стадиях производства, даже если они не используются. И вот, по разным причинам, Маркс вновь актуален.

Бузгалин: Спасибо. Еще вопрос. Идут споры о бедности, о социальной поляризации и т. п. Социальная поляризация, пропасть между бедными и богатыми, социально-экономическое неравенство. Это важные вопросы или не очень важные?

Биде: Все это типичные марксистские вопросы.

Бузгалин: Да. Поэтому я их и задаю.

Биде: Этот вопрос остается весьма важным. Сегодня он приобрел новый оттенок, новый пафос. Ведь хорошо известно — богатые стали богаче, а бедные — беднее. Ширится бедность, и в странах, где при социализме и социалистах были построены социальные институты, все эти социальные институты находятся под угрозой. Я не говорю о России. Я знаю, что старый советский строй имел много проблем, но этот строй имел очевидную социальную направленность. По крайней мере, была идея о создании комплексной системы социального здравоохранения, образования и т. д. Но, как мы знаем, в постсоветской России все это было разрушено. В Западной Европе все так же. Может быть, в России об этом не очень хорошо знают, но вчера, например, Шон Сэйерс интересно рассказывал об уничтожении остатков социальной системы в Англии, системы здравоохранения, системы больниц, которая была создана после Второй мировой войны. Ее путем приватизации уничтожила Маргарет Тэтчер. Вот и во Франции мы это день за днем наблюдаем при Макроне, политике, который, по его словам, не принадлежал ни к правым, ни к левым, а фактически оказался крайне правым. В культурном плане он либерал, современный и открытый политик, а в плане экономическом — отъявленный реакционер. Он уничтожает систему строительства народного жилья. Сейчас проходит большая забастовка железнодорожников. В настоящее время железные дороги принадлежат государству, и для этого есть веские причины. А он настойчиво выступает за их приватизацию. Зачем приватизировать? В этих акциях протеста, если их рассматривать как социальный институт, есть возможность организации людей в оппозицию по отношению к капитализму. Хорошая, нормальная возможность. Забастовка продолжалась один месяц. И профсоюзами объявлены еще две. Бастуют не каждый день, но по два дня из пяти, чтобы бастующие контактировали с пассажирами и могли вести агитацию. Это непросто, так как по телевидению им высказываться не дают, а другие люди, да и журналисты, не спешат признавать, что капиталистическая система никуда не годится. У нас есть сильный профсоюз, Генеральная конфедерация труда, с марксистским уклоном, они очень упорно проводят свою линию. Борьба продолжается. Но хотелось

ЛЕСТЕР БРАУН

Один из крупнейших экологических мыслителей, президент Института политики Земли. Вот что пишет автор в предисловии: «Как

скоро наша цивилизация начнет приходить в упадок, если мы продолжим следовать сценарию своего обычного развития? И как нам ее спасти? Мне кажется, что «идеальный шторм» или «окончатель-

ная рецессия» могут начаться в любой момент. Что нужно сделать, чтобы изменить тенденции, негативно влияющие на мировую экономику? Чтобы вовремя ее реструктурировать и избежать эконо-

ИЗ БИБЛИОТЕКИ ВЭО РОССИИ

Лестер Браун,

«МИР НА ГРАНИ.
КАК ПРЕДОТВРАТИТЬ
ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ
И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
КОЛЛАПС»

мического спада, а также возникновения экологического дефицита, потребуется массовая мобилизация, и провести ее надо со скоростью, с которой решения принимаются в военное время.»

бы иметь хоть какой-нибудь результат. Вот взять забастовку в «Эйр Франс». Эта компания уже не государственная, а лишь частично государственная. Бастуют уже месяц, только там вопрос больше идет о зарплате, потому что зарплата не менялась шесть лет, а стоимость жизни растет на 2% каждый год. И вот у них крупная забастовка. Руководитель «Эйр Франс» организовал референдум среди работников. Он был уверен в победе, поскольку во всех газетах и по телевидению говорили, что бастует промарксистски настроенное меньшинство. Но он тем не менее проиграл. Вчера всем на удивление оказалось, что он набрал лишь 44% голосов в свою поддержку. Большая победа! И очень ко времени, она может дать надежду бастующим железнодорожникам. Марксизм присутствует и в университетских кругах, большой интерес к марксизму в университете. У меня на кафедре философии группа студентов пишет диссертации по марксизму. Есть уже два доктора наук по этой тематике. Они работали над диссертацией по 4–6 лет, так что не такая уж это молодежь, лет по 25–26 на момент защиты. Растет смена. 20 лет я руководил журналом «Актуальный Маркс». Теперь там сменилось третье поколение, а я ушел в отставку после 20 лет работы. Пришел другой на 20 лет, и теперь там 4-е поколение. Прошло уже 35 лет. Потом придет следующее поколение. Сейчас редакторам по 30 лет. Но они уже полноценные профессора, очень толковые. С ними работает множество студентов. Так что ситуация в Европе (я говорю о марксизме) не такая уж плохая. Хотя политическая ситуация незавидная, потому что во Франции примерно 20% населения имеют леворадикальные взгляды. Таков был рейтинг коммунистической партии, теперь влияние коммунистической партии ослабло, ее рейтинг упал до 5%, но еще 15% населения в какой-то мере настроено радикально. Но мы изолированы, поскольку большинство социалистов состоят в услужении у неокapиализма. Но еще не все потеряно.

Бузгалин: Очень важно то, что вы говорите. Спасибо большое.

MARXISM AND ECOLOGY: CURRENT PROBLEMS

PANELISTS:

*Alexander Buzgalin,
Emeritus Professor at MSU,
Vice-President of the FES
of Russia*

*Jacques Bidet,
professor at Paris Nanterre
University*

Buzgalin: I know that you've been busy developing Marxism, and for many years you've been editor-in-chief of the Actual Marx magazine. Do you believe Marxism is obsolete? What questions can it answer today? For example, is Marxism needed to study economic and social problems, in particular, those of poverty and inequality? Or is it more important for studying other issues?

Bidet: Well, it is very important for different socio-economical questions. But I would say, the main point is about ecology. Because the main question is that mankind has evolved, has [in front of it, on the horizon?] this ecological crisis, and Marx is, for me is the ecological thinker number one. Because he made it very clear that capitalism has just one purpose, just profit, whatever the human or the nature. And nobody made it clearer than he does. Capitalism's only aim is profit, so suddenly Marxism's become suddenly important again, and that can be understood rather easily by the human population. While the Marx before was more difficult, he was of course very pertinent [to those questions?], but that was not so visible, not so transparent because many people could have thought that capitalism is not splendid, it's the best bad possibility, something [lighter?]. Of course, not only capitalism, that's not only [the] question of looking for profit, also the war with terrible problems for ecology. Because in the war, before and after the war you destroy quite a lot of things. But of course, war has also much to do with capitalism. Because it's a war of the richest country at the moment against poor countries, organizing combats, struggles between countries where there's something to exploit. So, capitalism [will always be armed?], we've known that for a long time, with imperialism. But now we can perhaps not so easily speak of imperialism. It's more of a multicenter imperialism. There is a world system, and a subsystem with each of them on the periphery. And this brings the multiplication of weapons and all those weapons are destructive, at every stage of production, even if they are not employed. So, for different reasons Marx has come to the forefront.

Buzgalin: Thank you and maybe one more question. There are a lot of debates now about poverty and social polarization, the gap between the poor and the rich and all this stuff. Do you think that these are also important questions or it's not so important?

Bidet: They are all typical Marxist questions.

Buzgalin: That's why I put it, yes.

Bidet: Marxism remains very, very important, it takes a new inflexion, a new pathos, because, as is well known, the rich became richer and the poor poorer, and there's an inflation of poverties, and in the countries where socialism, socialists had brought social institutions, all these institutions is in danger, I don't tell about Russia, I know that the old system was probably not bearable, but the old system... there was at least the idea of overall social institution for medical care, school and so on. And we know how the destruction, restructuration has been radical. It's also the same in Western Europe. It's not so well-known perhaps in Russia but yesterday for instance Sean Sayers had the good words on the destruction of the last thing they had in England, the social hospitals, health system which has been built after World War II. And Margaret Thatcher was [the person] who destroyed it [by privatizing]. And in France too, we see day after day with Macron, the man who was supposed to belong neither to the right nor to the left, and who in fact was revealed to be an extreme right. A liberal, culturally liberal, culturally modern and open, but economically and politically a real reactionary. [He has been] destroying the popular housing system. At the moment [there's] a great strike on the railway. The railway at the moment is national property and with a good reason. And he makes a great enterprise for privatization. Why privatize? In this social institution there's a place for people, for organizing people for some opposition to capitalism. That's a normal possibility. There had been a one-month strike. And possibly announced two more by the trade unions. Not every day but two days out of five. So that the strikers keep in contact with passengers and explain day after day. That has been difficult, they have no public expression on television, but the others, and also the journalists, they are hateful of saying that the system is not good... It means that... there is a strong trade union which... with a Marxist NDA, CGT (General Confederation of Labor), with a Marxist inspiration, and they are really resilienting this movement. And it's not finished. But we just want something because there is also a big strike in Air France, a company which is no more national but partly national, and they have been striking for one month, just more for question of salary because the salary has been the same for six years while the life takes two percent every year. So, they have a strong strike. The President of Air France had this challenge of organizing a referendum among the employees. He was sure of winning because all the newspapers and television said that was a minority strike, just a minority of Marxism. But as a matter of fact, he lost. We know that yesterday, surprisingly, he [ended up with] just forty-four percent [of the votes]. It was a great victory. At that time [the victory was something splendid?]. That can give some hope to the strikers for the railways. So, Marxism is also present in university circles, there is a strong interest in Marxism in the university. In my research center for philosophers there's a good group of students making their PhD on Marxism. There were two doctorates on that. It was a work of four-five-six

years, no more so young, 25, 26 years when they finished. On the young Marx. And we see that there is a continuation. For 20 years I founded this journal, Actuel Marx. Now it's a third generation, I resigned after 20 years. Another one took it for 20 years, and now it's a 4th generation. So, now it makes for 35 years. And there is another generation after that. And now the editors are about thirty years old. But they are full professors, they are really brilliant. They have a lot of students working with them. So, the situation (I speak of Marxism) is not so bad in some way although the political situation is poor because the radical left, which makes in France about 20% of the population (that was the rate of the Communist party, and now the Communist party is weaker, at five percent, but there's another 15 percent that is also radicalized in some sense). Well, but we are isolated because the socialists, most of them, have taken the way for helping the service of neo-capitalism. But, well, anyway, the story is not finished.

Buzgalin: No, no, it's very important what you said, and thank you very much.

ЗЕЛЕНАЯ ЭКОНОМИКА КАК СИНОНИМ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

«Зеленая экономика» — это не только сразу приходящие на ум очищенные выбросы, это еще и безопасность труда, чистота продуктов, утилизация отходов, необходимость которой жители многих регионов России все чаще осознают на собственном опыте. Россия не так давно стала, кроме прочего, позиционироваться на разных уровнях как чистая страна. Как развивается «зеленая» отрасль в России?

СОБЕСЕДНИКИ

*Борис Николаевич Порфирьев,
заместитель директора Института
народнохозяйственного прогнозирования РАН,
академик РАН*

*Анатолий Васильевич Шевчук,
заместитель председателя Совета по изучению
производительных сил Министерства экономического
развития Российской Федерации*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, директор ИНИР им. С.Ю.Витте,
президент Международного союза экономистов, эксперт
РАН, д. э. н., профессор*

Составные части зеленой экономики

Бодрунов: Борис Николаевич, Вам как академику первый вопрос. Что же такое «зеленая экономика»? Это какой-то модный новый термин или все-таки содержательная категория? И что она в себя включает?

Порфирьев: Отрицать определенную модность этого термина было бы, наверное, глупо, но, безусловно, то, что мы подразумеваем под зеленой экономикой, становится реальностью сегодняшнего дня. Может быть, это пока реальность не всеохватывающая, но тем не менее. Мы всегда подчеркиваем значимость традиционных природоохранных, природосберегающих действий, но то, что должно подкреплять эти мероприятия, а прежде всего сами хозяйственные операции, хозяйственная деятельность как таковая, конечно, существенно расширяет понятие зеленой экономики. Существует ее широкая трактовка, которую давала ЮНЕП еще в 2011 году, когда под ней подразумевается хозяйственная деятельность, которая обеспечивает благосостояние, социальную справедливость и экологическую чистоту. То есть, по сути дела, это определение почти полностью копирует то, что понимается под устойчивым развитием. Есть более узкие трактовки, которые специфицируют уже конкретные виды деятельности. Речь идет и о производстве соответствующих природосберегающих технологий, речь идет об энергосберегающих технологиях и материалах, о технологиях и материалах, устойчивых к воздействию климата, и, конечно же, об экологически чистой агропродукции.

В связи с этим то, что сегодня именуется зеленой экономикой, мы видим как некую кросс-хозяйственную деятельность. Это не один сектор, сегменты в существующих секторах хозяйственной деятельности: прежде всего, энергетика, а именно энергоэффективность и энергосбережение, экологически устойчивое сельское хозяйство, «зеленое строительство», где огромное внимание уделяется соответствующим стандартам, наконец, в сфере услуг развиваются «зеленые финансы» — особая финансовая деятельность, связанная с поворотом к решению экологических задач.

Бодрунов: Но не поворот финансового сектора, как некоторые мои студенты мне в шутку говорили, в сторону зеленого доллара?

Порфирьев: Ну, в этом смысле уже давно состоялся этот «зеленый поворот». Еще, наверное, в 1990-е годы это было ярче всего. Слава богу, мы сейчас от этого отходим.

Бодрунов: Анатолий Васильевич, что сегодня в России представляет собой зеленая экономика? Какие есть проблемы? Какие самые важные вещи?

Шевчук: Как говорит мой очень хороший коллега, заслуженный химик России: «Нет зеленой экономики. Ее и быть не может. Есть просто экономика, ориентированная на правильные вещи, то есть на разумное, устойчивое развитие и обеспечение сохранности природы». Я всегда и студентам говорю, и на лекциях о том, что, да, конечно, к нам это в последние годы пришло из международных организаций, но, если вспомнить работы Владимира Ивановича Вернадского, академика, Дмитрия Ивановича Менделеева, там были прописаны очень важные слова. Собственно говоря, теория Вернадского о ноосфере и охватывала вопросы развития экономики и сохранения экологических систем. То же самое говорил и Менделеев. Есть фраза из его работ столетней давности о том, что промышленности нужно брать из природы столько, чтобы оставалось сельскому хозяйству. А под «сельским хозяйством» понималась, в общем-то, вся окружающая среда.

Бодрунов: В то время, действительно, не было уничтожающих сельхозтехнологий и сельское хозяйство включало в себя то, что мы сегодня понимаем под «сохранением среды».

Без технологичности зеленой экономики не бывает

Порфирьев: Есть важный срез противоречий вокруг зеленой экономики — сомнения о том, что вообще стоит развивать это направление, если нам нужно добывать нефть. Это мнение, кстати, не так очевидно ложно, как может показаться. Говорить о зеленой экономике в России явно преждевременно. Мне доводилось об этом писать. Я называю это, скорее, «зелеными ростками» этой самой новой экономики. Я совершенно согласен с Анатолием Васильевичем в том, что некие базисные принципы давно были, естественно, отработаны. И в чистом виде (я об этом тоже говорил), зеленой экономики как какого-то самостоятельного сегмента не существует.

Тем не менее новые направления, связанные с новыми технологиями, новыми подходами, исключительно важны. И то, что Россия сейчас пытается осуществить поворот в сторону большей инновационности, наукоемкости, — это исключительно важно. Это, собственно, путь как раз в ту сторону, которую нам диктует именно зеленая экономика.

Надо сказать, что и в мире сделаны такие оценки. Зеленая экономика (если о ней говорить обобщенно), она занимает пока не так много места. Это примерно 3% валового продукта, менее процента занятости (около 50 миллионов человек).

В отдельных странах эти показатели существенно выше. Например, в Соединенных Штатах — 4% ВВП, в Германии — около 5%, а в Великобритании — до 8%.

Движение этих стран, которые мы относим к передовым, в эту сторону, конечно, для нас показательно, мы видим это и должны, бесспорно, на это ориентироваться.

И это движение связано с преимуществами, которые содержит в себе зеленая экономика. Это, если коротко сказать, снижение рисков, связанных с климатическими воздействиями, мультипликативный эффект, связанный с развитием зеленых производств, повышенная наукоемкость. И, кстати сказать, в новой стратегии научно-технологического развития из пяти базовых принципов два напрямую относятся к экологии, если мы посмотрим. И, наконец, последнее, но не по значимости, это антикризисный потенциал зеленой экономики. Если мы посмотрим на ситуацию 2008–2009 годов, то увидим, что в антикризисных программах значительную долю занимали прежде всего расходы именно на поддержание экологически устойчивых производств, и именно это помогло в существенной степени сдвинуть ситуацию с мертвой точки.

Бодрунов: Мне представляется, что очень важный момент — экологическая направленность всех технологий, которые мы развиваем, потому что, решая вопросы, связанные с тем же ресурсосбережением, энергосбережением, можно использовать одни материалы для того, чтобы какие-то приборы создавать, а можно другие. Если мы не будем беспокоиться об экологических последствиях новых изобретений, новых изделий, новых материалов, которые приходят вместе с прогрессом в нашу жизнь, мы можем прийти к тому, что устранение экологических последствий перебьет всю кажущуюся эффективность технологии, а это мы проходили неоднократно. И поэтому экологическая направленность того движения в научно-техническом прогрессе, которое мы сегодня наблюдаем, тем более в условиях четвертой промышленной революции, должна быть одной из основных, иначе мы можем прийти к тому, что эта революция приведет к огромному количеству вещей, которые не дадут нам жить нормально и спокойно, несмотря на весь прогресс. Разные люди имеют разный взгляд на экономику, и тем не менее объединены в одном — сохранять свою среду необходимо, и это должно быть основным направлением.

РЕКА КАК ЮРЛИЦО

Одна из самых крупных рек Новой Зеландии была официально признана юридическим лицом. Теперь, в соответствии с законодательством, у реки Уонгануи есть свои права и обязанности, и от ее имени можно выступать в судебных разбирательствах и составлять официальные обращения. Признания реки лицом добился народ маори, который считает Уонгануи своим предком. Благополучие племени напрямую зависит от состояния реки, на которой оно живет, поэтому их признали единым целым. Правительством Новой Зеландии будет создан специальный фонд 30 миллионов долларов для обеспечения безопасности и благополучия водоема.

Порфирьев: В примере с признанием реки в Новой Зеландии юрлицом мы видим, прежде всего, признание единства человека и природы, о котором Анатолий Васильевич говорил, вспоминая и Вернадского, и Менделеева. И, безусловно, это особенно важно для традиционных обществ. Скажем, очень крупное событие по проблемам Арктики — Арктический форум — обсуждает вопросы, связанные с коренными и малочисленными народами Севера, для которых зеленая экономика — не просто защита природы, но их существование, их бытие. И, я думаю, подобного рода подходы, может быть, очень близки нам, чтобы мы этот опыт учитывали при сохранении нашей культуры и экономики.

А у нас нет подзаконных актов

Бодрунов: Больше того, мы здесь должны напрямую затронуть тему экологических последствий отходов деятельности, свалок. Уже не секрет, что у нас многие города просто завалены свалками, в том числе несанкционированными. Значит, здесь налицо и недоразвитость технологий утилизации отходов, и проблемы нерационального использования ресурсов, и проблемы нашего общего бескультурья, в том числе в ведении предпринимательской деятельности, проблемы, извините, элементарной жадности, когда не хочется довозить это до полигона, платить 5 тысяч рублей за утилизацию, а проще свалить в какой-нибудь близлежащей деревне, и никто это не заметит вроде как бы. А дальше что? А потом сами же этим всем и дышим, и едим, и пользуемся.

Шевчук: Зеленая экономика — все-таки это в большей степени, конечно, экологизация существующей экономики и ее перспективы, а если о последствиях говорить, я бы хотел напомнить создателя Вольного экономического общества академика Хачатурова Тиграна Сергеевича, который выступал за то, чтобы комплексно рассматривать любые проекты и развитие, учитывая социально-экономические и экологические последствия. Это было его кредо: нужно смотреть не просто затраты, а и качественный результат и в части учета экологического фактора. Это была его принципиальная позиция.

И, может быть, нужно сказать о работах профессора Константина Георгиевича Гофмана, основоположника экономики природопользования в СССР, который одним из первых сказал о том, что нужно заниматься экологизацией нашей экономики.

Что касается конкретно отходов, конечно, это большая проблема для страны, особенно для регионов, но в целом после выхода последних поправок в Закон об отходах производства и потребления проведена колоссальная работа. И, мне кажется, здесь даже чересчур амбициозно мы сделали эти шаги, не проработав пилотные проекты в отдельных регионах. В законе сказано, что все регионы с такого-то числа начинают работать по этим поправкам, но это оказалось не так-то просто реализовать.

Было даже заседание в Совете Федерации по этим вопросам, и специалисты докладывали о том, что хотели начать работать по-новому, чтобы создавались территориальные схемы обращения с отходами, региональные программы, связанные с отходами, чтобы вводились региональные операторы по обращению с отходами и много-много-много чего еще, включая передачу части функ-

ций субъектам федерации. Не все получилось, к сожалению, хотя подвижки есть большие. Разработано достаточно много схем (порядка 60–70) плюс какие-то — на согласовании, какие-то — на доработке.

В чем проблема? Почему все-таки мы пробуксовываем и переносим сроки введения окончательных позиций закона? Мы должны были выпустить 30 подзаконных правительственных актов. Конечно, они все не выпущены. И многие принципиальные, по которым субъекты федерации просто говорят, что: «Мы не можем вести эту работу, потому что нет подзаконного акта». Допустим, с точки зрения выбора регионального оператора, с точки зрения функций местного самоуправления, нет передачи функций, не были переданы соответствующие объемы финансирования.

Бодрунов: Вы знаете, я могу сказать, что мое понимание зеленой экономики — где-то на пересечении линий, которые сходятся, собственно, в одном. Это, с одной стороны, то, что мы называем зеленым продуктом, с использованием как можно меньшего количества всяких веществ, которые будут негативно или просто пока непонятно как влиять на человека, на среду. А, с другой стороны, это последствия любой нашей деятельности, связанной с тем, что мы даем результат не только тот, который хотим, в виде произведенной чашки или ручки, но и отходы от производства этой чашки и ручки. И тот, кто купил чашку, далеко не будет счастлив, может быть, если узнает, сколько там мусора при этом создали и как потом этим мусором дышать или питаться. Все эти вроде бы разные вопросы на самом деле составляют комплексный, системный

вопрос развития нашей экономики. Сейчас мы говорим о том, что в России создается, разрабатывается новая модель экономического роста, новая модель экономики. Мне представляется, что эта проблема «озеленения» нашей экономики должна обязательно присутствовать в новой модели.

Порфирьев: Возражений, конечно, нет. Я только хотел бы подчеркнуть одно. Все-таки оставаясь экономистами, мы должны понимать, что все имеет свою цену и что переход к этой новой модели тоже сопряжен с определенными издержками. И неслучайно мы видим довольно мощное сопротивление этим тенденциям, которое не всегда надо воспринимать как исключительно ретроградское, из вредности. На самом деле, есть мотивированные соображения за этими возражениями. В частности, переход к альтернативной энергетике, расширение доли, скажем, ветровой энергетике, солнечной энергетике сопряжено с довольно серьезными экономическими последствиями в том, что касается цен на электроэнергию, вопросов субсидий, выгоды для производителя.

И второй комментарий связан с тем, что когда мы говорим об экономике «зеленая», это, конечно, такой очень приятный, хороший термин, но в центре должен всегда стоять человек. Только в этом случае мы получим результат. Иначе мы останемся на уровне зеленых лозунгов, и, к сожалению, это будет не устойчивое развитие, а только вот такие зеленые шажки в лучшем случае.

Шевчук: Я бы хотел что отметить. Если мы берем традиционные экономики, на что они нацелены? На производство товаров, продукции, которая потом превратится в отходы. Значит, должны быть продукты, товары, которые потом можно будет переработать, как-то использовать максимально. Зеленая экономика выстраивает путь в направлении того, чтобы природный капитал был дорогим, чтобы его ценили. И тогда мы бы в наших показателях ВВП увидели, может быть, и другие цифры.

**ИЗ БИБЛИОТЕКИ
ВЭО РОССИИ**

«ЗЕЛЕНАЯ»
ЭКОНОМИКА. НОВАЯ
ПАРАДИГМА
РАЗВИТИЯ СТРАНЫ»

**Сборник статей
под редакцией
А.В. Шевчука**

Издание, с разных сторон анализирующее феномен и развитие зеленой экономики, подготовлено к 100-летию Совета по изучению производительных сил МЭР и РАН, к 250-летию Вольного экономического общества России.

Питер Нолан

Профессор Кембриджского университета, директор Центра исследований развития, директор Программы подготовки высшего менеджмента по Китаю

В РАЗВИТИЕ ТЕМЫ

Инь и ян глобализации

Из доклада на научном семинаре «За пределами глобализации: перспективы для Евразии», организованном ВЭО России, Институтом нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте совместно с Кембриджским Центрально-Азиатским форумом и Колледжем Иисуса Кембриджского университета

Что мы понимаем под глобализацией, а именно капиталистической глобализацией? Под каким углом ее рассматриваем? По моему мнению, при анализе феномена глобализации можно использовать как восточный, так и западный подход, и для определения восточного подхода обратимся к философскому течению Инь ян цзя, возникшему в Китае в V–IV вв. до н. э. и до сих пор являющемуся неотъемлемой частью восточного и особенно китайского менталитета. Это философское учение зиждется на идее, что каждому явлению присущи два начала: темное начало инь, символизирующее — применительно к экономике и социуму — жадность и эгоизм — основы личных отношений, а также политической и экономической жизни общества, и уравнивающее инь светлое начало ян, побуждающее людей к бескорыстным действиям на благо общества в противовес жажде наживы и стремлению к извлечению личной выгоды. Таким образом, жизнь представляет собой не что иное, как путь к достижению равновесия между двумя этими началами, в китайской философии именуемый срединным путем. Срединный путь — это не просто поиск компромисса, а динамичное взаимодействие двух противоположных начал для получения положительного результата.

Во-первых, рассмотрим положительные аспекты, или ян глобализации, то есть определим ее вклад в развитие капитализма. Прежде чем приступить к анализу явлений, которые затронули практически каждого жителя нашей планеты, позвольте отметить, что произошедшие перемены были бы невозможны без участия государственных органов, в том числе правительства США и прочих западных правительств, военных ведомств и высших учебных заведений, но определяющим фактором, с моей точки зрения, является конкуренция, в особенности конкурентная борьба внутри относительно небольшой группы гигантских глобальных корпораций, которые за последнее время укрупнились, четко обозначили свои приоритеты и целенаправленно взяли курс на олигопольную конкуренцию: Siemens конкурирует с General Electric, Boeing с Airbus и т. д., — и эти компании, тратя в рамках конкурентной борьбы огромные средства на научные исследования (с переменным успехом), стали драйверами развития

в эпоху глобализации. По оценкам Европейского союза, который отслеживает деятельность 2500 ведущих компаний в области расходов на НИОКР, совокупный бюджет этих компаний на исследования составляет примерно 90% всех соответствующих расходов. Кроме того, 85% приходится на 500 самых крупных корпораций из числа 2500 (Toshiba, Google, Intel, Microsoft, Boeing, Airbus и т. д.). Таким образом формируется ядро современных инноваций, внедрение которых позволяет рассматривать корпорации как огромную положительную силу в мировом масштабе. Эти компании не просто занимаются разработкой и производством новых технологий, но, максимально используя преимущества своего относительно недавнего вхождения в мировую экономику, они смогли распространиться по всему миру.

С начала эпохи глобализации доля развивающихся стран в мировом ВВП выросла практически вдвое, то есть экономический лифт не только не исчез, а, наоборот, стал более доступен, и развивающиеся страны им воспользовались для обеспечения своего экономического роста и увеличения благосостояния. Индекс человеческого развития (важнейший комбинированный показатель, в развитие которого большой вклад внес Амартия Сен) развивающихся стран вырос на 30% с 1990 года. Подчеркну: вырос на 30%, а не снизился на 20, 10 или 50%. Это не то что не печально, а просто прекрасно.

Обратимся теперь к показателям уровня жизни. В 1990 году количество людей, живущих за чертой бедности на менее 1,9 доллара в день (в ценах 2005 года), составляло 44%. Сейчас этот показатель ниже 15%, то есть мы смогли добиться выдающихся успехов в эпоху капиталистической глобализации, причем абсолютно мирным путем.

Данный процесс вызвал масштабные положительные изменения в развивающихся странах, однако для нас, живущих в странах с высоким уровнем достатка, а также стран, которые в результате произошедших катастрофических потрясений были практически разрушены, последствия далеко не столь однозначны. Индия, Китай, Бразилия или Чили могут абсолютно по-разному подходить к оценке экономических процессов. Например, данные анализа географического распределения мирового ВВП во многом идут вразрез с общепринятыми представлениями о ситуации в глобальной экономике. Сейчас принято считать, что механизм экономического лифта перестал действовать и развивающиеся страны неуклонно беднеют. Идея неплохая, но она совершенно не соответствует действительности. В самом авторитетном источнике, докладе Международного валютного фонда о «Перспективах развития мировой экономики», основанном на тщательно про-

веренных данных о паритете покупательной способности (с этим подходом можно не соглашаться, но это не изменяет того факта, что МВФ предоставляет наиболее надежные данные), указано, что в 1980 году доля развивающихся стран в мировом ВВП составляла 36%. Как вы думаете, на сегодняшний день этот показатель упал до 25 или 20%? Предполагается, что он снизился, но вот до какого уровня? Ответ: нет, напротив, он увеличился до 58%.

Однако не следует забывать об инь и янь, которые уравновешивают друг друга. Обратимся к инь, темной стороне капиталистической глобализации. Тут за примерами далеко ходить не нужно. Варварское разрушение природной среды подтверждает опасения, высказанные известной американской писательницей и защитницей окружающей среды Рэйчел Карсон, а также делает как никогда актуальным ее вопрос о том, какую оценку мы можем дать своим действиям, если позволяем планомерно уничтожать мир, в котором живем. Не могу даже себе представить, как бы Карсон отреагировала на данные Всемирного фонда дикой природы: по оценкам экспертов, индекс живой планеты, который отражает численность популяций (разумеется, приблизительную) 3057 видов позвоночных, живущих в воде, на земле и в небе, по сравнению с данными 1970 года упал на 58%. Так как оценить результаты нашей жизнедеятельности? Кто мы такие, если сотворили это с живой природой? Уму непостижимо. Что мы за вид такой?

Еще один пример: изменение климата. Все знают, чем оно чревато. Вопрос в другом: как последствия изменения климата отразятся на качестве жизни почти 8 млрд населения нашей планеты. На данный момент в странах с высоким уровнем дохода потребление энергии составляет 4765 кг нефтяного эквивалента на душу населения в год. В странах с уровнем дохода ниже среднего этот показатель равен 639 кг. Так что же произойдет, если весь мир выйдет на наш уровень потребления? Технический прогресс способен решить многие проблемы, но не является панацеей. Следовательно, проблема выбора типа индустриализации и потребления для почти восьмимиллиардного населения развивающихся стран является важнейшей задачей для всех нас.

ВОДА, ВОДА. КРУГОМ ВОДА...

Как известно, 71% поверхности Земли составляет вода. Вот только пресной и чистой воды с каждым годом на планете становится меньше, человечество стоит на пороге серьезного экологического вызова — катастрофического дефицита пресной воды. Россия с точки зрения водных ресурсов — один из крупнейших мировых резервуаров, тем не менее недавно в Москве состоялся Всероссийский водный конгресс, который акцентировал внимание на проблеме возможной нехватки водных ресурсов. Почему это сегодня беспокоит экологов?

СОБЕСЕДНИКИ

*Михаил Викторович Слипенчук,
заведующий кафедрой рационального
природопользования географического факультета МГУ
Ломоносова, д. э. н., профессор*

*Елена Геннадьевна Вишнякова,
директор по связям с общественностью
энергетической компании En+ Group*

*Виктор Иванович Данилов-Данильян,
директор Института водных проблем,
член-корреспондент РАН*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, директор ИНИР им. С.Ю.
Витте, президент Международного союза
экономистов, эксперт РАН, д. э. н., профессор*

Незаметная вода

Сколько нужно потратить воды, чтобы заварить себе стаканчик чая? 30 литров на каждую чашку. Ведь на производство 1 килограмма свежих чайных листьев уходит 2600 литров воды, а получается всего одна пачка заварки. В чашечке чая такой заварки грамм 3. Плюс еще 250 миллилитров кипятка. А сколько жидкости в стакане яблочного сока? На выращивание одного килограмма яблок (в зависимости от сорта) уходит около 700 литров воды. А затраты на 1 стакан этого напитка составляют порядка 200 литров. Для производства коровы одного литра молока нужна тонна воды, поэтому в обычный стакан с молоком воды помещаются около 20 ведер. Даже на очистку одного стакана питьевой воды уходит почти в два раза больше жидкости, чем в него налито.

Бодрунов: Вы знаете, я бы еще добавил к нашей справке, что для того, чтобы произвести стакан, требуется около 2,5 тонны чистой воды. Итак, коллеги, давайте начнем с главного: существует ли проблема возможного недостатка водных ресурсов в России?

Вишнякова: В первую очередь нужно обратить внимание на то, что мы находимся в абсолютно выигрышной позиции. В России воды много. Мы не знаем, что такое дефицит воды. Мы только слышим о том, что есть те или иные проблемы с нашими водоемами, но их никто особо и не видит и поэтому никто не считает необходимым экономить, беречь воду. Одновременно с Московским форумом только что завершился Байкальский водный форум, где говорили об очистке воды, потому что грязная вода — это вторая крупная проблема, и ее решение позволяет экономить водные ресурсы. Конечно же, основная причина того, что происходит с водоемами, это человек. И человек должен взять себя в руки и изменить свой подход к этому.

Бодрунов: Михаил Викторович, я знаю, что одна из Ваших научных работ посвящена как раз проблемам Байкала, и сейчас эта проблема решается на высоком государственном уровне. Если взглянуть на нее в международной перспективе: каков на самом деле масштаб проблемы и какова роль России как страны, наиболее богатой водными ресурсами, в ее решении?

Слипенчук: Если быть более точным, то Россия совместно с Канадой делит пальму первенства по водообеспеченности пресной воды. В Канаде это Великие озера. А Байкал — наше главное водное богатство. 80% пресной воды России сосредоточено в Байкале, около 23% мировых запасов пресной воды.

Мне кажется, вопрос, который мы обсуждаем сегодня, состоит из трех компонентов, и каждый из них надо бы обсудить. Начнем с того, что вода — это ресурс, и наличие в стране огромного запаса воды, конечно, делает нас людьми, которые на эту тему не думают. Но я задаю вопрос своим студентам: «Назовите какие-нибудь источники воды, откуда можно пить воду неочищенной». На ум, кроме Байкала и, может быть, каких-то родников ничего не приходит.

Раньше, как мне помнится, когда я был еще маленький, мы не задумывались о том, откуда пить, откуда не пить — пили воду из-под крана в том числе.

Бодрунов: Совершенно верно. Мне скоро 60, и я помню, что 40 лет назад, когда мне было еще 20, мы пили воду из-под крана не задумываясь. А когда я шел на эту передачу, специально задумался: «А где я в последний раз пил воду из-под крана или чистую воду?» И получилось, что как раз в Байкале пять лет назад. Нет нигде чистой воды. Действительно нет. Это большая проблема.

Слипенчук: Поэтому надо воспитывать, мне кажется, с юного возраста детей, чтобы они относились очень рационально к воде.

Кстати, вот Всероссийское общество охраны природы выступило с инициативой восстанавливать родники. Ведь «родник» — это слово имеет корень «род», который есть практически во всех нами очень любимых словах, таких, как «родина», «родня», «природа». То есть источник жизни — родник, и надо к ним очень бережно относиться.

Но вернемся к тому, что вода — это ресурс. Поскольку это ресурс, за воду надо платить. Мы не готовы платить за воду. Мы — страна водообеспеченная. У нас воды достаточно много, и люди не готовы к этому.

Вот это, наверное, такой вопрос чувствительный, особенно в Вашей компании, Елена Геннадьевна, которая имеет большие гидроэлектростанции. Наверное, Вы должны быть первым противником того, чтобы платить за воду.

Вишнякова: Но мы платим за воду. Водопользование оплачивается уже, и достаточно мощно. Я думала, что Вы говорите именно о бытовых пользователях воды...

Слипенчук: Нет-нет. Вода же — она же не только источник жизни, она и источник энергии.

Вишнякова: Предприятие обязательно платит за водопользование.

Будет ли дефицит воды в России?

Бодрунов: Я думаю, что здесь очень важный вопрос, прямая связь с тем, что у нас прогнозируется истощение природных ресурсов, в первую очередь воды. И многие уче-

ные в мире бьют тревогу.

Данилов-Данильян:

Вполне возможно, будет острейший дефицит пресной воды где-то в районе 2035–2040 года на всей территории европейской части Российской Федерации, за исключением Северо-Запада, потому что с ресурсами дело плохо. Дон почти в три раза снизил свой годовой сток. На Волге очень неравномерная картинка: за застойными периодами маловодья идут периоды относительно хорошей водности. Мы можем оказаться в аналогичной миру ситуации в европейской части России, но только в том случае, если экономическое развитие будет продолжать идти экстенсивным путем. На самом деле, у нас есть все шансы неприятностей избежать, если мы перестроим свое водопотребление на новые технологии. Здесь, может быть, даже главная роль принадлежит охране вод — надо начать просто чистить воду как полагается, по-человечески.

Слипенчук: Данилов-Данильян говорит только об экономической составляющей, но существует еще и глобальная природная составляющая, то есть глобальные изменения климата — их ведь никто не отменял. Мы живем в эпоху потепления пока. Соответственно, низкий уровень воды как раз во многом связан не с действиями человека, а с тем, что меняется климат сам по себе.

Бодрунов: Да, если вспомнить гумилевские книги, в том числе «Древняя Русь и Великая степь», казалось бы, Русь и степь не совсем рядом, но Гумилев как раз и говорил о том, что в те времена была совершенно другая экологическая картина, и природно-климатические явления на европейской части России в Средние века были совсем иными. Тогда совершенно по-другому смотрелась дельта Волги, например, Каспийское море и прочее-прочее.

Слипенчук: Вы помните, Каспийское море еще 30 лет назад мелело. И существовал проект переброски части северных рек на юг, я даже писал об этом курсовую работу. Сегодня — совершенно противоположная история, уровень Каспийского моря поднялся на 2,5 метра. Теперь у людей проблема, да, как бы перенести жилье с берега подальше, чтобы не быть затопленными. Это глобальные изменения климата, они существуют и необходимо их учитывать в работе.

Данилов-Данильян сказал, что необходимо рачительно относиться к водным объектам, чистить в первую очередь, — наверное, действительно с этого и надо начать, но

для этого должна быть целая государственная программа.

Вишнякова: Действительно, загрязнение — это большая проблема. Мы на берегах Байкала проводим уже семь лет экомарафон по уборке, в этом году уже в 10 регионах.

Бодрунов: Неужели наконец-то кто-то занялся чистой берегов!

Вишнякова: Да, мы делаем это уже семь лет и не только

у нас в Иркутске...

Убрать за собой

Бодрунов: Знаете, мое путешествие вдоль побережья Байкала приводило меня в ужас. Я на машине объехал практически всю южную часть Байкала от Улан-Удэ до Иркутска, и практически везде было замусорено все.

Вишнякова: И это же не просто уборка, когда люди выходят и убираются, — есть огромная программа по экопросвещению. Человек, который хотя бы раз выходит на акцию на берег Байкала, поднимает бутылку — а из-под нее выкапывается следующая бутылка. В этом году у нас был такой «черный рекорд». Мы откопали мусорную язву на 23 бутылки вниз. Представляете глубину? Это целая батарея. Это делают люди, которые вокруг нас. Мы, может быть, с ними на улице разговариваем. И они приезжают и закапывают этот мусор.

Есть сложность с тем, что на берегах недостаточно утилизаторов, то есть банальных мусорных контейнеров, в связи с тем, что это заповедная зона и там нельзя в свободном порядке их размещать.

В общем, в этом году у нас 100 тысяч волонтеров по всей стране, и 9 сентября, в День Байкала, в 2017 году 17 тысяч волонтеров одновременно вышли на 182 точки вокруг Байкала. И ни один из этих людей не может, по их собственным признаниям, уже много лет хотя бы бросить какой-то

мусор на землю. Потому что, когда ты убираешь Байкал, ты понимаешь, какого масштаба это проблема.

Слипенчук: Продолжая тему мусора, я могу сказать, что, будучи депутатом Госдумы в 2011–2016 годах, на должности заместителя председателя Комитета по природным ресурсам, природопользованию и экологии, занимался как раз гармонизацией закона об охране озера Байкал с другими законами, в частности, Водным кодексом, Лесным кодексом. Закон об охране озера Байкал — федеральный закон, но имеет четкое географическое приложение. И в связи с этим вступает, естественно, в противоречие со многими другими федеральными законами. Это отсутствие гармонии закона приводит к тому, что люди, которые живут на берегах Байкала, порой даже по закону не могут обеспечить нормальный сбор мусора.

К примеру, коллектор для сборки мусора запрещен в водоохранной зоне Байкала, а это 70 км. Это нонсенс, но факт.

Бодрунов: Ну попробуй завези за 70 километров бутылку выбросить.

Слипенчук: Люди не могут убирать, по закону.

Понимаете, в чем дело?

Вишнякова: Да, да, только вывозить.

Слипенчук: Ну хотя бы за собой пускай убирают

Данилов-Данильян:

В мире, безусловно, усилятся (она уже и без того есть) миграция по поводу дефицита воды. По прогнозам она может достичь очень значительных величин — порядка 300 миллионов человек сменят место жительства где-то за четыре десятилетия этого века именно по причине нехватки водных ресурсов и сопутствующих экологических проблем.

Если у нас экономическое развитие будет идти все-таки более или менее в сторону интенсификации и повышения эффективности использования водных ресурсов, а не роста количества потребляемых ресурсов, и если будут предприниматься необходимые меры по охране вод, то обыватель (да и не только обыватель) ничего страшного не заметит.

Дело в том, что мы платим по счетчикам меньше, чем следовало бы. У нас практически все водоканалы едва-едва сводят концы с концами.

У нас тарифы на воду не годятся никуда, и по социальным причинам их боятся поднимать. Почему-то не боятся поднимать тарифы на электроэнергию (это происходит регулярно) и очень боятся поднимать тарифы на воду.

Мне, например, мотивация таких действий (этого различия воды и энергии) не совсем понятна.

в мусорные баки. Хотя бы за собой. Вот эти все противоречия есть. И предстоит еще Думе этим заниматься, я так понимаю...

Вишнякова: Занимаются, но я хотела сказать о государственных программах. Сейчас у Байкала есть такая большая проблема, которая называется «спирогира» — из-за того, что человек не только на берегах бросает мусор, но и сливает неочищенные отходы в Байкал. Это водоросли, которые стали размножаться. Если вкратце, не рассказывая всю эту длинную историю, фосфаты выливаются в озеро. Озеро защищается, и его такие своеобразные лейкоциты — спирогира, которая начинает размножаться. В результате снижается та самая знаменитая прозрачность озера Байкал, которая достигает 40 метров в некоторых точках озера.

Я хочу рассказать про частную программу — частную инициативу общественных организаций. Есть такой фонд «Возрождение Земли Сибирской», который проводит Школу экономического предпринимательства. Там, где был закрыт Байкальский ЦБК, и люди вынуждены были как-то находить новые места для работы, они начали с нашей помощью обучаться предпринимательству на экологических технологиях.

Мы поддержали проект «Байкальская экспедиция» по сбору этой спирогиры. Люди собирают спирогиру, исследуют ее с помощью ученых-лимнологов и разрабатывают с помощью школы методы ее сбыта. Теперь это удобрение для местных дачных поселков и для сельского хозяйства.

Бодрунов: Вода — это не только экономический ресурс, не только биоресурс, но это еще и пищевой ресурс, а может быть, в какой-то мере — и демографический ресурс. Многие

страны страдают, так сказать, от нехватки воды, начинается миграция, например, к тем местам, где вода есть, из тех, где ее нет.

Бодрунов: Смотрите, коллеги. Значит, Вы представляете компанию EN+, которая является энергетической компанией. Вы используете воду как энергетический ресурс? Вода, в общем-то, как энергетический ресурс используется в основном на реках. Это гидроэлектростанции.

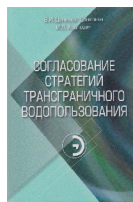
Вишнякова: И приливные.

**ИЗ БИБЛИОТЕКИ
ВЭО РОССИИ**

**В.И. Данилов-Данильян,
И.Л. Хранович**

**«СОГЛАСОВАНИЕ
СТРАТЕГИЙ
ТРАНСГРАНИЧНОГО
ВОДОПОЛЬЗОВАНИЯ»**

**В.И. Данилов-Данильян,
И.Е. Райф**

**«БИОСФЕРА
И ЦИВИЛИЗАЦИЯ»**

Бодрунов: Гораздо меньше пока? Как Вы видите перспективу вот здесь? Здесь есть какая-то проблема дефицита?

Вишнякова: Несомненно. Во-первых, в связи с изменениями климата (и об этом сейчас, по-моему, каждый из нас уже сказал) меняется водность рек. И как говорил уважаемый Виктор Иванович Данилов-Данильян об этом, Волга, например, в последние 10 лет показывает неуклонное снижение своего уровня. И это однозначно связано с изменением климата.

Вопрос в том, что гидроэнергетика — это возобновляемая энергетика. И, если вспомнить Монголию, не просто так они, имея огромные запасы коксующегося угля, хотят строить гидроэлектростанции.

Бодрунов: Уголь закончится, а вода — нет?

Вишнякова: Даже не только поэтому, а потому, что в связи с новыми тенденциями мировой экономики идут движения в сторону климатической, зеленой экономики, спустя какое-то время продукция, произведенная на грязной угольной энергии может стоить дороже, чем произведенная на возобновляемых источниках энергии. И на это направлены очень большие усилия именно мировой экономики.

У нас, опять же в связи с нашими запасами как воды, так и многих других ресурсов, это не такая большая проблема.

Бодрунов: 70% в среднем.

Вишнякова: Да, да. Мы-то построим ГЭС. Вы посмотрите, на Дальнем Востоке сейчас гидроэлектростанции признаны на мировом уровне по высокой степени компенсации влияния на окружающую среду. И это вполне закрывает те экологические претензии, которые могут быть предъявлены к гидроэнергетике. Но при этом это возобновляемая энергетика которая дешевле, чем угольная, например, либо любая тепловая. И, соответственно, произведенная на этом продукция с добавленной стоимостью ценится выше, чем другая.

Бодрунов: Да. Ну что ж, прекрасно. Я думаю, что на этой ноте мы можем завершить обсуждение этой важной проблемы. Я думаю, что мы привлекли к ней внимание многих наших телезрителей.

ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНАЯ ЭКОНОМИКА В РОССИИ

ПОЧЕМУ ЭКОНОМИЯ ЭНЕРГИИ ПОКА НЕ ВОСТРЕБОВАНА?

«По оценкам экспертов, уже через 20 лет человечеству потребуется на 30% больше энергии, чем сегодня. Это связано с развитием мировой экономики, ростом населения на планете, повышением качества жизни и уровня потребления, особенно в развивающихся странах. Напомню, что сегодня, по статистике, до двух миллиардов людей на планете еще не имеют полноценного доступа к источникам энергии». Это — заявление Владимира Путина на прошедшей недавно Российской энергетической неделе.

А как же электромобили? А электромобили должны получить электричество, которое до этого должна выработать электростанция. А как же возобновляемые источники энергии? Если сегодня в мире основным источником энергии является даже не нефть, а уголь, то возобновляемые источники едва ли выйдут на первые места в системе генерации раньше чем через 30 лет. Все это, впрочем, не отменяет ключевого значения энергоэффективности. Ведь она важна для экономики, каким бы источником энергии эта экономика ни пользовалась.

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
 президент ВЭО России, директор Института
 нового индустриального развития им.
 С.Ю. Витте, президент Международного Союза
 экономистов, эксперт РАН, д. э. н., профессор

— Сегодняшняя тема касается большого пакета документов, которые в Правительстве так или иначе будут готовиться в ближайшее время: это и эффективность новой экономической модели, и технологическая компонента, и наша ресурсная база, и уход от целевой экономики. Многие программы завязаны на энергоэффективности. Когда говорят, что впереди у нас цифровая экономика — потребления энергии будет меньше, а пусть спросят у майнера, сколько нужно ему энергии, чтобы получить очередной биткоин. Олег Дерипаска предложил у себя на сибирских площадках создавать целые комплексы с 10–20 мегаваттами на пять комнат для майнеров, которые будут использовать огромное количество энергии.

Я давно говорю о том, что те технологии, которые у нас впереди, возможно, потребуют большого количества энергии, поэтому энергосбережение — вовсе не задача вчерашнего дня. Это — задача будущего.

Основные меры

Роман Сергеевич Голов,
директор Института менеджмента, экономики и социальных технологий Национального исследовательского университета МАИ, главный редактор журнала «Экономика и управление в машиностроении», член Президиума ВЭО России, д. э. н., профессор

— Энергосбережение в условиях кризиса является одним из возможных источников экономического роста в РФ. Существует гигантский потенциал энергосбережения, реализация которого позволит сэкономить реальные денежные ресурсы. Эксперты оценивают потенциал энергосбережения в стране от 470 до 481 млн тонн условного топлива. Этот объем эквивалентен половине всех типов энергии и энерго-ресурсов, потребляемых на всей территории России за год.

Первое — совершенствование нормативно-правовой базы, которая определяет сам контекст энергосберегающей деятельности.

Подготовка профессиональных кадров для энергосбережения. По многим экспертным оценкам у нас сейчас кадровый голод на высококвалифицированных специалистов в области энергосбережения.

Развитие энергетического сервиса. Это особый механизм, давно использующийся за рубежом, который позволяет экономить средства потребителя энергоресурсов.

Создание инноваций в энергосбережении для решения задачи импортозамещения.

Алексей Николаевич Зубец,
проректор ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ»,
д. э. н., профессор

— Мы говорим о том, что наша задача — повышение качества жизни людей.

Один из инструментов — экономическое развитие, которое может быть стимулировано энергосберегающими технологиями. И одно из очевидных преимуществ энергосервисного сектора в том, что это сектор, способный предоставить миллионы высокооплачиваемых рабочих мест, которые будут одним из двигателей развития российской экономики.

На сегодняшний день Россия вышла из депрессии, спада, и есть ожидание, что рубль по отношению к доллару будет стабилен, а доходы населения растут. Но тем не менее нужны дополнительные ресурсы, и энергосбережение в общем контексте повышения качества жизни людей

может стать одним из драйверов экономического роста на будущее. Но здесь нужно более широкое обоснование, более широкая платформа, которую необходимо подвести под эту тему.

Объективная реальность

Наталья Владимировна Киреева, профессор кафедры экономики Уральского социально-экономического института Академии труда и социальных отношений, председатель Челябинской региональной организации ВЭО России, д. э. н.

— В Челябинской области была разработана новая методология планирования и оперативного управления производством, которая при первых экспериментальных проверках показывала довольно неплохие результаты по точности. И мы предложили оценить качество этой методологии на примере конкретного предприятия. Были выбраны три базовых предприятия, собственники которых дали согласие на реализацию этих пилотных проектов. В течение года мы проводили необходимые исследования и получили следующие результаты.

Мы проверили качество планирования на этих предприятиях, точность у всех отклонялась за 10%, это довольно много. Мы сделали пересчет плановой заявки предприятий по новой методологии, и отклонение от факта сразу сократилось с 10 до 0,8%. Это означает, что если бы предприятия переходили на шестую ценовую категорию, то за год они имели бы экономию от 3,7 до 36 млн рублей. Эта экономия получена за счет того, что предприятие просто меняет способ планирования и не прилагает никаких иных усилий. А если еще и перенести часть производства с дневного времени на ночное, чтобы освободить часы пик (а эти предприятия уже сейчас имеют круглосуточное производство), то размер экономии увеличивается с 3,7 до 36 млн рублей.

Аналогичная ситуация по газу. Все три предприятия обслуживаются у Челябинского поставщика, «Новотек», где газ довольно дорогой и существуют жесткие условия поставки. Предприятие не имеет права менять плановую заявку в течение месяца. То есть они должны свой факт подстраивать под план, а жизнь меняется, ситуация меняется. Правда, «Новотек» предоставляет им так называемый коридор отклонения в интервале -20 — $+10$, в рамках которого санкции не применяются. Но предприятия при действующем методе планирования не попадают в этот коридор, все они имеют штрафные санкции, связанные с повышением цены на газ с перебором или недобором газа.

ЦИФРЫ СБЕРЕЖЕНИЯ

7,21–8,4%
ПЛАНИРУЕМОЕ МИНЭНЕРГО
ЭНЕРГОСБЕРЕЖЕНИЕ
К 2020 ГОДУ

2 416 000
РАБОЧИХ МЕСТ СОЗДАНО
В ЭНЕРГОСБЕРЕГАЮЩИХ
КОМПАНИЯХ ЕВРОПЫ

367 000
ЕВРО — ЭКОНОМИЯ ОТ
ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ
НЕЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ
В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Мы предложили им альтернативный вариант. Имея новую методологию планирования — приобретать газ на Санкт-Петербургской товарно-сырьевой бирже. Газ там существенно дешевле, правда, нет коридора, и позволить себе такую роскошь, -20 — $+10$, на бирже уже нельзя. Правда, на бирже есть плюс — она позволяет корректировать плановые заявки и даже разрешает заключать договора на сутки, что как раз позволяет учесть все изменения в производственной программе. И когда мы сделали пересчет плановой заявки, отклонение также сократилось до уровня $0,9\%$, а это означает, что предприятия могли иметь экономию по газу от $2,4$ до $8,3$ млн.

Интересный факт. Повышение точности планирования дало экономический эффект не только в сфере энергетики. Дело в том, что предприятия работают с покупателями при заключении договоров и имеют только цифру плановой себестоимости единицы продукции. Просто потому, что фактической нет. Пока не закончен месяц и бухгалтер не закрыл фактические данные, у них нет фактической себестоимости. Если ваша плановая себестоимость завышена в силу некорректного расчета, а цена, которую предложил клиент, ниже вашей плановой себестоимости, вы ему отказали — и получили упущенную прибыль. Используя такой фактор, как улучшение качества планирования, предприятия могли увеличить прибыль от продаж 2015 года на 8% , 51% , и даже в 74 раза, но это связано было с тем, что у последнего предприятия прибыль в этом году была маленькая.

Экология и энергоэффективность

*Андрей Евгеньевич Сорокин,
заведующий кафедрой «Экология, системы
жизнеобеспечения и безопасность
жизнедеятельности» НИУ «Московский
авиационный институт»*

— Наиболее вредными с точки зрения экологии и здоровья населения являются тепловые электростанции, и в нашем государстве тепловых электростанций подавляющее большинство — 68% в общей структуре электро мощностей. При работе этих тепловых электростанций в атмосферу выбрасываются сернистый ангидрид, оксид азота, летучая зола, различные газообразные продукты неполного сгорания, частички несгоревшего полиамидного топлива. Все эти продукты наносят непоправимый урон нашей с вами биосфере.

Второй аспект, не менее серьезный, на мой взгляд, это вызов «глобального потепления», которое в долгосрочной

К 2035 ГОДУ СТОИМОСТЬ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ В РОССИИ

может снизиться на 30–40%, полагают в Центре стратегических разработок (ЦСР), в результате внедрения инновационных технологий в энергетической сфере. Они позволяют более эффективно использовать генерирующие и сетевые мощности, уменьшить потери электроэнергии и сократить расходы собственников энергетической инфраструктуры. Все это позволит сократить и тарифы на электричество. Кроме того, инновации помогут России экспортировать энергетическое оборудование и услуги, за счет чего доходы компаний отрасли могут к 2035 году достичь 40 млрд долларов.

перспективе способно привести к серьезным изменениям климата на планете. Для борьбы с этим явлением разрабатываются различные подходы, одним из которых является уменьшение «углеродного следа», представляющего собой совокупность парниковых газов, выбрасываемых в атмосферу промышленными предприятиями, организациями и отдельными людьми.

Процесс сокращения углеродного следа связан с повышением энергетической и экологической эффективности предприятий, прежде всего энергетической, машиностроительной и иных отраслей промышленности, государственных и коммерческих организаций.

На днях я ознакомился с одной очень интересной заметкой, которая начиналась банально: «В Великобритании на местных АЗС резко упало количество приобретаемых средств для очистки от остатков насекомых на световом оборудовании автомобилей». Естественно, рыночная экономика есть рыночная экономика: сразу же производители отреагировали, заказали исследования, что же такое? Вывод — падение популяции насекомых, характерных для той местности, до 60%. Первые предположения, что это связано с существенным изменением климата.

Отдельным направлением, третьим вызовом, выступает мотивация населения к использованию в быту преимущественно энергоэффективной техники.

Связь между экологией и энергосбережением уже много лет является аксиомой как в США, так и в европейских государствах. Совместная работа экологов и специалистов по энергосбережению позволяет достигать впечатляющих результатов, это надо признать. Правда, политика новой администрации США, в частности, заявления Трампа о выходе из Климатического соглашения, вызывает активные общественные протесты в самом США, но в данном случае это не является темой нашей дискуссии.

Недостаток информации

*Дмитрий Михайлович Тарасов,
исполнительный директор Комитета по
энергетике Общероссийской общественной
организации «Деловая Россия»*

— Конечно, те проблемы, которые были озвучены в части, например, энерго-сервиса, сейчас набирают вес. Энергосервис буксует помимо муниципального уровня в том числе и у предпринимателей. Хотя потребность в энергосервисе очень высока. Но в силу опять же обозначенных факторов: ограниченности ресурсов и достаточно быстро растущего технологического темпа, который, действительно, позволяет снижать потребление в первую очередь электроэнергии и тепла.

Создание дополнительных общественных точек давления — это достаточно важная задача, которая очень связана с просветительской деятельностью, потому что зачастую рядовой предприниматель не так сильно осведомлен о том, что вообще происходит с точки зрения технологий, законодательства и изменений в нем, что ему полезно, а что, наоборот, становится барьером для его деятельности.

Соответственно, я бы предложил создать доступные финансовые инструменты и механизмы финансового стимулирования для внедрения энергоэффективных мероприятий; создание центров компетенции для предпринимателей малого и среднего бизнеса (может быть, в целом для промышленных предприятий); создание образовательных центров, может быть, интерактивных площадок, технологии сейчас позволяют информацию получать дистанционно.

Отсутствие профессионального грамотного контента — это тоже одно из препятствий, которое мешает разобраться рядовому гражданину в текущей обстановке. Создание таких образовательных площадок очень хорошо ложится в канву цифровой экономики и в целом в «Дорожную карту» «Энерджинет» и, кроме того, поможет повысить культурный уровень и рядовых граждан, и той структурной составляющей, которая обеспечивает и экономический рост нашей страны, и тот материальный уровень, который имеет обычный рядовой гражданин.

В РАЗВИТИЕ ТЕМЫ

Будущее интеллектуальной энергетики

В 2016 году, согласно отчету Всемирного экономического форума, возобновляемые источники энергии стали дешевле или равны по стоимости ископаемым энергоносителям в 30 странах. России среди них пока нет, и поэтому в последнее время много говорят о повышении энергоэффективности в электроэнергетике, ЖКХ, промышленности, транспорте. В планах — создание интеллектуальной энергетики.

Навстречу солнцу

Мировые инвестиции в возобновляемые источники энергии впервые превысили вложения в уголь в 2015 году, тогда они достигли 330 млрд долларов. Развивающиеся страны вкладывали больше развитых: лидером стал Китай, на долю которого пришлось треть от общего объема вложений. Но и развитые страны, например, США, намерены к 2025 году получать за счет возобновляемых источников половину всей энергии.

Россия же к 2030 году окажется аутсайдером в этой сфере, прогнозируют в Международном агентстве по возобновляемой энергетике. Сейчас, по данным Минэнерго, менее 1% энергопотребления приходится на альтернативные источники, а 65% электроэнергии в стране производится ТЭЦ.

Примечательно, что на этом фоне Президент России, поздравляя шахтеров с профессиональным праздником, заявил, что запасов угля в стране хватит более чем на 500 лет, а в развитие отрасли в этом году будет вложено больше 90 млрд рублей (73 млрд рублей было потрачено в прошлом году). Глава государства сообщил, что средства идут, в частности, на модернизацию предприятий и внедрение современных экологических технологий.

Одним из результатов реализации Энергетической стратегии России на период до 2030 года должно стать снижение зависимости российской экономики от энергетического сектора. Предполагается, что это произойдет за счет развития инновационных малоэнергоемких секторов и внедрения технологий энергосбережения.

Анастасия Голомолзина,
менеджер проекта *Internet of Energy*
Энергетического центра бизнес-школы
«Сколково»

**В СЕНТЯБРЕ
2017 ГОДА
ДОЛЯ ВЕТРА
В ГЕНЕРАЦИИ
ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ
В ЕВРОПЕ
ДОСТИГЛА
ИСТОРИЧЕСКОГО
РЕКОРДА —
19,8%**

— Если бизнес понимает, что конъюнктура рынка такова, что без внедрения инноваций он не удержится на плаву и разорится или значительно изменится его позиция на рынке, вопрос о внедрении решается сам собой. Не менее важным остается влияние государства — как с точки зрения создания благоприятных условий для внедрения пилотных проектов и технологического развития, поддержки образования, так и модернизации правил рынка и законодательной базы.

В Ассоциации предприятий солнечной энергетики обратили внимание на слабые места в Энергетической стратегии — в частности, ее углеводородоцентричный характер. Прогнозируется увеличение внутреннего потребления первичной энергии на 17%, отмечают в Ассоциации, а также экспорта угля к 2035 году более чем на треть. Однако традиционные рынки сбыта угля демонстрируют снижение потребления. Также в Стратегии нет целей и индикаторов развития возобновляемой энергетики. В Ассоциации предлагают эти цели четко определить — в частности, увеличить долю возобновляемых источников энергии (солнечной, ветроэнергетики, малой гидроэнергетики и биоэнергетики) в производстве электроэнергии до минимум 15% к 2025 году и минимум 25% — к 2035 году.

Не углём единым

Определенные успехи в развитии альтернативной энергетики в России есть. В 2013 году в алтайском селе Яйлю была открыта первая в стране автономная дизель-солнечная электростанция. Ее мощность — 100 киловатт (пиковая — до 140 киловатт). Это крупнейшая автономная солнечная энергоустановка в России и одна из крупнейших в мире. Электростанция в Яйлю также стала первым российским проектом, в котором были применены тонкопленочные фотоэлектрические модули тандемного типа. Это новый тип солнечных элементов на основе контакта аморфного и кристаллического полупроводников, разработанный учеными Физико-технического института им. А.Ф. Иоффе РАН.

Первым пилотным проектом стал цифровой район энергетической сети «Янтарьэнерго» в Калининградской области. На базе двух районов — Мамоновского и Багратионовского — в 2016 году была создана система распределенной автоматизации сетей. Для этого в уже существующую сеть были интегрированы «умные» устройства, которые находят поврежденные участки сети без участия людей. На втором этапе внедряется комплексная система энергомониторинга, устанавливаются интеллектуальные приборы учета. А в 2018 году должно завершиться внедрение системы поддержки принятия решений по управлению сетевой компанией.

Этот проект стал первым в реализации Постановления Правительства «О механизмах стимулирования использования возобновляемых источников энергии на оптовом рынке электрической энергии и мощности». Документ был принят в 2013 году. До 2020 года, согласно Постановлению, должны быть введены в эксплуатацию солнечные электростанции, вырабатывающие 1,5 гигаватта энергии.

Развивать новую энергетику предполагается через Национальную технологическую инициативу — там принята «Дорожная карта» по направлению «Энерджинет». Она объединяет разные проекты для создания интеллектуальной энергетики — рынок оборудования и программного обеспечения, инжиниринговых и сервисных услуг. Среди заявленных целей — объем выручки российских компаний на глобальном рынке (приоритет — БРИКС и развивающиеся страны) разномасштабных комплексных систем и сервисов интеллектуальной энергетики около 40 млрд долларов в год. Для этого предполагается создавать в России пилотные площадки, на которых инновационные решения будут тестироваться и готовиться к массовому тиражированию.

*Игорь Маковский,
генеральный директор «Янтарьэнерго»*

— Кроме создания Цифрового РЭС, у нас перспективное направление — ветроэнергетика. Новая модель энергетики региона включает в себя три составляющие — это генерация, «умные сети» и сбыт. Мы внедряем интеллектуальные приборы учета, развиваем альтернативные источники энергии. Кроме того, у нас комплексный подход к новым технологиям, мы подбираем специальную технику, обучаем персонал, модернизируем диспетчерские пункты.

**К 2030 ГОДУ
ДОЛЯ ЭКСПОРТА
ЭНЕРГОРЕСУРСОВ
СОКРАТИТСЯ БОЛЕЕ
ЧЕМ В ТРИ РАЗА.
ДОЛЯ ТЭКА В ВВП
СОКРАТИТСЯ
В 1,7 РАЗА. ДОЛЯ
ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО
СЕКТОРА ЭНЕРГЕТИКИ —
400 МЛРД РУБЛЕЙ**

Энергия для жизни

Энергоэффективность может повысить качество жизни, пришли к выводу участники экспертной сессии Координационного клуба Вольного экономического общества России на тему «Энергоэффективная экономика: беречь, чтобы расти». Директор Института менеджмента, экономики и социальных технологий ФГБОУ ВО «МАИ (НИУ)», д. э. н., профессор Роман Голов обратил внимание на взаимосвязь между энергосбережением и продолжительностью жизни. В малоразвитых странах продолжительность жизни составляет 53 года, а в развитых — 74 года. По мнению Голова, это связано с тем, что энергосберегающая экономика улучшает состояние окружающей среды и вместе с этим — здоровье населения.

«Энергия в развитых странах используется для создания бытового комфорта, а также для обеспечения современных больниц, социальных объектов, учебных учреждений», — сказал он. Голов предложил четыре ключевых элемента развития российского энергосбережения: совершенствование нормативно-правовой базы, подготовка профессиональных кадров, развитие энергетического сервиса и создание инноваций для решения задачи импортозамещения.

Проректор Финансового университета при Правительстве РФ Алексей Зубец отметил, что Россия вышла из депрессии, из спада, ожидается, что рубль по отношению к доллару будет стабилен, доходы населения растут. «Но тем не менее нужны дополнительные ресурсы, и энергосбережение в общем контексте, повышение качества жизни людей может стать одним из драйверов экономического роста на будущее», — полагает эксперт.

Автор: Константин Маркелов

ENERGY EFFICIENT ECONOMY IN RUSSIA

WHY IS ENERGY CONSERVATION NOT YET IN DEMAND?

“Experts estimate that in 20 years humanity will need 30 percent more energy than today. This is due to the development of the world economy, the growth of the world’s population, the improvement of the quality of life and the level of consumption, especially in developing countries. Let me remind you that today, according to statistics, up to two billion people on the planet do not yet have full access to energy sources.” This statement was made at a recent Russian Energy Week. And what about the electric cars? Electric vehicles have to get electric power, which first has to be generated by a power plant. And what about renewable energy sources? Given that today the main source of energy is not even oil but coal, renewable sources will hardly reach the first place in the generation system in less than 30 years. All this, however, does not negate the key importance of energy efficiency. After all, it is important for an economy, no matter how much energy the economy uses.

Roman Sergeevich Golov,
*Director of the Institute of Management,
 Economics and Social Technologies of the MAI
 National Research University, Editor-in-chief of
 the journal “Economics and Management in
 Mechanical Engineering” Member of the
 Presidium of the FES of Russia, Doctor of*

Economic Sciences, Professor.

— Under the current circumstances, in times of crisis, energy saving is one of the possible sources of economic growth in Russia. There is a huge potential for energy saving, and the implementation of this potential will let us save actual money resources. Experts estimate the country’s energy saving potential to be 470 to 481 million tons of equivalent fuel. This volume is equivalent to 50% of all types of energy and fuel annually consumed throughout Russia.

Key measures

First of all, the improvement of the regulatory framework that defines the context of energy-saving activities.

Training of energy saving professionals. According to many expert estimates, we now have a deficit of highly skilled specialists in the field of energy conservation.

Development of energy service. It is a special mechanism that has been used abroad for a long time to save the energy consumer’s money.

Creation of innovations in energy conservation to solve the import substitution problem.

Objective reality

*Natalia Vladimirovna Kireyeva,
Professor of the Department of Economics of the
Ural Social and Economic Institute of the Academy
of Labor and Social Relations, Chairman of the
Chelyabinsk Regional Organization of the FES of
Russia, Doctor of Economics*

On the wholesale electricity market, any gap between the plan and the fact can lead to a 20% rise in the price of the kilowatt-hour, and for gas, the price increase factor can be as high as 50%. We analyzed the status of planning in the Chelyabinsk region for the past 5 years and found that for electricity such gaps exceeded 9% and it cost our enterprises nearly 6.8 billion rubles. For gas, such gaps exceeded 11%, another 25 billion added to the cost of industrial output.

Speaking at the environmental summit in Paris, the president set the task of reducing the energy intensity of the economy 13.5% by 2020.

A new methodology for planning and operational management of production was developed in the Chelyabinsk region, which, at first experimental checks, showed fairly good results in terms of its accuracy. We proposed to evaluate the quality of this methodology on the example of a particular enterprise. Three basic enterprises were selected, whose owners agreed to implement these pilot projects. During the year, we carried out the necessary studies and obtained the following results.

We checked the quality of planning at these enterprises, and for all of them the accuracy was off by 10%, which is quite a lot. We recalculated the enterprises' routine requisitions using the new methodology, and the gap immediately shrank from 10% to 0.8%. This means that if the enterprises switched to the sixth price category, they would save 3.7 to 36 million rubles over a year. The savings result from the fact that the enterprise simply changes the way of planning without making any other efforts. And by transferring part of the production from daytime to nighttime to relieve peak hours (and these enterprises already have round the clock production), the amount of savings can be increased from 3.7 to 36 million rubles.

CONSERVATION IN FIGURES

7,21–8,4%
ENERGY SAVING EXPECTED
BY 2020 BY THE MINISTRY
OF ENERGY

2 416 000
JOBS CREATED IN ENERGY-
SAVING COMPANIES IN
EUROPE

367 000
EUROS — SAVINGS FROM
ENERGY EFFICIENT
UPGRADES OF NON-
RESIDENTIAL PREMISES IN
THE UK

The situation is similar in gas. All three enterprises are serviced by the Chelyabinsk supplier, Novotek, whose gas is quite expensive and is delivered subject to strict conditions. For the duration of one month the enterprise is forbidden to change its routine requisition. That is, it is forced to adjust its fact to the plan, but real life keeps changing, the situation keeps changing. However, Novotek provides them with a so-called deviation corridor ranging between -20 and +10, within which these sanctions do not apply. But the enterprises do not fit in this corridor by far with the current method of planning, they all are subjected to penalties connected with increases in gas prices, under-consumption or over-consumption of gas.

We offered them an alternative – armed with the new planning methodology they could purchase gas at the St. Petersburg Commodity Exchange. Gas is much cheaper there, but there is no corridor; such luxury, -20 to +10, is impossible at a stock exchange. True, the exchange has an advantage – it allows you to adjust routine requisitions and even enter into one-day contracts, which let you take into account all changes in the production program. And when we recalculated the routine requisition, the gap also shrank to nearly 0.9%, which means that the enterprises could save 2.4 to 8.3 million on gas.

A curious fact. Improving the accuracy of planning has produced economic effect not only in the energy sector. In fact, the enterprises work with buyers while negotiating contracts and have only an estimated cost of production to go by. Simply because there is no actual cost. Until the month is over and the accountant has finalized the actual data, there is no actual cost. If your estimated cost is too high due to incorrect calculation, and the price offered by the customer is below your estimated cost, you turn him down – and end up with lost profit. Using such a factor as the improvement of the quality of planning, the enterprises could increase their profits from sales by 8%, 51%, and even 74 times in 2015, but this was due to the fact that the last enterprise's profit was meager that year.

ИЗ ИСТОРИИ
ВОПРОСА

ТРУДЫ ВСЕРОССИЙСКИХ СЪЕЗДОВ ЛЕСОХОЗЯЕВ ПО ВОПРОСУ О ЛЕСОСОХРАННОСТИ

СООБЩЕНИЕ С.В. ВЕДРОВА В ЗАСЕДАНИИ
III ОТДЕЛЕНИЯ В. Э. ОБЩЕСТВА 30 АПРЕЛЯ 1877 Г.

**СЕРГЕЙ
ВЛАДИМИРОВИЧ ВЕДРОВ**

(7 декабря 1855,
Санкт-Петербург, —1909)

Экстраординарный профессор
полицейского права
Петербургского университета,
Училища правоведения
и Петербургского лесного
института.

В 1878 году удостоен ученой степени магистра полицейского права после защиты диссертации на тему «О лесоохранении по русскому праву». Командирован за границу для приготовления к профессорскому званию. Занимался

в педагогическом отделе международной выставки 1878 года в Париже. В Гейдельберге слушал лекции. В 1879 году назначен доцентом полицейского права, а в 1894-м — экстраординарным профессором.

В последнее время вопрос о лесоохранении получил особенное значение в нашем обществе; наша литература затронула этот, до настоящего времени чуждый большей части нашей публики, вопрос и обратила на него общественное внимание, при этом, как и всегда, были высказываемы самые противоположные взгляды.

Для успешного разрешения этого в высшей степени важного вопроса необходимо обратиться к истории нашего лесного и сельского дела, а также к развитию лесоохранения на Западе, в особенности в государствах, подходящих по местным климатическим условиям к нашему отечеству, и главным образом к объяснениям и замечаниям по этому предмету ученых специалистов и практических деятелей в деле лесоводства.

История нашего законодательства о лесах дает, однако, весьма мало; она скорее важна, чтобы указать перемену взглядов на лесоохранение в нашем законе, но она не объясняет всего значения лесоохранения для экономического быта страны. Сравнительной истории нашего лесоводства и сельского хозяйства мы, к сожалению, не имеем и, как нам кажется, не можем иметь ввиду недостаточности данных за предыдущие, даже и не особенно отдаленные, периоды.

Важным убедительным мотивом принятия принципов лесоохранения у нас, в России, без сомнения служит пример Запада, на который мы, русские, привыкли ссылаться и к стати и некстати. На этот раз, однако, ссылка эта может быть вполне оправданна: многие местные условия континентальной Европы существуют и у нас, почему и значение леса будет одинаково. Так, наука указывает, что и часть России составляет продолжение той полосы мелкого дилувияльного песка, которую занимают Французские ланды (Landes), австро-венгерская дунайская равнина и германская низменность, продолжающаяся и в России.

Разведение лесов на этих летучих песках признано наиболее действительным средством сделать их производительными и предотвратить их вредное влияние. Дорогостоящее разведение лесов на французских ландах привело к самым блестящим результатам и наглядно доказало необходимость охранения, или даже разведения лесов на подобной почве.

Значение леса для уравнивания орошения известной местности, затрагиваемое не раз в нашей ученой литературе, одинаково для нашего отечества, как и для Запада, и потому естественно пользоваться и в этом отношении результатами, добытыми нашими просвещенными соседями. Охранение лесов существует уже в большей части западных государств: во Франции с 1827 года действует образцовый во многих отношениях Code forester, в разных государствах Германии со времени ее объединения также существует довольно общее лесоохранительное законодательство, последним выражением которого является прусский закон 6 июля 1875 г.; в Бельгии действует с 1854 года немного видоизмененный Code forester, в Испании с 1863 года (1-го июня) существует новый охранительный закон; в Швейцарии и в Италии не раз предлагались проекты лесоохранительных законов, отвергнутые палатами, но можно рассчитывать, что они пройдут, с распространением в обществе сведений о необходимости подобного охранения; притом и лесное хозяйство в этих двух государствах далеко не так неустроено, как, например, у нас.

Но все указанные соображения могут только способствовать принятию идеи лесоохранения; история законодательства может указать на причины возникновения современного положения; история лесоводства и сельского хозяйства могла бы доказать их взаимодействие в течение нескольких веков; опыт Запада может дать основание к выбору тех или других законодательных основ и отчасти служить также доказательством необходимости охранения. Однако для успешного проведения подобной меры, даже только для точного объяснения ее необходимости, нужны усилия многих специалистов, знающих помимо теории и местные условия разных концов нашего обширно-

го отечества. Без содействия подобных специалистов не может иметь основания и самый лучший законопроект, не будет иметь силы и наиболее совершенный закон. История нам показывает, что все усилия Петра Великого создать хорошее лесное законодательство в России остались без последствий, не получили желательного, сообразно с планами преобразователя, осуществления вследствие недостатка ученых специалистов, которые бы участвовали в составлении закона и способствовали бы его проведению в жизнь. Это важное значение деятельности специалистов, теоретиков и практиков, давно уже создано в западных государствах, где подобные проекты не предлагаются палатам депутатов без всесторонней их обработки при участии лиц, специально знакомых с той отраслью, которая затрагивается в проекте; это тем более важно, что при самом обсуждении подобного законопроекта в палатах могут встретиться, и обыкновенно бывают, возражения на самую сущность проекта, требующие ученой и основанной на фактических данных защиты. Всякая подобная законодательная работа представляет поэтому целый ученый трактат, подкрепляемый в должных местах обильными статистическими доказательствами.

В наших законодательных установлениях проект не в той мере, конечно, может встретить такую фактическую специальную критику, как на Западе в палатах.

Но помимо приглашения специалистов к участию в законодательных работах, разные существующие в России ученые общества принимают по отношению к специальным, техническим вопросам инициативу по возбуждению законодательных работ и ходатайствуют перед правительством.

Подобная деятельность ученых обществ особенно важна, иначе правительство и не могло бы узнать о желаниях общества, или какой-либо части его. Недавно начавшаяся деятельность земств также оказывает важную услугу в этом отношении; но по некоторым вопросам, общим для большей части России, отдельные земства бессильны, так как их деятельность носит исключительно местный характер.

Обсуждение подобных вопросов учеными специалистами только и может указать на необходимость их разрешения в том или другом смысле. Таков и вопрос о лесоохранении. Охранение лесов, начавшееся у нас ранее, нежели во многих западных государствах, энергической деятельностью Петра В., постепенно все ослаблялось и пришло, наконец, к такому положению, что в обществе совершенно справедливо возник вопрос о необходимости нового лесоохранительного закона, разумеется, в виде лесного кодекса, представляющего стройное систематическое целое и касающегося всех сторон лесного дела, а не в форме исторического свода малопригодных постановлений,

искусственно примиряемых и сближаемых. Для убеждения в необходимости подобной работы весьма важно указать на мнение нашего общества по этому вопросу и в особенности, ввиду его специальности и многочисленных технических затруднений, на мнение ученых теоретиков и практических деятелей в лесоводстве. Вот почему и представляется важным рассмотреть предположения, выработанные по этому предмету на всероссийских съездах лесоводов. При этом не представится необходимости касаться ни частных съездов лесничих, созываемых по почину местного управления государственными имуществами и имеющих только административное значение, вовсе не затрагивающих общих экономических вопросов, ни местных съездов лесохозяев, также собираемых по инициативе администрации и касающихся исключительно местных вопросов.

Общих съездов лесоводов было у нас четыре, считая в том числе собрание второго съезда сельских хозяев при Импер. Моск. Обществе сельского хозяйства. На трех из них был затронут общий вопрос о необходимости лесоохранительного закона: в 5-м отделении 2-го съезда сельских хозяев, по предложению Харьковского университета, на 2-м съезде русских лесохозяев по отношению к южным лесам по докладу г-на Голенищева-Кутузова и на 3-м съезде русских лесохозяев по докладу г. Калагеорги. На первом же съезде русских лесохозяев был подробно разобран частный вопрос о затруднениях, представляющихся по существующему порядку судопроизводства о делах по самовольным порубкам, и затронут вопрос об улучшении частного лесного хозяйства.

Уже это постоянное возбуждение одного и того же вопроса указывает на его важное значение; съезды лесохозяев, на которых присутствовали как большинство наших ученых теоретиков и практиков в деле лесоводства, так и некоторые лесовладельцы, разумеется, могли решить наиболее успешным образом вопрос о лесоохранении.

К сожалению, до настоящего времени съезды мало подвинулись в прямом разрешении этого вопроса, что, впрочем, может быть объяснено как его свойством, так отчасти и составом собраний и кратковременностью съездов. Первый из указанных нами съездов происходил в Москве в конце 1870 и в начале 1871 года по поводу 50-летнего юбилея Московского общества сельского хозяйства. Собранный съезд сельских хозяев распался на девять отделений, из которых пятое было посвящено лесоводству. В этом отделении съезда соединилось довольно много лиц, интересующихся лесоводством; большую часть, как видно из прений, то были профессора наших высших лес-

ных учебных заведений и члены лесной администрации мин. гос. имуществ; большинство лиц, участвовавших в прениях этого собрания, занимали потом видное место и на трех последующих всероссийских съездах лесохозяев.

Первым вопросом, рассмотренным собранием, был предложенный Харьковским университетом: «Есть ли достаточные основания к тому, чтобы, согласно высказанному с известных сторон убеждению, признать необходимость ограничения права свободного пользования лесами и установления обязательности лесоразведения для землевладельцев тех местностей России, которые наиболее бедны лесами?» В этом вопросе Харьковский университет зашел за пределы лесоохранения в тесном смысле; он предложил обязательное разведение лесов в безлесных губерниях, но собрание обратило внимание только на первую часть вопроса, оставив вторую без рассмотрения. Во время прений по этому вопросу мнения разделились: одни доказывали бесполезность и даже невозможность правительственного вмешательства, другие — его необходимость.

Горячим защитником принципа лесоохранения явился Ф. Рудзкий, представивший в своих докладах подробную мотивировку необходимости охранения нашего лесного богатства. Опровергая доводы противников охранения, докладчик представил ряд числовых данных, доказывающих, что уже в то время многие местности России страдали от недостатка леса. Опираясь на вычисление г. Арнольда, напечатанное в «Трудах» В. Э. Общества за 1867 год, г. Рудзкий объяснил, что из общей сложности наших лесов, определенной в 1867 г. г. Арнольдом в 172 млн десятин, хотя цифра эта и страдает сама по себе преувеличением, так как в нее входит вся масса болот, озер, пустырей, оврагов, дорог, вырубленных, но не заросших лесосек и т. п. безлесных пространств, заключающихся внутри лесных дач, — более трети, или $63\frac{1}{2}$ миллиона, относятся к малолюдным и удаленным губерниям — Архангельской и Вологодской; из остальных $108\frac{1}{2}$ миллионов десятин 64 миллиона находятся в губерниях Новгородской, Олонецкой, Костромской, Вятской, Казанской, Пермской и Оренбургской; для остальной части, с $53\frac{1}{2}$ миллионами населения, остается таким образом $44\frac{1}{2}$ миллиона десятин леса, т. е. в два с половиной раза менее, чем нужно для удовлетворения современной потребности, считая, по Арнольду, годовое потребление отдельной личности в полкубической сажени и годовую производительность десятины, покрытой лесом в одну треть кубич. сажени. Притом и это количество леса расположено крайне неравномерно не только по отдельным губерниям, но даже по отдельным уездам одной и той же губернии, что составляет значительное неудобство, ввиду громоздкости лесных материалов и трудности их перевозки.

Необходимо заметить по этому поводу, что представленные г. Рудзским условия прогрессивно ухудшились и ухудшаются еще с течением времени, наглядным доказательством чему может служить, между прочим, превосходно изданный Лесным обществом в 1873 г. лесохозяйственный статистический атлас; в настоящее время и цифры, приведенные в атласе, уже настолько устарели ввиду продолжающегося истребления наших лесов, что начинает чувствоваться необходимость коренной его переработки.

На основании этих данных референт признал, что ввиду особенной важности лесных материалов для нашего народного хозяйства при нашем климате и недостаточной разработке суррогатов необходимо принять меры против постоянного уменьшения нашего лесного богатства. Референт обратил сверх того внимание собрания на то, что у нас именно в местностях, наиболее страдающих от недостатка лесов, процент лесов, находящихся в ведении казенного управления, не превышает и даже иногда бывает значительно меньше количества лесов, находящихся в ведении частных лиц.

Во время дальнейших прений было указано на земство как наиболее удобный для надзора за местным лесоохранением орган. Собрание признало большинством голосов необходимость ограничения права частной лесной собственности; вопрос о государственном значении лесов, о котором много говорилось в продолжение прений, собрание признало не подлежащим сомнению и потому отвергло необходимость баллотировки по этому предмету.

В следующем заседании собрание обсуждало меры, которые следует принять по отношению к лесам для их охранения. Докладчиком по этому вопросу был тот же неутомимый защитник принципа лесоохранения А.Ф. Рудзский. Он указал, что, по его мнению, достаточно, если собрание решительно выскажется в пользу самого принципа лесоохранения; разработку же мер для наиболее успешного охранения наших лесов, если предложение собрания встретит сочувствие, необходимо предоставить лицам, более знакомым с различными местными условиями, сообразно с которыми только и могут быть указаны наиболее действительные меры. На основании этого он выразил мысль, что лесные законы должны необходимо применяться к различным местным условиям и в этом отношении не могут быть общим повсеместным правилом.

Собрание признало необходимым для успешного сохранения нашего лесного богатства — неотчуждаемость казенных лесов и ведение правильного в них хозяйства, направленного не к одному извлечению наибольших выгод, но и к обеспечению лесного богатства страны, и выразило

желание, чтобы был издан закон об экспроприации лесов, признанных важными в видах государственной или местной пользы. Надзор же за охранением лесов собрание положило представить государству, или факультативно земству.

Это первое собрание лесоводов выразило таким образом свое глубокое убеждение в крайней необходимости коренного преобразования нашего лесоохранительного законодательства и указало на некоторые особенности лесоохранения по отношению к России.

Решение V Отделения было подвергнуто баллотировке в общем собрании съезда, причем результаты оказались совершенно иными, чем на собрании V отделения: коренной вопрос, об ограничении права частной лесной собственности и о деятельности в этом отношении государства, или земства, был решен значительным большинством отрицательно; по отношению к остальным — об экспроприации частных лесов, сохранение которых будет признано необходимым, и о неотчуждаемости и правильном хозяйстве лесов казенных — съезд утвердил постановление Отделения, по отношению к последнему вопросу даже единогласно.

Почти одновременно с закрытием 2-го съезда сельских хозяев в Москве был Высочайше утвержден устав Лесного общества, имеющего своей специальной целью развитие и распространение правильных сведений по лесоводству. Новообразованное Общество, соединившее в своей среде всех представителей лесоводственной науки, ревностно принялось за осуществление поставленной себе цели.

Съезды русских лесохозяев впервые получили полную самостоятельность благодаря энергичной деятельности этого Общества и просвещенному содействию Министерства государственных имуществ, принявшего особенное участие в предложенном Обществом проекте съездов.

Лесное общество приняло на себя и все предварительные работы по устройству съездов и гостеприимно открыло страницы издаваемого им лесного журнала для напечатания отчетов и заключений съездов.

Благодаря этой деятельности Общества состоялся в августе (от 3 до 13) 1872 г. первый всероссийский съезд лесохозяев. Съезд этот был открыт в Москве во время празднования 200-летнего юбилея нашего первого русского державного лесовода Петра Великого.

Первый съезд, в котором приняли участие 174 лица, близко интересующихся лесоводством, не представил, ввиду новости дела, значительных работ, что зависело главным образом от неподготовленности докладов по рассматриваемым вопросам.

В двух заседаниях съезда (6 и 7 августа) был разобран вопрос о затруднениях, которые представляет существующий порядок судопроизводства о самовольных порубках в лесах казенных и частных, и о возможных в этом случае изменениях согласно с духом судебных уставов. Самовольные порубки являются одним из существенных затруднений для правильного лесного хозяйства, нарушая непредвиденным образом все расчеты лесовода и уничтожая часто плоды многолетней его деятельности; понятно, что в особенности в некоторых, наиболее бедных лесах, местностях самовольные порубки сильно вредят лесохозяйству и служат постоянным источником неприятностей и для лесохозяев, и для лесничих.

Существующий порядок представляет много затруднений, ввиду требуемых законом довольно многочисленных формальностей.

Многие из докладчиков, указывая на затруднительность для лесной стражи, которая обыкновенно и открывает подобные порубки, доказать самый факт порубки перед мировым судьей, требовали, чтобы за протоколами стражи признавалась полная достоверность, доколе доказательство противного не будет представлено ответчиком. В связи с этим, естественно, желали учреждения присяжных сторожей, подобно установленным Code forester во Франции, где лесные сторожа как казенных, так и общинных и частных лесов, принимают присягу и могут составлять свои протоколы в качестве должностных лиц. По мнению других, подобное признание достоверности за показаниями лесной стражи, часто неграмотной, не могло бы иметь места, противореча основным положениям судебных уставов. Кроме того, было указано на неудобство частных вызовов на суд лесной стражи и на необходимость, по крайней мере в степных местностях, назначать кроме штрафа и тюремное заключение, к которому впрочем, по замечанию докладчика, лесничего Велико-Анадольского степного лесничества г-на Барка, земства приходят и при нынешней системе, назначая несоразмерно высокие пени за подобные порубки.

Code forester §§ 5, 6, 87, 99, 117, 165, 166, 170, 175, 176, 177 и др.

Председатель съезда заявил по этому поводу, что Министерством государственных имуществ уже возбужден для лесничеств губерний, где введены уставы 1864 г., вопрос о предоставлении лесничим права оканчивать по добровольному соглашению дела о самовольных порубках.

Съезд отвергнул как предложение об устройстве присяжной стражи, так и о безусловно доказательной силе ее протоколов, но признал желательным, чтобы лесная стража имела право сама составлять протоколы в тех случаях, когда невозможно пригласить понятых, и чтобы лесничие могли кончать дела по самовольным порубкам добровольной уплатой денежного штрафа, если эти дела влекут за собой только денежное взыскание, чтобы лесничие при обстоятельствах, смягчающих вину, имели право уменьшать оценку вырубленного и чтобы были продлены сроки для составления протоколов, по крайней мере для высших чинов лесной администрации. Съезд выразил сверх того желание, чтобы вознаграждение понятых за явку для составления протокола не имело места и чтобы при утверждении такс, составляемых земскими управами, было выслушиваемо заключение чинов казенного лесного управления и других заинтересованных в деле лиц.

По отношению к порубкам, совершенным покупщиками леса и лесными рабочими под прикрытием их права въезда в лес, съезд предложил подчинить их общей классификации преступлений, не подводя их под понятие самовольных порубок.

Второй вопрос, об улучшении частного лесного хозяйства, разобранный съездом в последнем его заседании 13 августа, распался на две части: как предупредить значительные вырубki самими лесохозяевами и как улучшить частное лесоводство. Один из докладчиков, г. Гомилевский, выразил при этом весьма существенную мысль, что для предупреждения подобных сплошных вырубок, делаемых лесохозяевами обыкновенно с целью получить немедленно значительный капитал, что обуславливается низкой рентой от лесов и значительно большим процентным доходом от капиталов, необходима организация особых кредитных установлений с ипотечной системой, которые могли бы выдавать ссуды под леса и притом, как желал докладчик, только под леса устроенные. Но ипотека составляет до настоящего времени *pium desiderium* нашего гражданского права и трудно предвидеть время, когда можно будет применить ее к нашим лесам, так как при этом встретится особенное затруднение в необеспеченности лесной собственности вообще и в недостатке точных сведений о величине и доходности большей части лесов.

Согласно с постановлением 1-го всероссийского съезда лесохозяев, второй собрался с 16 по 26 августа 1874 г. в гор. Липецке.

Липецкий съезд представил весьма существенные работы по вопросу об экономическом и государственном значении лесов и их охранении. Этому вопросу прямо касался обширный доклад И.Т. Голенищева-Кутузова, рассмотрению которого съезд посвятил два заседания; но сверх того на съезде были разобраны некоторые технические вопросы, указывавшие на значение лесов и на возможность, так или иначе, улучшить современное их положение. Доклад г. Голенищева касался значения лесов и необходимости их охранения на юге России, причем докладчик констатировал объем лесоистребления на юге и его мотивы. Он указал на громадные количества древесных материалов, истребляемых в южных губерниях железными дорогами и заводами, преимущественно свеклосахарными; вследствие этого сильного спроса на горючий материал леса вырубаются целыми площадями, чему способствует еще и уменьшение, или даже совершенное сложение платежей за землю, на которой срублен лес.

Помещик, продавая на сруб лес, не только реализует значительный капитал, но и снимает со своего имения часть лежащих на нем налогов. По отношению к лесам государственных крестьян той местности (референт привел частный пример из харьковского уезда) истребление их объясняется тем, что Министерство государственных имуществ устроило там общинное лесовладение, наподобие великорусских губерний. С точки зрения малороссов, привыкших владеть своими посемейными лесными участками, за целостью которых всякий сам наблюдал, производя в них выборочную рубку, введение общинного пользования лесом было коренным нарушением их основных взглядов и привычек; дело кончилось, по заявлению г. Голенищева, тем, что, ввиду установившейся неопределенности в праве собственности на лес, крестьяне в 2–3 года вырубали его дотла.

Как наиболее действительную меру для охранения лесоводства в южном крае г. Голенищев предлагает вызвать ограничение спроса, надеясь, что за уменьшением потребления исчезнет и главная побудительная причина вырубки значительных лесных участков. Для этого он считает необходимым обязательное введение минерального топлива на фабриках и на железных дорогах и затруднение, посредством высоких вывозных пошлин, вывоза леса за границу.

Охранение существующих лесов г. Голенищев считает обеспеченным в случае проведения указанных мер, но он считает необходимым еще и положительную деятельность правительства по облесению вырубленных площадей; в виде меры охранительной, он предлагает запретить

на вырубленных местах пастьбу, хотя всякое другое ограничение права частной собственности по отношению к лесам он отвергает. Как один из важных способов охранения лесов, он предлагает изменение существующей системы обложения лесов в южных малолесных губерниях; лес, стоящий на корне, должен, по мнению референта, вообще нести налог низший сравнительно с полевой землей; самый налог должен иметь несколько градаций и в видах поощрения высокоствольного хозяйства, уменьшаться с возрастами леса, так что наибольший размер налога лес будет нести в первые годы по срубке, затем, вступая в возраст жерднего леса, пользуется правом понижения налога, дровяной лес будет нести еще меньший налог, а minimum его ляжет на строевой лес; затем более значительной пошлиной можно обложить лес, подлежащий рубке, пользуясь моментом реализации лесного богатства. В подкрепление доклада служило письмо землевладельца Ворон. губ. И.Н. Клочкова, в котором подтверждалось мнение о чрезмерной величине налога с леса на корню, доходившего в Бобровском уезде Ворон. губернии до рубля сер. с десятины (считая в том числе семь гривен налога и 30 коп. в виде натуральной повинности, состоящей в доставке фашиннику на гати), ввиду которого невыгодно его сберегать. Главные возражения были направлены на практическую пользу предлагаемого ограничения потребления, причем указывали, что сильный спрос на лесные материалы и высокая на них цена побуждают лесохозяев к ведению правильного хозяйства и тем способствуют охранению лесов, что уменьшение лесных пространств может вызвать большую бережливость по отношению к лесам. Первый вопрос о необходимости ограничения спроса на лесные материалы был при баллотировке отвергнут громадным большинством (за ограничение было семь голосов), а остальные утверждены единогласно.

Съезд пришел к следующим результатам по вопросу о необходимости охранения лесов в южных малолесных губерниях: 1) необходимо, в видах надлежащего охранения лесов, чтобы вырубаемые площади, как в частных лесах, так и в казенных, были возобновляемы; 2) для охранения лесов необходимо издание закона, который бы предписывал всем лесовладельцам известной местности принимать общие меры для уничтожения вредных насекомых, в случаях их появления в угрожающем количестве; 3) необходимо земству обратить внимание на то, чтобы несоразмерными податями на лес не дать повода лесовладельцу превращать лесные имущества в пахотную землю; 4) необходима возможно большая популяризация лесной науки; 5) правительство можно считать лучшим собственником леса и потому, по мере возможности, правительству следовало бы в южных малолесных губерниях приобретать и по

возможности обменивать леса частные на те земли, которые принадлежат государству.

Важной заслугой этого съезда следует считать, что он обратил внимание на несоразмерность налогов, что составляет действительно и существенное неудобство по отношению к лесам.

Третий всероссийский съезд лесохозяев, происходивший в Риге с 3-го по 10-е августа 1876 г., также обратил внимание на вопрос о лесоохранении. По этому предмету был представлен доклад г. Калагеорги, в котором референт, доказывая необходимость охранения нашего лесного богатства, предлагает для сбережения наших лесов устройство лесных артелей, подобно существующим в Пруссии, и создает особую систему коллегияльных, правительственных-земских, учреждений для контроля за деятельностью лесных артелей, но сам сознается, что его идеальная система не может быть применена в настоящее время к России. При рассмотрении этого доклада, поразившего новизной, председатель съезда, г. Собичевский, обратил внимание присутствия на то, что вопрос этот уже неоднократно был предлагался на рассмотрение съездов и что еще недавно он был возбужден в собрании Московского сельскохозяйственного общества докладом князя В.И. Васильчикова; при этом он указал на свою статью о прусских лесных артелях, составленную по поручению Московского общества сельскохозяйства. Действительно, мы со своей стороны позволим себе указать, что в германском законодательстве издавна заметно стремление устраивать лесные артели; первая попытка в этом роде была сделана еще в начале XVIII века, в 1711 году, в небольшом княжестве Зиген, где по этому закону мелкие лесные участки известных округов были соединены в один общий, из которого и пользовались все сочлены сообразно относительной величины своих участков. Подобные лесные артели, в виде соединения нескольких смежных лесовладельцев в артель для совместного управления и пользования лесами, составляющими общую собственность артели, из которой каждый член получает выгоду сообразную с внесенной им частью, составляют характеристическую особенность германского права, имеющую свое историческое основание.

Последний прусский закон 6-го июля 1875 г. узаконивает устройство лесных артелей по добровольному соглашению соседних лесовладельцев, причем подобное соединение может иметь целью или только совместное охранение лесов, или вместе с тем и их наиболее целесообразное устройство и эксплуатацию.

Лесные артели могут быть устроены по предложению: а) каждого из заинтересованных лесовладельцев; б) местных общественных и земских учреждений, или с) органов администрации. При этом для установления артели необходимо в том случае, если артель устраивается только для совместного охранения артельных лесов, согласие большинства; голоса лесовладельцев считаются согласно с определенным по кадастру чистым доходом с принадлежащей каждому лесной дачи, так что, например, лесовладелец, получающий согласно кадастровой оценке 2000 р. чистого дохода со своей дачи, будет иметь четверо больше голосов, чем получающий 500 руб.; поэтому требуемое в указанном случае законом простое большинство голосов весьма часто может не совпадать с абсолютным большинством лиц, участвующих в артели; если же артель составляется для совместного устройства и эксплуатации лесов членов артели, то требуется согласие по крайней мере одной трети всего числа ее членов с общим доходом, превышающим половину получаемого с общей суммы лесов, которые должны поступать в артельное заведывание. Взаимные отношения членов артели между собою и права и обязанности самой артели определяются особым уставом, в составлении и утверждении которого принимает участие уездный комитет (Kreisauausschuss), носящий в этом случае название лесного суда.

После прочтения заметки г. Собичевского было приступлено к прениям, которые по случаю отсутствия докладчика не отличались оживлением. Но и в этом случае было указано на важное значение правильно организованной системы лесных залоговых банков, о которой много говорили на втором съезде. Один из членов съезда г. О.С. Красуский указал на одну, удачно применяемую в Царстве Польском, меру сохранения лесов от истребления, состоящую в выдаче под залог лесных дач ссуд под условием правильного устройства и эксплуатации дачи с угрозой немедленного взыскания всей ссуды в случае отступления от этого условия.

Jahrbuch der Preussischen Forst- und Jagdgesetzgebung und Verwaltung v. B. Dankelmann 8 B. 1 Heft. 1875. — Waldungen und Waldwirtschaft, deren Bedeutung für Nationalwohlstand und Landeskultur, so wie deren Schutz und Pflege im Preussischen Staate nach dem Gesetze vom 6 Juli 1875 C. Doehl, 1876.

Съезд отказался баллотировать положения доклада г. Кадагеорги и принял вместо того некоторые выяснившиеся во время прений положения:

он нашел «наиболее рациональным средством для спасения лесов, имеющих общее государственное или земское значение, т. е. лесов, служащих защитой окрестной местности от горных обвалов и занесения их песком, или растущим по берегам рек, там, где берут начало источники, питающие эти реки, следует признать приобретение их в собственность государства или земства путем экспроприации; по желанию же владельца экспроприация может быть заменена полной правительственной или земской опекой, доходящей до взятия этих лесов в управление правительства или земства».

«Земельные банки, следуя примеру главного земского кредитного общества Царства Польского, существенно могут помочь охранению частных лесов, выдачей ссуд под залог их, при неперменном условии, чтобы эти леса были устроены и в них велось правильное лесное хозяйство, обеспечивающее непрерывность пользования».

«Ввиду крайней необходимости немедленного принятия решительных мер к прекращению истребления лесов со стороны их владельцев, желательно, чтобы был издан закон, по которому вырубленные лесные пространства в малолесных местностях непременно были возобновляемы».

«Съезд признает крайне необходимым, как для охранения наших лесов, так и для успеха лесного хозяйства, чтобы народные школы обратили внимание на ознакомление своих учеников с природой вообще и со значением леса в частности».

Съезды наши видели таким образом единственное, наиболее совершенное средство сохранения лесов в казенном их управлении и в передаче потому всех лесов, имеющих особенное значение, в руки казны; с этой же целью требовали они безусловного сохранения казенных лесов и правильного ведения в них хозяйства. Как на наиболее действительную меру указывали на экспроприацию лесов, за

(Труды III всерос. съезда лесохозьев в г. Риге, стр. 69 и 70.)

которыми признано государственное значение; по отношению к этим последним лесам третий съезд нашел возможным признать, в случае нежелания владельцев продать их, вместо права экспроприации право строгого надзора, доходящего до взятия их в опеку. Это предложение весьма важно, так как до того съезды упорно отвергали всякое право государственного или земского надзора за частными лесами. Понятие же лесов, имеющих государственное значение, довольно растяжимо, если обратить, например, внимание на определение Code forester.

Съезды выяснили, между прочим, пользу, которую может принести делу лесоохранения правильное устройство кредита.

Сверх того постоянной заботой съездов было распространение лесных знаний, без которых, разумеется, и самая лучшая лесоохранительная система не может привести ни к чему. Еще Петр В., обращая внимание на охранение нашего лесного богатства, требовал непременно описания лесов, наиболее нужных для его целей. Новейшее время особенно выяснило всю необходимость и пользу лесной статистики; еще недавно на последнем международном статистическом конгрессе в Будапеште было особое отделение (IV) сельского хозяйства и лесоводства (agriculture et sylviculture), в котором по лесной статистике докладывал известный германский ученый Август-Мейтцен, указавший на значение и историю лесостатистических работ; причем в числе работ по русской лесной статистике занимали почетное место издания Лесного Общества и его членов.

Конгрессу был предложен и план германской лесной статистики в виде отчета трудов комиссии по этому вопросу. Замечания, сделанные русским делегатом П.П. Семеновым на этот план лесохозяйственной статистики по применению его к России, выяснили, между прочим, затруднительность подобной статистики по отношению к частным лесам и лесам казенным неустроенным, которые составляют громадное большинство (по замечанию докладчика из 172 млн десятин подлежала бы правильному статистическому описанию только 27 020 000 д.). Действительно при подобном положении дел трудно ожидать хороших результатов от нашего лесного хозяйства и понятно нежелание съездов принять какие-либо положительные решения по этому вопросу, ограничиваясь требованием подготовки специалистов, в которых у нас чувствуется недостаток. Замечательно, что лесные съезды высказали решительное отвращение от предлагаемых охранительных законов, заимствованных из нового французского или прусского права; это имеет тем большее значение, что

на съездах постоянно присутствовали специалисты, близко знакомые с нашими местными условиями.

Присоединяясь вполне к положениям, высказанным на последнем съезде лесохозяев в Риге, мы позволим себе предложить на обсуждение многоуважаемого собрания два положения, недостаточно выяснившиеся на бывших у нас съездах лесохозяев и представляющих значительный экономический интерес. Развитие и объяснение этих положений с их экономической стороны могло бы пролить значительный свет на дело лесоохранения вообще, которое, без всякого сомнения, должно обратить на себя внимание законодательства. Одним из этих вопросов является предложенный третьему рижскому съезду об устройстве у нас лесных артелей, по аналогии прусских.

Вопрос этот о применимости и пользе для России подобных, заимствованных у наших западных соседей, учреждений, в форме ли предложенной в докладе г. Калагеорги или в какой другой, действительно заслуживает внимания, хотя, разумеется, трудно безусловно ратовать за его принятие, так как почти невозможно рассчитывать на его быстрое и повсеместное распространение. Более удобоприменимым, хотя также встречающим значительные затруднения, ввиду отсутствия у нас правильной ипотечной системы, является предложение, встретившее и сочувствие съездов, об устройстве лесных залоговых банков, или о принятии этой функции существующими земельными банками. Правильно организованная деятельность подобных кредитных установлений, без сомнения, спасет и у нас тысячи десятин леса от преждевременного уничтожения и принесет немалую пользу нашему народному богатству. Но обе указанные меры, даже в случае их применимости, не могут, по нашему глубокому убеждению, остановить безусловно гибель наших лесов в средней и южной полосе нашего обширного отечества; только принудительный закон, подобный французскому, улучшит бедственное положение нашего лесного хозяйства, и сохранит будущим поколениям хорошее лесное наследие, служащее лучшим залогом плодородия почвы.

ЧАСТЬ III

ДОХОДЫ — НЕРАВЕНСТВО —
КАПИТАЛ — МАРКС

РЕАЛЬНЫЕ ДОХОДЫ НАСЕЛЕНИЯ
КОГДА НАЧНЕТСЯ РОСТ

ПОДНИМУТСЯ ЛИ НАШИ ЗАРПЛАТЫ

НЕИЗЛЕЧИМЫЕ БОЛЕЗНИ КАПИТАЛА

ЧТО ПРОИСХОДИТ С НАШИМ КАПИТАЛИЗМОМ?

КАК ЧЕРЕЗ НАЛОГИ ПОДНЯТЬ ДОХОДЫ ЛЮДЕЙ

ДИСБАЛАНСЫ И НЕРАВЕНСТВО В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСА. ЖИЗНЬ РУССКОГО КРЕСТЬЯНИНА

РЕАЛЬНЫЕ ДОХОДЫ НАСЕЛЕНИЯ КОГДА НАЧНЕТСЯ РОСТ?

По материалам сессии Координационного клуба ВЭО России в медиацентре «Российской газеты» от 9 апреля 1918 г.

Доходы падают уже несколько лет

Сергей Дмитриевич Бодрунов, президент ВЭО России, директор ИНИР им. С.Ю. Витте, президент Международного союза экономистов, эксперт РАН, д. э. н., профессор

Тема сегодняшней сессии нашего Координационного клуба очень актуальна, важна, наверное, затрагивает интересы большинства людей в России — «Реальные доходы населения. Когда будет рост?». По этому поводу есть разные мнения, много разных идей, точек зрения. В ходе прошедшей недавно президентской кампании так или иначе все кандидаты высказывались на эту тему, особенно много наработок — у уполномоченного по делам предпринимателей при Президенте господина Титова. Представленный им документ, «Стратегия роста» касается в том числе и роста доходов населения. Сегодня у нас выступит Яков Моисеевич Миркин, который участвовал в работе коллектива, формировавшего программу Титова.

Я не буду затягивать свое выступление, считаю, что здесь есть крупные специалисты, которые по этому поводу могут высказаться. Я бы хотел предоставить первое слово нашему докладчику.

Дмитрий Евгеньевич Сорокин, вице-президент ВЭО России, председатель научного совета ВЭО России, научный руководитель Финансового университета при Правительстве России, член-корреспондент РАН

— Коллеги, только что прошел Съезд ВЭО, многие из присутствующих там были. Для тех, кто не был, расскажу, что в ходе Съезда проводился интерактивный опрос делегатов: со всех регионов России были люди. Был дан набор проблем и поставлен вопрос: какие из них вы считаете первоочередными для обсуждения? Раздали пульта для голосования, люди нажали на кнопки, и высветилось, что на первом месте с большим отрывом оказались не проблемы цифровой экономики, как ни странно, и даже не проблемы выхода на третье место по темпам роста ВВП, а вот именно эта проблема. Поскольку мы придумали эту тему еще до того, как был Съезд и опрос, это значит, что ВЭО — в тренде общественных настроений.

Когда начнется рост реальных доходов населения, правильно надо сказать, что реально располагаемых денег от доходов населения? Так вот ответ звучит так: согласно

действующему, я подчеркиваю, целевому, а не базовому, целевому, то есть то, что называют оптимистическим, прогнозу Минэкономразвития, который в октябре 2017 года был представлен Правительству, рост начнется за пределами 2020 года. В 1999 году реально располагаемый денежный доход населения составил, по данным статистики, 46% от 1991, с 2000-го начался их не рост, а восстановление. К 2005 году восстановили. Вот после этого начался реальный рост. Я напомним, что в свое время экономические успехи СССР все-таки мерились по отношению не к 1917 или 1920 году, не к 1922, а к 1913-му — году наивысшей точки. Сначала надо восстановиться, потом уже идет рост.

Далее. Реальные доходы начали снижаться с 2014-го и четыре года подряд снижались, к 2013 году на 11% упали, это значит, что они стали ниже, чем были в 2010 году. Согласно целевому прогнозу с этого года должно начаться их восстановление, но это восстановление к 2020 году не достигнет еще уровня даже 2012 года. Реальный рост — где-то там за пределами 2020-го, пока идет всего лишь восстановление.

При этом, конечно, есть проблема в качестве этого прогноза. Я напомним, что в октябрьском прогнозе было сказано, что по итогам 2017 года реально располагаемый денежный доход населения вырастет на 1,3%, то есть прогноз был дан всего на три месяца вперед. Но оказалось — минус 1,7%. И это прогноз Минэкономразвития. За первые месяцы 2018 года прогнозировали восстановительный рост, +2,4% по целевому прогнозу, но пока мы получили по отношению опять минус 0,8%.

Я хочу сказать, что если центральный институт, отвечающий за экономическую политику, так прогнозирует, остается только надеяться, что если будет хуже, то не очень сильно.

Вернемся к 2013 году. Вот что было написано и подписано председателем Правительства в основных направлениях развития в 2013 году до 2018 года — если мы будем расти темпами меньше 3%, не удастся ничего сбалансировать в экономике. Этот факт был записан, и именно так и происходило. Среднегодовые темпы роста ВВП составили 0,5%, это далеко ниже красной черты. И наилучший вариант целевого прогноза — опять всего 2,5%, ниже красной черты.

Вопрос — можно ли поднять темпы роста до искомым 5%, чтобы все-таки не такие прогнозы у нас были? Минэк, Минфин, ЦБ — ряд экспертов говорят: «Нет, нельзя. В лучшем случае до трех с копеечкой можно подняться, на грани фола идти, как говорится». Другие говорят: «Нет, можно до 7% подняться». Возникает вопрос, кто прав. Я хотел поставить вопрос немного иначе.

Мы знаем, что сейчас рост возможен прежде всего за счет более эффективного использования ресурсов: лучшей техники, лучшей организации, лучших институтов, поскольку экстенсивные факторы исчерпаны, мы все это понимаем. Но возможно ли задействовать этот фактор роста при бедном населении? Для экономической теории ответ на этот вопрос известен давно. Не может общество процветать, иметь экономический рост при бедном населении — это основополагающая максима экономики. Кстати говоря, в российской экономической мысли этот тезис был сформулирован за век до Адама Смита. Юрий Крижанич об этом за век до Адама Смита писал, а через 60 лет после Крижанича и за 40 лет до Смита первый российский политэконом Иван Посошков писал: «...Размножиться доброму художеству низкая оплата труда не дает». В те времена под добрым художеством понималась промышленно-ремесленная деятельность, в переводе на современный язык — размножиться инновациям, техническому прогрессу не дает низкая оплата труда. У нас, правда, нет пророка в своем отечестве, зато наша интеллигенция читала Адама Смита. Дочитались.

У нас сегодня каждый восьмой, согласно данным официальной статистики, за нашей официальной чертой бедности. Для технологического перевооружения требуется новый уровень квалификации работников, квалифицированный работник по определению не может быть дешевым. Те, кто должен осуществлять технологическое перевооружение, имеет среднюю зарплата ниже средней по стране, а самая высокая — в выпуске табачных изделий, в финансовой и страховой деятельности. В общем, азбука экономической теории: низкая оплата труда — враг технического прогресса.

Как разрешить эту проблему? Как найти ресурсы на рост доходов, без которого не будет сдвига при нынешних темпах экономического роста? В этом — искусство экономической политики. Если те, кто формирует экономическую политику, говорят, что это невозможно, что это новая нормальность, боюсь, мы обречены на стагнацию. Пожалуй, на этом я хочу поставить точку.

Профсоюзный лидер — против низких доходов!

*Михаил Викторович Шмаков,
председатель Федерации независимых
профсоюзов России, член президиума ВЭО России*

— Я хочу сказать, что сегодня мы пожинаем то, что было целеполаганием с самого начала 90-х гг., когда у нас прошли все эти так называемые рыночные преобразования. Тогда в качестве одного из тезисов был сформулирован тезис о том, что у нас дешевая рабочая сила, поэтому давайте привлекать на этой основе иностранные инвестиции. Рабочая сила осталась дешевой, иностранные инвестиции не пошли, и мы сегодня имеем те показатели, которые сейчас Дмитрий Евгеньевич достаточно убедительно продемонстрировал. Это на себе чувствуют все граждане и все работники в РФ.

Говоря о том, когда начнется экономический рост, нельзя сказать, что мы будем повышать доходы населения, при этом ничего не делать с экономикой. Нам необходимо менять экономическую модель, потому что та экономическая модель (это не только мои слова, это уже много раз повторяли), которая у нас применялась в последние 18 лет, не дает никакого развития, потому что это — слепое следование рекомендациям Международного валютного фонда и Всемирного банка по поводу определенных действий нашего ЦБ, определенных действий Правительства.

Кстати, эти рекомендации противоречат и идут вразрез с теми рекомендациями, которые последние пять лет эти мировые институты дают развитым экономикам. Конечно, после 2008–09 гг., после кризиса всем предписывалось сокращать государственные инвестиции и вести достаточно жесткую финансовую политику, в том числе и нам. Но пять лет назад этот тренд поменялся, поменялись рекомендации, и развитым экономикам, например, германской, французской и ряду других, говорят, что надо увеличивать государственные инвестиции для повышения занятости в этих странах, чтобы шел экономический рост. И там экономический рост сегодня мы наблюдаем.

Наши ответственные руководители ЦБ, Минфина и всего финансового экономического блока по-прежнему старательно придерживались рекомендаций о том, что надо сокращать и не развивать государственное инвестирование, государственные заказы, что надо стремиться развивать институты. Безусловно, экономические институты должны развиваться, но сегодня мы видим в нашей

стране, что наиболее расширяющаяся занятость, что наиболее высокие доходы работников, заработные платы — там, где есть государственные инвестиции. Это прежде всего оборонно-промышленный комплекс и те целевые программы, которые ведутся с участием этих государственных инвестиций. Рост реальных доходов населения начнется тогда, когда наиболее эффективно заработает экономика. Это естественный вывод, который делает каждый, кто будет отвечать на этот вопрос. Первый вывод, он лежит на поверхности.

С нашей точки зрения, прежде всего необходимо изменить финансовую политику, не таргетировать инфляцию. Цель таргетирования инфляции, конечно, хорошая, но тем не менее это зажимает всю экономику, всю промышленность, вообще всю экономическую деятельность. Нужно добиваться доступного низкого кредита для того, чтобы экономика могла эффективно работать, сама себя воспроизводить и разогреваться, а мы все время в нашей стране зажимали экономику, и она фактически стагнировала. Если дальше продолжать, то мы считаем, что стагнация будет продолжаться. На сегодняшний день мы констатируем, что экономика зашла в тупик, дальше так развиваться не может, тем более на фоне всех внешних воздействий, которые есть, но это не тема нашего сегодняшнего обсуждения. Первое — необходимо изменение финансово-кредитной политики.

Второе — необходима точечная поддержка государственными инвестициями критически важных отраслей промышленности. Это потянет за собой и увеличение занятости, и повышение доходов населения. И третье, о чем бы я хотел сказать: нам надо отказаться от политики дешевой рабочей силы, которая поддерживается в том числе неконтролируемым приростом трудящихся мигрантов в нашей экономике, фактически неконтролируемым. Трудящиеся мигранты прежде всего снижают цену труда в нашей экономике. Решение этих задач поможет нам как раз создать тенденцию, когда реальные доходы населения, прежде всего работающего населения, будут расти.

Сергей Дмитриевич: Спасибо большое. Многие наши специалисты со стороны макроэкономического блока говорили о том, что давайте мы добьемся низкой инфляции, и в результате у нас сразу рванут инвестиции, появится хорошая экономическая ситуация, и доходы населения пойдут расти. Мы уже видим официальную инфляцию низкой. Вроде нормально, а счастье не наступило. Значит, нет прямой зависимости между таргетированием инфляции в низкую сторону и счастьем в экономическом развитии.

Я бы хотел еще сказать, что даже в ситуации, когда в отдельных отраслях, в том числе в оборонно-промышленном комплексе растет заработная плата, это, конечно, общую картину не меняет. Более того, в эти отрасли не идут инвестиции. Почему? В частности, могут быть просто технологические и административные препоны. Кто будет инвестировать в отрасль, кроме специально уполномоченных лиц, когда есть спецсчета для средств, которые предприятия получают в результате оборонного заказа? Предприятие борется за заказ, получило заказ, но средства использовать не может, кроме как по цепочке выполнения оборонного заказа, либо зарплату дать непосредственно людям, которые работают в рамках оборонного заказа.

Но дальше смешная ситуация: заканчивается его часть контракта, а средства ему все равно уполномоченный банк не дает. Почему? Потому что цепочка вся должна завершиться, а пока самолет сделают или корабль, еще года 2–3 пройдет. Потом возникает следующий заказ, говорят: «Зачем тебе аванс? У тебя же на спецсчете предыдущие деньги? С них и работай». Это инвестиции или что это такое? В таких условиях невозможно добиться нормального инвестиционного процесса. Так что помимо того, что мы, таргетируя инфляцию, добились 4% или ниже — есть разные оценки, надо еще, наверно, создавать некие другие условия, чтобы в прорывных, по крайней мере, отраслях, тех, которые призваны быть драйверами инновационного технологического развития, были созданы условия, чтобы можно было работать нормально.

Я не против того, чтобы правильно отслеживать выполнение оборонного заказа, но благими намерениями иногда вымощена дорога в ад, в том числе инновационный ад. Я хотел бы, чтобы мы в нашем обсуждении уделяли внимание таким элементарным, казалось бы, вопросам, которые очень сильно могут повлиять на общую экономическую обстановку и на предпринимательское настроение. Кто инвестирует? Инвестирует предприниматель, он дает зарплату, дает работу, дает продукт, поэтому эту часть экономики тоже надо как-то поднимать.

Люди всем довольны

*Алексей Зубец,
проректор Финансового университета при
Правительстве России, д. э. н.*

— Экономический рост и преодоление бедности происходят, когда на это есть спрос. Развитие начинается только тогда, когда на него есть спрос со стороны тех людей, которые определяют динамику экономических механизмов. С социальной точки зрения экономика — это инструмент повышения качества жизни людей, соответственно, если есть спрос на повышение качества жизни, возникает экономический рост. Если спроса на повышение качества жизни в стране нет, соответственно, не будет ни роста доходов населения, ни роста ВВП.

Качество жизни состоит из удовлетворенности жизнью (это некий субъективный показатель), который можно подкрепить с помощью объективных индикаторов: продолжительность жизни, ВВП на душу населения и т. п. У экономики с социальной точки зрения есть два основных двигателя: с одной стороны, это инновации, а с другой стороны — экономическая активность человека, которая заставляет людей двигаться, чтобы преодолеть отставание. Важна не столько сама бедность, сколько экономическое расслоение людей, различия между богатыми и бедными. Соответственно, инновации создают точки роста, а желание жить как сосед, разбогатевший на инновациях, заставляет остальных людей повышать качество жизни и стремиться к тому, чтобы жить не хуже.

Так вот, у нас проблемы по всем составляющим этой социальной формулы экономического роста. С одной стороны, инновации. С инновациями, произведенными внутри страны, вы сами знаете, как у нас обстоят дела. Если говорить об импорте инноваций, то в Россию за последние 15–20 лет перенесен практически весь запас массово значимых инноваций, которые способны создать новую отрасль экономики с более высокой производительностью труда, доходами и т. д. Я говорю и о ретейле, и о производстве товаров и услуг по современным технологиям, и о банковских технологиях, интернете и т. д.

С другой стороны, возьмем такую вещь как удовлетворенность жизнью и равенство на ближнего, которое является одним из основных двигателей экономического роста. В настоящий момент, по оценкам на основе тех исследований, которые мы проводим, доля людей, удовлетворенных

своей жизнью, колеблется от 70 до 85% в зависимости от территории и времени. Когда был кризис, цифра была ниже, сейчас она около 80%. У ВЦИОМ есть индикатор «Индекс удовлетворенности собственным материальным положением», этот индекс составляет 50, то есть превышение количества довольных своим материальным положением над теми, кто недоволен, составляет 50%.

Здесь надо говорить о такой вещи, как неденежная бедность. С одной стороны, да, бедность у нас есть, но если мы говорим о вещественной бедности, об обеспеченности людей знаковыми предметами потребления, которые соответствуют стандарту качества жизни, то мы увидим, что бедности у нас в общем и нет. У нас 2/3 домохозяйств имеют автомобили, только 7% домохозяйств оценивают свои жилищные условия как плохие или очень плохие, обеспеченность бытовой техникой по разным параметрам от 70 до 200%, то есть 2,5 телевизора на семью и т. д.

Проблема состоит в том, что стандарты качества жизни, которые сформировались у россиян достаточно давно, в 90-е гг., а у тех, кто постарше, еще при советской власти, на сегодняшний день удовлетворяются с точки зрения доступности материальных благ и потребности в этих благах. На этом основана высокая политическая стабильность современной России — россияне получили тот набор товаров и услуг, который им необходим с точки зрения обеспечения высокого качества жизни, по их мнению. То есть их стандарты — довольно низкие. Понятно, что со временем они будут меняться, новое поколение принесет с собой новые стандарты, но российская экономика будет двигаться ровно в темпе изменения стандартов качества жизни населения, которые меняются медленно.

Моисей не зря водил евреев 40 лет по пустыне. Пока не вымрет предыдущее поколение — носитель советских стандартов качества жизни и людей, которые получили стандарты качества жизни в 90-е гг., никуда мы не двинемся.

Существует взаимозависимость между удовлетворенностью качеством жизни по странам мира и экономическим ростом. При той удовлетворенности, которую мы имеем на сегодняшний день, справедливый темп роста экономики, на который мы можем рассчитывать, составляет не более 2,5% в год.

Дешево хорошо не бывает

*Сергей Дмитриевич Валентей,
научный руководитель РЭУ им. Г.В. Плеханова,
д. э. н., профессор*

— В прошлом году мы проводили конференцию, где участвовало уважаемое ВЭО России, под названием «Какие кадры нужны России?». Название я придумал, а докладчиков нашел с большим трудом, потому что у нас очень много сегодня говорится о том, что нам нужно менять политику, систему трудовых отношений, но кадры между тем вымирают как мамонты. Сейчас я хочу создать лабораторию качества населения и рынка труда в РФ и не могу найти заведующего кафедрой. Это при том, что советская демографическая школа относилась к числу лучших в мире, у нас были курсы ООН для развивающихся стран.

Дмитрий Евгеньевич привел очень интересные цифры, я позволю себе их дополнить. С 2008 по 2013 год включительно каждый год завершался пусть небольшим, но приростом к заработной плате по отношению к предшествующему году. Начиная с 2014 года у нас прирост составляет менее 100% по сравнению с предыдущим годом, то есть в течение последних трех лет идет последовательное понижение доходов населения. Это — результат политики, стратегии, которая в течение 25 лет основывается на очевиднейшей совершенно истине использования дешевой, но квалифицированной рабочей силы. На этом создается как богатство наших предпринимателей, так и богатство предпринимателей за рубежом.

Когда мы сегодня говорим о том, что нам необходимо — я региональными проблемами занимаюсь — вводить технологические инновации и т. д., мы берем среднюю температуру по больнице. У нас есть не только отрасли, но и целиком субъекты федерации, которые вообще не в состоянии освоить технику, производящую продукцию с высокой добавленной стоимостью. Это просто ямы, куда мы можем закачивать какие угодно современные станки, но на них просто некому работать. Более того, к этим регионам, может, я ошибусь, никого не хочу обидеть, но к этому региону постепенно приближается Уральский регион, кузница наша.

Что делать? На это нам указывает зарубежный опыт — я беру в данном случае Европу (Францию, Голландию и другие страны), по этому пути шли и США, которые в 1970-е гг. прошлого века ввели систему законодательных актов, заставляющих работодателей вводить новую систе-

му трудовых отношений. Речь шла о том, что они обязаны повышать заработную плату, платить не меньше определенного уровня, обязаны предоставлять определенные условия, включая отпуск и т. д., обязаны не заставлять рабочих работать 12–14 часов, как у нас сейчас работают даже сотрудники компаний — технологических лидеров, участие сотрудников в прибылях, в управлении и т. д.

Мы в советский период считали, что участие рабочих в управлении — социализм, участие в прибыли — тоже близко к социализму.

На самом деле, это была целая система, которую государство насильственно навязывало. Сегодня остались только отголоски этого: законы о том, что двигатель не должен выбрасывать больше определенного количества загрязняющих веществ, двигатель самолета не должен шуметь, но все это идет именно оттуда. Так на Западе и начали переход к инновационной модели развития, то есть к производству продукции с высокой добавленной стоимостью, и с этого они начали то, что сегодня мы называем индустриальной революцией 4.0.

Что можно сделать? Менять нужно систему производственных отношений, систему трудовых отношений, ориентироваться на дорогую квалифицированную рабочую силу, иначе нам крышка. У нас еще есть ресурсы, включая финансы, у нас еще остались кое-какие научные школы, у нас еще остались кое-какие профессионалы в области обработки металла, электроники и т. д., но это уже — остатки.

Речь идет об очень серьезных вещах. Если сегодня мы просто сориентируемся на повышение заработной платы, это ничего не даст. Более 40 субъектов федерации, я об этом докладывал на научно-экспертном совете Совета Федерации, в прошлом году не могли бы покрыть свои расходы, даже если бы им осталась вся налогооблагаемая база. Вместо того чтобы менять региональную политику в государстве, что мы делаем? Закачиваем в них 100 млрд при сохранении той же самой политики. Это как в советские времена, 0,5% был в сельском хозяйстве банковский кредит, который в конце года списывался как долг. В итоге мы не имели нормального сельского хозяйства. Сегодня мы не имеем региональной экономики, а скоро и вовсе промышленности не будем иметь.

Взять — и перераспределить!

*Роберт Искандрович Нигматулин,
научный руководитель Института
океанологии РАН им. П.П. Шишова,
академик РАН*

— Мы много говорим об экономическом росте, но кому нужен экономический рост? Я думаю, что от экономического роста более чем для 60% населения страны, которые получают 20 тысяч рублей в месяц, ничего не будет, они все равно ничего не купят. Квартир можете понастроить — люди не купят. Вообще какой должна быть зарплата, чтобы гражданин был платежеспособным, был одним из инвесторов экономики? Главный инвестор экономики — все-таки народ, который имеет сбалансированную зарплату и покупает инвестиционные компоненты, и это создает основной вектор. А банки и прочие ускоряют, дают займы, чтобы построить завод. Итак, я думаю, что эта зарплата — около 70 тысяч рублей. Недавно ВТБ провел исследование о том, сколько людей получают больше 70 тысяч рублей. Всего 7%. Вот этим людям, наверное, нужен экономический рост. Супербогачам он тоже не нужен, у них всего достаточно — запас туда вывозится, сюда вкладывать они ничего не будут.

Наконец, к сути. Если я хозяин чего-то, например, хозяин в своей семье, я получаю деньги и прикидываю, что мне нужно на учебу, что мне нужно на питание, здравоохранение и так далее, я должен все распределить. Так вот у нас это проблема в стране — правильное перераспределение. Во-первых, в своей стране я должен подумать, как инвестиции сделать, чтобы строить новые предприятия, восстанавливать старые и т. д. — определенная сумма примерно вычерчивается. Все мы говорим о том, что государство — не очень хороший экономист, это верно, конечно, хотя крупные проекты может делать только государство, и мы это тоже понимаем.

Я исхожу из того, что в нынешней ситуации все-таки нужно усвоить как теорему, что все-таки главный инвестор экономики — это народ, имеющий сбалансированную зарплату, покупающий товары, в которых есть инвестиционный компонент. Так вот те люди, которые получают меньше 20 тысяч рублей, они вообще ничего не могут — им нужны только дешевые продукты, транспорт, коммунальные услуги. И вот так финансируется основная наша масса населения.

Мы говорим о том, что нужно поднять заработные платы. Правильно. Но если мы просто возьмем, даже от богатых возьмем и раздадим бедному населению, будет инфляция, это совершенно справедливо. Значит, обязательно нужно иметь в виду, чтобы то, что я дал бедным людям, шло в инвестиции, а для этого нужно перераспределение цен. Я всегда говорю, что килограмм хлеба на Западе стоит как 3–5 литров бензина, у нас — как 1–1,5. То есть те, кто производит наиболее потребляемые народные продукты, недофинансируются, потому что у основного потребителя нет денег. Нужно сбалансировать эти цены.

Вот эти минимальные 70 тысяч, которые нужны для того, чтобы люди могли инвестировать, — это меньше 2 тысяч литров бензина. Такова примерно средняя зарплата во всем индустриальном мире. И вот когда эта зарплата — средняя, тогда тот, кто может купить на зарплату 10 тысяч литров бензина, сможет оплатить по нормальным ценам народные продукты. Как это сделать? Вы правы, надо правила игры менять. У супербогатых людей надо хотя бы небольшую часть ресурсов, которые они выбрасывают на ненужные траты, перераспределить. Я узнавал, сколько дополнительно придет в бюджет, если мы с доходов более 25 млн в год будем брать хотя бы 25–30%. Выходит 1,5 трлн. Нам нужно поднимать здравоохранение, у нас повышенная смертность, мы каждый год теряем на 200 тысяч людей больше, чем по нормам 1990 года и по нормам новой Европы, в том числе и Прибалтики. На 400 тысяч людей больше умирает у нас в стране, чем по нормам Старой Европы. Куда мы свой народ ведем? Мы однозначно находимся на падающей линии. Добавляем денег в здравоохранение — это поразительно — сразу падает смертность, без инерции, это удивительно. Это статистика показывает.

Как-то академик Дмитрий Семенович Львов приехал в Уфу, когда мы рассматривали социально-экономическую программу. Он сказал: «Вы сначала подсчитайте, что вашим людям нужно — столько хлеба, сколько того, столько другого... А все остальное отдайте богатым для бизнеса». Конечно, это звучит утопически, но это можно иметь в виду как ориентир, а его обязательно нужно иметь в виду, это должен понимать в первую очередь президент страны, но он этого не понимает.

Задача научно-технического общества — говорить, говорить, чтобы правильные мысли дошли до самого верха, до президента, премьера и т.д. В этом есть и долг ВЭО России, и науки. У меня 1200 человек в институте, из них 200 докторов наук, никто из них неудовлетворен ситуацией с доходами. Среди тех, с кем я общаюсь, все недовольны, потому что практически все они, кроме академиков

и членкоров — бедные люди. Это не значит, что я говорю: «Давайте всем добавим и заживем хорошо». Нет, конечно. Это очень тонкая процедура. Мы одновременно должны и правила игры менять, и соответствующую реформу цен проводить рыночными методами, всякими стимуляторами и т. д. Это все очень сложно, но только так получим экономический рост.

А тот путь, который намечен в нашей стране, это путь в никуда, это путь в неустойчивость, нестабильность. Я убежден, если мы не изменим экономическую политику, у нас никакого стабильного общества не будет.

Поднять производительность труда

*Георгий Владимирович Остапкович,
директор Центра конъюнктурных следований
Института статистических исследований
ВШЭ, д. э. н.*

— Кумулятивный эффект потери реально располагаемого дохода с 2014 года у нас — примерно –11%, кумулятивный эффект потери заработной платы — примерно –5%, а заработная плата, как вы знаете, составляет 65% реальных доходов.

У бедного народа не может быть серьезной экономики, отметил Дмитрий Евгеньевич. Но у нас яркий пример — Китай, где народ — бедный даже по сравнению с нами, но при этом — вторая экономика в мире. Экономика Китая ориентирована не на спрос на углеводородное сырье, которое у нас представляет 70%, а с металлами и еще больше, а ориентирована в том числе на обрабатывающую промышленность с высокой долей добавленной стоимости. Что нам мешает создать обрабатывающую промышленность экспортноориентированную? Сейчас у нас нет конкурентной продукции из-за низкой производительности труда. А почему низкая производительность труда? Не потому что российские рабочие ленивые или меньше работают по сравнению с Европой. У нас коэффициент износа основных фондов — около 50%, а в самых инновационных отраслях промышленности и, кстати, в здравоохранении — и вовсе 57%. Это катастрофа. В добывающей промышленности 33% оборудования работает с уже исчерпанным по нормативам сроком. Вот в такой парадигме мы живем.

Самая высокая зарплата, по данным Росстата, у нас не в нефтекомплексе, а в воздушном экзотическом транспорте, а самая низкая — в производстве, в пять раз ниже.

Абсолютно согласен, что нужно менять модель экономического развития, перейти со спроса на углеводородное сырье на создание продукции с высокой добавленной стоимостью, в основном обрабатывающей. Что для этого нужно? Нужен рост инвестиций, конечно, но, может быть, все-таки во вторую очередь, а в первую — производительность труда?

Чтобы решить все заявляемые задачи, нужно иметь темпы около 7% ежегодно. В сегодняшней парадигме развития экономики это невозможно. Хотя, может быть, если завтра вдруг баррель будет стоить как в 2008 году. В принципе, даже поднять до 7% — не такая сложная задача. Это нужно взять, как предлагают некоторые группы, у ЦБ кредит 3–4 трлн эмиссионных, 30–40% из него пропадет по дороге — поменяют на доллары, 50–60% дойдет до производителей, будет добавленная стоимость, и на первые полгода будут медали выдаваться. В итоге все вернется на стартовую позицию, а то и хуже.

У нас вообще сегодня происходит экономический нонсенс: у нас пять кварталов подряд растет ВВП, растет экономика. Пускай немного — 0,5%, 2,5%, 0,3%. При этом у нас 3,5 года помесечно падают реально располагаемые денежные доходы и больше года растет реальная зарплата. Как это так? В принципе, рост экономики по классическим теоретическим критериям с лагом в 2–3 месяца должен давать рост доходов населения. Значит, экономика растет за счет неэффективных проектов, за счет непроизводительных затрат и за счет избыточного накопления товарно-материальных ценностей. Вот здесь надо посмотреть эффективность экономики.

У нас — высокая квалификация трудящихся. Конечно, потерян тот уровень, который мы имели в советский период, но возможна переориентация, переподготовка. Мы совместно с Росстатом проводим обследование деловой активности в различных отраслях в различных видах деятельности и выявляем такую закономерность: чем финансово благополучнее и рентабельнее предприятие, тем меньше у него проблем с квалифицированным ресурсом. У нас просто нет возможности давать адекватную зарплату квалифицированным кадрам, а у нас достаточно квалифицированных кадров. У нас очень хорошие изобретатели, но очень слабые инноваторы. Мы создаем индивидуальную продукцию, но не можем ее довести до рынка, поэтому наши Брины, Новоселовы уезжают в Манчестер и именно там производят графены и получают за это Нобелевскую премию, хотя начинали они это делать в РАН.

Когда они попросили немного денег и дать лабораторию, им отказали. Они уехали в Манчестер, и через два

года получили Нобелевскую премию. Теперь по поводу того, что эффективные проекты создаются только на государственных структурах. Это вообще, по-моему, нонсенс. Нам нужно выращивать своих Цукербергов, своих Бринов, которые бы создавали не углеводородные компании, у которых капитализация больше, чем весь наш фондовый рынок вместе с голубыми фишками.

Во многих дискуссиях все время проходит рефреном, что во всем виноваты либералы. Давайте закончим это. Я понимаю, и Мамай виноват, и Гаврило Принцип, который убил, и началась Первая мировая, давайте их тоже обвиним. При чем тут это? Я бы также таких резких нападок на ЦБ не делал. Я согласен, что у ЦБ масса проблем, особенно со своими кредитными организациями, с которыми они не могут разобраться. Я чувствую, что этот кризис еще будет продолжаться.

В итоге, что нужно? Понятно, что нужен экономический рост. Где формируются доходы? В четырех сегментах: первый — бюджет, второй — корпоративные предприятия, третий — неформальная экономика, индивидуалы, четвертый — теневая экономика. Кстати, Минфин оценивает объем заработной платы в теневом секторе 10–12 трлн. А 10–12 трлн, если у нас общие реальные доходы — 55 трлн, это больше 20%! Но бог с ними, с этими 10–12 трлн. Люди получили деньги и пошли — поучаствовали в ВВП своим потребительским спросом, но это — также и выпадающие доходы. Если взять только НДС — 13% и какие-нибудь соцвзносы, это 3 трлн. По сумме это сочинская Олимпиада улетает вместе со своими стадионами, тоннелями, трамплинами каждый год. Как же так?

Экономический рост — это реформы, реформы, реформы, в первую очередь — институциональная структурная реформа, направленная на изменение управленческого, предпринимательского климата. Тогда мы можем сдвинуть и даже, может быть, догнать среднемировой рост (3,5%), правда, через 2–3 года, не раньше. И может быть, подойти к этим 5–7%, которые нам нужны, но это крайне тяжело.

Рост закончится скоро

*Игорь Алексеевич Николаев,
директор Института стратегического
анализа, ФБК Grant Thornton, д. э. н.*

— В этом году рост действительно есть, благодаря той накачке деньгами, которая у нас была в феврале: одни реальные зарплаты, как известно, выросли почти на 10,5%, так что в целом по году мы получим плюс. Другое дело, вероятно, в этом году все и закончится. Тот рост реальных доходов населения, о котором мы мечтали четыре года, пока они падали, начавшись в 2017–2018 годах, закончится в 2019 году, потому что мы видим, насколько неустойчивая, если так мягко выражаться, ситуация в экономике, тем более с новым витком санкционного противостояния.

И что? А вообще можно ли надеяться, что при падающей экономике может быть рост доходов населения? Теоретически и не только теоретически — да. Вспомним 2009 год: экономика — минус 7,9% по ВВП, а у нас били себя в грудь и говорили, мол, смотрите, экономика падает, а у нас зарплаты растут. Другое дело, всегда хотелось спросить: а завтра что будет? Наступило завтра, которое продолжалось четыре года, когда реальные доходы населения падали. То есть при падении экономики возможен рост реальных доходов населения, другое дело, что он быстро проходит, что жизнь и продемонстрировала: после того как исчерпали те резервы, чудес уже не происходит, когда при падающей экономике может быть рост реальных доходов населения.

Потом у нас была другая интересная ситуация, когда экономика растет, а реальные доходы населения падают. Вот это у нас с большей вероятностью возможно, как показала жизнь. Даже в 2014 году чисто статистически был рост, а падение реальных доходов населения уже началось. И в 2014, и в 2017 годах экономика росла, а реальные доходы населения снижались.

Вероятность того, что в 2018 году может закончиться тот конъюнктурный во многом рост доходов населения, велика. Банальная истина, но если нет экономического роста, то рассчитывать на рост доходов населения не приходится. И тут мы должны вести речь о мерах, которые могут приводить к экономическому росту, а это, конечно, безграничная тема, поэтому я остановлюсь только на двух сюжетах, на которые следует обратить внимание.

Если проанализировать, как у нас менялись составляющие реальных доходов населения, то в 2017 году 65% в них — зарплата, а около 20% — пенсия и социальные выплаты, и это рекордная доля. Даже в советской экономике рекорд был 16% в 1985 году. Такая динамика доходов по прошлому году во многом была предопределена тем, что еще два оставшихся источника реальных доходов — от предпринимательской деятельности и от собственности — снижались очень интенсивно.

Структура, которая сложилась: 65% — зарплаты, 20% — социальные выплаты и 15% — доходы от предпринимательской деятельности и от собственности, — должна обращать наше внимание в том смысле, что люди в гораздо большей степени сейчас стали зависимы от того, сколько им даст государство. Этот патернализм в кризисный период и приводит к такой динамике. Мы знаем, что пенсии не индексировались, как известно, и в 2016, и в 2015 году. Все это отразилось на реальных доходах населения.

Поэтому, если не можете, как говорится, накормить, дать рыбу, дайте людям удочки. Если доходы в большей степени будут зависеть от того, сколько они получают от предпринимательской деятельности, от собственности, то и динамика доходов в целом может быть другой. Пропорцию, которая складывалась, надо разворачивать.

У нас в прошлом году от забастовок было потеряно 89 человеко-дней на всю страну. Это не то что немного, это исчезающая величина. И мы видим контраст, например, с Францией, где протестуют транспортники и другие группы трудящихся. Я не говорю, что об этом надо мечтать, но это тот механизм, который используется, чтобы поддержать или поднять зарплату, и у нас он не используется вообще. Понятно почему: люди боятся, что их уволят. Но такая социальная активность сказывается и на динамике реальных доходов, которая у нас есть. Можно, конечно, ставить себе в заслугу всего лишь 89 потерянных человеко-дней от забастовок за год в целом в стране, но, с другой стороны, это говорит и том, что этот институт для отстаивания прав работников, который можно применять для цивилизованной постановки вопроса и повышения зарплаты, не используется.

Производим людей и немножко хай-тека

*Леонид Маркович Григорьев,
главный советник руководителя
Аналитического центра при Правительстве
РФ, профессор*

— О нынешней структуре экономики в двух словах: мы производим людей и немножко хай-тека. Я имею в виду, что немцы планово ввозят наших инженеров, Средний Запад — биологов и т. д. Так же как развитый мир снабжается врачами из Индии, а развивающийся (вся Латинская Америка) — с Кубы. И так далее и так далее. (Кстати, это единственная статистика миграции интеллектуалов, которая точно регистрируется, потому что врачи должны регистрироваться, получать подтверждение.) Итак, сырье и материалы — с этим все понятно, далее — война, то есть некоторые области ВПК, чуть-чуть науки и люди на экспорт. Значит, мы экспортируем нефть, потом деньги от нее, потом людей к деньгам от нее.

Мы можем делать интересные вещи, и это уже известный факт: если вы хотите уникальную вещь, вы нанимаете русского программиста, а хотите стандартную — индийского. Попытка выйти на экспорт с обычными товарами — безнадежна, потому что Китай выдавливает всех, а дальше идут Индонезия, Вьетнам и прочие — с дешевыми трудоемкими товарами. А в верхнем сегменте сидят немцы. Мы не можем конкурировать с немцами по машиностроению. Поэтому надо смотреть реалистично, где мы и что делаем.

Я был главой энергетической группы у Кудрина в ЦСР, и основное, что я пытался объяснить, что, поскольку внутренний спрос на энергию не будет расти больше 1%, а, скорее, будет по нулям из-за растущей энергоэффективности (кстати, и мировой-то спрос не может быть 4%), вы можете делать что угодно, но в энергетике 4-процентного роста не будет. Это первое.

Второе — неравенство. Для меня как для социолога не существует никакого российского народа, который покупает или не покупает товары. К 2000 году структура неравенства полностью сложилась, и она с тех пор не менялась. К 2000 году богатый квинтиль, то есть 20%, получал 45% дохода, бедный — 5%. Все потребление, все сбережения происходят в одном квинтиле — в 20%. Но вообще во всем мире не народ покупает, а только средний класс и выше. То есть тоже 20–40% во всем мире дает все сбережения населения.

Дальше. Структура доходов, как мы видим ее динамику по 2017 году: немного поднакачали зарплату минус инфляция, то есть официально зарплата вышла в плюс после кризиса, а реальные доходы прилично грохнулись. Что здесь существенно? Почему они грохнулись? Потому что индексацию пенсий остановили, а пенсионеры и не крякнули, потому что они уже сидят частично на доходах родственников, немножко приспособились.

Я хочу сказать, что падение потребления в кризис в основном касается товаров длительного пользования, которые могут себе позволить люди из богатого квинтиля. В 2010–2014 годах мы покупали почти по три миллиона новых автомобилей в год, а сейчас — полтора. За эти четыре года мы до 70% довели доступ к интернету, к компьютерам и так далее — в стране все, кто хочет, кто может работать на компьютере и в интернете, их имеют. Остальные уже — либо старые, либо сильно бедные, либо живут глубоко в селе. Таким образом, мы по целому ряду показателей обошли Испанию и даже подошли вплотную к немцам. В общем, эти верхние 20–30% населения очень прилично на фоне, скажем, Восточной Европы живут.

Зарплата в прошлом году составила около 40% доходов людей, остальное — досчеты, теневые доходы и так далее, сжались пенсии, предпринимательский доход усок, но произошло циклическое переключение: розничное потребление начало расти. И тут дело не в том, что финансируют покупки частично из кредита, что мне немедленно скажут, — это переключение стандартное. В начале кризиса, когда все падает, идет то, что называется *defense of consumption* (потребительская защита), то есть потребление падает сильнее, чем падение дохода, а в период оживления потребление всегда растет чуть быстрее роста дохода. Так вот, в 2017 году потребительское оживление идет вровень с зарплатой, несмотря на падение доходов.

Теперь об инвестициях. Нет никакого единого инвестиционного климата, и мечты ЦБ — это, конечно, иллюзии и детский сад. У нас должно быть четыре инвестиционных климата. Один — для иностранных компаний, если они когда-нибудь придут, один — для государственных, один — для больших частных, четвертый — для малого и среднего бизнеса. Реально в России примерно половина инвестиций — это 40 больших концернов, и вторая половина — у всех остальных. Когда крупные компании делают какой-то проект, они сначала хотят получить хотя бы на инфраструктуру от государства, и мы попадаем в замкнутый цикл.

Кредит. Есть большая путаница в том, как подходят к этому чиновники и народные массы. Под кредитом понимается какое-то финансирование, которое не нужно возвращать. Единственный, кто справился с проблемой невозврата, — Бразильский банк развития, который финансирует 90% всех капиталовложений на срок более 10 лет и половину — более 5 лет, но сам в руки денег не дает, а делает это через коммерческие банки, которые потом выколачивают кредиты назад. Они в лучшие годы, до девальвации, по размеру обогнали Мировой банк по кредиту.

Что касается НИОКР (научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ), во-первых, с 1 января 2019 года начинает действовать закон о наилучших действующих технологиях. Уже напечатали на эту тему массу справочников, создали офис, то есть будет требование государства по всем технологиям не опускаться ниже существующего уровня. Это нацелено на энергоэффективность, которая обычно тянет все остальное. И, в принципе, в ряде случаев, если бы мы перевели основную массу технологий на наилучшие действующие, 20–30% процентов роста мы бы имели.

В остальном по НИОКРу все понятно: 1% государственных расходов в ВВП — это то же самое, что и у корейцев, и у американцев, но у них еще есть 3–4% — от бизнеса, чего у нас нет. В 90-е годы компании перешли на покупку технологий, бурили на «Шлюмберже», в технологические компании перестали вкладывать. Теперь, когда наступили санкции, начинают что-то давать и что-то начинают изобретать. Поэтому надо сказать спасибо за санкции: все возбудились, забегали. Санкции, собственно, ввели принудительную промышленную политику.

Конечно, какого-то скачка в росте ни с того ни с сего не видать. Я немножко побаиваюсь объявленных президентом пяти миллионов домов в 2024 году, потому что, если будет там три-пять миллионов, а потом что? Завершающий год пятилетки? Вы помните, у нас какие годы пятилетки были: «начинальник», «продолжальник», «определяльник», «решальник», «завершальник». Нужен, скорее, ровный уровень длинный в строительстве и нормальные дороги. Из Великого Новгорода в Ростов проехать напрямую невозможно, вдоль Волги проехать невозможно. Можно бесконечно строить. И это в каком-то смысле промышленная политика, или инфраструктурная политика. Я полагаю, надо пережить санкции и строить экономику. Нас будут ограничивать везде, где можно, и по экспорту, и по импорту технологий. Нам нужно выстраивать политику таким образом, чтобы обеспечение нужд населения шло на базе тех технологий и тех доходов, которые у нас точно будут. А везде, где можно, прихватить еще и на прыжок.

Итог зависит от сценария

*Яков Моисеевич Миркин,
заведующий отделом международных рынков
капитала ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова, д. э.
н., профессор*

— В сырьевой области нашей страны работают 10–15 миллионов человек. Мы очень ясно видим зависимость падения и роста экономики от цен на сырье, и тот рост, который сейчас происходит, понятен, поскольку с начала 2016 года происходит постоянный рост цен на сырье: нефть, газ, металлы и отчасти продовольствие. Получается, что все остальные 138 миллионов человек торгуют, регулируют, охраняют, что-то производят, работают в АПК и так далее. Но в целом — как конгломерат населения — они торгуют.

Вопрос, как это изменить? Как изменить экономику обмена сырья на технологии, на оборудование, на ширпотреб? Кстати, по поводу удовлетворенности людей существующей ситуацией есть замечательные данные, которые хорошо коррелируют с данными о любви населения к государству. Итак, 80–85% населения хотят роста, увеличения роли государства в любой форме, защищенности и прочее. Такие вот Сцилла и Харибда: с одной стороны, сырьевая экономика, где все торгуются, с другой стороны, влюбленность в государство и определенная пассивность.

Не хотелось бы говорить о частностях, а скорее — поговорить об идеологии, потому что наше будущее — это та сумма идей, которая будет применена в том, что называется экономической и финансовой политикой.

Сценарий №1 — институциональные реформы (я был бы счастлив, если бы они начались еще 10–15 лет тому назад). У него сегодня вероятность нулевая. Мы можем еще 10–15 лет, к сожалению, ждать институциональных реформ, которые должен сделать кто-то, и говорить о них. Наша роль, макроэкономистов, при этом совершенно бессмысленна, потому что кто-то должен прийти и защитить собственность, провести административную реформу, в суды ввести независимость и так далее. Наша роль здесь — нулевая. Но и шансы на это нулевые сегодня.

Второй сценарий — уйти в осажденную крепость. Она есть — это административная экономика. Есть этот тренд — рост доли государства до 70–80%. Он легко реализуется. Мы увидим рост нормы накопления с 20–22% до 30%, увидим рост зарплат, но увидим тут же дефициты и прочие издержки. Это абсолютно реальный сценарий. Я думаю, у него есть 10–15% вероятности.

Сценарий №3 — та идеология, которая у нас присутствует с 2000 года, условно говоря. Я ее вчера для себя назвал «холодильник с коротким замыканием», потому что это — замороженная экономика, в которую встроены риски. В этой модели, какую бы мы сферу ни обсуждали — налоги, амортизацию, износ, кредиты и так далее и тому подобное, — мы увидим ту же самую крайнюю нестабильность, крайне низкие стимулы к росту, очень высокую зависимость от внешнего мира (неважно, пусть она постепенно перебазируется с Запада на Восток), и, собственно говоря, это та же самая экономика торговли основной массы населения. В ней нет устойчивого роста.

Четвертый идеологический сценарий — это попытка создать государство развития, начать развитие инфраструктуры, использовать где-то элементы либерализации, массивные государственные инвестиции. Это такая расширенная динамика, прежде всего продвигаемая государством и государственными инвестициями или государственно-частными инвестициями, прежде всего инфраструктурными. Это оживление, это рост реальных доходов, но это, в общем, не решает главной проблемы — огромного разрыва в технологиях, который растет постоянно. То есть при внешнем оживлении проблемы устойчивого роста доходов среднего класса, роста имущества, создания двухэтажной России, прекращения опустынивания и так далее эта модель не решает.

Ну и последний сценарий, с самой низкой вероятностью, — это то, о чем мы говорили в стратегии экономики роста, когда все стимулы, прежде всего экономические, подчиняются росту, модернизации, качеству и продолжительности жизни. У этого сценария очень низкая вероятность, потому что мышление элиты и тех, кто принимает решение, на это сегодня не настроено, но это, на мой взгляд, единственный выход при довольно жестком внешнем давлении, и, пока еще есть деньги от поставок сырья, единственный выход — создать вот такую животворную почву и выйти на темпы роста за счет роста активности, роста внутреннего спроса, расширения среднего класса и оптимального сочетания либерального и нелиберального начал в экономике, свободы и необходимости.

Заключение

Бодрунов: Часто говорят, что для решения этих всех задач необходимы средства, средств нет, средств мало. Моя позиция по этому поводу: у нас есть резервы. Мы всегда боимся кризиса и поэтому много закладываем в резервы, и мы себе создаем уникальную ситуацию: я сравниваю экономику с велосипедом — ты можешь ехать медленно, и будет все время велосипед вилять, поэтому надо как можно чаще ноги подставлять, то есть в кризис — каждый раз надо резервный фонд распечатывать, запечатывать. Но, может быть, все-таки эти деньги взять отсюда и направить на экономический рост, на реализацию тех предложений, которые были сделаны многими из вас, коллеги, в том числе?

Если мы разгоним немножко этот велосипед нашей экономики, у нас не будет такой потребности постоянно подставлять ноги, чтобы велосипед не упал, то есть в использовании этих самых бешеных резервов. Я уже не говорю о том, что эти все резервы сегодня находятся в зоне риска, потому что есть наши «партнеры», которые могут такую «загогулину» с утра сделать, на которую ответить будет неизвестно чем, в том числе и загогулину, связанную с нашими резервами.

REAL INCOMES OF THE POPULATION:

WHEN WILL THEY START GROWING?

Incomes have been decreasing for several years

*Sergey Dmitrievich Bodrunov,
President of the VEO of Russia, President of the
International Union of Economists, Director of the S.
Yu. Witte Institute of New Industrial Development,
Doctor of Economics, Professor*

The topic of today's Coordination Club panel discussion is very urgent and important, and perhaps, it affects the interests of the majority of people in Russia – “Real incomes: when will they start growing?” There are different opinions on this subject, a lot of different ideas and views. In the course of the recent presidential campaign, in one way or another, all the candidates spoke on this topic, especially Mr. Titov, Presidential Commissioner for Entrepreneurs' Rights, who had a lot of ideas on the subject. The document he submitted, “The Growth Strategy”, concerned, among other things, the growth of incomes of the population. Today we will hear from Yakov Moiseevich Mirkin, who participated in the work of the team that wrote Mr. Titov's program.

I will not lengthen my speech any further, I think there are prominent specialists here, who can speak on this occasion. I would like to give the floor to our first speaker.

Based on the VEO of Russia Coordination Club panel discussions at the Rossiyskaya Gazeta media center on April 9, 2018

Dmitry Evgenievich Sorokin,
*Vice President of the VEO of Russia, Chairman of the
 Research Council of the FES of Russia, Research
 Director at the Russian Federation Government's
 Financial University, Corresponding Member of the
 Russian Academy of Sciences*

Dear colleagues, a Congress of the VEO has just ended, and many of those present attended it. And let me tell those who did not that an interactive poll was conducted during the Congress: delegates came from all parts of Russia. A series of problems were presented and the question was asked: which of them do you consider to be of the highest priority for discussion? Voting consoles were distributed, people pressed the buttons, and, oddly enough, it turned out the problem of income growth came in first place by a wide margin, not the digital economy problems, not even the problem of being in third place in terms of GDP growth. Since we came up with this topic long before the Congress and the poll, it means that the VEO has been following a trend in public sentiment.

When will real incomes, or, to put it correctly, real disposable incomes of the population start to grow? The answer is as follows: according to the existing target-oriented (and I emphasize target-oriented, not just basic but target-oriented or, in other words, optimistic) forecast of the Ministry of Economic Development, which was submitted to the Government in October 2017, growth will start after 2020. In 1999, real disposable income of the population was a mere 46% of the 1991 level according to statistical data; it started to recover in 2000. The recovery was accomplished by 2005. It was after this that the real growth started.

Let me remind you that in the past all the economic successes of the USSR were measured against the peak year of 1913, not against 1917 or 1920, or 1922. First, you need to recover, and then the growth starts.

Furthermore, real incomes started to decline in 2014 and continued to decrease for four years in a row, dropping by 11% by 2013, which means they ended up below the 2010 level. According to the target-oriented forecast, this year will be the first year of recovery, although by 2020 the recovery will not even reach the 2012 level. Real growth will start at some point in time after 2020, for now it's just recovery.

At the same time, of course, there is a problem with the quality of the forecast. You might recall the October forecast predicted that by the end of 2017 real disposable income would increase by 1.3%, i.e. it was just a three-month forecast. But the actual result was negative 1.7%. We are talking about a forecast prepared by the Ministry of Economic Development. A recovery growth of 2.4% was predicted for the first months of 2018, but what we've actually had so far is negative 0.8%.

What I wish to say is that if the central institution responsible for the economic policy makes such poor predictions, we can only hope that if the reality turns out to be even worse, it will not be much worse.

Let's go back to 2013. This is what the Prime Minister wrote in the document outlining the main areas of development for 2013 and up to 2018: if we continue to grow at a rate below 3%, we won't be able to balance out the economy. These are the words that were written, and that is exactly what happened. The average annual GDP growth rate was 0.5%, which was far below the red line. And the best-case scenario of the target-oriented forecast is a mere 2.5%, again well below the red line.

Is it possible to increase the rate of growth to the required 5% to get rid of such forecasts? Many experts from the Ministry of Economy, the Ministry of Finance and the Central Bank say: "No, it's not possible. At best, it can go up to 3 and change, at the risk of stretching it too thin, as the saying goes." Others say: "No, it's possible to go up to 7%." The question is, who's right? I wanted to formulate the question a bit differently.

We know that currently growth is primarily possible through a more efficient use of resources – through better equipment, better organization, better institutions, –because extensive factors have been exhausted, as we all understand. But is it possible to use this growth factor if the population is poor? Economic theorists have long known the answer to this question. A society cannot flourish or have economic growth if the population is poor – it's a fundamental principle of economics. By the way, the Russian school of economic thought formulated this principle a century before Adam Smith. Yuri Krizhanich wrote about this a century before Adam Smith, and 60 years after Krizhanich and 40 years before Smith, Russia's first political economist Ivan Pososhkov wrote: "... Low pay doesn't allow good art to multiply." In those days, good art meant handicraft; the phrase, if translated into modern language, means: low wages don't allow innovation and technical progress to multiply. Truly, no prophet is honored in his fatherland, but our intellectuals read Adam Smith. Read him too much.

Today, according to official statistics, every eighth individual in this country is below the official poverty line. Technological modernization requires a whole new level of workers' skills; a skilled worker cannot be cheap by definition. Those who are to perform technological modernization earn wages below the national median, while the highest wages are paid in the tobacco industry and the financial and insurance sectors. One of the ABCs of economics: low wages are the enemy of technological progress.

How to solve this problem? How to find resources for income growth, without which there will be no progress, given the current rate of economic growth? This is what economic policy is all about. If those who shape economic policy say it's impossible and it's a new normality, then I am afraid we are doomed to stagnation. I suppose, that's all I wanted to say.

Trade union leader opposes low income!

*Mikhail Viktorovich Shmakov,
Chairman of the Federation of Independent Trade
Unions of Russia, Member of the Presidium of the
VEO of Russia*

I want to say that today we are reaping what we sowed by setting our goals at the beginning of the 1990s, when we went through all those so-called market reforms. Back then, it was claimed we had cheap labor, so we could draw foreign investment. Labor remains cheap, no foreign investments have been brought in, and we currently have those figures which Dmitry Yevgenievich has so vividly demonstrated. All the citizens and workers of the Russian Federation can experience the situation firsthand.

When discussing the issue of economic growth, we cannot promise we will increase the incomes of the population while doing nothing with the economy. We need to change the economic model, because the economic model (these are not just my words, they have been repeated many times) which we have been using for the last 18 years has not produced any development because of our blind adherence to the recommendations of the International Monetary Fund and the World Bank as to how the Central Bank and the Government should act.

By the way, those recommendations are contrary to the recommendations the global institutions have been giving to countries with developed economies over the last 5 years. Of course, after the 2008-2009 crisis everybody, including our country, was instructed to cut down on their public investment and maintain a sufficiently tight fiscal policy. But 5 years ago, this trend has changed, the recommendations have changed; the developed economies, such as Germany, France and some other countries, have said they need to increase public investment to raise the employment rate in order to get economic growth going. And today we can observe economic growth in those countries.

Our responsible managers from the Central Bank, the Ministry of Finance and the entire financial and economic block are still carefully following recommendations aimed at cutting public investment and government contracts, and developing institutions. Of course, economic institutions need to be developed, but today we observe the highest employment rate and the highest incomes only in those sectors which receive government investments, including the military-industrial complex and the government-backed target-oriented programs. Real incomes of the population will start to grow when the economy becomes efficient. Everyone who answers this question is bound to arrive at this natural conclusion. It's the most apparent conclusion, for it lies on the surface.

In our opinion, first of all it is necessary to change the financial policy, instead of setting inflation targets. Of course, inflation targeting is good, but, nevertheless, it slows down the entire economy, the entire industry, and all the economic activity in general. It is necessary to achieve the availability of affordable credit so that the economy could gain traction, work effectively and reproduce itself. We have always choked the economy, and it has actually stagnated. If we keep at it, we believe the stagnation will continue. Today, we can say the economy has reached a dead end, and can no longer develop, especially amidst the sanctions imposed from abroad, but that's not what we are discussing today. First of all, we need to change the financial and credit policy.

Secondly, we need public investment to target critical industries. It will entail higher employment rates and higher incomes. And a third point I would like to make is that we need to abandon the cheap labor policy, which is supported, in particular, by the growth of the number of migrant workers in our economy, which is virtually uncontrolled. Migrant workers is the main cause of low cost of labor in our economy. Solving those problems will help us create an upward trend in real incomes of the population, especially the working population.

Sergey Dmitrievich Bodrunov: Thank you very much. Many specialists from the macroeconomic block urged us to achieve low inflation, promising inflow of investments, a favorable economic situation and the growth of incomes of the population. We have already seen the official low inflation figures. Everything seems to be OK, but no-one is happy. Hence, there is no direct relationship between low inflation targets and being happy with economic development.

What I would like to say is that even in a situation when wages are rising in certain areas, including the military-industrial complex, it certainly does not change the overall picture. Moreover, no investments are being made in those industries. Why? In particular, there simply may be some technological or administrative obstacles. Who will invest in the military sector, except for specially authorized persons, when there are special accounts for the funds that the enterprises receive under military contracts? A company would fight for a contract, it would win the contract, but in using the funds it would be limited to the chain of contractors performing the military contract, nor would it be able to make direct payments to the people who are involved in the performance of the military contract.

And then the company would find itself in a ridiculous situation: its part of the contract is completed but the authorized bank would not release the funds. Why? Because the whole chain should be completed, but by the time the aircraft or the ship is built, another 2 or 3 years would pass. Then the next contract would be awarded, and the company would be told: "Why do you need an advance? You have previous funds in your special account. Use them." Is it a real investment or is it something else? In such circumstances it is impossible to ensure a normal investment process. So in addition to reaching the inflation rate of 4% or less (estimates vary) through inflation targeting, we probably need to create other conditions for breakthrough industries, which are supposed to drive innovative technological development, to ensure their normal operation.

I am not against a proper monitoring of the implementation of military contracts, but sometimes good intentions pave the road to hell, including innovative hell. I would like us to pay attention to seemingly basic issues that can have a huge impact on the overall economic environment and the entrepreneurial sentiment. Who makes investments? The entrepreneur does. He also pays wages, creates jobs, produces goods, so this part of the economy also needs some kind of improvement.

ПОДНИМУТСЯ ЛИ НАШИ ЗАРПЛАТЫ?

И ЧТО ДЛЯ ЭТОГО ДОЛЖНО СЛУЧИТЬСЯ

Нам сообщают, что в России закончилась рецессия, начался, пусть и едва заметный, рост экономики. При этом подавляющее большинство россиян этого, мягко говоря, не чувствует.

СОБЕСЕДНИКИ

Сергей Вячеславович Калашников,
первый заместитель председателя Комитета Совета
Федерации ФС РФ по экономической политике, член
Президиума ВЭО России, д. э. н., профессор

Александр Львович Сафонов,
проректор Академии труда и социальных отношений,
д. э. н., профессор

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, директор ИНИР им. С.Ю. Витте,
президент Международного союза экономистов, эксперт
РАН, д. э. н., профессор

Удушье доходов

Бодрунов: Мы часто слышим, что вот когда настанет экономический рост, то будут расти и доходы населения. В России сейчас наблюдается некоторый рост, пусть небольшой, но при этом мы наблюдаем падение реальных доходов населения. Что происходит, Сергей Вячеславович?

Калашников: Во-первых, дискуссионным остается вопрос, есть ли рост, потому что полтора процента на фоне статистического шума (а это — полтора процента) — это, конечно, не показатель. Но даже если принять за данность то, что у нас — стабильная экономика, вопрос, есть ли предпосылки к росту доходов населения, остается открытым. Открытым по одной простой причине: условием роста населения является прежде всего повышение уровня заработной платы. То, что мы сейчас имеем низкий уровень инфляции с таргетированием инфляции, прежде всего связано с тем, что задавлена реальная покупательная способность населения, а задавлена опять-таки из-за низких доходов. И политика Центробанка не направлена на то, чтобы заработные платы росли. Во-вторых, что очень важно, как мы отвечаем на вопрос, какова должна быть доля заработной платы в конечной цене продукции? Все знают, что живой труд, например, в развитых странах, странах ОЭСР — это самая дорогостоящая составляющая производства...

Бодрунов: Да, как только хотят снизить затраты, снижают заработную плату.

Калашиников: Это не относится к России. Если в странах ОЭСР средняя доля заработной платы в конечной цене продукции — порядка 70%, действительно, самая дорогая составляющая, то у нас, например, в базовых отраслях промышленности — это 7–11, а средняя вообще по промышленности — где-то 11–14% от конечной цены продукции в заработной плате. То есть, грубо можно сказать так, что уровень эксплуатации при низкой зарплате у нас в несколько раз выше, чем на Западе. Правда, народ в лучших традициях Советского Союза отвечает на это тем, что, как вы нам платите, так мы вам и работаем. Поэтому все призывы повысить производительность труда, а это — корень нашей конкурентоспособности, бессмысленны в такой ситуации.

Сафонов: Я бы остановился все-таки на более конкретном анализе тех факторов, которые влияют на снижение реальных доходов населения. Это то, что действительно можно пощупать без всякого информационного шума. Давайте посмотрим, что произошло за тот период времени, когда мы ощущаем это падение, — на протяжении 4,5 лет. Мы видим, что, во-первых, есть разные источники доходов семьи — это, безусловно, заработная плата, это социальные поступления...

Бодрунов: Заработная плата составляет примерно 60% доходов населения по стране.

Сафонов: Да-да. Дальше это пенсия, это, естественно, доходы от собственности и от бизнеса. То есть четыре таких крупных источника дохода. И все они, к сожалению, показывают неблагоприятную тенденцию своего развития. То есть падение реальных доходов в связи с изменением курса рубля, подорожанием товаров (особенно это было очень жестко продемонстрировано в 2014 году) привели к тому, что покупательная способность заработной платы сократилась практически в два раза. В этот же период времени из-за недостатка средств субъекты Российской Федерации подрезали все социальные программы. Можно в этом убедиться, анализируя законодательство, что предоставлялось разным категориям граждан в виде социальных пособий, натуральных льгот до 2014 года и что сейчас. Та же самая проблема с пенсией. Тут же включились механизмы экономии расходов пенсионного обеспечения, прекратили индексацию пенсий работающим пенсионерам, потом заменили годовую индексацию одномоментной...

Игра в свои ворота

Бодрунов: Извините, это похоже на некую такую игру известную...

Сафонов: Игру, да! Кстати, сейчас статистика и показывает, что, если в 2017 году за счет этой единоразовой выплаты 5 тысяч рублей резко возросла в процентном отношении пенсия, то сейчас реальные доходы упали именно потому, что текущая индексация по отношению к базе на 7% дает отрицательный рост. Отрицательную доходность дают уже многие финансовые инструменты, которые пользуются населением. Мы видим, что Центральный банк, Сергей Вячеславович об этом сказал, в рамках своей политики таргетирования инфляции, он и здесь подкрутил краники. Если раньше по вкладам можно было получать населению 10–12%, то сейчас, особенно в государственных банках, это не больше 5%. Текущий уровень инфляции, а для населения в первую очередь важен не общий показатель по инфляции, а именно потребительская инфляция, выше тех показателей, которые дает нам Росстат. Соответственно, реальные доходы падают.

Мы видели, что довольно долго индексировали заработные платы, например, чиновников. И самое интересное — это проблема индексации и повышения заработной платы бюджетников. У нас этот сектор очень большой с точки зрения занятости населения — практически треть работающих граждан. Президент вынужден был констатировать факт, что на 100% не удалось выполнить его указ, многие регионы вместо того, чтобы реально изыскивать средства на повышение заработной платы, увлеклись статистическими отчетами. Это проявляется в том, что, например, человек переводится с полной ставки на ставку 0,5 с сохранением той заработной платы, которую он получал. А в статистическом учете это пересчитывается на полную ставку. Таким простым способом увеличивается заработная плата на бумаге и повышает общую отчетность. Ну и, естественно, никуда от этого не денешься, в последнее время экономические параметры развития нашей страны резко ухудшились. Мы видим ситуацию, к которой иногда хочется применить слово «конвульсии», например, в строительной отрасли, когда десятки тысяч малых предприятий разорились, потому что потребительского спроса нет. Ну, и это потянуло за собой другую цепочку...

Бодрунов: Снижение спроса...

Сафонов: Да, люди не покупают многие вещи...

Бодрунов: Анализ, который вы дали, действительно показывает уровень этой проблемы — снижения реальных доходов населения.

Калашников: Уровень жизни падает из-за того, что дорожает прежде всего потребительская корзина...

Бодрунов: Да, у нас инфляция странно считается, средняя по больнице, а для населения инфляция повыше...

Калашников: У нас продукты питания, лекарства где-то на 60–70% — импортные. Дорожает доллар по отношению к рублю, естественно, дорожает все. А зарплаты остаются на том же уровне. В связи с этим я хотел бы обратить внимание на следующее: недавно был очередной скачок доллара по отношению к рублю. Это означает, что все наши экспортеры, будь то металл, алюминий, нефть, газ, стали получать больше...

Бодрунов: Доход в рублях, конечно, выше.

Калашников: Возникает вопрос, увеличили ли они своим сотрудникам заработную плату?

Сафонов: Нет, конечно.

Бодрунов: Безусловно, нет.

Калашников: А это логично было бы. Вот и получается, что работники живут в нищете, а богатые богатеют.

Бодрунов: На самом деле с этих возросших доходов больше налогов, а раз больше налогов, значит, больше пополняется потом и бюджетный сектор.

Сафонов: Если бы было так, то это было бы, может быть, и правильно. Но у нас налоговая система так не работает. Я, продолжая очень мудрую мысль Сергея Вячеславовича, хотел бы обратить внимание на структуру фонда оплаты труда. Если взять за 100% весь фонд оплаты труда, то распределение приблизительно такое: 80% денег получают 48% сотрудников, а 20% — остальные 52%. Это еще и проблема распределения заработной платы — у нас просто фантастическая дифференциация, которая не объяснима ни с точки зрения квалификации людей, ни с точки зрения даже экономической целесообразности.

Вернемся ко всемирно критикуемой либеральной экономической мысли Маркса, который очень мудрую мысль в свое время выразил о том, что производство предметов роскоши не развивает экономику. Когда существуют такие диспропорции распределения доходов,

получается, что экономика нормальная, которая двигает вперед экономический рост, в том числе заработная плата большинства населения, основные доходы населения, стопорится именно из-за такого непропорционального распределения, так как большинство денег уходит в предметы роскоши. Причем многие эти вещи покупаются исключительно за рубежом.

Бодрунов: Это очень важно, потому что даже те доходы, которые каким-то образом часть населения аккумулирует, тратятся на неизвестно что за рубежом. То есть деньги эти утекают.

Калашников: Они хранятся в тех же долларах. Я недавно узнал цифру, что на руках у населения — около 800 миллиардов долларов. Я не очень верю в эту цифру, но она прозвучала, в частности, в докладе Торгово-промышленной палаты.

Сафонов: Сергей Вячеславович, я к вашему скепсису присоединюсь. Это, наверное, желаемое за действительное выдается. Мне попался очень интересный анализ одного из представителей Центрального банка. Анализировалась ситуация с распределением вкладов. Я страшную для себя цифру увидел: на самом деле только 450 тысяч человек у нас имеет депозитные вклады, а все остальное, что Центральный банк относит к счетам населения и деньгам в банках, — это транзакции, то есть карточки. Пришли деньги зарплатные — ушли.

Бодрунов: Если начать эту тему разбирать вглубь, я думаю, можно найти корни очень многих проблем.

Сафонов: Конечно.

Бодрунов: И только так можно выискать какое-то решение этих проблем.

Фокусы с зарплатой

Бодрунов: Коллеги, как вы думаете, если будет предоставлена точечная поддержка ключевым отраслям, будет рост и доходов, в том числе трудящихся в этой самой отрасли? Без изменения взаимоотношений внутри распределения доходов будет ли результат какой-нибудь?

Калашников: Я оттолкнулся от выступления Михаила Викторовича Шмакова. Он говорит, нужно менять систему. Очень хороший лозунг, только он не конкретизирован. Но можно его и конкретизировать. Он говорит, нужно повышать доходы трудящихся. Ну а у кого, как не у профсоюзов, это должно быть главной задачей. А тогда возникает вопрос...

Бодрунов: Об этой своей задаче он тоже сказал.

Калашников: Одно дело — сказать, другое — делать. Всю вторую половину XIX века до 90-х годов XX века, да и сейчас, все тредюнионы и профсоюзы боролись над тем, чтобы надтарифная часть — то, что выше гарантированного оклада, была не более 30% от тарифной части. То есть человек должен иметь гарантированный заработок и стимулирующие надбавки типа премии и прочего, которые не могут быть более 30%. У нас сейчас во всей системе — и в государственной, и в частной — надтарифная часть в 2–3 раза выше тарифной части. То есть тебе гарантирован оклад 8 тысяч рублей, а в реальности твоя зарплата — 30–35 тысяч рублей.

Бодрунов: Почему так происходит?

Калашников: Начнем с того, что профсоюзы не борются за то, за что весь XIX век профсоюзы боролись. Это первое. Второе — это выгодно предпринимателю и любому руководителю...

Бодрунов: Да, потому что так проще...

Калашников: Когда у руководителя надтарифная часть в руках, а тарифная — маленькая, то работник попадает в феодальную зависимость, в личную зависимость. Хочу — дам, хочу — не дам.

Бодрунов: Во всех крупных, развитых странах существует норма: за час — столько-то долларов. Не меньше.

Калашников: Да. Почасовая оплата труда — это еще один рецепт.

Сафонов: Я расскажу о конкретной ситуации. В 2010 году случилось несчастье на шахте Распадской, погибли люди. Когда анализировали, почему не сработала система защиты работников в результате выброса метана, оказалось, что все было в порядке в этом смысле, сработал пресловутый человеческий фактор. По сути, датчики мешали людям обеспечивать себя.

Бодрунов: Да, известная была история...

Сафонов: Я в этой комиссии принимал участие. Приехали, и я пошел разбираться как раз с системой заработной платы. Выяснили следующее обстоятельство: соотношение заработной платы тарифной и надтарифной было 30 к 70. Когда я стал беседовать с коллегами, в том числе экономистами, оказалось, что 30% постоянной заработной платы удобно работодателю по двум причинам. Первое — это, конечно, снижение базовых обязательств, а второе — это покрытие неумения управлять. То есть за счет надтарифной части они повышали выработку сверхплановых возможностей шахты за очень короткий период времени. И получалось так, что, не умея работать с поставщиками, не раскладывая плановым обра-

зом поставку этого угля, не работая с кредитами, с затратами, они по принципу работы по валу за два месяца покрывали все свои издержки. А вот заработная плата в 30%, которая выплачивалась весь остальной период времени, давала им возможность жить. И как раз тогда было принято решение об изменении отраслевого соглашения по угольной отрасли, сейчас в угольной отрасли такой ситуации нет, там соотношение — 70 к 30, то есть тарифная часть — 70%. И, кстати, никто не разорился, несмотря на то что кричали, что все мы умрем, ничего подобного.

Бодрунов: Повысилась эффективность управления, собственно говоря, и все. Заставила жизнь.

Сафонов: Кстати, самое интересное, что они стали переходить на безопасные, более эффективные производительные виды деятельности, в том числе на добычу угля открытым способом. И, собственно говоря, сюда и шагнул технологический процесс.

Бодрунов: Получается, одним регулятивным элементом можно изменить состояние отрасли.

Сафонов: И я помню эти дискуссии, Сергей Вячеславович тоже их помнит, по поводу повышения МРОТа. Всегда работодатели выдвигали главную идею: если мы сейчас повысим МРОТ, мы все выйдем. Но когда мы приняли это решение — помните, с 2004 по 2007 год колоссальное было движение вверх МРОТа, он увеличился почти в четыре раза, с 800 рублей до 4,5 тысячи рублей, — никакого кризиса не произошло. Но это заставило перераспределять эту неэффективно распределяемую заработную плату от высокооплачиваемых людей в сторону тех, кто реально создает добавочный продукт.

Бодрунов: Абсолютно верно, потому что стало понятно предпринимателю, что без этого Васи можно и обойтись, а вот без этого Ивана ничего не сделать, поэтому надо его удержать, дать ему деньги...

Калашников: Я хотел бы адресовать небольшую реплику в сторону предпринимателей. Я понимаю, что предприниматель направлен на получение максимально возможной прибыли, для этого он и организовался. Но все абсолютно предприниматели жалуются на то, что нет хороших кадров, на всех уровнях. При этом платить хорошим кадрам хорошую зарплату никто не хочет. Вот это парадокс.

Сафонов: Мы всегда сталкивались с такой проблемой, связанной с тем, что в России кривые Филлипса* не отражают взаимоотношение уровня инфляции и уровня безработицы. Когда в 90-х годах мы, работая в Министерстве труда, столкнулись с этой проблемой, мы не могли понять,

* Кривая Филлипса — изображение гипотетической обратной зависимости между уровнем инфляции и уровнем безработицы, предложенное в 1958 году английским экономистом Уильямом Филлипсом.

в чем причина. А потом пофакторный анализ показал, что мы изобрели свою национальную стратегию ответа на кризисную ситуацию не повышением производительности труда, не снижением издержек, а снижением заработной платы. А это, собственно говоря, некая конвульсия и консервация всех тех негативных процессов, которые существуют.

Бодрунов: Хотя временный эффект есть вроде бы.

Сафонов: Меня все время это удивляло, так как статистика зарубежная показывает, что заработная плата в условиях кризиса не снижается. Соотношение окладов и премий не пересматривается.

Калашиников: Мы много говорим о человеческом факторе, но на самом деле его недооцениваем. Дело в том, что, когда мы говорим о качестве рабочей силы, включающем и мотивацию к труду, обнаруживается целый ряд национальных барьеров, на которые мы закрываем глаза. В России никогда хорошо не жили. И поэтому люди довольствуются малым...

Бодрунов: Есть такое, да.

Калашиников: Вот это дауншифтерство, стремление не напрягаться, а по минимуму получать и по минимуму работать, оно у нас присутствует.

Сафонов: Сергей Вячеславович, Вы определили основу природы такого отношения: как ни работай, все равно ничего лучшего не получишь. Это природа рабовладельческого общества, вспомните, и затем феодального общества.

Бодрунов: Собственно, мы не так далеко еще от него ушли в историческом плане.

Сафонов: Чем больше крестьянин работает, тем больше есть оснований у него забрать. И эффект какой? Зачем я тогда буду напрягаться — последнее-то точно не отнимут.

Бодрунов: Коллеги, я хотел бы сказать, что у нас это вечная тема, мы обсуждаем ее довольно часто, потому что сегодня реальные доходы населения — это основная, я думаю, базовая и главная задача той модели, которую мы должны сформировать. Согласны?

Сафонов: Обязательно.

Калашиников: Ваши бы слова, да Набиуллиной в уши.

РАЗВИТИЕ ТЕМЫ

Неизлечимые болезни капитала

«Мы празднуем 200-летие со дня рождения Маркса, жизнь и труды которого послужили вдохновением для целых поколений политических активистов и ученых. Для меня сейчас важнее всего, пожалуй, попытаться разобраться в том, что же не так с современным капитализмом»

«Капитал» — весьма кстати

Думаю, что во многом тот анализ капитализма, который представил Маркс в середине XIX века, еще более актуален в наши дни, потому что в то время промышленный капитализм существовал лишь на очень небольшой территории с развитой экономикой — в Западной Европе, в Британии, на Восточном побережье Соединенных Штатов. Теперь он приобрел глобальный характер, но при этом, по-моему, столкнулся с глобальными проблемами. Спрашивается, откуда почерпнуть знания, которые помогут нам понять эти проблемы.

Думаю, что для начала «Капитал» Маркса придется нам весьма кстати — ведь в нем вскрыты многие из противоречий, присущие динамике капитализма. Эта книга очень полезна, если читать ее внимательно, понимая все ее ограничения и допущения. Она поможет вам действительно разобраться в том, что же с нами происходит. Очень рад, что именно сейчас есть возможность применить содержащиеся в «Капитале» знания в рамках нынешней экономической конъюнктуры и вслед за этим предложить людям начать поиск путей выхода из сложившейся капиталистической системы.

Назад, в XXI век

Сам я — антикапиталист. Не потому, что у меня что-то не в порядке с ДНК, и не потому, что так учила меня бабушка... На самом деле я начал читать Маркса лишь в 35-летнем возрасте. Я начал читать его, потому что другие книги по обществу мне не объясняли мне ситуацию конца 1960-х годов. Я взял Маркса и сказал себе, что, может быть, там что-то есть. Почитав немного, я воскликнул: «Вот это да, здесь именно то, что я хотел узнать!» С тех пор это чтение стало еще более актуальным — ведь в конце 1960-х в том месте, где я жил, было социальное государство, роль государства была очень велика.

В Британии, например, командные высоты экономики были национализированы и находились под контролем у государства. Так что сложно было совместить реальность с тем, что написано в первом томе «Капитала». Но вот прошло 20 лет жизни при неолиберализме, и уже к концу 1990-х вы открывали газету, затем открывали главу Маркса о рабочем дне и поражались их идентичности:

ДЭВИД ХАРВИ

(Род. 31 октября 1935 г. в Медуэе, Великобритания.) Член Британской академии, профессор антропологии и географии аспирантуры (graduate center) Городского университета Нью-Йорка. Один из крупнейших географов современности, марксист, обладатель (1995 г.) премии Вотрена Люда, которую называют Нобелевской премией географов. В 2007 году The Times включил его в список из 18 самых цитируемых интеллектуалов всех времен в области гуманитарных и общественных наук.

КНИГИ:

«Научное объяснение в географии: Общая методология науки и методология географии», 1974

«Краткая история неолиберализма», 2007

«Неолиберализм и реставрация классовой власти», 2009

«Крах мировой капиталистической системы неизбежен», 2009

«Действительно ли это конец неолиберализма?», 2009

«Судный день для партии Уолл-стрит», 2011

вот тебе на, мы вернулись в капитализм XIX века! Но при этом мы могли наблюдать за условиями труда в Индонезии, Мексике, Китае и других странах...

Иными словами, мы имели возможность наблюдать не только за фабриками Манчестера, но и за фабриками всего мира и воочию видеть все ужасы неолиберального консенсуса, который сложился в 1990-х и стал доминировать в системе глобального капитализма, что привело к ужасающим последствиям для всего остального мира. Второе, что нужно отметить, это то, что в данном случае мы имеем дело не просто с кризисом труда, а с кризисом общих условий жизни.

Что касается самого существования кризисов — возьмем, к примеру, гигантский кризис, обрушившийся на Восточную и Юго-Восточную Азию в 1997–1998 годах, а затем распространившийся на Россию и за ней на Латинскую Америку, — то внезапно обнаруживаешь, что кризисы-то не разрешаются, а просто перемещаются из одной части света в другую. И вот происходит большой кризис 2007–2008 годов (для США он большой, потому что произошел в США, все остальные кризисы для них маленькие). Думаю, что именно с 2007–2008 годов люди стали задаваться серьезными вопросами о том, что же происходит с этой неолиберальной формой капитализма?

Неолиберализм на страже неравенства

Если ознакомиться с рассказами людей о росте социального неравенства (он прекрасно задокументирован на протяжении последних 30 лет, например, в данных Пикетти), то можно убедиться, что неравенство выросло необычайно. И все говорят: странно, как это могло случиться? Здесь что-то не так. Но если встать на позиции неолиберализма (что я и сделал с самого начала), то это всего лишь «проект» имущих классов по возврату себе богатства и власти. Ведь социальное неравенство все росло, и росло потому, что мы все ближе и ближе подходили к рыночной экономике.

Один из тезисов Маркса, который он очень хорошо проработал в первом томе «Капитала», гласит, что чем ближе мы к рыночной экономике, тем богатые становятся богаче, а бедные — беднее. Поэтому, по определению, конкурентная рыночная экономика порождает все более и более высокие уровни социального неравенства. Так что неудивительно, что в 1970-х годах имущие классы (испытывавшие в то время определенные затруднения) пришли к выводу, что нужно перейти на рыночную экономику, — и тут же стали богатеть. Этот опыт они получили и никогда от него не откажутся, если им не поставить преграду. Поэтому, я считаю, что нам сейчас необходимо антикапиталистическое движение. В противном случае придет глобальная олигархия и на этом все закончится. Нам будет сверху диктовать все.

Почему надо быть антикапиталистом

Я заявляю, что я антикапиталист в том числе и потому, что так учит Маркс, но Маркс еще и объясняет, почему нужно быть антикапиталистом. Для меня это послание очень важно: нам необходимо антикапиталистическое движение для ответа на вопрос, как выбраться из нынешнего болота, из ситуации, когда богатые богатеют, а бедные — беднеют. Замечу, что со времен кризиса 2007–2008 гг. 1% богатейших людей увеличил свое богатство примерно на 14–15%, а все остальные либо потеряли деньги, либо остались с чем были. И это — классический результат процесса, описанного Марксом в первом томе «Капитала». Разумеется, Маркс описывал и другие процессы в третьем томе «Капитала» — финансовые спекуляции и то, как капиталистам стало гораздо легче зарабатывать деньги на таких спекуляциях, чем связываться с реальным производством. Именно это мы зачастую и наблюдаем на протяжении последних 30–40 лет. Так что третий том «Капитала» во многом помогает мне понять, как и почему финансовые спекуляции оттесняют капитал.

Маркс ведь изобрел прекрасную категорию — «фиктивный капитал». Капитал порождает фиктивный капитал, капиталист богатеет, просто вводя в обращение этот фиктивный капитал, равным счетом ничего не делая и не создавая. Вот что происходит, если спустить с поводка эту во многих отношениях безумную капиталистическую систему. Все признаки безумия налицо: мой любимый пример — Нью-Йорк. Мы имеем кризис доступного жилья. И мы строим огромное количество жилья для сверхбогатых. Ведь сверхбогатым хочется там жить. Российские олигархи, саудовские шейхи — все хотят иметь пентхаусы на Парк-авеню, чтобы раз в году приезжать туда пожить на недельку-другую. Получается, что мы строим города не для жителей, а для инвесторов. У нас 60 000 бездомных в Нью-Йорке. Треть детей Нью-Йорка практически бездомные. На улицах их не видно, они ночуют на кушетках у друзей или знакомых. Безумно и преступно тратить все богатство на строительство домов для сверхбогатых. То есть капитализм не только аморален, но и безумен. Вот и еще одна причина, по которой я как находящийся в здравом уме человек, да и все другие находящиеся в здравом уме люди, должны быть антикапиталистами.

Грабительское накопление

При изучении процессов накопления у меня возникла мысль, что, хотя многие из них являются прямым продолжением процессов первоначального накопления, целый ряд их все же относится к процессам иного рода, которые тем не менее ведут к обогащению крупных капиталистов. Например, в 1992 г. Джордж Сорос сделал ставку на ослабление британского фунта по отношению к дойчмарке. Британское правительство заявило, что будет под-

держивать фунт в рамках определенного коридора, но Сорос решил, что фунт удержать в коридоре не удастся, если объем спекуляций будет достаточно велик. Он поступил так: занял фунты и купил на них дойчмарки по курсу. Из-за создавшегося давления фунт пришлось девальвировать. Тогда Сорос обменял все дойчмарки обратно на фунты, вернул заемные средства и оставил себе курсовую разницу, возникшую из-за девальвации. За семь дней он заработал миллиард долларов. Чей это был миллиард? Уверен, что британских налогоплательщиков. Фактически Сорос ограбил британских налогоплательщиков, украв у них миллиард долларов за семь дней.

Подобные операции совершались повсеместно. Взять, к примеру, кризис 1997 г. в Юго-Восточной Азии. Совершенно работоспособные фирмы были вынуждены объявить себя банкротами, поскольку внезапно лишились кредитов. Так как они не могли продать кредиты, им пришлось распродавать свои активы. Они и распродали их по крайне низким ценам. Тут пришли банки, все это скупили, выдали кредиты и вновь все эти фирмы продали, заработав на этом миллиарды за счет всех жителей Восточной и Юго-Восточной Азии. То же дважды проделали и в Мексике. А ведь это — разновидность ограбления, которому придается законный вид с помощью финансовой системы.

Поэтому я и решил, что не стоит называть это первоначальным накоплением. Ведь это же современная разновидность ограбления. Я предпочитаю называть ее накоплением путем отъема собственности, потому что в данном случае происходит обогащение за счет отъема собственности у людей.

Вот другой пример: авиакомпания сталкивается с экономическими трудностями, объявляет себя банкротом, а на суде говорит: мы вернемся на рынок, нет вопросов, нам бы только избавиться от всех наших пенсионных обязательств, обязательств по медицинскому страхованию. Работники, которые надеялись, что у них будет пенсия, внезапно узнают, что пенсий у них не будет — так и происходит отъем собственности. Ведь это их право, это обязательство, и компания его не исполнила.

А посмотрите, что произошло в Греции. Там у правительства с самого начала был выбор: либо не платить по долгам, но тогда будет плохо немецким и французским банкам, либо не исполнять своих обязательств перед собственным народом. И оно решило не исполнять обязательств перед собственным народом. Банкам хорошо, Европе хорошо, только греческий народ пострадал и продолжает страдать по сей день от этого жуткого процесса. Вот и хочется это назвать накоплением путем отъема собственности.

Интересная особенность современного капитализма заключается в том, что мы все чаще наблюдаем, что процесс накопления протекает на фоне подобных эпизодов, а не традиционным путем, когда что-то производится и из труда извлекается прибавочная стоимость. В той мере, в какой стало труднее найти способы извлечения прибавочной стоимости из труда, переходят на эту разновидность накопления, которая по сути равнозначна ограблению, хищению, отмыванию денег и тому подобным преступным действиям. Все это характерно для современного капитализма.

Incurable diseases of capital

This is an occasion for the celebration of the 200th anniversary of Marx's birth. Marx was an inspirational figure partly by the manner of his life and of course his writings. They've inspired generations of activists and scholars and all the rest of it. But I think that for me perhaps one of the most important things right now is to try to get a really good grasp of what is wrong with contemporary capitalism.

Start With The Capital

I think that in many respects the analysis he wrote way back then, in the middle of the 19th century, is more relevant today than it was then. Because back when Marx was writing industrial capitalism was only in a very developed and very small part of the world, Western Europe, Britain, Eastern Seaboard of the United States, but now it's global, and globally is in a lot of trouble, in my view, and the question is: where is a body of knowledge that helps us understand the trouble.

DAVID HARVEY

(born 31 October 1935 in Medway, United Kingdom) One of the most prominent contemporary geographers, a Marxist, a recipient of the Vautrin Lud International Prize (dubbed the Nobel Prize in Geography). In 2007, The Times included him in the list of most cited authors of books in the humanities.

BIBLIOGRAPHY:

Explanation in Geography: General Methodology and Methodology In Geography, 1974

A Brief History of Neoliberalism, 2007

Neoliberalism and the Restoration of Class Power, 2009

The Collapse of The World Capitalist System Is Inevitable, 2009

Is This Really the End of Neoliberalism? 2009

The Urban Experience, 2009

The Party of Wall Street Meets Its Nemesis, 2011

And I think that Marx's Capital is a very very good place to start because it shows us a lot of the contradictions which exist within the capitalist dynamic. It does a fantastic job when you read it carefully and with a certain understanding of its limitations and its assumptions, it helps you really understand what is going on right now. And I'm very very excited at this particular moment to try to bring a knowledge of Capital to bear on a current conjuncture economically and then suggest to people that we really have to find a way out of this capitalist system. I'm an anti-capitalist. I'm not an anti-capitalist because my DNA is weird or because my grandmother taught me to be so the family... Actually, I only started reading Marx when I was 35 years old and I really started reading it because most of the social science I was reading was not making sense of the situation at the end of the 1960s, so I just picked up Marx and said, maybe I'll find something in here. And after a bit I'm saying, oh my god, this is fantastic, just tells me exactly what I want to know. And since then it's become even more relevant because back in the 1960s in the part of the world I was living in there was a welfare state, there was a lot of state intervention, in Britain, for example, the commanding heights of the economy were nationalized and in state control. So it was hard to make Volume 1 of Capital fit with what was going on.

Back to the 19th Century

By the time we went through twenty years of neoliberalism, by the time we got to the mid-1990s you would pick up a newspaper and read it and then you would read Marx's chapter on the working day — and it was identical, and you would say: oh my god, we are going back to 19th century capitalism. But it was 19th century capitalism where now we were looking at labor conditions in Indonesia, Mexico, China and the like... in other words, instead of looking just at the factories in Manchester, we were just looking at factories all over the world and

seeing this kind of terrifying stuff going on, of the neoliberal consensus which emerged in the 1990s and which started to dominate global capitalism in ways which had horrendous consequences for the rest of the world. I suppose, the second thing about it is that it is not only the crisis of work but just a crisis of general living. And the existence of crises, for example in 1997-1998, that huge crisis that hit East Asia and Southeast Asia and then spread to Russia and then spread to Latin America. So you suddenly realize that crises were not being resolved, they were simply being moved around from one part of the world to another. Then occurs the big one of 2007-2008, which for the United States was a big one because it occurred in the United States. All the other crises were little ones as far as the United States was concerned. But in 2007-2008 I think people started really to ask some very serious questions about what's going on with this neoliberal form of capitalism?

Neoliberalism is on Guard of Inequality

When you look at simple anecdotes, for example the growth of social inequality, which has been well documented over the last 30 years in, for example, Piketty's data. Social inequality has increased immensely. And everybody says, this is strange, why did this happen? It must be an accident or there must be something that's odd. But if you take the view of neoliberalism, as I did from the very beginning, this was a class project to restore wealth and power, and actually the social inequalities got greater and greater and greater because we got more and more... closer to free market economy because one of the theses that Marx really developed very well in Volume 1 of Capital is that the closer you get to free market economy, the richer will the rich get and the poorer will the poor get. And therefore, by definition, a competitive capitalist economy is going to produce greater and greater levels of social inequality so, hardly surprisingly, what the affluent classes of the 1970s that were in difficulty at that time found was switch to a market economy and they found themselves getting richer and richer and they know that experience now so there's no way they are going to switch away from it unless something absolutely stops them.

That's why I think we have to have an anti-capitalist move right now because otherwise it's all going to end up with a global oligarchy and that's going to be it. They will tell us everything that... to do. So that's why I'm kind of saying right now I'm an anti-capitalist in part because of what Marx teaches, but Marx also teaches us why we should be anti-capitalist and that to me is a very important message and we should have a global anti-capitalist movement addressing the question: how do we get out of this mess ... the rich getting richer and the poor getting poorer. And I would note that since the crisis of 2007-2008 in the United States the top 1% has increased its wealth by something like 14-15% while everybody else has either lost or remained static. And this is a classic kind of result of the process that Marx described very well in Volume 1 of Capital.

Of course Marx described other processes in Volume 3 of Capital which were about financial speculation and how actually it became much easier for the capitalist to make money through financial speculation than to bother with production. And so what you are seeing is a great deal of that going on over the last 30 or 40 years as well, so again I take a lot of inspiration from Volume 3 of Capital in terms of looking at why and how financial speculation pushes capital to one side, and Marx comes up with these categories, they are wonderful categories, called fictitious capital, fictitious capital. Capital actually makes fictitious capital, and they get wealthy and rich by circularizing fictitious capital without actually making anything or doing anything. But that's what happens when you actually let a crazy capitalist system, which is insane in many ways, loose upon the land. And I think that just looking around at the signs of insanity, for example my favorite one is New York City: we have a crisis of affordable housing. We are building massive amounts of housing for the ultra-rich. The ultra-rich, they want to live there. The Russian oligarchs, the Saudi princes — all want to have penthouses on Park Avenue, come live there maybe a couple weeks a year or something like that. So we are building cities for people to invest in, not cities for people to live in. We have 60,000 homeless people in New York City. A third of the children in New York City are technically homeless. We don't see them on the street, they are sleeping on couches in friends' houses or something of that kind. This is criminally insane when there's all that wealth which is going into building these ultra-rich buildings for the ultra-rich. I mean, not only capitalism is immoral, it's also insane. And that's the other reason that me as a relatively sane person and I think any sane person right now has to be anti-capitalist.

Accumulation as a Form of Robbery

It occurred to me that when you start to look at some of the processes whereby accumulation was occurring, they are continuations, many of them, of multiple primitive accumulation, but then there's a whole set of other accumulations going on which really are not of that sort but from which big capitalists are benefitting, for example, George Soros bet against the value of the British pound against the Deutsche mark in 1992. And the British declared they were going to keep their currency in a certain band but Soros decided that it wouldn't stay there if he speculated enough. So basically what he did was he borrowed pounds and bought Deutsche marks at the rate and after it had put so much pressure on the pound they had to devalue the pound he then sold all Deutsche marks back into pounds and paid off his debt that he borrowed and then took the difference from the devaluation. And he made a billion dollars in seven days. Now, whose billion dollars was that? I'm sure it was British taxpayers'. And so actually he robbed British taxpayers of one billion dollars in seven days. Now, operations like that were going on all over the place.

And you'll see in 1997 Southeast Asian crisis. Perfectly good firms were forced into bankruptcy because suddenly their credit was cut off. And since they couldn't roll over their credit they had nothing to do so

they had to sell out. And they sold out at a very low price, all the banks came in, bought them up and then released the credit and then they went back and sold them off again and made billions at the expense of everybody in East and Southeast Asia. They have done the same to Mexico twice.

And so this is a form of robbery that's going on, which is being orchestrated legally through the financial system. And this is why I decided it is not really good to call it primitive or original accumulation. This is a contemporary form of robbery. That's why I prefer to call it accumulation by dispossession because they are simply dispossessing people and they are getting wealth by this act of dispossession.

Other things, for example, an airline would get into economic difficulty, it would declare bankruptcy and in the course of the bankruptcy they would say to the judge: look, we could go back and be a good airline if we could get rid of all of our pension obligations, all of our health care obligations. So all of the employees who thought they would have a pension suddenly find they've lost their pension. And this is a dispossession. I mean, it's a right, it was an obligation, and it has been reneged upon.

And then you see something like what happened in Greece. In a way, the government there initially had the choice: it either reneged on the debt in which case the French and German banks would have been in difficulty or it reneged on its obligations to its own people. And it decided to renege on the obligations to its own people and the banks got away fine and Europe got away fine and the people in Greece suffered and continue to suffer to this day from this appalling kind of process. Now this is what I want to call accumulation by dispossession. And I think what is interesting about contemporary capitalism is more and more what we're seeing is that accumulation processes through episodes of that sort rather than in the traditional way going out and making something and extracting surplus value from labor so that to a degree that it's become harder to find ways to develop... extract the value from labor and labor power you actually switched to this other form of accumulation which is just basically robbery and thievery, money laundering, you name it, criminality of all kinds. I think there's a lot of that which is the case of contemporary capitalism.

ЧТО ПРОИСХОДИТ С КАПИТАЛИЗМОМ?

«СЕЙЧАС МЫ ВЕРНУЛИСЬ В РАННИЙ КАПИТАЛИЗМ И НАХОДИМСЯ НА ПУТИ К ФЕОДАЛИЗМУ»

Профессор Владимир Бузгалин побеседовал с выдающимися экономистами, представляющими альтернативное направление экономической мысли, — Майклом Хадсоном и Бертелом Оллманом.

СОБЕСЕДНИКИ

Владимир Бузгалин,

заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, директор Института социоэкономики Московского финансово-юридического университета МФЮУ, вице-президент ВЭО России, д. э. н.

Бертел Оллман,

экономист, политолог, марксист, профессор политической науки Нью-Йоркского университета

Майкл Хадсон,

профессор экономики Университета Миссури, научный сотрудник Экономического института Леви при Бардколледже, бывший аналитик Уолл-стрит, политический консультант, комментатор, публицист

ЭВОЛЮЦИЯ КАПИТАЛИЗМА

Бузгалин: Итак, первый вопрос. Что такое поздний капитализм или современное состояние капитализма? Есть ли разница по сравнению с капитализмом XIX века? Если да, то каковы основные отличия от классического капитализма?

Хадсон: Думаю, поздний капитализм кончился в 1960-х. Сейчас мы вернулись в ранний капитализм и находимся на пути к феодализму. А все потому, что индустриальный капитализм не смог выполнить то, что, по словам Маркса, было ему предназначено судьбой — освободить общество от пережитков средневекового феодализма, освободить экономику от класса землевладельцев, извлекающих земельную ренту, от хищников-финансистов и от монополий, организованных финансовыми кругами для взимания монопольной ренты. Весь смысл современного капитализма — об этом говорили все экономисты, от Адама Смита до Джона Стюарта Милла, и, конечно же, Маркс, — заключался в развитии индустриального капитализма и в приведении цен в соответствие с фактическими издержками, дабы избавиться от наростов на телепроизводства, как говорил Маркс.

Бузгалин: Как Вы сказали?

Хадсон: Наростов, социально ненужных издержек производства в виде экономической ренты. И еще Маркс говорил, что революции 1848 года делались для того, чтобы избавиться от землевладельцев, от старой аристократии, чтобы, по сути, позволить индустриальному капитализму оптимизировать экономику на пути к капитализму, частично путем создания смешанной экономики, при которой

правительство взяло бы на себя расходы по созданию инфраструктуры, общественного здравоохранения, как в Англии (где за это ратовал премьер-министр Дизраэли), пенсионного обеспечения, как в Германии при Бисмарке, дорожной системы, дешевого общественного транспорта, системы образования и иных инфраструктурных объектов, предназначенных для снижения стоимости жизни и стоимости ведения бизнеса. Такие смешанные экономики были бы капиталистическими в сочетании с серьезными государственными расходами на социальную сферу, и это делало бы их более конкурентоспособными, чем те, которые не прошли модернизацию.

Бузгалин: Одну минуту. Я Вас прерву. Хотелось бы уточнить. По-Вашему, первое изменение состоит в отходе от классического индустриального капитализма со свободной конкуренцией, капиталом, наемным трудом, но без социальной защиты. Первый шаг — бесплатное образование, бесплатные или государственные пенсии, социальная инфраструктура и так далее. Это уже качественные изменения внутри капитализма. Ну хорошо, пусть это будет глубокое реформирование. Не качественные изменения, а глубокое реформирование. Правильно ли я излагаю Вашу позицию?

Хадсон: Да, пока все правильно. Но я иду дальше. И говорю: Маркс считал, что одной из важнейших функций индустриального капитализма будет являться индустриализация финансовой системы. Что вместо того, чтобы хищнически изымать ренту путем кредитования правительства, путем выдачи кредитов, не связанных с производством, банки будут все больше и больше заниматься тем, чем они занимались в Германии, в Центральной Европе, то есть финансированием средств производства.

В приводимых им примерах Маркс относил задолженность по кредитам к издержкам промышленных капиталистов на производство. Вместо этого произошло «офинансирование» промышленности. С точностью до наоборот. И это «офинансирование» промышленности не способствовало капиталовложениям в новые средства производства для снижения издержек. Издержки только возросли. Важным поворотным пунктом стал 1980 год. Именно тогда начались захваты компаний с помощью «мусорных» облигаций, появились доступные кредиты. Маргарет Тэтчер победила на выборах 1979 года и начала приватизацию в Англии. А на следующий год Рональд Рейган победил на выборах в США. Оба они мечтали об избавлении от роли государства и о том, чтобы оставить только частный сектор — а это означало, что банки получают контроль над всей планетой.

Бузгалин: Здесь я хотел бы отметить: это очень важный пункт в Вашем изложении, нам надо не пропустить его в наших текстах. Про тэтчеризм и рейганомику, про поворотный пункт и про то, что основной момент — отсутствие или ослабление государственного регулирования в первую очередь в финансовой сфере.

Хадсон: В каждой экономике кто-то занимается планированием. По теории Маркса, при индустриальном капитализме планированием должны были заниматься крупные промышленники совместно с государством, при постепенном увеличении роли государства, что явно происходило в Германии и Центральной Европе, где Рейхсбанк, правительство и крупные компании по производству стали и вооружений образовали триаду, которая превратила Германию в самую высокопроизводительную экономику Европы, и то же самое происходило...

Бузгалин: Это какой период?

Хадсон: От 1880 до начала Первой мировой войны. Первая мировая война все изменила. То же самое происходило в США, хотя официального статуса у марксизма там не было. США были вынуждены проводить протекционистскую политику, чтобы защитить себя, защитить и усилить отечественную промышленность. И это удалось сделать с помощью активных государственных субсидий, государственного планирования, государственного производства, образования, службы распространения сельскохозяйственных знаний для содействия развитию...

Бузгалин: Это было в XX веке?

Хадсон: Нет, в конце XIX. Наивысший подъем. Первым профессором бизнеса в США, профессором Бизнес-школы экономики, был Саймон Пэттен. И он, наряду со всеми ведущими американскими экономистами, учился в Германии, а вернувшись, рассказал, что в Германии начинают изучать экономику по Джону Стюарту Миллу, но кульминацией изучения должен быть Карл Маркс и даже Генри Джордж. Избавиться от землевладельцев, постепенно переложить на плечи государства базовую инфраструктуру, чтобы не допустить монополизации услуг по удовлетворению базовых потребностей людей по высоким ценам.

И Саймон Пэттен говорил, что общественная инфраструктура, государственные инвестиции — это четвертый фактор производства наряду с трудом, землей и капиталом, и что в классической экономике этот фактор упущен. Вот каким должен был быть современный капитализм, при нем государство должно было нести все внешние расходы, оставляя капиталистам все затраты на труд и прибыли. Все это стало меняться, как только начали приватизировать железные дороги, школьную систему. Как только из всего принялись извлекать прибыль, целью стало не снижение стоимости жизни и стоимости ведения бизнеса, а увеличение поборов, взимаемых монополистами с трудящихся и общества.

Бузгалин: Вы сейчас перейдете к рейганомике?

Хадсон: Да. Все началось после Первой мировой войны, но решающий поворот произошел именно тогда.

Система внутри системы

Бузгалин: Бертел, Вы согласны, что речь идет о двух типах капитализма?

Оллман: Давайте посмотрим на это под другим углом. Я изучаю системы. Что есть система, как та или иная система связана с системой, приходящей ей на смену. Многие системы существовали и до Маркса. Человечество представляет собой систему того, как люди живут сообща. Или разобщенно, как мы знаем на примере доклассового общества. Затем начинается история классов и появляется система... Из чего бы система ни состояла, она складывается из взаимодействий между важнейшими элементами этой системы, из совокупности процессов, взаимодействующих между собой. Они и определяют не только то, что может произойти, но и что реально происходит и кому все это выгодно. Основной предмет рассмотрения — экономика, но в систему включаются и другие области... Лучшая метафора — вихрь, то есть взаимодействие между элементами создает вихрь. Изначально имеется взаимодействие, которое впоследствии не заменяется, а дополняется вихревым взаимодействием с капитализмом в классовых обществах до того, как капитализм начинает доминировать, классово оформляться. Но затем, когда он становится преобладающим способом производства (это, разумеется, происходило постепенно, прежде всего — в Англии, а потом, по частям, и в других странах), на арену выходит другая, капиталистическая, система. Более 90% из того, о чем писал Маркс, посвящено этой капиталистической системе, которая не заменяет историю классов — ведь у феодализ-

ма и капитализма есть определенные общие черты, — а несет в себе уникальные черты капитализма. Большая часть исследований и работ Маркса посвящена целому ряду отличительных особенностей капитализма. Я имею в виду отношения между капиталистами и рабочими, эксплуатацию. Ту роль, которую играет стоимость, и то, что происходит с превращением стоимости на всех этапах развития экономики. Все эти элементы взаимодействуют, и на основе этого взаимодействия можно вывести своего рода закон движения. Чтобы лучше понять системы, надо иметь в виду, что у каждой из них есть свой уникальный закон движения. Более старые системы продолжают существовать, несмотря на зарождение новых. Когда Маркс писал свои работы о капитализме, эта система носила общий характер. Маркс уделял не слишком много внимания (кроме случаев, когда хотел проиллюстрировать какую-нибудь особенность) механике этой обобщенной системы, которая на тот момент уже существовала несколько лет и которой было суждено просуществовать еще несколько лет. Но внутри этой обобщенной системы, о которой писал Маркс и которая просуществовала в более или менее неизменном виде до начала XX века, начала зарождаться новая форма капитализма. В итоге появился другой вариант (а возможно, и два других варианта) капитализма, ведь система возникает, потому что возникают определенные ее элементы, которые начинают взаимодействовать и порождать новую динамику, новый закон движения.

Начался современный период, я имею в виду такие явления, как автоматизация, изменение климата, наличие у многих стран ядерного оружия. Но ряд других изменений (например, трансграничные перевозки), многое из того, что свойственно глобализации, подпадает и под описание этого нового современного варианта капитализма. Он не заменяет капитализм Маркса. Тут я не согласен с тем, что говорит Майкл Марксов капитализм — необходимый контекст, в который следует поместить современный вариант капитализма. Система внутри системы. И этот современный вариант капитализма развивается примерно так, как об этом рассказывает Майкл. Но очень важно описать его в терминах перекрывающихся систем, у каждой из которых свой уникальный закон движения. Это крайне важно для спора между сторонниками революций и реформ, социал-демократии и коммунизма. Потому что сторонники коммунизма хотят избавиться от обоих вариантов капитализма, их не удовлетворяют изменения, даже если бы они были возможны. Маркс не был бы удовлетворен изменением худших сторон современного капитализма. Хотя эти стороны надо менять, но, во-первых, это не получится, а во-вторых, они вернутся — наблюдаем же мы возвращение целого ряда старых добрых социал-демократических реформ, восходящих не только к началу XX века, но

и в некоторых местах, как, например, в Новой Зеландии, к концу века XIX. Теперь с этими реформами хотят покончить, чтобы они не стали постоянными на случай, если обобщенный капитализм — так я называю Марксов вариант капитализма — продолжит существовать. Поэтому мы не должны ограничиваться лишь попытками реформировать эти черты современного капитализма. Мы должны пойти дальше и избавиться от капитализма, который описывал Маркс с помощью отношений между трудом и капиталом, стоимости, превращения стоимости, капитализма с конкретным законом движения, который выводится из всего перечисленного, капитализма, который продолжает существовать.

Бузгалин: Бертел, у меня есть вопрос. Я хочу понять, в чем именно Вы не согласны с Майклом. Во-первых, я понимаю проблему качественных изменений. Я думаю, и Майкл понимает и даст свой ответ. Но вопрос и вот в чем: когда количественные изменения в природе капитализма переходят в качественные? В какой точке?

Оллман: В способе производства. Это ключевой момент.

Бузгалин: Способ производства — это совокупность производительных сил и производственных отношений.

Оллман: Речь идет не только о производстве, но и о распределении, обмене и потреблении. Об этих четырех факторах в их взаимосвязи. Как только они вступают во взаимосвязь, они быстро начинают контактировать с государством и влиять на него, на характер культуры, религии и т. д.

Бузгалин: Согласен. Так когда же наступают изменения?

Оллман: Я думаю, в таких случаях трудно назвать конкретный год, а иногда и десятилетие. За исключением случая слома системы, как это было в Советском Союзе. Но обычно это происходит в течение десятилетия или двух. А когда возникает новая система... те элементы, которые характеризуют эту новую систему (и то, что говорил Майкл о банковском секторе, имеет к этому непосредственное отношение), должны соединиться с другими элементами, новыми для данного периода, и выстроить взаимосвязь...

Бузгалин: Что за новые элементы. Назовите их по порядку — первый, второй, третий...

Оллман: Я назвал Вам более трех, когда говорил о современной капиталистической системе. При глобализации многие изменения знаменуют собой переход из количества в качество, и это, разумеется, относится к марксистской диалектике — количественные изменения в какой-то момент переходят в качественные. Хотя некоторые из таких изменений мы уже наблюдали (не во времена Маркса, их тогда было не так много, но вскоре после него), их оказалось недостаточно, чтобы породить совершенно новую систему. Но рассматривать это нужно именно так, потому что иначе слишком сосредотачиваешься на том или ином отдельно взятом аспекте проблемы, в то время как мы видим, что проблема существует в виде ряда перекрывающихся систем, и все эти системы, ну пусть самые крупные из них, необходимо отбросить, включая современный капитализм, как я его называю, обобщенный капитализм по Марксу — Маркс не углублялся в специфику, он описывал общие черты капитализма, который начинал доминировать в современном ему производстве. А также и классовое общество. Покончить со всеми классовыми обществами.

Закон денег

Бузгалин: Майкл, с чем Вы не согласны, а с чем согласны?

Хадсон: Мне кажется, я никогда не выражал несогласия с Бертелом. Мы говорим о различных аспектах капитализма, и я сосредоточился на том аспекте, который я лучше всего знаю, — на финансовом секторе. У Бертела более широкий подход, я же сосредотачиваюсь на том, что считаю наиболее важным. Если говорить о законах движения — Маркс на протяжении двух томов «Капитала» описывал их, но в третьем томе перешел на финансы и указал, что там действует совершенно другой закон, поскольку речь идет о расчете сложного процента, о деньгах, даваемых взаймы под процент, и это не закон капиталистической системы. Это не экономический, а чисто математический закон, который не зависит от способа производства. По Марксу, именно рост финансового долга ведет к возникновению кризиса каждые 11 лет. Он пытался описать эти кризисы и финансовый сектор, который он считал хищническим и чужеродным по отношению к капитализму. Инородным телом, которое, как он думал, современный ему индустриальный капитализм исторгнет из себя. Но этого не произошло, а в конечном итоге финансовый сектор возродился после Первой мировой войны и начал подминать под себя индустриальный капитализм, и этот процесс закончился в 1980 году. По моему убеждению, сейчас мы живем в эпоху капиталистического постмодерна, а вовсе не модерна. Капиталистический же постмодерн на деле является возрождением феодального (Маркс называл его античным) способа производства, характеризующегося ростовщицеством и рабством (которое приняло форму долговой кабалы). Так что мы живем в период перехода от одного способа производства к другому.

Современное рабство

Бузгалин: Что считать рабством сегодня?

Хадсон: Чтобы получить работу, студент должен оформить пожизненный кредит на обучение, 300 000 долларов, — вот здесь у нас, в стоматологическом колледже Университета Нью-Йорка, а кроме этого долга, чтобы купить дом, он должен выплачивать 43% своего дохода (максимум, гарантированный государством), за обслуживание долга по ипотеке на покрытие всех жилищных издержек в штате Нью-Йорк. Да и в Лондоне на содержание жилья уходит свыше 40% бюджета наемного работника. Так что если к долгу за обучение (который может составлять 10–15% от дохода) прибавить долг за жилье, автомобильный долг, в который нужно влезть для приобретения машины, чтобы добраться на работу (во многих местностях это необходимо), долг по кредитной карте, то получится долговое ярмо. Люди тратят всю жизнь, чтобы расплатиться с долгами, в которые они влезли. В отличие от античности, у них есть свобода перемещения, они не крепостные и не принадлежат какому-то хозяину. Однако все экономические излишки выкачиваются финансовым сектором, оставляя капиталисту все меньше и меньше промышленной прибыли, поскольку если наемные рабочие вынуждены столько тратить на обслуживание долгов и уплачивать монопольные цены на медицинское обслуживание и иные услуги, которые приватизированы, а не предоставляются бесплатно, то рынок товаров и услуг, производимых капиталистами, будет постоянно сжиматься. Поэтому когда в Нью Йорке идешь по Восьмой улице, то видишь, что у половины магазинов опущены шторы. Они закрыты. Они уходят из бизнеса.

Бузгалин: Бертел, Вы согласны, что капитализм возвращается к докапиталистическим способам производства?

Оллман: Я согласен с теми подробностями, которые сообщает Майкл, они весьма насыщены. Думаю, они в целом характеризуют современный капитализм, как я его называю. Он может существовать только по закону движения, в рамках которого осуществляется сложная взаимосвязь (Майкл думает, что он куда-то пропал). Он может существовать только внутри определенного уровня обобщения, внутри более глобальной системы общего капитализма, о которой писал Маркс. Единственное, с чем я явно не согласен, — это с тем, что Майкл сказал о причине возникновения кризисов. Этот вопрос, разумеется, часто обсуждается учеными-марксистами, но я считаю — и Маркс об этом пишет в разных местах — что причиной кризисов является сам капитализм в целом. Это не исключает того,

что некоторые факторы могут оказывать большее влияние на надвигающийся кризис. Думаю, следует разделять эти факторы на те, что делают кризис вероятным, возможным, неизбежным... Нет, «неизбежный» — это слишком сильно для меня. А «возможный», «весьма вероятный» подходят...

С учетом того, что дает начало кризису, есть три пути для понимания кризисов. И первый из них важнее всего — что именно делает кризис возможным. А возможными их делает капитализм крупных воротил. Лучше всего это, конечно, изучено у Маркса, но понять это можно и с точки зрения современного капитализма. Мои разногласия с Майклом я рассматриваю не с точки зрения отдельных деталей, а с точки зрения несистемного подхода к этим деталям. Майкл проделал большую работу и продолжает работать по теме долга в древнем мире. Но он недостаточно внимания уделяет изучению различных систем, того, как они накладываются и влияют друг на друга. Ведь внутри каждой системы действует свой закон движения, который очень важен для определения того, что в этой системе происходит.

Бузгалин: Бертел, Майкл предложил относительно точную периодизацию: описанный Марксом классический капитализм, затем усиление государственного регулирования в той или иной форме, начиная с конца XIX века до Первой мировой войны включительно, плюс период до Первой мировой войны в Германии. Затем — различные попытки ввести государственное регулирование, социал-демократия, даже фашизм, на основе капитализма, процветание 60-х, затем тэтчеризм, рейганомика, упадок и восставление свободного движения капитала в финансовой сфере и рефеодализация. Примерно три периода. Классический капитализм, период регулирования, период дерегулирования. Согласны с этой схемой?

Оллман: Эти периоды не сменяют друг друга. Они встроены друг в друга. Те, что Вы упомянули в конце, встроены в те, что Вы упомянули в начале, их и изучал Маркс. И они оказывают друг на друга воздействие. Но самое большое и непосредственное воздействие на каждый из них оказывает закон движения, выводимый из взаимодействия явлений, возникших совсем недавно по большей части в сфере экономики. Анализировать это нужно методом перекрывающихся систем, чтобы понять, как следует реагировать. В противном случае социал-демократическая политика выглядит весьма заманчиво. Думаю, что это очень важно с точки зрения выбора политической линии.

Бузгалин: Я спрашиваю потому, что и на Левом форуме, и ранее многие, в том числе Дэвид Коц и некоторые другие, утверждали, что мы должны вернуться к социал-демократической модели капитализма с государственным регулированием. Идея вот в чем: есть закон движения классического капитализма, капитализма по Марксу, фундаментальный закон движения... Происходит модификация во взаимосвязи с социальным регулированием и подрывом некоторых основ капитализма (это вопрос к вам обоим). Затем — дерегуляция, и некоторые элементы возвращаются к основному закону и частично еще дальше, в докапиталистическую эпоху, к феодальному полурабству или, скажем, монетаризму XV века. К меркантилистской модели. Это так?

Оллман: Нет, не так, поскольку регулирование и дерегулирование не столь важны при капитализме, сколь та система, с которой мы начали, — обобщенный капитализм Маркса. Во времена Маркса уже была определенная степень регулирования. Фабричные инспектора, которые немного улучшали жизнь людей, работавших на фабриках в жутких условиях. Все это уже было в середине XIX века. И это продолжается, и кое-где ситуация серьезно улучшается. И все же то, что люди могут использовать термин «регулирование», и то, что жизнь некоторых людей несколько улучшилась, не очень сильно влияет на закон движения. Поэтому-то закон движения так важен. Затем настанет время перехода изменений из количественных в качественные, особенно в связи с другими событиями в капиталистическом обществе, которые еще не произошли. И тогда мы сможем говорить о появлении новой системы внутри системы, которую описывал Маркс. Маркс явно проявлял излишний оптимизм, но я не думаю, что те изменения, которые происходят в современном капитализме, подрывают принципы обобщенного капитализма, сформулированные Марксом. Эти принципы по-прежнему важны, ясны и деструктивны.

Каждая экономика — плановая

Бузгалин: Хорошо. Майкл, что Вы думаете?

Хадсон: Бертел прав, рассматривая все явления системно. Конечно, система — понятие более широкое, чем финансы, о которых я говорил. Он анализирует диалектику системы. Я удивлен тем, что Вы используете слово «дерегулирование». Мы говорим не о дерегулированной экономике. И не о неплановой экономике. Каждая эконо-

мика — плановая. Вопрос в том, кто именно планирует и регулирует. Сегодняшняя экономика в основном планируется и регулируется финансовым сектором, а не правительством. В этом суть либертарианского учения о свободном рынке. Говоря «свободный рынок», они имеют в виду, что им нужен централизованный тоталитарный рынок, который планируется исключительно банками. «Свобода» означает тоталитарный контроль со стороны банков, нацеленный исключительно на изъятие, и в итоге приводящий к обнищанию общества, и, в силу этого, оборачивающийся полной противоположностью тому, чем должен был бы стать успешный индустриальный капитализм.

Сегодня вопрос о том, кто получает финансирование, кто получает кредиты, решается исключительно банками и все чаще — мошенническим и преступным путем. Бизнес-планирование Ситибанка, Банка Америки и других крупных банков, по сути, является мошенническим. Конечно, Маркс изучал и эту сторону вопроса, описывая мошеннические банковские схемы XVI, XVII и XVIII веков. У нас и сегодня все это присутствует, но Маркс никак не ожидал, что экстрактивное планирование банков станет независимым от правительства и фактически подомнет под себя правительство, подчинив его финансовой сфере, а не интересам индустриального капитализма. Это было наиболее заметно при президенте Обаме, когда мошенничество цвело пышным цветом, но в тюрьму за это никого не сажали. Еще заметнее это при Трампе — все планирование поставлено на либертарианские рельсы. Попраны природоохранные нормативы, защита потребителя, защита от мошенничества, правопорядок. Надвигается эпоха варварства, о чем всегда предупреждал Бертел.

Бузгалин: Я это и говорил о дерегулировании. Вы просто сказали: дерегулирование раз, дерегулирование два, дерегулирование три. Это была моя идея. Но я согласен, что сегодня финансовый капитал определяет все функционирование — не только воспроизводство — функционирование капитализма.

Хадсон: Финансовый капитал препятствует воспроизводству. За последние два десятилетия 92% корпоративной прибыли компаний из рейтинга Standard and Poor 500 потрачено на увеличение выплат по дивидендам и на программы выкупа собственных акций. Компания использует свою прибыль для выкупа собственных акций, чтобы поднять на них цены. Только 8% прибыли идет на капиталовложения. Это наиболее низкий показатель за все время существования индустриального капитализма. Маркс думал, что индустриальный капитализм будет носить экспансионистский характер и распространится на весь мир. Но с финансовой точки зрения он сжимается.

Оллман: Думаю, нужно как следует уяснить, что именно Маркс понимал под капиталом. Он допускал наличие у капитала нескольких сторон. Например, в начале, в ранний период он включал землевладельцев в свою трактовку капитала и, соответственно, капиталистов, хотя мы сейчас говорим в основном о капитале. Это — место в системе и функция, связанная с этим местом. Не так важны отдельные элементы капитала, доминирующие в тот или иной период, как тот факт, что капитал остается капиталом и пытается максимизировать прибыль безотносительно того, с кем он делит офисное здание, из которого ведет свою деятельность. А у государства, о чем неоднократно тут говорил Майкл, никогда не было возможности рулить экономикой. За все время существования капитализма государство всегда состояло в услужении у класса капиталистов, из кого бы он ни состоял в каждый конкретный исторический момент. Это касается и Обамы, и всех правительств, не только в США, но и в других странах, даже в странах социал-демократии, поскольку зачастую социал-демократы занимаются тем, что спасают задницу государства, которое попадает в беду из-за проблем в обществе. Мне кажется, не стоит преувеличивать роль государства, которое на всем протяжении существования капитализма обслуживало интересы капитала наряду с религией и культурой. Многие элементы общества в широком понимании обслуживают интересы капитала, а сам капитал претерпевает определенные изменения — как я говорил, основные черты того вихря, в котором мы кружимся сегодня, с течением времени меняются, при этом более ранняя система продолжает оставаться на месте. Опять-таки это важно для выбора той политической линии, которая в данный момент необходима. Если мы будем сосредотачиваться на частностях, как Майкл, мы рискуем получить социал-демократические реформы, которые покончат...

Хадсон: Вы правы, об этом говорил Маркс, критикуя Жореса и последователей Жореса. Они считали, что если излечить класс землевладельцев или монополии, то можно излечить и индустриальный капитализм. Нельзя. Решение финансовой проблемы не решит проблем, о которых говорит Бертел, но позволит, наконец, заняться этими проблемами, проблемами индустриального капитализма.

Оллман: Но при этом станет ясно, насколько далеко мы сможем зайти.

Социал-демократия нам не подходит

Бузгалин: Еще один вопрос. Идут споры о реиндустриализации и о государстве как институте, могущем ограничить роль и власть финансового капитала. Так дело обстоит в России, поскольку мы столкнулись с очень серьезной проблемой деиндустриализации страны. Думаю, это актуально и для США, и, в меньшей степени, для стран Европы. Если мы хотим вернуться к материальному производству и в то же время перейти к материальному производству на основе творческого или универсального труда (если использовать категории Карла Маркса), где наука является основной производительной силой, а человек находится по ту сторону материального производства, то мы должны обеспечить развитие материального производства.

Согласны ли Вы с тем, что внутри капитализма можно осуществить некие реформы, которые ограничат, по крайней мере частично, власть финансового капитала, стимулируя тем самым развитие высоких технологий? В качестве примера можно привести относительно жесткое регулирование финансовой системы в Китае, национализацию, огосударствление крупнейших банков. Крайне доступные кредиты для предприятий высокотехнологичных отраслей. Удорожание финансовых операций посредством введения налога Тобина или аналогичных мер. Открытость капитала для контроля.

Социал-демократическая программа. Реалистична ли она? Нужно ли двигаться в этом направлении? И как далеко? Или же это абсолютно глупая затея? Можем ли мы также учесть опыт, скажем, 50-х и 60-х годов, когда в Европе быстро развивались промышленность, высокие технологии, образование, здравоохранение, строительство доступного жилья, инфраструктура и т. д.? Это был период регулирования. Можем ли мы использовать этот опыт? Можете ли Вы посоветовать использовать этот опыт для России, например?

Хадсон: Дилемма социал-демократов: что ответить капитализму — «да, пожалуйста!» или «да, спасибо!». Их провал связан с их полной неспособностью понимания природы денег и абсолютной коррумпированностью социал-демократических политиков во всех странах. Задача социал-демократов — предотвращение социалистической альтернативы и позициониро-

вание самих себя как реалистично мыслящих центристов. Реально же они поддерживают лишь правых. В США, например, Демократическую партию называют социал-демократической. Ее задача — постоянно смещаться вправо, чтобы республиканцы могли быть еще правее демократов и при этом все больше смещаться вправо, чтобы не оставить места для реальной социалистической альтернативы. Как говорил Троцкий в своей критике фашизма, фашизм возникает, когда социалисты не в силах предложить альтернативу надвигающемуся кризису, а позиция социал-демократов выражается в затягивании кризиса, в усугублении кризиса и в разрешении кризиса таким образом, чтобы им оказаться у власти в интересах крупного капитала и финансовых капиталистов.

Оллман: При всем при том, с чем я в основном согласен, я бы добавил, что в разных странах складываются разные ситуации. Например, в Китае удалось применить планирование, социал-демократические методы...

Бузгалин: Социальные, но не демократические...

Оллман: Виноват, пусть будут недемократические социал-демократические. Но им удалось наладить производство качественных товаров, достаточно дешевых для конкуренции на международной арене. Но это удалось потому, что рабочий класс умел читать и писать и рабочие смогли быстро развить в себе навыки, существовавшие в других странах, во всех областях производства. Китай смог продавать эти товары более дешево, чем почти все развитые страны. Не думаю, что такая возможность есть у Советского Союза. Особенно при быстром развитии автоматизации. Этот фактор хоть и сможет изменить ситуацию на нескольких предприятиях, но не окажет существенного влияния на проблемы громадного большинства рабочих страны, не приведет к появлению нормальных, высокооплачиваемых рабочих мест и гарантий их сохранения. Думаю, ни у кого не получится использовать относительный успех Китая в качестве модели развития.

Бузгалин: Майкл, но Вы ведь говорили, что тэтчеризм и рейганомика во многом изменили систему капиталистических отношений, а поворотный пункт пришелся на 1980 г. Если этот поворот произошел от плохого к худшему, можно ли вернуться назад? Если тэтчеризм и рейганомика — хуже, чем было раньше, нельзя ли вернуться к ситуации, когда было лучше?

Хадсон: Стратегия финансового капитализма, как и любой диктатуры, — сделать изменения необратимыми. Есть лишь один способ вернуться к ситуации до 1980 года — обнулить долги. Потому что, если обнулятся долги, то обнулятся и накопления — огромная концентрация накоплений. Если посмотреть на график распределения богатства после Первой мировой войны, то видно, что оно происходило более или менее равномерно. До 1980 года. Потом произошел резкий разворот. Настолько огромное количество средств было сосредоточено в руках у одного процента населения (что зеркально отражает ситуацию с долгами у 99%), что если не трогать долги — личные, корпоративные, государственные долги, которые уничтожают экономику Аргентины, Венесуэлы, Греции и других стран, — если оставить эти долги, то это все равно что оставить частную собственность на землю и европейскую аристократию.

С этим ярмом надо что-то делать, необходимо сбросить его, как это сделали в России после революции. И по крайней мере до 1991 г., какие бы дополнительные издержки ни несла российская экономика, там не было издержек на землевладельцев, финансовых, долговых издержек или издержек монопольных цен. Вот что надо менять. Социал-демократы никогда не будут заниматься теми структурными изменениями, о которых говорим мы с Бертелом, потому что это вопрос структурирования. А как структурировать экономическую систему для предотвращения ее развала под действием внутренних противоречий методами, которые предлагают социал-демократы, Джорджи Соросы всего мира, работающие, по сути, на банковскую систему?

Третий вариант

Бузгалин: Уточню свой вопрос (мы планируем опубликовать этот материал в России). У нас идут споры об индустриальной политике. У нас есть два вида бизнеса и два типа представителей бизнеса в политических структурах. Либеральное, монетаристское крыло выступает за единую шкалу налога, за регулирование кредита так называемыми законами свободного рынка, за невмешательство государства в этот процесс. Государственные инвестиции должны быть снижены до минимума, образование и здравоохранение — поставлены на коммерческую основу. И все будет хорошо, а капитал обеспечит развитие, в том числе и производительных сил. Это один вариант.

Второй вариант — разумеется, не коммунистическая революция, но если у нас имеется государство, которое проводит сильную промышленную политику, в рамках которой будут снижены налоги на бизнес в сферах высоких технологий, образования, науки, НИОКР и медицины, и государство будет выдавать дешевые кредиты частным

и государственным предприятиям, создающим новое оборудование, например, для машиностроения, которого у нас нет, которое мы утратили, то мы будем строить самолеты (сейчас мы используем «боинги» и «эйрбасы») и так далее. В этих сферах будут дешевый кредит, государственные и частные инвестиции, низкие налоги, институциональная поддержка. Плюс лимиты на транзакции, высокие налоги на транзакции. Вот две фракции, два направления. Каковы будут Ваши рекомендации? Оба варианта плохие?

Оллман: Первый хуже, чем второй, без сомнения. Но оба плохи. А что насчет третьего варианта?

Бузгалин: Третий вариант отсутствует.

Оллман: У меня есть рекомендации. Мне очень не нравится первый вариант. И второй тоже не нравится. Так что разница есть. Но я вижу, что второй вариант может понравиться многим социал-демократам... Сердцем они все понимают. Да, некоторые из них — циники, какими их описывает Майкл, но многие из них очень наивны...

Хадсон: Сердце ни при чем, тут нужен мозг.

Бузгалин: Это не наивность. Много, о чем я говорил, было реализовано после Второй мировой войны во многих странах.

Оллман: Но условия были совсем другие! Как можно это сегодня использовать в качестве примера? Слушайте, там ведь все было разрушено, была смута, люди не знали, какой нужно сделать политический выбор. В течение нескольких лет были открыты многие возможности, и некоторые народы воспользовались ими и — с помощью холодной войны, коль речь идет о Европе, — сумели извлечь гигантскую выгоду из холодной войны, получив американскую помощь, если, конечно, были достаточно настроены против Советского Союза. Сейчас нет таких условий...

Бузгалин: Хорошо. А Вы как думаете, Майкл?

Хадсон: Я просто поражен, что русские оказались столь доверчивы и поверили, что в результате приватизации снизится стоимость жизни и ведения бизнеса. Если приватизировать транспортную или школьную систему, у вас не только будут непосредственные материальные издержки производства, труда и материального капитала, но к ним прибавятся еще и прибыль, процентные ставки, прирост капитала, прибавятся выплаты управленцам. Плюс тот факт, что приватизируемые объекты веками находились

в общенародной собственности, поскольку они являются естественными монополиями. Поэтому в дополнение к процентам, дивидендам, программам выкупа акций, выплатам руководству и воровству вы получите монопольные цены.

Нужно просто взглянуть на то, что стало с железными дорогами при Маргарет Тэтчер. Цены на жилье выросли в 10 раз, население покидает Лондон, по крайней мере англичане. Теперь он в основном принадлежит иностранцам. Я поражен... Как будто русских не учили марксизму! Как будто они не читают западную прессу и не знают, что произошло в Англии, в США, как будто не видят, что приватизация — это, по сути, офинансирование.

Маргарет Тэтчер продала телефонную компанию British Telephone и другие компании в частные руки. Продала за малую долю их реальной потенциальной стоимости, потому что, как она сказала, правительство не может сделать то, что могут частные управленцы. А что могут частные управленцы? Сломить профсоюзы. Напугать их, чтобы не вышли на забастовку. Это поднимет стоимость жизни на такую высоту, и люди влезут в такие долги, что побоятся не то что выйти на забастовку, но даже протестовать против условий жизни. Финансисты имеют долю абсолютно от всего, при каждой продаже получаемый ими доход они употребляют не на модернизацию средств производства, а на урезание услуг. Приватизация заново разжигает классовую борьбу.

Если приватизировать транспортную или школьную систему, у вас не только будут непосредственные материальные издержки производства, труда и материального капитала, но к ним прибавятся еще и прибыль, процентные ставки, прирост капитала, прибавятся выплаты управленцам. Плюс тот факт, что приватизируемые объекты веками находились в общенародной собственности, поскольку они являются естественными монополиями. Поэтому в дополнение к процентам, дивидендам, программам выкупа акций, выплатам руководству и воровству вы получите монопольные цены.

Зачем голосовать за Трампа

Бузгалин: Майкл, Вы прекрасно все изложили. Можете дать такой же анализ социал-демократического варианта?

Хадсон: По-моему, это и было про социал-демократический вариант.

Оллман: Да, но есть и другой, где государство... Есть другой вариант, если я правильно Вас понял, где государство выступает в роли планирующего органа. Государство в некоторых областях использует общественную собственность, это делается в намного более плановом порядке, но с ограничениями...

Бузгалин: Идея в том, что у вас имеется результат, сегодня блестящий, а завтра, может быть, не очень. Сандерс в роли президента США. Лидер британских лейбористов Корбин — премьер-министр Великобритании. Что они смогут сделать? Немногое. Но они немного изменят систему, и вместо тэтчеризма будет корбинизм, вместо либеральной экономической политики США — социал-демократическая, в духе Рузвельта. Или, с Вашей точки зрения, это абсолютно невозможно? Даже при широкой поддержке народа?

Оллман: Зависит от того, останется ли Корбин Корбином. Вы упомянули двоих. Берни Сандерса и Корбина. Они очень разные. Берни Сандерс — социал-демократ. Не думаю, что Корбин — социал-демократ, думаю, что потенциально Корбин весьма радикальный деятель. Но он — радикал, который в настоящее время занят тем, что пытается сплотить вокруг себя различные партийные фракции, на которые разбилась партия. Интересный момент по поводу Лейбористской партии (с которой я стараюсь поддерживать близкие отношения) — в нее стали вступать коммунисты. И Корбин здесь играет в сложную игру. Не знаю, как он будет действовать, но ясно, что это будет иметь решающее значение, поскольку он имеет отличный шанс стать премьер-министром.

Что касается Берни Сандерса, то он бы произвел некоторые существенные изменения по улучшению жизни людей и не стал бы продавать запасы страны. Но не думаю, что он смог бы зайти достаточно далеко и действовать достаточно быстро. Решил бы некоторые проблемы, связанные с безработицей, с невозможностью продавать наши товары в других странах, достаточный их объем, чтобы поддерживать доминирующее положение нашей промышленности на мировой арене. Но из-за того, что он не смог бы

действовать достаточно последовательно и достаточно быстро, есть опасность, что фашистская реакция, которую мы наблюдаем в Америке, еще усилилась бы, поскольку многие рабочие, представители рабочего класса, оказались падкими на сладкие речи демагогов, которые, не употребляя слова «коммунизм», обещают им нечто вроде коммунистического будущего, где у каждого есть хорошая работа, каждый получает хорошую зарплату, и во всем виноват совсем не тех, кто реально виноват, а иммигрантов и людей с другим цветом кожи. Дело в том, что если в администрации Берни Сандерса не произойдут действительно значимые и серьезные изменения, то, думаю, он может столкнуться с еще более сильной фашистской реакцией, чем та, что имеет место при Трампе с его придурковатостью.

Трамп слишком глуп, чтобы стать вторым Гитлером, но в его окружении есть неглупые люди, готовые на все... например, тот тип, который был вынужден уйти, забыл, как его зовут, один из его главных советников, осуществлявший связь с фашистским крылом в партии. Вокруг Трампа много таких людей, и они могут выйти на авансцену, если придет какой-нибудь Берни Сандерс, у которого одна рука будет связана за спиной усилиями половины Демократической партии, а вторая хоть и будет пытаться действовать быстрее при решении проблем, но не сможет убедить конгресс поддержать радикальные предложения, которых, по-видимому, будет немного. Это может создать еще большую проблему. Поэтому в нынешней ситуации социал-демократы могут повести нас в, так сказать, фашистское будущее.

Бузгалин: Спасибо. Ценная мысль, и наконец-то Вы объяснили, почему мы должны голосовать за Трампа на следующих выборах.

WHATEVER HAPPENED TO OUR CAPITALISM?

“WE ARE NOW BACK TO EARLY CAPITALISM AND WE ARE ON OUR WAY BACK TO FEUDALISM”

Last summer the leading independent economists and political scientists from around the world gathered in New York to attend the Left Forum. The event has long shed its “radical” feel. It drew in a lot of participants, not just “leftists” or convinced Marxists. The fact that the system in which free market proponents were putting their trust for so long is in deep crisis is evident to anybody unless they don’t want to see it. And the correctness of leftist ideas has been vividly demonstrated by China. The name of the conference speaks for itself: “A Broken System: How We Got Here”. One of the forum speakers was Professor Vladimir Buzgalin, Vice President of the FES of Russia and a constant writer for Free Economy. He interviewed a number of Western scholars, and here’s one of those interviews with Michael Hudson and Bertell Ollman, two thinkers who represent an alternative school of economic thought.

PANELISTS:

Michael Hudson

Professor of economics at the University of Missouri in Kansas City and a researcher at the Levy Economics Institute at Bard College, former Wall Street analyst, political consultant, commentator and journalist

Bertell Ollman

Economist, political scientist, Marxist, a professor of politics at New York University

Vladimir Buzgalin

Professor emeritus of the M.V. Lomonosov MSU, Director of the Socio-Economics Institute of the Moscow University of Finance and Law, Vice President of the FES of Russia, doctor of economic sciences.

Evolution of Capitalism

Buzgalin: So, the first question is: what is late capitalism or the modern state of capitalism? Is [there] any difference from the 19th century capitalism? If yes, what are the key features different from the classic capitalism?

Hudson: I think late capitalism ended in the 1960s. We are now back to early capitalism and we are on our way back to feudalism. Because what happened is that industrial capitalism failed in what Marx said was its historical destiny — to free society from the carryover of medieval feudalism, to free economies from the landlord class extracting rent, to free from predatory finance, and to free from the monopolies that finance organized in order to extract monopoly rent. The whole idea of modern capitalism from Adam Smith to John Stuart Mill, culminating in Marx, was to develop industrial capitalism and bring prices in line with actual cost value to get rid of what Marx called the excrescences of production.

Buzgalin: What?

Hudson: The excrescences, socially unnecessary costs of production in the form of economic rent. And Marx said that was what the 1848 revolutions were all about — to get rid of the landlords, to get rid of the old aristocracy and let industrial capitalism essentially streamline economies on the way to capitalism partly by developing a mixed economy with a government taking the expense of building infrastructure, public health as in England (where the Prime Minister Disraeli said health, all is health), retirement and pensions as in Germany under Bismarck, and roads, transportation, low-cost public transportation, educational system, and all of the infrastructure to lower the cost of living so as to lower the cost of business, and this would make mixed economies capitalism with a strong social government spending more competitive than economies that didn't modernize.

Buzgalin: One minute. I will interrupt you. Just for clarification. The first change according to your opinion now is [the] change from classic industrial capitalism with free competition, capital, wage labor but without social protection. Then, [the] first step is free-of-charge education, free-of-charge pensions, or state pensions, social infrastructure and so on. It's already a qualitative change inside capitalism, OK, let's say, a deep reform. Not a qualitative change, a deep reform. Is it your position or not? Am I right or not?

Hudson: Yes, you are right so far in what you say. But I go further. And I say: Marx thought that one of the major functions of industrial capitalism would be to industrialize the financial system. That instead

of banks becoming extractive and predatory by lending the government, by making loans that were not part of the production system banks would do more and more what they were doing in Germany, in Central Europe. They would finance the means of production. And in Marx's examples he would have debt as part of the cost of production for the industrial capitalists. What has happened instead was that industry has become financialized. Just exactly the reverse. And the financializing industry has not helped to fund... invest capital investment in new means of production to lower the cost. But it's added to the cost. The great turning point was in 1980. That's when junk bond takeovers began, that's when the easy credit began, that's when Margaret Thatcher won the 1979 elections and started privatization in Britain, and the following year Ronald Reagan won the US election and both of their ideals was to get rid of the government's role and have a pure private sector role which meant that the banks would be in control of the planet.

Buzgalin: Here I want to say: it's a very important point in your presentation not to miss this in our texts: the idea that Thatcherism and Reaganomics and this is a turning point and the key question is no state regulation or decline of state regulation in financial sphere, first of all.

Hudson: Every economy is planned by somebody. And in Marx's theory industrial capitalism would be planned by the big industrialists increasingly in conjunction with government as occurred most clearly in Germany and in Central Europe where the Reichsbank and the government and the large steel companies and arms manufacturers were all part of the triad that was making Germany the most productive economy in Europe and the same thing was happening...

Buzgalin: In what period?

Hudson: From 1880 up through World War I. World War I changed everything. The same thing had been occurring in the United States although there wasn't any official Marxism in the United States. The United States had to be protectionist to protect itself, to protect its domestic industry and build it up. And it did by very active government subsidy, government planning, government tier of production, education, agricultural extension to help develop...

Buzgalin: This is 20th century?

Hudson: No, late 19th century. The high point. And the first business professor in the United States, its Business School of Economics Professor was Simon Patten, and he, along with all the leading American economists, had studied in Germany and

he came back and said that in Germany they started economics with John Stuart Mill but economics should really culminate in Karl Marx and even Henry George. You get rid of the landlords, and you have to increasingly have the government take over the basic infrastructure so that the basic needs will not be monopolized at a high price. So, Simon Patten said that public infrastructure, government investment was a fourth factor of production along with labor, land and capital, and that that was left out of the classical economics. And that's what modern capitalism was supposed to be, with the government carrying all of the external costs leaving all of the labor costs and profits to the capitalists. All that began to change once you began to privatize the railroads, the school system, once you began to run everything for profit the idea was not to lower the cost of living and the cost of doing business but to increase what the monopolists could charge at labor and the society.

Buzgalin: So, now you've jumped to the Reaganomics.

Hudson: Yes. It all began after World War I but it really finally the turning point came then.

A System Within a System

Buzgalin: So, Bertell, will you agree that it was these two types of capitalism?

Ollman: I'll come at it from a different direction. I make a study of systems. What's a system and how a particular system relates to the system that comes afterwards. And there are many systems which go back even before Marx. Human condition represents a system of how people live together and not so together as we know in pre-class period. And then class history enters the picture and you have a system... whatever constitutes a system, it is the interaction between the most important features of that system understood as processes, and they interact in such a way which establishes not only what can be done but what is done, who benefits, and the main focus is on the economy but other areas are included in that system and... The best metaphor is of the whirlpool, that the interaction between elements constitutes a whirlpool. So you have an interaction which then is not replaced by but supplemented by the kind of whirlpool interaction which occurs in class periods with capitalism before it becomes dominant anywhere, constitutes one form of class but then when it becomes a dominant mode of production, and that of course occurs over time and in England before other places, all of it in pieces had occurred in other countries, then another system begins to take over with capitalism, and Marx, 90 plus percent of what he writes is about this

capitalist system which not replaces class history where feudalism and capitalism shared certain features but constitutes what's different about capitalism and a whole number of things which are special to capitalism constitute the greater part of Marx's research and writings. I'm talking about the relation between capitalists and workers, the exploitation which occurs. The role that value plays, what happens with the metamorphosis of value throughout the economy. And these kinds of things are interacting and then they kind of... a law of motion. A good way to understand each of the systems is [that] they all have a distinctive law of motion. And the older ones continue to exist when a new one gets started. After Marx did his work on the capitalism it was very general. Marx did not deal too much, except to illustrate something more specific, with the workings of this system, this general system which had been around already for a number of years and was going to be around for a number of years longer. But a new form of capitalism began to grow inside the more general form that Marx focused on in his writings and which continued to exist more or less in that way until the early part of the 20th century. And what you have is one or maybe even two other versions of capitalism which came into existence, now recall how a system comes into existence because there are certain features which emerge, which then begin to interact and create a new dynamic, and a new law of motion.

Some thinking it through was in the modern period, I'm thinking of such things as automation, as climate change, as many countries having nuclear weapons. But a whole number of other things, the way that things can be shipped from country to country, a lot of what goes under globalization falls under this modern version of capitalism. It doesn't replace Marx's capitalism. That's what I disagree with, what Michael was suggesting. Marx's capitalism is the necessary context in which to place the modern version of capitalism, as a system within a system, and this modern version is moving ahead in something like the ways that Michael describes. But it's very important to set it up in terms of overlapping systems, each of which has a distinctive law of motion, and this is terribly relevant for the whole debate between revolution and reform, social democracy and communism. Because communism wants to get rid of both of the capitalisms, it's not satisfied with changing, even if that were possible. The worst things about modern... Marx is not satisfied with changing the worst things about modern capitalism. Although these things need to be changed — first of all, you couldn't do it, second of all, they would come back as you see the return of the whole number of good social democratic reforms which go back not to the early part of the 20th century but in places like New Zealand [they] go back to the end of the 19th century, and they are now being done away with so that they can't be permanent if capitalism in general, which is what I

would call Marx's version of capitalism, remains in place. Therefore, we can't simply limit our attempt at reforms of these features of modern capitalism. We have to go on and get rid of that capitalism which Marx described with capital-labor relation, with value, with the metamorphosis of value, with that particular law of motion which emerged out of all of that and continues to exist.

Buzgalin: Bertell, I have one question because I want to understand where you disagree with Michael. First of all, I understand the problem of qualitative changes and I think Michael understands and he will respond. But the question is also: when you see any deep changes in the nature of capitalism — what period and what are the — I don't know — point, border where we have this change. Not the year but the quality of change.

Ollman: In the mode of production. That is crucial in all of the difference.

Buzgalin: Mode of production is the unity of productive forces and production relations.

Ollman: Not just production but distribution and exchange and consumption. And those four things in their interaction. But as soon as they engage in an interaction they quickly begin to connect to, and affect, the character of the state, the character of the culture, the character of religion and so on...

Marx is not satisfied with changing the worst things about modern capitalism

Although these things need to be changed — first of all, you couldn't do it, second of all, they would come back as you see the return of the whole number of good social democratic reforms which go back not to the early part of the 20th century but in places like New Zealand [they] go back to the end of the 19th century, and they are now being done away with so that they can't be permanent if capitalism in general, which is what I would call Marx's version of capitalism, remains in place. Therefore, we can't simply limit our attempt at reforms of these features of modern capitalism. We have to go on and get rid of that capitalism.

Buzgalin: Agreed. So, where was the changing point?

Ollman: I think that here it's not easy to give a year, and maybe sometimes even a decade to the changing point. Except when a system was down as happened in the Soviet Union. But usually it's more like a decade or two. And where a new system is emerging... what has to happen is that the various elements which distinguish this new system, and certainly Michael's emphasis on what's happening in the banking sector is very relevant, those elements have to connect with the other elements which are new to that period and constitute a kind of interaction...

Buzgalin: What new elements? One, two, three...

Ollman: I gave you more than three in talking about modern capitalist system. I think that most of what goes with globalization or... in the case of globalization a lot of the changes really constitute quantity/quality changes, and this is of course part of Marx's dialectic: that things which change quantitatively at a certain point become a quality change. So, though we can see

some of those changes occurring already, not so much in Marx's life but a little after Marx, that really wasn't enough to constitute an all-new new system. But this is the way to see it because otherwise one tends to focus too much on one or another aspect of the problem. Whereas we see that the problem exists in a series of overlapping systems all of which, the major ones, need to be rejected including the modern capitalism, what I call modern capitalism, capitalism in general, Marx's version. What he emphasized — Marx didn't get too specific, he talks about the general features of capitalism, the one that begins to dominate modern production. And then within that, of course, and because of that, also class society. To do away with all class societies.

Law of Motion

Buzgalin: Michael, where will you disagree? And where will you agree?

Hudson: I don't think I've ever disagreed with Bertell. We are talking about different aspects of capitalism, and I'm focusing on the aspect that I know best, which is the financial sector. He has a broader point of reference than I do, and I'm trying to focus on what I find is the most important. When you talk about the law of motions — Marx spent the first two volumes of *Capital* talking about the law of motion — but then in volume three he talks about finance and he says: that's a completely different law of motion because it's the mathematics of compound interest, of money that's let out at interest, are not part of the capitalist system. They are not economic, it's a purely mathematical law that is independent of the mode of production. And he said this build-up of financial debt is what leads to crises every eleven years. He tried to describe these crises and this financial sector that he described as being predatory as being extraneous to capitalism, an intrusion that he expected the modern capitalism of his day, the industrial capitalism, to get rid of. But it didn't get rid of it, it ended up making a resurgence after World War I to actually overpower... it began to overpower industrial capitalism, which it finally did after 1980. And to me, we are in a postmodern capitalism, not a modern capitalism, but the postmodern capitalism is really a resurgence of the feudal, and what Marx called the "ancient", mode of production characterized by usury and slavery, in this case debt peonage. So, we are between modes of production.

Modern Slavery

Buzgalin: What is slavery today?

Hudson: In order to get a job a student will have to take on a lifetime student debt, \$300,000 here at NYU Dental School, and in addition to taking debt he has to, then when he buys a home, has to pay a government guaranteed forty-three percent of his income for a debt service mortgage interest to support all the housing costs in New York. And as in London, housing costs over 40% of the wage earner's budget, so if you add the housing cost to the cost of student debt which can be ten percent or fifteen percent of your income to your automobile debt that you have to take on in order to get a car to drive to work in many areas, to the credit card debt you have what's called debt peonage — people spending their whole life paying off the debts they're encumbered with. And unlike antiquity, they are free to leave wherever they want, unlike serfdom they don't belong to a personal owner but all the economic surplus is siphoned off by the financial sector leaving less and less industrial profit for the capitalist because if workers have to pay... some wage owners have to pay so much money in debt service and the monopoly pricing for medical care and for other services that are now privatized instead of [being] offered for free, that the market for goods and services produced by capitalists is going to shrink and shrink, which is why here in New York if you walk down 8th Street you'll find half of the stores all shuttered. They are all closed. They are going out of business.

Buzgalin: So, Bertell, will you agree that capitalism is coming back to pre-capitalist modes of production?

Ollman: I agree with the details that Michael offers and they are very rich. And for me they constitute a lot of what I've called modern capitalism. It only can exist inside a law of motion where it's interrelated in lots of complex ways, what Michael thinks has somehow disappeared or went away somewhere. It can only exist within the particular level of generality, of which modern capitalism has become, and exist inside the bigger system of capitalism in general which Marx had focused on. And the one place where there's a clear disagreement is when he talks about the cause of the crises. This has been of course a much-discussed question among Marxist scholars but I believe — and Marx says in a few places — that it's the whole of capitalism which causes crises. But the point is that it doesn't rule out that certain things can have a bigger effect on the coming crisis. I think one has to break down the crises into crises in general, crises that are... break it down into what makes crises possible, what makes crises likely, possible, "inevitable" breaching the point, likely... for me "inevitable" is a bit too strong. But "possible", "very likely"... And what triggers a

particular crisis. And you have to understand crises in all three of these ways. And the first way is the most important, which is about what makes crises possible. And what makes crises possible is bigwig capitalism, and that is best studied of course in Marx but you can even get at that in terms of modern capitalism. I think of my differences with Michael not so much in terms of the details but the way it contextualizes the system or the lack of thinking in terms of systems in which he places those details, so that his moving through history, it's not irrelevant, and Michael has done some great work and continues to work on debt in the ancient world. So, in other words, he doesn't really deal enough with different systems that he is in fact studying in terms of how they overlap and affect each other but that inside each system is a law of motion which is crucial for determining the main things that happen in that system.

Buzgalin: Bertell, Michael proposed a relatively exact periodization: the classic capitalism described by Marx, then the growth of state regulation, in one or another form from the late 19th century through World War I, even the pre-World War I period in Germany, then the different attempts to introduce state regulation, social democracy, even fascism, on the basis of capitalism, the prosperity in [the] 60s, and then Thatcherism, Reaganomics, the decline and restoration of free movement of capital in the financial sphere, and re-feudalization. So, more or less three periods. Classic capitalism, a period of regulation, a period of deregulation. Will you agree with this logic?

Ollman: Not replacing each other. They don't replace each other. They sit inside each other. Rather the last ones you mentioned sit inside the one you mentioned first, the one that Marx studied. And they affect each other. But what has the biggest effect, and the most immediate effect, in each of them is the particular law of motion which is established by the interaction of those phenomena, mostly in the economic sphere, which have come into existence most recently. And I think we have to break down that analysis into overlapping systems in order to know how to react to them because otherwise social democracy makes so much sense. And I think this has very important implications for the kind of politics that one engages in.

Buzgalin: I ask because on the Left Forum and before many other people, David Kotz and some others, said that we have to come back to the social democratic model of capitalism with state regulation... The idea is: if we can say it was the law of motion of classic capitalism, Marx's capitalism, a fundamental law of motion. Then, modification interconnected with social regulation and the undermining of some features of capitalism. (It's a question for both of you.) Then we again have deregulation, and some aspects return back to the basic law of motion and partly even worse, partly even behind capitalism to feudal semi-slavery and, let's say, the monetarism of the 15th century. The mercantilist model. Is it the case?

Ollman: Well, it isn't the case insofar as regulation and deregulation aren't as important in capitalism as what we started with, which is what I call Marx's capitalism in general. Because there's a certain degree of regulation which is already beginning in Marx's day. The factory inspectors, improving slightly the lives of people working under terrible conditions in factories. So, this is already beginning in the middle of the 19th century. And this continues, and in some places gets better without... in any serious way. Still just because people can now use the word "regulation" and some people's lives have somewhat improved this does not really affect too much the law of motion. This is why the law of motion is so important. And then it reaches the point of quantity/quality change, especially in connection with other developments in capitalism which haven't occurred yet, and that's where we can begin to talk of the introduction of a new system inside the system that Marx was describing. And Marx, he was obviously too optimistic, but the kinds of changes which have occurred in modern capitalism I don't think undermine the truth or the importance of any of the kinds of things Marx said about capitalism in general. They remain as important, and as evident, and as destructive as ever.

Every Economy is Planned

Buzgalin: OK, Michael, what is your vision?

Hudson: Bertell is quite right to look at everything as a system. And the system is obviously much broader than the finance which I'm talking about. He's looking at the dialectics of this system. I'm surprised that you use the word "deregulation". This is not a deregulated economy. And it's not unplanned economy. Every economy is planned. The question is: who is going to do the planning and the regulation? Today's economy is planned and regulated mainly by the financial sector. Not the government. That's the essence of libertarian free market thought. By "free market" they mean: we want a centralized, totalitarian market planned only by the banks. "Freedom" means totalitarian control by the banks to become purely extractive and ending up impoverishing the society and thereby being the exact opposite of what a successful industrial capitalism would be. Today the question of who gets the funding, who gets the credit is entirely [decided] by the banks, increasingly in a fraudulent criminalized way. The business planning of Citibank and the Bank of America and the large banks is basically fraud. And Marx certainly went into this, describing the fraudulent banking of the 16th, 17th and 18th centuries. We're having that today but he never expected that extractive planning of banks would become independent of government and actually take over the government as a

branch not of industrial capitalism but as a branch of finance, which you found most nakedly under President Obama who permitted the vast amount of fraud without throwing anyone in jail, and even more so under Trump that is very explicitly turned all the planners over to the libertarians to dismantle environmental regulations, dismantle consumer protection, dismantle anti-fraud protection, dismantle the rule of law, and the move towards what Bertell is always warning about — barbarism.

Buzgalin: That's what I said about deregulation. You just said: deregulation one, deregulation two, deregulation three. That was my idea. But I agree that financial capital now determines the whole of functioning, not maybe reproduction but the functioning, performance of capitalism.

Hudson: It prevents reproduction. Ninety two percent of the corporate profits of the Standard and Poor 500 companies in the last decade, ninety two percent have been spent on higher dividend payouts and stock buyback programs, buying their own stock. Buyback. A company will use its profits to buy its stock to raise the price. To buy the shares. Only eight percent of corporate cash flow, profits, have been used to increase capital investment. This is the lowest that it's been at any time under industrial capitalism. Marx thought industrial capitalism would be self-expanding and spread over the world. But financially, it's been shrunk.

Ollman: I think we have to look more closely at what Marx meant by capital. And by capital he allowed for there being different sides to it. For example, at the beginning, in the early period landowners were included in his treatment of capital and, therefore, capitalists, although capital is the main focus. It's a place in the system, and a function connected to that place in the system, and the particular element in capital which is dominant in any one period is less important than the fact that it's still capital trying to maximize its profits from whatever shared building they happen to be operating from. And the state, which Michael pointed out, spoke about it a couple of times, never, never was in the position of running the economy. Throughout capitalism the state was always functioning in order to serve the interests of the capitalist class as constituted at that time. And Obama and all the governments, not only this country but other countries, even the social-democratic countries, because what they did often was saving the ass of the state which was in deep trouble because of the problems of that particular society and managed to save enough of the power and profits for them so they could make a kind of comeback which capital has made. So, I think we want to play down the role of the state throughout the capitalist system as serving along with

religion, along with culture. There's a whole number of areas in the larger society which serve the interests of capital, and capital itself has been going through certain changes of the kind that I suggested which is that the main features in that whirlpool, in which we're playing a bigger role in this current period, take place over time without making the earlier system disappear. For example, we are still living in a period of class history. There's just one kind of class which is dominant now, and the forms of that class have changed over time. And I think this is important again, because of the kind of politics which it seems to call for. That if we focus as well, but also as narrowly as Michael does, we have the danger of acquiring social-democratic reforms which will do away with...

Hudson: You're right, that's what Marx said. That was his critique of Jaures and Jaures followers and Proudhon saying, they think that if you cure the landlord class you cure monopolies you'll cure industrial capitalism. And it wouldn't cure it. Curing the financial problem will not cure the problems that Bertell is talking about but it will make it possible finally to begin dealing with the problems Bertell is talking about, begin dealing with the problems of industrial capitalism.

Ollman: But it also sets a boundary to how far that can go.

No Social-Democratic Alternative

Buzgalin: There is one more question maybe because we have now a lot of debates about re-industrialization and the state as an institution which can restrict the role and the power of financial capital. And this is the case for Russia because we have this very important problem of the deindustrialization of the country. I think this is the case for the United States, a little less for Europe. And if we want to move back to material production and at the same time forward for material production based on creative labor or universal labor, if I can use the categories of Karl Marx, where science is the main productive force and where man is standing beyond material production. But for that we must have the development of material production. So, will you agree or not that it's possible to make some reforms inside capitalism which will restrict, at least partially, the power of financial capital, which will increase the motivation for the development of high tech technologies and so on. For example, a relatively strong regulation of the financial system in China, even nationalization of, the state status of the biggest banks. Very cheap credit for high tech industrial enterprises. A very high level for financial operations, like the Tobin tax or something like that. And more or less, open behavior

of capital, open for the control. A social-democratic program. Is it realistic or not? Is it necessary to move in this direction? How far can we move? Or is it an absolutely stupid idea? And can we also take into account the experience of, let's say, the 1950s, 1960s when Europe, let's use this example, had a very big and rapid development of industry, high tech, education, health care, constructions for the people, apartments for the people, infrastructure and so on. So, it was a period of such regulations. Can we use this experience? Can you advise to use this experience for Russia for example?

Hudson: The social-democratic position is: do we say “yes, please” or “yes, thank you” to capitalism. Their failure is the utter inability to understand money and the utter corruption of the social-democratic politicians in every country. The job of social-democrats is to prevent a socialist alternative and to try to position themselves as the realistic people in the middle while backing entirely the right-wing. In the United States, for instance, the Democratic Party is called the Social-Democratic Party. Its job is to keep moving so far to the right that the Republicans can be even more to the right of the Democrats and they can move further and further so that [it] leaves no room for a really socialist alternative. And as Trotsky said in his critique of fascism, fascism arises when the Socialists do not provide an alternative to the crisis that there is and the Social-Democrats' position is to continue the crisis, to aggravate the crisis and to make sure that it resolves itself in a position of their own personal power in keeping with the largest capitalists and finance capitalists.

Ollman: Having said that, which is I think mostly my view too, I would [point out] there is a lot also from country to country what situation they find themselves in. For example, China which was able to use its planning, its social democratic kinds of practices in the last twenty...

Buzgalin: Social, non-democratic...

Ollman: Sorry, it's not democratic social-democratic. But they were able to produce things of quality, cheap enough to really make a run for it in the international trade. But that was because of how the working class could all read and write and they would quickly develop skills of the kind that existed elsewhere in the world in all sorts of areas of production. And China could sell these things more cheaply than people in most [of the] more developed countries could make them, in those countries. I'm not sure that that kind of opportunity exists for the Soviet Union. Especially with the rapid advances in automation so that insofar as it might happen in one or in a few

places they would make no real dent in the problems of most of the great majority of the workers in the country — for jobs, for decent jobs, for well-paying jobs, and for job security. So, I think that taking the relative success of China as a model for anyone is a non-starter.

Buzgalin: But going back, Michael, you said that Thatcherism and Reaganomics changed a lot the system of capitalist relations and it was [a] turning point in 1980. So, if it was [a] turning point from bad to the worse, is it possible to go back? If Thatcherism and Reaganomics are much worse than it was before, and we go back to the situation which was better?

Hudson: The strategy of finance capitalism and as any dictatorship is to make its change irreversible. There is only one way to go back to the pre-1980 situation. And that's to cancel the debts, because if you cancel the debts you cancel the savings, the immense concentration of savings that have been built up. If you look at the chart of wealth distribution after World War I, the wealth distribution became more and more equal. Until 1980. And ever since it was an abrupt turnabout. And now it's more and more unequal. There is such a concentration of savings by the one percent which finds its counterparts in the debts of the 99 percent, that as long as you leave the existing debt overhead in place, the personal debt, the corporate debt, the government debt that is destroying Argentina, Venezuela, Greece and other countries. As long as this debt is in place, that's like leaving the private ownership of the land and aristocracy in Europe in place. That is the burden that has to be coped with, it's necessary to wipe it out just like Russia wiped it out after its revolution. And until 1991 at least, no matter what the overhead was in the Russian economy, it didn't have a landlord overhead, it didn't have a financial, a debt overhead, and it didn't have a monopoly price overhead. These are the things that have to be changed. The social-democrats are never going to deal with the kind of structural change that Bertell and I are talking about because it's a question of structure. And how do you structure an economic system to prevent the internal contradictions from tearing it apart in a way that the social democrats, essentially working for the banks, the George Soros people of the world, would like to structure.

A Third Alternative

Buzgalin: I will maybe put a more precise question because we plan to publish this material in Russia. For example, we have debates about industrial policy. And we have two types of business and two types of representatives of business in political structures. One wing which we have now, more liberal and, let's say, more monetarist. The idea that everywhere we have to have equal taxes, that credit must be regulated by so-called market laws, free market laws, and the state must not interfere in this process. State investments must be minimized and education and health care and culture must be commercialized. And it will be very profitable, and capital will develop everything including productive forces. One variant. The second variant, of course, not [a] communist revolution but if we have a state which will create a strong industrial policy where material production with high tech technologies, the education, science, research and development spheres, medicine, business in these spheres will have small taxes, the state will give cheap credits for the private and state enterprises which are creating new equipment, for example, new equipment for machinery we don't have, we lost this, we will create airplanes because we are using Boeings and Airbus, and so on. Here, in these spheres [we will get] very cheap credit, state investments together with private investments, low taxes, and the institutional support. Plus some limits for transactions and high taxes for transactions. The two factions. The two directions. What will be your advice? To say both are wrong?

Ollman: One is more wrong than the other, surely. But they are both wrong. What about the third group?

Buzgalin: The third group is absent.

Ollman: Your group?

Buzgalin: No. Again, I'm asking about... Bertell, it's very important. We want to publish your interview in a mainstream journal. Not in alternatives. That's why you can say: I abstain, I don't have any suggestions.

Ollman: I have suggestions. I hate the first alternative. And I don't like the second one. So, there's a difference. But I can see where the second one would appeal to many social democrats and it represents... their hearts are in the right place, some of them are as cynical as Michael suggests but a lot of them are very na ve...

Hudson: The heart doesn't count, you need a brain.

Buzgalin: No, it's not na ve because what I said was realized after World War II in many countries.

Ollman: But the conditions were so different. How can you use that as an example for anything today? Come on, everything was destroyed there, things were in turmoil, people didn't know which direction to go politically and all sorts of possibilities existed for a few years and some people used the possibility to achieve, with the help of the Cold War as far as Europe is concerned, they really benefitted enormously from the Cold war because they got all this American help if they would be sufficiently anti-Soviet Union. So that these situations don't exist now ... Look, you've got to see a bigger picture, you are looking at some piece of history in some countries like these and you are not seeing the context which allowed whatever happened there to happen. Because I don't think right now, given what I see happening and a bigger picture, I don't see either of those solutions being really very good. And therefore, but maybe we need an atomic war for us before we even begin to look for, to pursue more general solutions which would include obviously many different countries, the whole business of countries has to be put aside at a certain point.

Buzgalin: OK, and what is your opinion, Michael?

Hudson: It amazes me that Russians can be gullible enough to believe the arguments that privatization will lower the cost of living and doing business. If you privatize a transportation or school system not only will you have a direct material cost of production, labor and physical capital, you'll add profits, you'll add interest rates, you'll add capital gains, you'll add managerial fees and increasingly the fact that what will be privatized had been for centuries in the public domain because they are natural monopolies. So, on top of the interest, the dividends, the stock buyback programs, the management payments, and the looting you'll have the monopoly pricing. All you have to do is look at what happened to the railroads under Margaret Thatcher. What happened to privatizing public housing under Margaret Thatcher. Housing prices going up 10 times, London is now depopulated, at least of Englishmen, and is mainly foreign-owned. It amazes me that the Russians... [It is] as if they had no background in Marx. And as if they don't read the Western press to see what happened in England, in the United States, to see that privatization basically is financialization. Margaret Thatcher sold the phone company, British Telephone, and other companies. She sold them for a fraction of their actual potential value because, she said, the government can't do what private management can do. What can private management do? It can break the labor unions. It can make them so frightened that they would not go on strike. It will push the cost of living so high that they will be so much in debt they are afraid not only to go on strike but afraid to protest living conditions. The finance people will take a cut of absolutely everything, that is every sale that's done they will use the income they get not to modernize the means of production but to cut back services. Stage Coach that became the largest British bus company, cut back services that don't pay, lowered the standard of living for the labor force. Privatization is putting the class war back in business.

Why Vote For Trump

Ollman: Can I ask Michael a question? That was a brilliant summary. Let's see you do something of the same toward the social democratic alternative that you offered.

Hudson: I think that is a social democratic alternative.

Ollman: Well, OK, but there is another one where he said the state... There is the other alternative as I understood you, was to have the state actually be the planner. And that the state was going to use public ownership in certain areas but it was going to be done in a much more planned way but limited...

Buzgalin: The idea is if you have result which is fantastic now but maybe tomorrow [it] will not be fantastic. Sanders as the President of the United States. This leader of the Labor Party in Britain, Corbin as the Prime Minister of Britain. What will they do? Not too much. But they will change the system a little bit and instead of Thatcherism there will be a Corbinism, instead of the United States' not even social-democratic but liberal economic policy it can be a little bit social democratic policy, a Roosevelt-style policy. Or is this absolutely impossible from your point of view? Even if there's a relatively big mass support from the people.

Ollman: It depends on Corbin staying Corbin. You mentioned two people. You mentioned Bernie Sanders and you mentioned Corbin. They are very different. Bernie Sanders is [tied in a role of] a social democrat. I don't think Corbin is, I think Corbin is potentially quite a radical figure. But he's a radical figure who is now trying to keep the sections of his party together because the party has broken into various factions. One of the interesting things about the Labor Party, which I try to keep close to, is that communists are moving into the Labor Party. There's been a movement, and various communist traditions have now joined the Labor Party and there's a real attack on them on the basis of their anti-Semitism, you must have seen some of this. And that is really a way of getting at them because they are afraid they are much too radical and what would they do if they come into power. And Corbin is playing a difficult game here. I don't know how he's going to come down and clearly that will be decisive because I think he has an excellent chance of becoming Prime Minister. But in the case of Bernie Sanders, he would just make some significant changes in terms of improving people's lives and would not sell the country's store. But I don't think he would go far enough or fast enough. So therefore some of the problems of unemployment, some of the problems of not being able to sell our goods in other countries, enough of them to keep our industries as important, as dominant in the world as they had

been. So, I think that by not going far enough and fast enough there's the danger of this fascist reaction which we have in America becoming even bigger because so many workers, working class people, have shown themselves to be amenable to demagogues who promise them, without using the word "communism", they promise them a kind of communist future where everyone has a good job, everyone makes a good salary, and blaming of course why we don't have that on the wrong people, on the immigrants, on the people of color. But the point is that insofar as there is not really significant and solid changes in the Bernie Sanders administration I think he might face even a bigger fascist reaction than we have with Trump and his silliness. Trump, after all, is too silly to become a Hitler but there's people in the wings, including probably in his cabinet, who are not to have the same rules and they are not so foolish and maybe would be more inclined... like the guy who eventually had to go out, I forget his name, the one who was... one of his main advisors, the link to the fascists in the party. There's a lot of people in and around Trump who are like that and I think they could in fact make a big comeback if a Bernie Sanders came in and still had one arm tied behind his back by half of the Democratic Party and the other arm maybe even more interested in moving quicker on some of these problems we had but not being able to get the Congress to go along with the more radical of his proposals of which I don't expect many. That could create an even bigger problem. So, in the present situation social democracy might lead us into some kind of fascist future.

Buzgalin: Thank you, it's [a] good idea, and finally you explained why we have to vote for Trump in the next elections.

НАЛОГИ И ДОХОДЫ ЛЮДЕЙ

КАК ПЕРВЫЕ МОГУТ ПОВЫСИТЬ ВТОРЫЕ

Куда идут наши налоги? Нужна ли нам налоговая реформа?

СОБЕСЕДНИКИ

Андрей Николаевич Клепач,
заместитель председателя (главный экономист)
Внешэкономбанка, заведующий кафедрой
макроэкономической политики и стратегического
управления экономического факультета МГУ имени
М.В. Ломоносова, заслуженный экономист РФ

Наталья Юрьевна Корниенко,
заведующая лабораторией развития налоговой системы
Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Кирилл Михайлович Никитин,
директор Центра налоговой политики экономического
факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, председатель
комитета по налогово-бюджетной политике
Общероссийской общественной организации
«Деловая Россия»

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент Вольного экономического общества России,
директор Института индустриального развития
им. С.Ю. Витте, президент Международного союза
экономистов, эксперт РАН, д. э. н., профессор

Нужна ли России налоговая реформа?

Бодрунов: Уважаемые коллеги, спор простой: нужна ли России налоговая реформа или нет? Давайте начнем.

Корниенко: Позиция нашего института по этому вопросу, буквально в том виде как Вы его сформулировали, такова, что в настоящее время лучше все оставить так, как есть, и не трогать ничего. Единственное, что целесообразно, — все-таки закончить налоговый маневр в нефтегазовой отрасли, а все остальное оставить так, как есть.

Бодрунов: Кирилл Михайлович, а Вы как думаете?

Никитин: Вопрос в том, что понимать под реформой. Однозначно, нам нужен существенный набор изменений в налоговой системе.

Бодрунов: Я отошлю нас к недавнему съезду РСПП — Российского союза промышленников и предпринимателей. Там как раз речь шла о налоговой реформе. И было два мнения. Одно мнение было высказано предпринимателями: как ни странно, это мнение почти полностью совпадает с Вашим мнением, Наталья Юрьевна. Голосовали интерактивно, и основная масса делегатов съезда высказалась, что хорошо было бы, если бы их года на три оставили в покое и ничего не меняли вообще, потому что, как бы там ни было плохо, лучше знать, что у нас предсказуемость какая-то есть, чтобы мы могли хоть как-то свои инвестиционные программы, идеи реализовать хотя бы в той конструкции, которая есть. А мы, засыпая ночью, не исключаем, что утром опять начнется улучшение, которое сделает хуже, чем вчера. На съезде присутствовали почти все наши руководители экономического блока Правительства, так вот они говорили: ну как же так, мы же должны работать, совершенствоваться должны. Что же им, вообще ничего не делать?

Корниенко: Делать, обязательно делать. Продолжать внедрять новые технологии в налоговое администрирование.

Бодрунов: То есть не менять саму систему налоговую...

Корниенко: Конечно.

Бодрунов: А совершенствовать способы правоприменения.

Корниенко: Оставить те ставки, которые есть, оставить тот порядок расчета налоговой базы, который есть, и так далее и тому подобное, то есть основные элементы налога. Но налоговое администрирование может и должно совершенствоваться. Вот только за семь месяцев прошлого года, когда были введены онлайн-кассы, сборы увеличились примерно в шесть раз. Это фантастический результат. И кстати, об этом сказал на этом же форуме РСПП экс-замминистра Сергей Дмитриевич Шаталов, что это фантастический результат.

Бодрунов: Вы знаете, Наталья Юрьевна, я могу сказать, что взгляд и Шаталова, и Ваш, мне кажется, полнота его односторонняя, как говорил классик, так как Вы, конечно, смотрите с точки зрения наполнения бюджетной системы. А ведь налоги еще имеют и другую функцию, гораздо больше функций — стимулирующих, регулирующих, направляющих, объясняющих и даже наказующих. А как Вы считаете, Кирилл Михайлович, какие-то еще функции налоговой системы необходимо регулировать или у нас все там замечательно?

Никитин: В первую очередь, мы всегда забываем о том, что у налогов в классических демократиях есть одна ключевая основная функция, заключающаяся в том, что налоги — это цена общественного договора. Это те деньги, которые мы платим для финансирования созданного нами государства, на производство того объема общественных благ, которые мы, собственно говоря, хотим от этого государства получать.

Бодрунов: То есть через налоги надо как-то регулировать.

Никитин: Вы знаете, это регулируется прежде всего, через то, чтобы граждане ощущали налоговую нагрузку, именно граждане, в первую очередь, с тем, чтобы роль налогов граждан повышалась. Это не ведет к увеличению налоговой нагрузки, потому что она снижается на других этапах, но это принципиально, так как человек, который чувствует себя и налогоплательщиком, и потребителем общественных благ, в момент, когда идет на избирательный участок, одновременно себя чувствует еще и гражданином. Что же касается налогового администрирования, Вы абсолютно правы, по данным прошлого года, когда Мишустин отчитывался перед Президентом, он говорил о том, что мы...

Бодрунов: Михаил Мишустин — руководитель Налоговой службы России.

Никитин: За идентичный период по сравнению с 2016 годом, собрали на 30% больше налогов.

Бодрунов: С точки зрения руководителя налогового ведомства, это замечательный результат.

Никитин: Великолепный. Особенно в той части, в которой это не связано с нефтяными ценами. Но я хочу подчеркнуть такую вещь, что государство — это не корпорация, у него нет задачи собирать все больше и больше. У государства есть задача — собирать столько, сколько нужно.

Бодрунов: И тратить, куда нужно.

Зачем им столько?

Никитин: Если мы собрали на 30% больше, мы за счет чего собрали? У нас раньше была большая часть теневого сектора и меньшая часть белого. Теперь там, где я платил за себя и за своего соседа, который не платит, мы оба платим налоги. А почему мы продолжаем платить по тем же ставкам?

Никитин: У нас никогда никому в голову не приходит мысль о том, что вообще-то ставки можно понижать, что какие-то налоги можно не вводить, а отменить.

Бодрунов: У нас всегда есть мысль простая: если собрали больше, больше потратим, еще — еще больше потратим...

Никитин: Да, нужно срочно потратить.

Бодрунов: Недавно я слышал такую сентенцию, которая сейчас у населения предпринимательского в кругах ходит. Зачем же нам инвестиции? Президент же сказал, что деньги дают, а вы не можете их освоить. Помните, было такое заседание, где он это сказал? А проблема в том, что их много слишком. То есть деньги-то есть — вопрос в том, чтобы правильно их распределить.

Никитин: Я не вижу ни в сырьевом секторе, ни тем более в несырьевом секторе, в крупном и среднем, интерес которого представляет «Деловая Россия», избытка инвестиций, избытка инвестиционных денег.

Бодрунов: Государственных инвестиций?

Никитин: Абсолютно точно. И с этой точки зрения те, кто существует не за государственный счет и не за государственные инвестиции, в том числе это и те, кто на самом деле испытывает ограниченный и дорогой доступ к финансовым ресурсам, безусловно, осуществляют инвестиции за свой счет. И с этой точки зрения нуждаются в сокращении, в стимулировании налоговой нагрузки. Требуется очевидным образом в первую очередь стимулирование инвестиций, инвестиций в капитал, инвестиций в человеческий капитал.

Бодрунов: Я с Вами соглашусь. Здесь выступает вторая функция налоговой системы, которая состоит в том, чтобы эти экономические механизмы заставить работать в правильном направлении на благо людей, на качество жизни и так далее, то есть на те цели, которые должна преследо-

вать наша экономика, какую бы экономическую модель — кудринскую или какую-то еще — ни избрали, потому что модели могут быть разные, но цель должна быть у них, в общем-то, одна. Но люди боятся обычно чего? Как начинают что-то совершенствовать, мы сразу понимаем, что налоги повысят и придется опять затягивать ремни. Это, вы знаете, ключевая мысль, которая сегодня у многих людей в голове. Вместо того чтобы думать, как изменить, уже понимают, что любые изменения могут привести не известно к какому результату.

Никитин: Можно тут долго говорить о донастройке, о стимулировании инвестиций, о снижении нагрузки на фонд оплаты труда, увеличении или не увеличении косвенных налогов. Но принципиальная позиция наша заключается в первую очередь в том, что при росте собираемости за счет налогового администрирования мы хотим, чтобы как минимум часть этого роста собираемости возвращалась пониженными ставками обратно в белую экономику. Сокращение ставок НДС, сокращение нагрузки на фонд оплаты труда — это два первых направления.

Бодрунов: То есть, с одной стороны, новые технологии, правильное направление, которое взято в налоговой практике — не давление на бизнес, как это было 10–15 лет назад, когда приходили и говорили, что, если мы у тебя не найдем что-нибудь, нас с работы выгонят, — позволяют иметь более прозрачный бизнес и более спокойно работать. Пусть ко мне никто не ходит, я буду платить все налоги, как положено.

С другой — то, что касается людей больше всего, — это нагрузка на фонд оплаты труда, на зарплату. Такая высокая нагрузка понижает платежеспособный спрос, но бизнес говорит, что нет, давайте снизим нагрузку не на труд, а на бизнес, на корпоративные задачи и доходы. Как разумнее поступить?

Корниенко: На мой взгляд, очевидно, что отказ от ЕСН — это была ошибка для нашей налоговой системы. Дело в том, что на сегодняшний день структура занятости меняется. У нас все больше появляется цифровых технологий, в результате применения которых теряются рабочие места, и это будет системно нарастать, поэтому в данном случае рассматривать налоговую нагрузку только с точки зрения нагрузки на фонд оплаты труда, наверное, не так правильно. Нужно смотреть шире. Есть ли у предпринимателя деньги, как сказал Кирилл, на инвестиции? У нас по-прежнему дорогие кредиты. Сейчас в условиях общемировой экономической ситуации и позиции России в этой

ситуации мы понимаем, насколько это важно. Большинство компаний потеряли доступ к зарубежным дешевым кредитам, у себя они эти деньги не могут найти.

Бодрунов: Да, значительная часть, наверное, более половины инвестиций, которые давали хороший прирост в собственный капитал у предприятия за последние 10–15 лет, — это были западные кредиты.

Квазианалоги, амнистии, обналичивание

Корниенко: Идем дальше. Есть еще один фактор — неналоговые платежи. Уже два года назад Минфин признал, что, да, процентная доля неналоговых платежей настолько велика, что она душит бизнес во всех отраслях. Исследование РСПП и исследование Минфина совпали по своим результатам, даже были предложения создать некий кодекс неналоговых платежей. На мой взгляд, это крайне вредно, потому что 20 лет назад, когда мы приняли Налоговый кодекс, мы приняли решение, так сказать, дали клятву не плодить все вот эти платежи, новые какие-то сборы и квазианалоги.

Бодрунов: Что сегодня можем мы сделать, чтобы это убрать? Потому что сегодня стонет бизнес. Знаете, в свое время Президент пообещал, что не будет налоговую нагрузку увеличивать. Зато неналоговая нагрузка полезла вверх. Очень хорошо обошли чиновники указ Президента...

Корниенко: Очень просто. Нужно вычистить каждый отраслевой закон. Каждый закон возьмите — о связи, об электроэнергетике, любой базовый отраслевой закон, вы там найдете огромное количество регулярных платежей.

Бодрунов: Причем еще и не нужно их платить, на самом деле. Можно привести такой пример, что, если раньше для того, чтобы что-то строить, надо было один раз согласовать, а потом в процессе некоторые изменения вносить, мелкие корректировки, не требовалось заново ТО пересогласовывать и так далее, сейчас все надо пересогласовывать по второму, по третьему разу. Мало того что это время, так это еще и огромные деньги постоянно надо платить.

Корниенко: Это нагрузка, которая не так легко считается, не под таким точным микроскопом, как налоговая нагрузка. То есть никто не обсуждает, почему подключение к сетям...

Бодрунов: Это очень сложно подсчитать, и если кодекс составлять не налоговый, он, наверное, раз в пять будет толще, чем налоговый.

Корниенко: Налоговый кодекс не должен расширяться. Он вполне у нас совершенный, хороший кодекс. Есть недоработки, но, знаете, везде, во всех странах дорабатывают, даже вот в США начали налоговую реформу. И представляете, у них тоже есть амнистии для предпринимателей, у них тоже есть антиофшорные меры, и их тоже теперь заботит, чтобы капиталы из офшоров вернулись, хотя бы не физически зачислились на счета, но были заявлены. Они снижают свои ставки почти на 40%.

Бодрунов: Но у них амнистия сопровождается снижением ставок. А у нас — пока наоборот.

Корниенко: У нас в последние годы — амнистия за амнистией. В этом году опять амнистия.

Бодрунов: Амнистия, да, но предыдущая амнистия капитала принесла не более десяти тысяч заявлений.

Никитин: 7 тысяч 800 заявлений.

Корниенко: А давайте ответим на вопрос, а почему это произошло? Банковская система не надежна до сих пор, права собственности по-прежнему не защищены, рейдерство, которое прикрывается теперь умными юристами. Начинать бизнес в регионах вообще страшно. То есть, возможно, люди бы пошли на это, но никому не хочется, если у него нет знакомых в администрации, чтобы, как только он начнет только вставать на ноги, к нему подошли и внятно объяснили...

Бодрунов: Да, как это объясняли мне в одной из наших республик, где недавно сняли все правительство.

Корниенко: Мне кажется, бизнес-то об этом знает не понаслышке.

Никитин: Налоговая нагрузка на фонд оплаты труда в принципе не может быть большой или маленькой, в принципе. Она большая или маленькая для каждого конкретного момента. Условно говоря, там, стоимость обнала составляет порядка 15%. Нагрузка на фонд оплаты труда — порядка 30%. Обнал получается дешевле в два раза. И с этой точки зрения, до тех пор, пока обнал не станет дороже, или до тех пор, пока...

Бодрунов: Либо запретить этот обнал, либо снизить налоги, чтобы это было невыгодно.

Никитин: Это тема номер один, а тема номер два, связанная с фондом оплаты труда, на мой взгляд, заключается в том, что, действительно, мы должны возратить полностью страховую природу налоговым платежам, обеспечить действительно страховую природу обязательного медицинского страхования и социального страхования. У нас вырос фонд оплаты труда на 10 рублей, мы можем 5 рублей пустить, условно говоря, на рост текущего потребления через оплату труда, а 5 — на отложенное потребление, на социальное обеспечение через отчисления фонда. Так делал Ли Куан Ю, реформируя налоговую систему в Сингапуре.

По поводу неналоговых платежей — правильно совершенно Наталья затронула этот вопрос. Вы знаете, позиция деловых организаций достаточно единогласно заключается в том, что все-таки нам нужно зафиксировать эти неналоговые платежи и именно в отдельном законе. Это компромиссная позиция. Я объясню, в чем компромисс этот. Этот компромисс про то, что если мы сейчас все это напишем в Налоговый кодекс — и «Платон», и утилизационные сборы, все эти законы связи, экологические, то вопрос заключается в том, а налоговый режим тоже будет применяться к этим платежам? Вопрос не ясный, и этого никто не хочет. По большому счету все эти сборы вообще носят весьма спорный конституционный характер. У нас в Конституции написано, каждый обязан уплачивать законом установленные налоги и сборы. Налоги и сборы — это то, что перечислено в Налоговом кодексе. Все остальное — в принципе неконституционно.

Клепач: У нас сейчас потребности в кардинальном или существенном изменении налогов в целом в экономике нет, потому что в условиях достаточно благоприятных высоких цен на нефть действительно в 2018 году будет около 2, даже, скорее, около 3 триллионов дополнительных доходов федерального бюджета по сравнению с тем, что заложено в закон о бюджете. И в этом плане будет просто полностью пополнен резервный фонд, а деньги изъяты из экономики. Наверное, правильнее переходить к вопросу о дифференциации НДФЛ, но он должен быть увязан с комплексом других решений. Во-первых, с тем порогом доходов, с которых НДФЛ не берется. Во-вторых, и эта идея обсуждается в том числе, насколько я понимаю, и в рамках группы Кудрина, с так называемыми партисипативными налогами — когда люди имеют возможность платить дополнительные налоги, но определяют их целевое назначение, с тем, чтобы они пошли действительно на школы, больницы, дороги, а не просто пополнили резервный фонд. Потому что главная проблема сейчас — это огромный дисбаланс между налогами, которые собираются в федеральном центре, и очень узкой налоговой базой большинства регионов, за исключением тех, где есть бизнес, имеющий рекордно высокие прибыли.

Прогрессивная шкала и партисипативный налог

Никитин: Мысль о том, что нам нужно вводить прогрессивную шкалу НДФЛ на определенном этапе развития общества, должна быть поддержана той частью общества, которой этот НДФЛ коснется, потому что мы всегда проголосуем за то, чтобы 1% платил больше налогов, а 99% платили меньше налогов. Но, к сожалению, это работает немножко по-другому.

Необлагаемый минимум по НДФЛ — прекрасное соображение, но оно противоречит напрямую тезису о том, что нам нужно заниматься децентрализацией налоговой системы, так как НДФЛ — это база бюджетов всех субъектов федерации, и с этой точки зрения, если сейчас мы освободим 20 тысяч зарплат от НДФЛ, мы еще больше увеличим централизацию.

И еще: мы говорим о том, что в определенных ситуациях мы хотели бы предоставлять гражданам возможность, чтобы человек решал, куда он хочет свой дополнительный 1% НДФЛ потратить — на интеграцию Крыма или, например, на что-нибудь еще.

Корниенко: Мы сейчас, говоря о прогрессивной шкале для НДФЛ и добавляя вот эту идею, что нужно перенести ее в регионы, пытаемся за счет налоговой системы, которая одна из успешных систем, действующих в нашем государстве, решать другие проблемы.

У нас регионы не несут реальной ответственности за организацию рабочих мест на местах. Почему этот регион должен получать эти доходы, если гражданин уезжает от семьи на заработки, а в результате этого — масса социальных негативных последствий? Но в результате его доходы будут перечисляться в его регион, который ничего не сделал для того, чтобы организовать рабочее место этому гражданину. Вы понимаете, это битый небитого везет!

Бодрунов: Наталья Юрьевна, на коротком промежутке времени, условно говоря, 5 лет, я бы с Вами согласился, что это так. Но, если смотреть стратегически, то мобильность рабочей силы, миграции больших масс населения — это следствие научно-технического прогресса, который мы, все понимаем, придет.

Корниенко: Прекрасно, мы организовали Евразийский союз, у нас вообще действует четыре свободы...

Бодрунов: Но если следовать Вашей логике, тогда это же надо вообще всю систему налогообложения перевернуть, и регионы будут вообще, можно сказать, почти ни при чем.

**ИЗ БИБЛИОТЕКИ
ВЭО РОССИИ**

Чарльз Адамс,

**«ВЛИЯНИЕ НАЛОГОВ
НА СТАНОВЛЕНИЕ
ЦИВИЛИЗАЦИИ»**

В книге прослеживается длительная цепочка связей между налогами и результатами их развития в глобальной экономической политике.

Корниенко: А почему регионы ни при чем? Регион ни при чем, как любой хозяин. Если регион работает, а мы знаем, что есть регионы продвинутые, есть регионы активные, а есть регионы, которые ничего не делают. И что теперь делать? Есть случаи, когда у них нет ресурсов. Это другая ситуация. Но налоговая система не может решить все проблемы экономики.

Бодрунов: Я не зря возвращался в нашем разговоре неоднократно к вопросу соотношения текущей и будущей ситуации. Мы должны учитывать и существующие проблемы, такие как дисбаланс центра и регионов, налоги на труд или налоги корпоративные и прочее.

Мы должны учитывать и то, каких стратегических целей хотим добиться в результате вот этих изменений.

НУЖЕН ЛИ НАМ ТАКОЙ РЫНОК?

ДИСБАЛАНС И НЕРАВЕНСТВО В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

СОБЕСЕДНИКИ

*Александр Владимирович Бузгалин,
вице-президент ВЭО России, директор Института
социоэкономики «Московского финансово-юридического
университета МФЮУ», заслуженный профессор МГУ
им. М.В. Ломоносова, д. э. н.*

*Роберт Искандрович Нигматулин,
научный руководитель Института океанологии РАН
имени П.П. Ширшова, академик РАН*

Рынок должен быть свободным, но не всеобъемлющим

Бузгалин: Насколько рынок является действительно двигателем прогресса, и в каком смысле и какого прогресса, и нужен ли этот прогресс? Вот такой широкий спектр вопросов, имеющих очень практическое приложение, мы сегодня будем обсуждать с одним из крупнейших ученых России. Так получилось, что мы с Вами, Роберт Искандрович, были среди организаторов и участников пленарных дискуссий Московского экономического форума, который проходил на базе МГУ 30–31 марта (2017 года. — Прим. ред.). В рамках этого форума очень корректно, аккуратно, но все-таки настойчиво говорилось о необходимости изменить курс, скорректировать те общественные процессы, экономические процессы, которые протекают в России. Вы, Роберт Искандрович, привели целый ряд очень важных аргументов, показывающих, почему чисто рыночная либеральная модель работает не в полной мере. Роберт Искандрович, все-таки насколько свободный рынок — двигатель прогресса и надо ли его откорректировать или нет?

Нигматулин: Во-первых, рынок и должен быть свободным. Но вот свободен ли он? На том же Черемушкинском рынке, например, на который я иногда хожу, в свое время жаловались, что одних пускают продавцов, а других не пускают. Тот же рынок. И вообще, в рыночной экономике, рыночном обществе (еще и так говорят) гипертрофированно значение рынка. Рынок — это то место, где продают, но основной элемент экономики — производство. Рынок может способствовать оптимизации производства, его росту и, наоборот, препятствовать. В наших условиях рынок такой, что он не способствует развитию производства и улучшению благосостояния нашего народа.

Бузгалин: Роберт Искандрович, я на секунду Вас перебивю. Вы сформулировали очень важный тезис. Рынок может способствовать, а может и не способствовать развитию производства. И главным является развитие производства в данном случае, а не просто объем продаж, поскольку неизвестно кто, неизвестно кому, неизвестно что продает, и не всегда это действительно прогресс. И в наших условиях, сказали Вы, далеко не всегда рынок способствует развитию производства, а может, и не способствует. Почему и в чем здесь проблема, как Вы думаете?

Нигматулин: Во-первых, основным двигателем, единственным даже двигателем, как Леонид Иванович Абалкин сказал, экономики является покупательский спрос. А покупательский спрос — это те зарплаты, которые мы получаем, доходы, которые получает народ. В принципе, схема такова, что хозяин нанимает рабочих, они производят товары, если он заинтересован, может им сильно не доплачивать. В результате народ может купить столько товаров, на сколько он получил заработную плату. Примерно такая упрощенная схема, но она в общем правильная, она сейчас забывается. И если хозяин слишком много берет себе так называемой прибавочной стоимости, тогда получается основная причина — кризис, поэтому, во-первых, экономика должна быть сбалансированной, то есть количество товаров, которые производятся или могут производиться, их цены и зарплаты должны быть так сбалансированы, чтобы их хватило выкупить все эти товары. Вот это первое, что должно быть сделано, у нас это не так. И это во всем мире не так. Сейчас все больше и больше поднимается вопрос об этом. Штиглиц замечательную книжку выпустил — «1%. Что делать оставшимся 99?», то есть не самым богатым. Томас Пикетти, Эрик Маскин — это все нобелевские лауреаты, выдающиеся люди — нет пророков в своем Отечестве, поэтому я вынужден ссылаться на эти труды. А вообще-то это очевидно.

Бузгалин: Вы извините, я Вас еще раз перебею на одну минуту: дело в том, что, действительно, когда мы цитируем своих собственных ученых, своих профессоров или молодых исследователей, нам говорят: ну вот, вы что-то придумали, что-то доморощенное и т. д., но когда книга издана миллионными тиражами на всех языках мира, вроде можно уже успокоиться. Хотя часто авторы этих книг повторяют то, что в России говорили задолго до этого. Так что же говорят эти нобелевские лауреаты?

Главным инвестором должен быть народ

Нигматулин: Общество так построено, что в последние годы и в Америке та же беда, там тоже фактически нет роста экономики. Этот вот 1% богатейших слишком много берет себе, в результате спрос падает и люди не могут выкупить товары, которые могут произвести или даже производятся. У нас — то же самое — все есть, приходи в магазин, все бери. Но цены кусаются, а зарплаты — маленькие! Эта несбалансированность — основной, главный недостаток нашей экономики, а он присутствует и в других экономиках, и, в частности, в США за последние годы вот этот вот управляющий богатейший процент, даже полпроцента, 0,1 процента, берет себе гигантскую долю всех денег и пускает их не на производство, не на инвестиции... Есть миф такой: будут богатые, у них будет много денег, они будут инвестировать, а не проедать. Так на самом деле они еще не инвестируют, они вкладывают в различные «пузыри» финансовые и работают на то, чтобы тот завод, который стоит миллиард долларов, стоил два миллиарда. А на самом деле в нем ничего не изменилось. Психологическое такое давление денег — беда нашей экономики. Нашей — особенно. Нет инвестиций, а для того, чтобы были инвестиции, тот, кто инвестирует, а главный инвестор в этом смысле является народ, должен иметь деньги. Банк только способствует ускорению процесса, потому что не надо копить на строительство завода, а можно взять кредит и построить завод. Но если уж банк кредитует его, то он должен понимать, что обратно он получит с прибылью. Так вот сейчас никто не кредитует, потому что прибыли не будет.

Бузгалин: Вы подчеркнули несколько очень важных вещей. Прежде всего, затронули миф о том, что если деньги концентрируются в руках богатых, скажем просто — миллионеров или миллиардеров, то они будут вкладывать в развитие производства, инвестировать, а если у людей, то они будут проедать. Начнем с богатых. Прежде всего сегодня они инвестируют не в производство, а в посредниче-

ство. Это — процесс финансиализации, о котором пишется и в России, и за рубежом уже на протяжении 20 лет. Деньги вкладываются в то, чтобы из денег делать деньги. Второй миф, связанный с «полезными эффектами» от концентрации денег в руках богатых — это то, что они создают платежеспособный спрос на часы стоимостью в миллион долларов, автомобиль стоимостью, я не знаю, сколько миллионов долларов и т. д. Объем производства, рабочие места и инновации для этого — минимальны. А есть и противоположный миф, уже третий в нашем сегодняшнем разговоре, миф о том, что люди все проедают. Это на самом деле — абсолютный миф, потому что для того, чтобы проесть, они должны купить. А для того, чтобы они купили, это надо произвести. То есть, придя с зарплатой или пенсией, или пособием, или со студенческой стипендией на рынок, люди говорят: друзья, дайте нам товары, дайте нам квартиры, дайте нам общественный транспорт, дайте нам оборудование в университетах. И вот тогда появляется мощный стимул для роста производства. Роберт Искандрович, давайте мы вернемся к проблеме того, как можно это корректировать, как менять распределение богатства между теми, кто наверху — этим одним или даже менее одного процента, — и большинством граждан России? Может быть, включать государственное регулирование для решения проблем, о которых мы только что говорили?

Нигматулин: Ну да, поэтому еще одним экономическим механизмом должно быть государство. Вот наше государство допустило такое, что половина трудящихся у нас получает 20 тысяч в месяц и менее, не более. Такому народу рост экономики не нужен, потому что если я увеличу производство жилья там и т. д., он все равно это не выкупит, поэтому государство должно регулировать соответствующими налогами, пошлинами. В настоящее время актуальным является налог на сверхбогатство. Пусть 99% нашего населения платит по плоской шкале налогов, а вот этот процент — эти люди все известны, не надо их искать — сначала не 13%, а 25% со всего заплатит. Хотя в Америке богатый средний класс платит до 50%.

Бузгалин: Да, в Европе — 50%, в США — 40%, там меньше.

Нигматулин: Люди мои в Германии платят 50%. Это неправильно, мы еще средний класс, все равно являемся покупателями, мы живем на зарплату, особых накоплений у нас нет, поэтому, конечно, налог на средний класс и бедный класс должен быть уменьшен и должен быть переложен на эти ненормальные доходы, которые ничем не могут быть оправданы, те доходы, которые как раз выводятся из

экономического спроса, который бы способствовал развитию экономики, благосостоянию нашего народа. Это не только проблема справедливости, а это проблема национальная: если мы хотим улучшить жизнь народа, то мы это должны обязательно сделать. Вот это никак не может понять правящий класс. Вот вы говорили о мировых войнах. Почему происходят мировые войны? Почему идут разрушительные миграционные процессы? Когда создаются гигантские перепады между странами, внутри страны, это неизбежно приводит к тому, что эти плотины неравенства, которые мы возводим, будут непременно смыты, — происходят разрушительные революции, поэтому нам нужно выбрать эволюцию, медленную и мудрую, но нужно ее начать, иначе система не устоит.

Бузгалин: Напомню, речь идет о том, чтобы те, кто сегодня живет на 10–20 тысяч рублей, а таких половина в России, безусловно не должны платить высокие налоги или не должны платить подоходный налог вообще. Те, кто получает 100 тысяч рублей — те, кто называется средним классом или протосредним классом, могут платить обычные налоги, как и сейчас, и лишь для высшего слоя мы можем говорить о высоких налогах. Я подчеркну, что практически во всех странах мира, за исключением 12, в том числе России, этот богатейший процент платит от 35 до 55%, иногда даже 75%, как во Франции было.

Братъ больше со сверхбогатых

Нигматулин: Ну вот, в качестве ориентира, Александр Владимирович, я прикидывал: давайте для тех людей, которые получают в год 50 миллионов и выше, повысим налог.

Бузгалин: А как же они будут жить на 25 миллионов? Да вы что! Как можно прожить на 25 миллионов целый год?

Нигматулин: Я — академик, не бедный человек, но себе не представляю, как растратить 30 миллионов.

Бузгалин: Я, честно говоря, тоже близко не представляю и десятую часть этой суммы, но не важно. Это очень серьезный вопрос. И есть еще один момент: обычно говорят, что если мы введем прогрессивный подоходный налог, то у нас пропадут стимулы к предпринимательству, и талантливые люди перестанут работать, и все достанется бездельникам. Как вам эта идея?

Нигматулин: Во-первых, это не так, конечно. Стимул все равно останется. Я же говорю сейчас только о суперсупербольших доходах.

Бузгалин: Академиков это не затронет, инженеров это не затронет.

Нигматулин: Давайте начнем с этого.

Бузгалин: Научных сотрудников и педагогов это не затронет.

Нигматулин: Можно сказать, почти никого не затронет. Это затронет полпроцента богатейших. Вот с этого надо начать, и это будет серьезная дельта в инвестиции, потому что получают это профессора, учителя и все, кого мы называем средний или протосредний, как вы сказали, класс, и бедные, и они будут больше покупать, тем инвестируя, потому что в цене должна быть инвестиционная компонента — это обязательно, то, что входит в амортизацию основного капитала. Тогда покупатель будет инвестировать, тогда главным инвестором будет народ.

Бузгалин: Это очень важный тезис. Я подчеркну еще раз. Речь идет не о том, чтобы креативный класс лишить стимулов к труду, потому что нас все время упрекают: вы креативный класс лишите стимулов к труду. Извините, но креативный класс — это кто? Врачи, учителя, инженеры, конструкторы, ученые. Кто из них получает десятки миллионов рублей в год или многие тысячи сот рублей в месяц?

Нигматулин: Самая лучшая награда ученому — таких несколько человек в году со всего мира — Нобелевская премия, а это миллион долларов на 3–4 человека. Посмотрите, как деформирован так называемый рыночный мир! Ценности полностью деформированы. И это просто так не пройдет, это опять может кончиться хаосом, который был у нас в XX веке.

Бузгалин: Давайте, может быть, посмотрим на другую сторону этой медали, на необходимость стимулирования производства. Вы сказали об увеличении платежеспособного спроса населения за счет изменения политики доходов и распределения. И это действительно очень важно. Какие-то еще механизмы у нас есть для того, чтобы повернуть производство в сторону инноваций, чтобы сделать его ориентированным на современные технологии, на интеграцию с наукой и образованием, ведь это важнейшая проблема.

Нигматулин: Конечно. Раз будет спрос, мы сможем обеспечить сбалансированную работу и НИИ, и соответствующих проектных институтов, и различных организаций, которые будут строить заводы. Только в этом случае возможно развитие экономики и создание инвестиционного климата. Мы говорим: «инвестиционный климат», лет 30 уже говорим, и продвижения у нас в этом нет. А после того, как инвестором станет народ, включится и творчество народа, и творчество наших ученых, специалистов, и государство станет более благородным. Вообще благородство и справедливость — это один из мощнейших источников развития не только экономики, но и общества, это тоже нужно иметь в виду.

Бузгалин: Это очень важный аспект. Вообще, мы как-то забыли тему, которая была поднята еще Адамом Смитом, о том, что рынок с его невидимой рукой не работает, если нет нравственного закона. Вот про невидимую руку все повторяют, а про нравственный закон что-то забыли. Я не хочу морализировать, но без этических норм даже свободный или квазисвободный рынок не работает, не говоря уже об общественной экономике, где существуют социальные механизмы регулирования.

Нигматулин: Это так. Наш рынок соответствует тем порядкам, которые установлены правящим классом, поэтому, конечно, нужно исправлять, без этого у нас не будет никакого спроса, не будет развития производства, не будет производства товаров и не будет повышение благосостояния нашего народа, и государство будет в тяжелом положении, потому что слабая экономика — слабая армия — слабое оружие.

Как изменить систему?

Бузгалин: 27 марта (2017 года. — Прим. ред.) прошел Санкт-Петербургский экономический конгресс, 30–31 марта — Московский экономический форум, и там и там Вы, Роберт Искандрович, выступали с пленарными докладами, модерировали одну из основных дискуссий. Там звучала еще одна тема — об активной экономической промышленной политике и о стратегическом планировании, о том, что государство может задавать целевые ориентиры для частного и государственного, о том, что государство может задавать в одних сферах налоги высокие для бизнеса, в других сферах — низкие. Для предпринимателей, скажем, в высокотехнологичных отраслях — давать дешевые кредиты, в других — не давать. Вы поддерживаете эту идею или это будет мешать рынку?

Нигматулин: Я, в принципе, поддерживаю, экономическая роль государства должна быть существенно увеличена, но она может быть увеличена только в том случае, если у государства будет больше денег. У нас государство берет ежегодно в свое распоряжение примерно 30% ВВП, а европейские страны — 50%. Государство должно поддерживать те меры, о которых Вы говорите, не только непосредственными инвестициями в строительство, хотя это тоже должно быть, но поддерживать нормально наше здравоохранение, образование, науку и культуру. И самое главное здесь — здравоохранение и образование. Без хорошего образования, без высокого уровня специалистов тоже ничего не сделаешь, ведь у нас сейчас, все признают, упал уровень образования, упал уровень здравоохранения, упала активная деятельность научных учреждений. Именно через это государство должно поддерживать развитие. У нас смертность была в 1990 году примерно такая же, как в Европе, 10 человек на тысячу, а потом она подскочила до 16,3, без медицины — 18 смертность будет. После 2000 года Президент инициировал развитие здравоохранения из госбюжета, и у нас смертность упала где-то до 13, но это — 13, а была 10! Вот вам, пожалуйста, плата за 1990-е годы. Я подсчитал, мы потеряли с 1990-го по 2015 год ровно 13 миллионов человек — это гигантские цифры. Такова плата за все это.

Мы не считаем, что все наши ресурсы находятся в руках кучки негодяев, мы об этом не говорим. Мы говорим, что нужно сделать так, чтобы те, кто управляет и получает основные доходы от нашего сырья, оптимально делились с обществом, со страной, чтобы они делились таким образом, чтобы у нас развивалась экономика и чтобы все жили лучше.

Бузгалин: Роберт Искандрович, люди в основном считают, что система меняться не будет. Возможно все-таки реформирование или нет и при каких условиях?

Нигматулин: Я считаю, что возможно: мы имеем право голоса, мы голосуем за разные партии. Те, кто не ходит на голосование, могут существенно изменить соотношение во власти. И наша задача, профессоров, заключается в том, чтобы убедить народ разобраться во всех проблемах и, разобравшись, правильнее голосовать. Мы никого не призываем на баррикады. Баррикады — не дай бог, а вот именно голосованием мы можем сделать шаг к изменению нашего курса, а иначе мы получаем ту власть, которую заслужили. Для того чтобы заслужить больше, нужно разобраться, всем разобраться, нужно, чтобы профессора как следует разобрались, все, разных наук профессора, народ, инженеры, учителя, врачи. И они могут, в наших условиях есть возможности правильнее сориентировать и тех людей, чтобы они провели соответствующие реформы.

Я не против того, чтобы какие-то успешные люди, которые разбогатели, ездили на хороших автомобилях, это тоже двигатель прогресса. Не в этом дело. Мы не против, не надо никого обижать за то, что человек заработал деньги законно, но если ты получил огромные богатства в свои руки, ты должен поддерживать общество, а поддерживать так, чтобы экономика росла, ведь Генри Форд добился того, чтобы зарплата на его заводах была такой, чтобы рабочие могли покупать автомобили. На этом он и разбогател. Это, вообще говоря, в интересах всех. Конечно, кроме тех, кто богатеет незаконно.

Бузгалин: Роберт Искандрович, Вы выступаете как настоящий социал-демократ. Но проблема не так просто решается, и выборами можно манипулировать через СМИ, и населению вдалбливать не только через СМИ, но и в реальной жизни, что если ты не бегаешь за самой дорогой шмоткой, ты — не человек. И действительно, экономико-политическая власть сегодня принадлежит высшей бюрократии и собственникам крупнейших состояний, прежде всего финансовых, а в России еще и сырьевых, но это другой вопрос, это вопрос темы революции, давайте ее отложим на неделю. Роберт Искандрович, если резюмировать: какая есть альтернатива для решения экономических проблем?

Нигматулин: В первую очередь я бы увеличил налог на сверхбогатство, тем самым государство получило бы дополнительные деньги. Вы знаете, сколько получает РАН доля от ВВП?

Бузгалин: Копейки. Я боюсь ошибиться.

Нигматулин: 0,1%. Давайте сделаем 0,2%. А что с культурой? А что с нашим образованием? Здоровоохранением? Мы на здравоохранение тратим, на социальные расходы — развитие человека — образование, здравоохранение, наука, культура — 10%. Европейские страны — 20–25. Эти сферы нас не тянут сейчас вверх. Наука нас не тянет, потому что мы смотрим, как бы выжить. Здравоохранение вы сами знаете, в каком состоянии у нас, а мы хотим жить дольше, меньше болеть, чтобы нас лучше лечили. Для этого нужно, чтобы соответствующий врач с молодости старался улучшить свою квалификацию, работал тяжело, экзамены хорошо сдавал. Мы не совершенствуем наше общество. Для того чтобы его совершенствовать, нужны соответствующие поощрения, экономические стимулы, которые сопровождают человека с детства: цены, издержки, зарплаты, — все должно быть сбалансировано, тогда и общество будет оптимально развиваться.

А сейчас мы имеем тот порядок, ту власть, которую мы заслуживаем. Я еще раз повторяю, 50% нашего народа не ходит голосовать. Я не призываю сейчас никого свергать. Мы имеем то, что заслужили. Давайте заслуживать лучше, просто так с неба ничего не скатится нам. Просто так богач не будет разбрасывать нам деньги, поэтому давайте совершенствоваться, как следует учиться, разбираться во всем. И важнейшим для нас событием, которое происходит в политической жизни, должны быть выборы, только так мы можем повлиять, готовиться к ним нужно, разбираться нужно и соответствующим образом голосовать, поэтому не надо ругать там то и то, посмотрите на себя, на свою страну, общество, на свой слой. Профессора, посмотрите на себя! Учителя, посмотрите на себя!

Бузгалин: И врачи. И кстати, рабочий класс, который далеко не всегда только и делает, что матерится. Вот провели забастовки в Ленинградской области, в результате зарплата самая высокая по региону и производительность труда на этом фоне намного выше, чем на других предприятиях. Самое смешное, что в результате забастовки выиграл бизнес, а не только рабочие. Это — один из очень важных фактов.

Нигматулин: Я вам одну цифру приведу. У нас ВВП на душу населения, в это все, что покупается, примерно такой, как в новых странах Европы — Польше, Чехии, Словакии и т. д. А высокотехнологичными операциями и дорогущими лекарствами мы обеспечиваем в пять раз меньше, чем новые страны Европы. Вот вам последствия этой несправедливости, неправильного распределения. И второе. У нас те, кто добывает нефть, газ, богатые, а те, кто производит простые продукты, на кого давит государство и не дает повышать цены, получают мало. Ну, например, во всем мире килограмм хлеба стоит как 3–5 литра бензина, а у нас за килограмм хлеба труженик получает только как за 1 литр бензина. Чтобы все это исправить, диспаритет цен, нужно, чтобы малоимущие получали большую зарплату — не для того, чтобы сразу лучше жить, а для того, чтобы сначала правильно расплачиваться за то, что люди уже потребляют.

Бузгалин: Вы правы, но есть еще один нюанс на самом деле. Начнем с того, что в Австрии цены на продукты питания их собственного производства — примерно такие же, как в России, по паритету покупательской способности даже, не по курсу. А крестьянин там получает доход во много раз больше, чем в России. Вот вам один из примеров, как можно решить эту проблему.

Нигматулин: Другой механизм, не чисто рыночный.

Бузгалин: Да, и еще один другой механизм. Если бы в России система распределения богатств была такой, как в Австрии или Норвегии, я специально беру южную и крайне-северную страну, то в этом случае у нас минимальная зарплата была бы 15 тысяч рублей, а не 7,5, а медианная зарплата была бы 30 тысяч рублей, а не 23, средняя — сильно за 40, ну а количество олигархов было бы гораздо меньше, и они, бедные, жили бы, как мы сейчас выяснили, получая не 50 миллионов рублей в год, а 30. И к сожалению, это было бы для них катастрофой.

Нигматулин: Приведу, кстати, еще одну цифру. У меня несколько другие оценки, я во многих странах бывал и всегда смотрю — сколько стоит литр бензина и минимальная зарплата. Так вот, в сбалансированной экономике минимальная зарплата — это примерно тысяча литров бензина, а не 200–300 как у нас. Вот этот диспаритет цен, он убивает, давит на нашу экономику.

DO WE NEED SUCH A MARKET?

IMBALANCES AND INEQUALITIES IN THE RUSSIAN ECONOMY

PANELISTS:

Alexander Vladimirovich Buzgalin

Vice-President of the VEO of Russia, Director of the Institute of Socio-economics of the Moscow University of Finance and Law, Professor Emeritus of the Lomonosov Moscow State University, Doctor of Economics

Robert Iskandrovich Nigmatulin

Research Director of the P. Shirshov Institute of Oceanology of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences

Market should be free but not all-encompassing

Buzgalin: To what extent, and in what sense, is free market truly a driver of progress, and of what progress, and is the progress necessary? Here is a wide range of issues that have a very practical application, and we will be discussing them today with one of Russia's most prominent scholars. It so happened that you, Robert Iskandrovich, and I were among the organizers and participants of the plenary discussions at the Moscow Economic Forum, which was held on March 30-31 (2017 – Ed.) at the Moscow State University. As part of this forum, careful, albeit firm, suggestions were made to the effect that it was necessary to change the course, to streamline the social and economic processes that were taking place in Russia. You, Robert Iskandrovich, presented a number of very important arguments showing why a purely liberal free market model was not fully working. Robert Iskandrovich, to what extent is free market a driver of progress, and does it need adjustment?

Nigmatulin: Firstly, the market should be free. But is it free? As regards the Cheremushki market, for example, which I sometimes visit, people complain that some vendors are allowed to sell their goods and others aren't. At the same market. In general, in a market economy or a market society (as they sometimes say) free market is overrated. The market is a place where goods are sold, but the main element of economy is production. The market can help to optimize and develop production, or, on the contrary, hinder its development. In the existing circumstances, the market is such that it does not contribute to the development of production or the improvement of the welfare of our people.

Buzgalin: Robert Iskandrovich, I will interrupt you for a second. You have made a very important point. The market may or may not contribute to the development of production. And in this case, the main thing is the development of production, not the volume of sales, since it is not known who sells what, and it's not always a true progress. Under the existing circumstances, as you have said, the market is not always, or even at all, conducive to the development of production. Why do you think it is so, and what's the problem here?

Nigmatulin: Firstly, the main driver of economy, the sole driver even, as Leonid Abalkin said, is consumer demand. But consumer demand means the wages we receive, the income people receive. In principle, the arrangement is as follows: the owner hires workers, they produce goods; if he is interested, he can heavily underpay them. As a result, people only buy as much stuff as they can with their salaries. It is a simplified scheme, but it's generally correct, although it's not very popular now. And if the owner appropriates too much of what is called surplus value, then a crisis breaks out, because the economy should be balanced in the first place, i.e. the amount of goods that are, or can be, produced and their prices and the wages should be balanced in such a way as to enable people to buy all these goods. That's the first thing

that must be done, and it hasn't been done in Russia. Nor has it been done elsewhere. This matter is being more and more discussed. Stiglitz published a remarkable book, "The 1%. What's Left to the Remaining 99%?", i.e. those who are not the most affluent. Thomas Piketty, Eric Maskin - they all are Nobel laureates, outstanding people; but no prophet is honored in his own fatherland, and so I have to cite those works. But in fact, it is obvious.

Buzgalin: Excuse me, I will once again interrupt you for a moment: the fact is, when we cite our own scholars, professors or young researchers, we are told: well, you have come up with some homegrown theory, etc., but when a book has been sold in millions of copies in all languages of the world, you can rely on it. Although often the authors of those books merely repeat what was said a long time ago in Russia. So what do these Nobel laureates say?

The people should be the main investor

Nigmatulin: Society is built in such a way that in recent years America has had the same problem: nearly zero economic growth. The 1%, the richest, have been taking too much for themselves, and as a result demand has been shrinking, and people are unable to buy the goods that can be, or have actually been, produced. The same is true for Russia: the stores have everything, you can buy anything. But prices are way too high, and wages are meager! This imbalance is one of the principal shortcomings of our economy, and it has recently been present in other economies; in the US, in particular, the ruling class, the richest 1%, or even the half a percent or 0.1%, grab a huge share of all the money and do not spend it on production or investment... There is a myth that goes like this: some people will get rich, they will have a lot of money, they will invest it instead of throwing it away on trifles. Well, in fact not only have they not been investing, they have been backing a series of financial "bubbles" and trying hard make a \$1 billion plant look like it's worth two billion without changing a thing in it. The psychological pressure of money is a huge problem for our economy. Especially our economy. There are no investments. In order to make investments, the investor (and it is the people who are the main investor) has to have money. The bank merely helps to speed up the process, making sure that there's no need to save money for the construction of a plant, that you can take out a loan and build a plant. But if the bank lends money to the investor, it must be sure it will get its money back with a profit. But no bank would provide a loan when there's no profit.

Buzgalin: You've made a few important points. First of all, you described the myth that if money was concentrated in the hands of the rich, to put it simply, millionaires or billionaires, they would invest in the development of production, and if ordinary people got their hands on money, they would guzzle it up. Let's start with the rich. First of all,

they are not currently investing in production, they are investing in intermediary services. It's the process of financialization, which has been discussed for over twenty years both in Russia and abroad. Money is invested to make money out of money. The second myth associated with so-called "beneficial effects" of concentrating money in the hands of the rich is that the rich create a solid demand for watches worth one million dollars, for cars worth I don't know how many millions of dollars, and so on. The corresponding production volume, number of jobs and innovations are minimal. And there is also the opposite myth, the third one in our conversation today, the myth that people would spend all their money on food. This is in fact an absolute myth, because in order to eat, they have to buy. And in order to buy things, they have to produce those things. That is, people enter the market with their wages or pensions or allowances or stipends and say: friends, give us goods, give us apartments, give us public transport, give us equipment at universities. And that is what drives the growth of production. Robert Iskandrovich, let us return to the issue of how to adjust it, how to alter the distribution of wealth between those at the top – the one percent or less – and the majority of the Russian citizens? Perhaps we should introduce government regulation to solve the problems we have just mentioned?

Nigmatulin: Well, yes, the government should also act as an economic mechanism. The government made it so that half of the workers earn 20,000 rubles per month or less, no more. Those people don't need economic growth, because even if we built more housing, none of them would be able to buy a home. The government should intervene by using appropriate taxes and duties. Currently, the tax on the super-rich has become relevant. Let 99% of the population pay a flat rate tax, but the one percent – every one of them is well known, we do not have to look for them very hard – should pay 25% instead of 13%, for starters. Although in America, the rich middle class pays up to 50% in taxes.

Buzgalin: Yes, 50% in Europe, 40% in the USA, a little less.

Nigmatulin: My people in Germany pay 50%. This is wrong, we are just the middle class, we still buy things, we live on salaries, we have no special savings, and therefore, the tax on the middle class and the poor should be lowered and the tax burden should be shifted to those abnormal profits which cannot be justified, those incomes that are excluded from the economic demand, which would contribute to the development of the economy and the well-being of the people. It is not only a problem of justice, it is a national problem: if we want to improve the lives of the people, we must certainly do it. This is something the ruling class cannot understand. You mentioned world wars. Why are there world wars? What causes the destructive migration processes? When there are huge gaps between countries, or within a single country, it will inevitably result in the inequality barriers we have been building being torn down; devastating revolutions may occur, but we must choose evolution, slow and wise. But we need to start it off, otherwise the system will succumb.

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

ИЗ «ТРУДОВ ИМПЕРАТОРСКОГО ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА», 1876 Г.

ЖИЗНЬ РУССКОГО КРЕСТЬЯНИНА

Это статья обычного тульского дворянина Петра Базилева, присланная в «Труды Императорского ВЭО», о нем мы пока, к сожалению, ничего не узнали, но само появление в большом числе подобных статей в сборнике в конце XIX в., как ученых, так и обычных россиян, говорит о реальных, видимых всем проблемах, которые не были решены и постепенно нарастали.

(Авторская пунктуация сохранена)

«Все, что ни делает русский мужик, все делает он — с холоду, да с голоду», — как высказался современный поэт.

Исчисление жителей, населяющих наше государство, показывает, что девять десятых всего количества составляет класс низших землевладельцев, — класс крестьян, живущих преимущественно за счет обработки земли. Столь сильный перевес этого класса над всеми другими заставляет каждого обратить на него полнейшее внимание, так как, естественно, что от благосостояния, умственного развития и характера всей жизни этого класса, зависит благосостояние и жизнь всей страны. Вся промышленная, заводская, фабричная и торговая деятельность всегда носит на себе ясные следы временного состояния сельского населения, так как оно является на всех внутренних рынках главными продавцами и поставщиками сырых продуктов и главными покупателями всех предметов торговли, удовлетворяющих первоначальные и существенные потребности жизни. Всегда урожайный год влечет за собой значительный сбыт товаров и, следовательно, хорошие торговые обороты:

в хороший год каждый крестьянин получает возможность и одеться получше, закупить для своего хозяйства все нужные запасы и весь домашний свой скарб, а в плохой, тяжелый год он поневоле себя ограничивает во всем и откладывает все свои покупки до будущего более счастливого урожая. Отсюда понятно, почему и купец одинаково с крестьянином желает всегда хорошего урожая, твердо зная, что если у крестьянина родится лишний кусок хлеба, то будет и ему хорошо; словом сказать, весь успех своей торговли ставит он в зависимость от урожая. И так благосостояние сельского населения на всем отражается, охватывает весь коммерческий и промышленный мир, идет, следовательно, рука об руку с производительной деятельностью государства, а потому мы и привыкли говорить, что от него находится в полной зависимости и в ближайшей связи благосостояние, развитие и жизнь всей страны; вследствие чего жизнь сельского населения со всеми ее условиями должна совершенно приковывать к себе все внимание лиц, заинтересованных внутренним бытом государства, в котором оно так сильно отражается.

Если мы станем рассматривать жизнь крестьянина средней полосы России, т. е. более или менее густонаселенной, то она представится весьма простой, односложной, но вместе с тем весьма неутешительной и, в конце концов — даже мрачной. Вышедши из-под крепостной зависимости, наш крестьянин очутился на воле, свободно прожил в ней уже пятнадцать лет, — а что же сделал он за это время?

За это время получил он свой надел, ясно определились его отношения к своей поземельной собственности, вследствие чего он обратил на нее все свое внимание, стал дорожить ею, видя, что она составляет единственный его источник к существованию и вместе с тем сознавая, что он сам стал единственным владельцем ее. Это довело его до сознания своей личности, как хозяина определенной собственности, а вслед за тем, естественно, стало развиваться у каждого крестьянина, достигнувшего совершеннолетия, желание как можно скорее сделаться хозяином — сделаться самостоятельным. Отсюда пошли семейные раздоры, дележ мелкой собственности на крохотные клочки, при участии семейных раздоров, пьянства, а потом и драки. Чего мало, то становится дорогим, так и каждый клочок земли стал дорог для них. Крестьяне, гоняясь за каждой бороздой земли и за каждым лишним снопом хлеба, начали на мирских сходках подкапываться друг против друга, находя, что один из них владеет или лучшим загоном, или же лишней бороздой земли. Отсюда является у них желание насколько возможно правильное поравнять между собою землю, что, надо заметить, никогда им не удается,

и отсюда, значит, берут свое начало частые переделы мирской земли, оказавшиеся впоследствии столь пагубными для них же. В большинстве случаев эти переделы не могли удовлетворить интересам каждого крестьянина порознь, вследствие чего миром они редко кончались и с каждым годом по сельским волостям все больше и больше накапливаются дела о переделах мирской земли, причем бросается в глаза весьма грустный факт, что, как и везде, сильные берут верх над слабыми. Ничья власть не касается до этих переделов, все предоставлено сельской сходке, и кто окажется на этой сходке сильнее, тот и берет верх, отчего происходят часто вопиющие несправедливости. Частным образом мне самому приходилось нередко принимать в этом участие, так как соседние крестьяне неоднократно обращались ко мне с просьбой разделить правильно между ними землю; но каждый раз, как только потребую я от них подробных данных для этого мельчайшего раздела, между ними начинались споры; каждому хотелось получить лучший и бо льший участок, каждый доказывал на него свое старшинство, рассказывая, что и дед его еще владел этим загоном и т. д., а другой говорил, что семейство его так велико стало, что ему необходимо прибавить земли, третий жаловался, что у него хотят отобрать загон, им удобренный, и заменить его пресным и т. п. Привести их к общему результату, к единогласному решению, никогда мне не удавалось, и только раз пришлось разделить между ними одни конопляники, да и то не совсем правильно, потому что приходилось слушать большинство голосов, во многом не сходявшихся с требованиями меньшинства, в которых была доля правды. Помирить же все общество и услышать от них общее, единогласное желание мне никогда не случалось, несмотря на бесчисленные мои увещевания и доводы, что для их будущего не представляет ничего утешительного.

До сих пор в основание разделов мирской земли обыкновенно брали только души мужского пола, записанные в последнюю ревизию, но в настоящее время такое владение оказывается совершенно неправильным, потому что во многих крестьянских дворах несколько членов семьи, записанных в ревизии, умерло, вместо которых нет подростков; таким образом, прежде бывшее большое семейство, а теперь значительно уменьшившееся, продолжает по прежнему владеть большим количеством земли, тогда как рядом с этим еще больше есть семейств, в которых, например, только два члена записаны в ревизии, в настоящее же время число их возросло до 5 и 6 членов мужского пола, а оно по прежнему владеет землей только на две души. Понятно, что такое владение землей, до сих пор господствовавшее, оказалось совершенно неприменимым по своей неправильности; но крестьяне, совершенно предоставленные в этом соб-

ственному произволу и все в ожидании новой ревизии, до сих пор терпели эту неправильность, придерживаясь старых порядков. С вопросом — «когда будет ревизия» — они давно уже пристают и к своим помещикам и к посторонним лицам, но ни от кого не получают положительного ответа, потому что одни говорят, что в скором времени следует ее ожидать, а другие — что ревизии вовсе не будет, так как в ней не имеется в настоящее время существенной надобности. Таким образом долгое время беспомощные крестьяне оставались в колеблющемся состоянии, в ожидании ясного ответа, в ожидании для себя руководителя, но обманулись в своих расчетах, — их предоставили собственному произволу, не сказав ничего определенного. Но так как этот вопрос для них есть вопрос жизни, то терпение их наконец лопнуло и они должны были прибегнуть к своему собственному методу владения землей, ими самими изобретенному. А именно, в последнее время всюду стал распространяться раздел земли не по ревизским, а по наличным душам. Конечно нельзя было ожидать, чтобы при этом сами крестьяне выработали строгие правила, а потому этот раздел не будет окончательным и должен повторяться с новыми переделами, сообразно с числом вновь умерших и народившихся душ, о чем уже и теперь толкуют все крестьяне, а в некоторых деревнях решено на сходках о периодических переделах мирской земли.

Рядом с разделом поземельной собственности, быстро идет и с каждым годом все больше развивается раздел движимого имущества между членами больших семейств, которые беспрестанно делятся на два и даже на три двора; вследствие чего внешний вид крестьянских усадеб в последние десять лет значительно изменился. В селе, где прежде было сто дворов, стало теперь сто тридцать и более, между тем село не сделалось длиннее, а только плотнее стали жить. Вновь отделившейся не хочет выселяться в поле за границей села, а селится тут же около своего конопляника и огорода, занимая своей постройкой весь промежуток, прежде бывший между соседним двором. От этого все чаще и чаще встречаются теперь села до того тесно построенные, что кажутся, будто под общей соломенной крышей, дающей полный простор для пламени. От этого же мы привыкли в последнее время чаще слышать, что горит не двор, а деревня? Составленные земствами правила для сельских построек в редких местностях строго применяются и мало следят за ними; про них вспоминают только тогда, когда пламя уничтожит всю деревню, и на первых порах они выполняются, — а там о них скоро опять забывают, и снова сельская улица загромождается целым рядом построек, представляющих снова сплошную массу дерева, хвороста и соломы. Такова сила русских правил, не облеченных в форму закона!

Итак, поделились теперь между собой крестьяне, каждый выстроил себе немудрую избу с двором, каждый получил в надел клочок земли, каждый стал называться собственником, каждый сознал свою свободу и свое «я»; но вместе с тем на этот клочок земли обрушились все требования со всех сторон; он сделался единственным источником для удовлетворения всех нужд: им владелец должен прокормить себя и все семейство круглый год, затем ежегодно уплачивать выкупные платежи или оброк, т. е. как бы аренду за этот клочок земли и наконец ежегодно вносить поземельные и все мирские оклады с различными повинностями.

Само собою разумеется, чтобы оправдать все это, необходимо крестьянину обратить полное внимание на удобрение и улучшенную обработку своего полевого участка, но этого не позволяют ему сделать беспрестанные переделы, вследствие которых участок, в этом году удобренный одним крестьянином, может достаться в будущем году другому. При господстве трехпольной системы, при разнородности в их загонах и при общем пользовании пастбищем, является совершенная невозможность к возделыванию какого-либо растения, кроме ржи и овса, по уборке которых все крестьянское стадо пускается на поля — и тогда конечно не устоять полоске земли, засеянной каким-либо растением, поздно поспевающим. Несмотря на положительный недостаток в лугах, травосеяние является необходимым; но при том же пользовании мирской землей немислимым становится искусственное луговодство и даже существующими-то лугами не умеют пользоваться правильно, уничтожая на них первую весеннюю растительность и не прибегая никогда к исправлению их.

— Из всего этого видно, что при таком положении крестьянского хозяйства нечего говорить и думать об улучшениях в нем; иначе сказать, эти условия до того оказываются пагубными, что обязывают их хозяйство находиться в вечном застое. Кроме того, к этому безвыходному положению присоединяется и то обстоятельство еще более безотрадное, что все крестьяне совершенно не сознают своего критического состояния, думая, что все так и должно быть, это состояние их и не тяготит, они и не думают о ежегодном истощении почвы, обреченной на вечное выпаживание без удобрения, а продолжают только гоняться за лишним клочком земли, вымышляя ежегодно причины, как бы отнять его у своего односельца. Таким образом в большинстве сельских обществ вы никогда не найдете согласия, а вечные споры и копания ям друг для друга. Здесь нечего и думать об общественных предприятиях с целью какого-нибудь нововведения и улучшения; здесь во всем идет полное несогласие и вечный раздор с победой сильных над слабыми, при участии пьянства, часто доводящего их до разорения.

В результате всего вышесказанного оказывается, что крестьяне, в течение последних десяти лет, разделив свою мирскую землю на мельчайшие участки, и сами, разделившись на мелкие семьи, стали получать пустячные доходы, которые с трудом достаточны лишь только для прокормления семейства, а для уплаты оброка и всех поземельных и мирских окладов им приходится искать другой источник. Что же им остается делать? Искать заработков на стороне в большинстве случаев нельзя, вследствие раздробления их семейств. Домохозяин сделался совершенно привязанным к своему клочку земли, которую он обязан обрабатывать; а в семействе, за малым исключением, кроме подростка-сына да двух баб никого нет, и потому не на кого оставить ему своего хозяйства. Впрочем нередко стали теперь случаи, что и последний хозяин, имея один только надел, нанимает своего соседа на уборку хлеба, оставляет дома жену, а сам уходит на сторону зарабатывать деньги, но и такой исход по существу дела оказывается непроизводительным. Лет десять тому назад, с большой энергией стремились крестьяне уходить на дальние заработки, увлекаясь высокой ценой, которой их заманивали подрядчики земляных работ; но время и практика им доказала ошибочность их увлечений, потому что эти хорошие заработки оказались связанными с большими дорожными и другими издержками, а еще более с беспрестанными вычетами придирчивого подрядчика, так что в конце концов в общей сложности они могли приносить домой только половину условленной цены. Вследствие этого в последнее время заметно между ними сильное охлаждение к дальним заработкам и вместе с тем все чаще и чаще в устах народа стала слышаться поговорка, что «ближняя копейка лучше и прибыльнее дальнего рубля».

Казалось бы, есть у крестьян хороший исход — ежегодно нанимать землю у соседних помещиков для увеличения своих посевов, что дало бы им возможность производительнее занять их летний досуг, остающейся от обработки своего маленького клочка земли; через это они могли бы обеспечить свои семейства достаточным количеством хлеба, а свой рабочий скот — увеличенными запасами корма. Но дело в том, что не везде и не всегда это возможно, особенно в густонаселенных местностях, о которых преимущественно тут только и идет речь; во всяком же случае редкий землевладелец отдаст в аренду хорошую землю. Вследствие этого кое-как пробавляются они местной работой у окружных землевладельцев и арендаторов в рабочее время за недорогую цену, а зимой занимаются доставкой хлеба и лесных материалов в ближайшие города, но извоз этот в большинстве случаев окупает только одни дорожные издержки.

— Итак, убравши хлеб со своего клочка земли, крестьянин и желал бы найти своим рукам производительную работу, не отходя далеко от семейства; но работы такие редко попадают, и поневоле сидит он без заработков, соглашаясь поневоле на все местные работы, как бы ни оплачивались они дешево. При всем том, в более или менее благоприятный год для урожая, крестьянин с трудом кое-как сводит концы с концами, уплачивает все лежащие на нем повинности и прокармливает свое семейство. Случись же год неурожайный, тогда для уплаты первой половины всех денежных окладов он должен продать свой скот, вторая же половина неминуемо должна остаться в недоимке, а для прокормления семьи приходится ему взойти в долг. Таким образом один неурожайный год расстраивает все его хозяйство на несколько лет, в течение которых только при благоприятных условиях он может войти в свою обычную колею — т. е. еле-еле сводит концы с концами. А если, как это часто случается, два года сряду его посещают неурожай, или еще какие-нибудь несчастья в роде пожаров, падежа скота или градобития, тогда крестьянин становится положительно несостоятельным плательщиком, последние остатки его скудного имущества подвергаются аукциону, но несмотря на это в государственном казначействе накаплиются целые миллионы недоимок, переходя из года в год, пополнить которые не представляется никакой возможности, что не раз уже случалось в нашем отечестве. Вспомним, что в неурожайные 1840, 1845 и 1851 годы издержано на пособие более 20 миллионов рублей, вспомним, что манифестами 27 марта 1855 года и 26 августа 1856 года прощено всякого рода недоимок 66 миллионов рублей, как числится во всеподданнейших отчетах министерства внутренних дел. Да и следующие за тем цифры, за последние десять лет, мало утешительного доказывают нам, если посерьезнее рассмотреть их.

Такое слишком горькое состояние большинства нашего народонаселения давно обратило на себя внимание наших общественных деятелей, которые выступали со своими проектами и различными реформами, должествовавшими, по их убеждению, вывести класс землепашцев из их настоящего положения. Одни из них бросились в изучение крестьянского хозяйства и начали указывать на изменения способа ведения этого хозяйства, при помощи целого ряда нововведений, и долгое время варьировали на эту тему, совершенно забыв, что всем желаемым улучшениям положительно мешает общинное пользование землей, связанное с беспристанными переделами и обычной 3-польной системой, о чем подробно было объяснено мною выше.

— Другие указывали на возвышение уровня образования народа, на введение возможно бо льшего количества школ и на них возлагали все свои надежды. Никто, конечно, не решится оспаривать цивилизующего значения распространения грамотности в народе, но с другой стороны разве можно остановиться на этом, не предлагая мер коренных, более совершенных, более действительных, т. е. ведущих быстрее к желаемой цели.

— Кустарная промышленность, которая обратила на себя внимание в последнее время, тоже не может считаться крупным фактором в этом деле, так как она представляет в большинстве случаев деятельность единичную и только местную.

Земства и его глашатаи положительно истощились в предлагаемых средствах. Хлопочут о ссудо-сберегательных банках, со всей энергией возбуждают этот вопрос, сельскохозяйственные общества разбирают его на своих съездах, часто забывая, что все банки имеют и свою отрицательную сторону. Читая все статьи, сюда относящиеся, можно действительно подумать, что наконец-то нашли теперь возможность помочь крестьянам выйти из их положения, но все эти думы поневоле должны нас оставить, лишь только мы перенесемся в крестьянскую хату и станем лицом к лицу с их хозяйством, зорко следя за ним в течение всех двенадцати месяцев. Тогда поневоле уверимся мы, что не только ссудо-сберегательные банки, но даже никакие благотворительные общества и запасные капиталы не могут привести к желаемой цели.

Все вышеперечисленные средства, конечно, заслуживают полного внимания, так как все они стремятся к осуществлению великой мысли — помочь народному благосостоянию, и остается только желать, чтобы средств этих отыскивалось как можно больше. Но из всего мною изложенного ясно видно, что ни одно из них не в состоянии хотя бы приблизительно решить трудную задачу — вывести народ из бедственного его положения. А между тем, во что бы то ни стало, мы должны искать разрешения этой задачи, потому что нельзя же сидеть сложа руки в то время, когда большая часть нашего населения находится в таком безысходном состоянии, которое с каждым годом становится все затруднительнее, и число несостоятельных плательщиков все прибавляется. Значит, тут мешкать нечего, довольно только осознать все это, чтобы вооружиться полной энергией и прямым взглядом на дело и с этими лучшими факторами приняться за разрешение столь серьезной задачи.

— Перебрав все предложенные меры и, убедившись в их несостоятельности и недействительности, можно подумывать, что и в самом деле наше сельское население обречено владеть такой жалкую жизнь, не представляющую ему никакой будущности, никакой перспективы. Не хочется верить этому, но горькая действительность колит глаза, и последние десять лет, прожитые нашим народом, горько уверяют в этой истине.

— Но попробуем взглянуть на карту России, на карту всей нашей необъятной территории, вспомним, хотя поверхностно, распределение нашего народонаселения, повторим географию, заглянем в статистику — и познакоимся поближе с характером каждой отдельной местности и всех окраин нашего государства, и тогда мы сразу разубедемся в печальной будущности нашего народа.

Самый поверхностный взгляд на нашу карту ясно укажет, как неправильно и неравномерно распределено население в нашей стране, но этого мало: можно прямо сказать, что есть местности, почти вовсе незаселенные, где обладают необъятными степями, громадность которых лишает их владельцев всякой возможности пользоваться продуктивными силами земли. Там владения столь обширны, что путаются в их границах и подвергаются обработке лишь только незначительную часть всей земли, размеры которой позволяют им до сих пор держаться стародавней переложной системы, о которой мы знаем еще из сочинений Тацита, утверждающего, что древние германцы ежегодно меняли свои поля (*agra per annos mutant et super est ager*) о ней же мы знаем из быта всех средневековых кочевников и из сочинений Карла Великого. Не говоря уже о северо-восточном крае России, взгляните на всю южную ее окраину, на самую житницу нашу. Рядом с этим обратите внимание на густое население средней полосы России, где начинается спор и драка из-за каждой борозды, где цены на поземельную собственность в течение последних десяти лет больше чем удвоились, и еще неизвестно до каких размеров дойдут они, при улучшенной культуре; где развилась сильная конкуренция, в результате которой оказывается часто дефицит в годовом хозяйстве землевладельцев, а масса арендаторов или разоряется, если ведет дело честно и правильно, или только с трудом сводит концы с концами, хорошо применившись ко всем местным условиям; при желании же получить хороший заработок, она необходимо должна прибегнуть к мерам неправильным, к разным натяжкам и даже к обманам. При высокой аренде крестьянину не под силу становится нанять лишней кусок земли для увеличения своего посева, а во многих местах даже и вовсе нельзя ничего достать по случаю малоземелья.

Поэтому у крестьян много времени остается от работ, вследствие чего здесь предложение рабочих рук далеко превышает спрос их, тогда как в то же самое время на юге спрос на рабочие руки доходит до ужасных размеров; оттого, конечно, у нас цены на них низки, а там — баснословно высоки. От этого на каждом шагу выходит резкая противоположность во всех явлениях жизни средней и южной России.

— Наш крестьянин на каждый сноп смотрит, как на кусок хлеба, который он разделит с своим семейством и рад-радехонек бывает, если соберет этих снопов столько, чтобы хватило их до новины; тамошний же крестьянин считает их сотнями, да тысячами и смотрит на них, как на предмет торговли. Здесь владелец старается вести свое хозяйство так, чтобы ни одного вершка земли не оставалось свободной, тогда как там целые степи гуляют, служа для скота таким пастбищем, о котором мы здесь не имеем понятия и не смеем даже подумать.

Теперь взглянем еще на всю годовую деятельность и перспективу жизни нашего крестьянина и крестьянина южной России. Наш при порядочном семействе получил земли в надел не более как на четыре души, а потом, разделившись с братом или дядей своим, у него осталось земли только на две души, т. е. всего большей частью шесть десятин, из которых средним числом по меньшей мере полторы десятины занимает его усадьба, огород, конопляник и лужок, а остальные четыре десятины с половиной составляют всю его распашную землю, т. е. всего на одной десятине с половиной в каждом из трех клиньев — вот и все его достояние, за которое он должен ежегодно платить выкуп или оброк, все поземельные и мирские оклады и сверх того отбывать натуральные повинности, что составит вместе значительную сумму. И так ясно определилось теперь все его состояние: у него, значит, для прокормления себя с семейством в течение года есть полторы десятины ржи, четверть десятины гречи, четверть десятины картофеля и незначительный огородец с овощами, а для прокормления скота, — остающаяся одна десятина овса и вся солома с обоих клинов, да несколько пудов сена с небольшого общественного луга. Конечно, при таких незначительных кормовых запасах и дурных общественных пастбищах, нечего и думать о содержании большого количества скота, поэтому на зиму крестьянин в состоянии оставить у себя на дворе одну только лошадь, одну корову и не более 5 овец; редкий уже оставляет две лошади, но тот прокармливает их уже покупным кормом, занимаясь всю зиму извозом. И так целый год наш крестьянин работает и при всех благоприятных условиях он с трудом прокармливает свою

семью, лошадь, корову и 5 овец, на что идет весь урожай его со всей земли; а денежный оклад должен добывать посторонними заработками в свободное время, остающееся от полевых работ. Отсюда видно, что у нашего крестьянина, при таком положении, нет ничего в перспективе, ни одной копейки не может он отложить себе к старости и даже не может расширить своего хозяйства. Он не может пустить в зиму лишней коровы или лишней лошади; его урожаи могли бы увеличиться, при тщательном накоплении удобрения, но он не смеет его вывозить в поле, у него и тут руки связаны, потому что завтра его загоны могут достаться другому. Значит эти пагубные переделы земли лишают его возможности заботиться об увеличении своего урожая. К этому надо присоединить, что в большинстве случаев ему не удастся нанять на стороне ни земли, ни луга, для увеличения своих кормовых запасов. Все это вместе взятое ясно говорит, что у нашего крестьянина нет никакой будущности, нет ничего в перспективе, и он вполне довольтвуется только тем, если с трудом сведет концы с концами, что удастся ему лишь в урожайный год. Тогда он счастлив, — но что может быть уже этой рамки!

Совсем другое представляет жизнь крестьянина южной России. Земли у него гораздо более, а если бы и не достало, то всегда он может нанять ее у своих соседей, в нужном ему количестве и за недорогую цену; кроме того, земля хорошая, не выпаханная, как наша, приносящая обильные урожаи при благоприятных атмосферных условиях; значит, там труд крестьянина гораздо щедрее вознаграждается. Далее — везде встречается он там богатые пастбища, на которых он может выкармливать желаемое количество скота и овец, а за недорогую цену может накопить сена и безбедно прокормить им всю зиму свой скот. Следовательно, тамошнее хозяйство крестьян не может быть и сравнимо с нашим, — там во всем достаток, у нас — нищета; там есть над чем потрудиться крестьянину, есть к чему приложить руки, лишь была бы охота и энергия, а отсюда ясно, что вместе с этим является возможность отложить известную долю на будущее и таким образом расширить свое хозяйство при помощи аренды земли и содержания большого количества скота и овец. А расширив свое хозяйство, крестьянину не будет оставаться времени искать заработков у соседних помещиков, потому что ему самому будет только впору убрать свой хлеб, для чего он должен будет сам прибегать к найму, о чем наш крестьянин никогда и не думает.

Итак, у южно-русского крестьянина есть хорошая будущность, есть постоянное и производительное занятие, у нашего же нет ничего этого, кроме горького и скудного куска хлеба, кроме жизни в дымной, курной избе, в собратстве со всеми домашними животными, да кроме вечных недоимок и долгов. Оттого-то современный поэт имел полное право сказать, что «наш крестьянин все делает с голоду, да с холоду». Да и что же ему делать? — Ведь горько жить на свете, не имея впереди никакой будущности, никакой отрады и вечно возиться с нуждой; поневоле с горя, да с холода хватит он лишнюю чарку водки, поневоле с голода и досады прильнет он свою жену, чтобы не попадалась лишней раз под руку; поневоле с голода задумает он какое-либо плохое дело и решится на обман, утверждая, что не он сам, а нужда заставила его обмануть. Поневоле ждет он праздника, чтобы отдохнуть от непроизводительной работы, залить горе водкой и хорошенько выспаться, а иногда с горя и подражаться. И все это в конце концов выходит «с голода, да с холода».

Словом везде и во всем мы находим в средней и южной полосе нашего отечества явления, происходящие совершенно от разнородных причин и во всем видим крайние противоположности.

Эти-то именно противоположности и составляют для нас в данном случае ничем неоцененную находку, потому что их можно помирить, их можно сгладить, если только достигнуть более или менее равномерного и правильного размещения нашего народа по всей территории. Таким образом факт колонизации является спасительным фактом в деле улучшения быта сельского населения. Он разрешит все наши затруднения и сгладит все резкие крайности, которые ложатся таким тяжелым гнетом на безутешную жизнь нашего люда. Значительный отлив из местностей густонаселенных с истощенной почвой и слишком недостаточными наделами в южные малонаселенные наши окраины с тучной почвой произведет большой переворот и принесет двойную пользу. Переселенцам откроется заманчивая будущность, которая неминуемо должна возбудить в них энергию, а с нею расширится их деятельность и таким образом начнется их новая жизнь, среди совершенно новых условий. Привыкшие к тяжелому труду, они найдут там почву, которая гораздо щедрее вознаградит их труд, и кроме того найдут повсюду хороший для себя заработок, так как здесь играет роль не предложение, а напротив — спрос на рабочие руки.

С другой стороны, вследствие такого переселения улучшится быт и все условия жизни и оставшихся на родине; им будет просторнее, когда земля переселенцев перейдет к ним в руки, уменьшится спрос на землю, и тогда каждый крестьянин будет надеяться, что достанет себе лишний клочок земли в аренду для обеспечения годового содержания своей семьи и рабочего скота, которого он может тогда завести и побольше, значит — побольше будет накапливать тогда и удобрения, ради обеспечения и улучшения будущих урожаев. Тогда уничтожатся сами собою теперешние раздоры и споры между крестьянами из-за каждой борозды земли, так как ее будет достаточно, причем если не само правительство, то по крайней мере земства могут принять строгие меры для уничтожения беспрестанных пагубных переделов мирской земли, раз навсегда правильно распределив ее между всеми крестьянами. Тогда каждый будет знать свой участок и глядеть на него как на свою собственность, твердо зная, что никто у него не обменяет его, а потому смело будет ежегодно вывозить на поля удобрение для увеличения урожаев. Тогда еще более усилится потребность в удобрении и, значит, каждый будет стремиться накапливать его у себя, значит можно более к чему ежегодно будет представляться все бо льшая возможность, вследствие увеличения кормовых средств, собираемых с большого и улучшенного количества земли.

Таким образом и здешнее крестьянское хозяйство приобретет свою будущность, ради которой характер всей деятельности крестьянина должен быстро измениться. Кроме того, тогда и здесь перевес предложения над спросом рабочих рук значительно уменьшится, а вместе с тем поднимутся на них цены и явится таким образом возможность добыть крестьянину производительный заработок при помощи которого в течение года он сколотит нужную сумму для взноса всех денежных платежей. Поэтому работа на стороне будет завлекать его своей производительностью, и он будет браться за нее не из-за одного куска хлеба; значит, перестанет он работать и на все решаться «с холоду, да с голоду» — как это делается им теперь, а вместе с тем, земство и государство найдут в нем надежного плательщика всех податей и окладов. Тогда недоимки перестанут испещрять огромные фолианты казначейских книг, полицейская власть меньше будет бесполезно тратить времени на сборы податей и описи крестьянских имуществ; аукционы, на которых за бесценок продаются теперь последние крохи их имуществ, станут реже повторяться, а если в крайнем случае, по вековой беспечности нашего крестьянина, и будет затыжка в уплате податей, то всегда сборы их будут вполне гарантированы увеличившимся его имуществом.

Значит, в глазах правительства он уже перестанет являться лицом несостоятельным, а это одно в состоянии создать значительный переворот в финансовом мире.

Из всех этих возможных предположений и последствий, которых должно ожидать от более правильного и равномерного размещения народа по обширным нашим окраинам, ясно следует, что факт колонизации является спасительным исходом в деле улучшения быта всего населения; и факт этот еще выигрывает в том отношении, что он способен быстро помочь желаемым улучшениям в существовании и средствах к жизни нашего народа, конечно, если явится вполне обработанным и предпринята будет на прочных и разумных началах. Весьма естественно, что переселенцам на новых местах должно быть отведено определенное и достаточное количество удобной земли, на которой они могли бы быть водворены с уничтожением всех препятствий к этому переходу и с дарованием им некоторых льгот на известное время, пока успеют они, так сказать, осесть и опереться на новых гнездах своих; да иначе и не рискнут они променять свое плохое верное на хорошее неверное.

Итак, рассмотрение настоящих условий крестьянской жизни, в течение последних десяти лет, привлекли к ней внимание многих филантропов и общественных деятелей, которые один за другим предлагали осуществление различных мер ради улучшения народного быта. Но подробный и самый естественный разбор всех этих мер ясно показал, что ни одна из них не может считаться за действительную, общую и коренную меру, заметно ведущую к желаемой цели, хотя, с другой стороны, все они заслуживают внимания и полного уважения, как и всякая, хотя бы малейшая забота о благосостоянии огромного большинства народонаселения. Но факт колонизации затемняет собой все предложенные меры, — он громче всех говорит за себя, так как является самой действительной, общей и полезной мерой, при помощи которой можно вернее и быстрее достигнуть цели. Настало время, когда нам нельзя больше сидеть в своих кабинетах и обманывать самих себя, что русский народ, выйдя из крепостной зависимости, блаженствует теперь на свободе и тем начал будто бы свою новую жизнь, которая будто бы, поведет его по пути к благосостоянию и довольству, при содействии заботливых гласных и при возвышении уровня его образования. Невозможно убаюкивать себя, что осуществлением крестьянской реформы завершились все наши попечения о своем народе; пора нам открыть глаза — и стоит только спуститься до крестьянской хаты, стать лицом к лицу со всей жизнью ее обитателей, изучить поближе все интересы и быт их, чтобы узнать истину, и тогда поневоле придется сказать, что еще много предстоит нам работы над этим вопросом и что крестьян-

ская реформа далеко еще не достигла до желаемой цели, а потому невозможно оставлять нам свое население ладиться и управляться самим со своим тяжким положением, когда оно с голода, да с холода вынуждено бывает на ужасный образ жизни, решаясь на всевозможные неправильные деяния. А между тем приходится сознаться, что этот вопрос, несмотря на всю свою важность и обширность, несмотря на то, что его следовало бы считать вопросом времени, до сих пор еще совершенно не обработан. Самое переселение крестьян из одной местности в другую представляет множество препятствий, и конечно, при таком положении нельзя и думать ни о малейшей колонизации. Надо сознаться, — как ни горько это сознание, — что до сих пор мало кто думал о ней, про нее, как будто забыли и потому приходится ждать времени, когда на этот вопрос откликнется целая масса горячих голосов, когда в литературе займет он видное место, пройдет через множество рук и явится вполне обработанным. Большая и сложная работа предстоит над ним, потому что вслед за ним готовится факт, факт вполне исторический, по значению своему несколько не меньший факта освобождения крестьян из-под крепостной зависимости. Он должен охватить всю Россию, за ним должно последовать множество коренных переделок и, по характеру своему, должен быть отнесен к продолжению и завершению так называемой крестьянской реформы. Таким образом вопрос этот как чисто государственный, ожидает множества сложных работ различных комиссий, целого ряда проектов и, наконец, освящения правительственной властью.

Ввиду такой важности разрешения этого вопроса, от которого зависит улучшение быта всего сельского населения, находящегося в таком шатком и критическом состоянии, каждый член обширной русской семьи, из одного только чувства патриотизма, должен поставить себе в обязанность употребить все силы свои, чтобы сначала, во что бы то ни стало, выдвинуть на очередь этот вопрос и затем посвятить ему от себя хотя бы небольшую посильную лепту. Люди же передовые и общественные деятели должны сосредоточить на нем всю свою деятельность. Различные общества, имеющие в руках своих еще более средств, должны подвергнуть его подробному рассмотрению и изучению; литература должна уступить ему у себя первое место и дать ему могучий толчок, а земства, более всех заинтересованные в нем, сознавая насущную необходимость в его разрешении на разумных началах, должны ходатайствовать перед правительством об осуществлении желаемого события.

ИЗ ИСТОРИИ
ВОПРОСА

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

ФИНАНСОВЫЙ ФОРСАЖ — ДРАЙВЕР СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОДЪЕМА КАК ЕГО УСТРОИТЬ?

Обсуждение книги А. Аганбегяна «Финансы, бюджет и банки в новой России»

По материалам 17-й экспертной сессии Координационного клуба ВЭО России «Финансовый форсаж — драйвер социально-экономического подъема», 3 октября 2018 года

**Сергей Дмитриевич
Бодрунов,**

*президент ВЭО России,
директор Института нового
индустриального развития
имени С.Ю. Витте, президент
Международного союза
экономистов, эксперт РАН,
д. э. н., профессор*

РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ ФИНАНСОВОГО КАПИТАЛА

Мы посчитали очень важным обсудить сегодня — и актуальность этой темы важна, и есть повод по теме — финансовый капитал, финансы, бюджет и банки в новой России. Почему эта тема сегодня для нас важна? Потому что финансовый капитал имеет свою особенность в России (мы сейчас поговорим об этом), а самое главное — у нас есть прекрасный повод: новая книга Абела Гезевича Аганбегяна, которого я рад приветствовать, «Финансы, бюджеты и банки в новой России».

Абел Гезевич — выдающийся экономист, автор и соавтор более 2,5 сотен научных работ; его книги по экономическим проблемам опубликованы в 12 странах мира. Мы с вами знаем его и как человека, не только посвятившего всю свою жизнь изучению социально-экономического развития России, но и много сделавшего для этого в практическом плане.

Напомню, что майским указом Президента России четко сформулирована задача возобновления экономического роста страны; до 2024 года нам необходимо в два раза снизить бедность, увеличить ожидаемую продолжительность жизни, обеспечить естественный рост численности населения, войти в число пяти крупнейших экономик мира. Это задача непростая, это — комплексный и достойный вызов. Главная проблема — не только преодолеть кризис в отечественной экономике, но и устранить технологическое отставание России от развитых стран.

Почему в этом контексте важна книга академика Аганбегяна? С момента своего возникновения финансовый капитал играл определенную вспомогательную роль, поддерживая развитие производства, удовлетворение потребностей общества в продукте, товарах, услугах. Однако в наше время он стал гиперразмерен, начал играть определяющую роль в развитии мировой экономики, он превратился в созерцающего реального сектора экономики.

Абел Гезевич в книге приводит конкретные цифры. Так, в Западной Европе активы банков в 2–3 раза превысили ВВП, американский фондовый рынок и госдолг США также существенно превышают ВВП; объемы страховых, ипотечных, паевых фондов и активы инвестиционных компаний вплотную приблизились к нему по объему, каждый в отдельности; объем деривативов в 12 раз превысил мировой ВВП. В бесконечной цепочке движения капитала произошла смена приоритетов, произошел сдвиг и в экономическом мировоззрении: деньги стали рассматриваться не как посред-

ник между товарами, а наоборот. Следствие — капитал перестал быть тесно связанным с реальным сектором экономики, что справедливо отмечает автор.

Для того чтобы система работала, людям навязываются симулятивные потребности, производительный капитал вытеснен финансовым. Это реально меняет и структуру реального сектора, и лицо общества. И эти изменения далеко не всегда позитивные. Дальнейшее развитие этого процесса чревато как минимум торможением развития экономики, углублением кризисных явлений и так далее. Именно поэтому сейчас мы должны найти способы воздействия на финансовый капитал, направить его в нужное русло, использовать во благо, а не на разрушение экономики.

Коллеги, что я имею в виду? Основной функцией капитала всегда было получение прибыли. Именно поэтому его основное поле использования заключается в поиске сфер применения и новых рынков. Однако именно в этом кроется определенная двойственность финансового капитала. С одной стороны, в поисках новых сфер применения он стимулирует инновационные процессы через вынужденное (я подчеркну) создание новых продуктов и услуг. С другой стороны, он, в значительной мере находясь в спекулятивной области, более гибкой и эффективной с точки зрения получения прибыли в сегодняшней экономической парадигме, вымывает средства из реального сектора, тормозя технологическое развитие. По своей природе он способствует развитию производства симулятивных благ и склонен к расчистке рынков любыми методами, вплоть до применения силы, в том числе военной.

Это осознается в мире. Те же США сейчас озабочены решорингом высокотехнологичного производства и технологических инноваций. Вот только что, буквально на днях, подписано новое соглашение США с Канадой и Мексикой, которое президент Трамп оценивает так: «Это великая сделка, она возвращает стране статус производственного гиганта», — на это он обращает самое пристальное внимание. Активно поддерживаются инвестиции в новую индустрию в Германии, Китае. Более 20 лет (подчеркну) реализуется идея Дэн Сяопина, высказанная еще в 1984 году; она такова: Китай должен уступить часть рынка исключительно в обмен на передовые технологии. Мы видим, приходит (и уже, собственно, пришло) осознание: экономические лидеры будущего — это лидеры именно технологические; в этих целях в продвинутых экономиках поощряются инвестиции в технологическое и инновационное развитие.

В мире придуманы и опробованы различные инструменты вовлечения капитала в такой инвестиционный процесс. Один из таких мощных механизмов рассматривает в своей книге Абел Гезевич. Речь идет о политике финансового форсажа (Абел Гезевич упоминает, что термин придуман Яковом Моисеевичем Миркиным). В свое время, как справедливо отмечает Абел Гезевич, финансовый форсаж сыграл важную роль в развитии ряда стран, прежде всего, Японии, Китая, Южной Кореи. Автор отмечает, что в среднем за 10 лет эти страны увеличили свой ВВП в 1,6–2 раза. И если Россия так же обратится к политике финансового форсажа, то уже через 15–20 лет сможет, по убеждению автора, достичь уровня развитых стран мира по экономическим и социальным показателям, а еще через 10 лет — уровня самых развитых стран.

По моему мнению, с подобным направлением мыслей невозможно спорить. Уважаемый академик, безусловно, дает в этом смысле весьма ценную рекомендацию. Нам нужен, подчеркиваю, нужен своеобразный финансовый форсаж. Скажу откровенно, я рад услышать это из текста уважаемого автора, поскольку сам стою многие годы на той же позиции, что вам, коллеги, доподлинно известно.

Однако здесь я должен отметить крайне важную проблему. Текущая ситуация в России такова, что помимо государственных инвестиций необходимы частные, а частник не особенно активен, несмотря на призывы Правительства. Наверное, не открою Америку, если скажу почему: уровень недоверия частного сектора очень велик (это отмечает, кстати, и автор), и необходимо значительное усилие государства для повышения доверия бизнеса к власти и уверенности в стабильности экономики. Это первое.

Второе. Финансовый форсаж — это не разбрасывание денег. Смысл в целенаправленных инвестициях в прорывные области технологий пятого поколения, которые образуют так называемую новую экономику очередного технологического уклада, создающего продукты на базе инфо-, когни-, нано-, био-, гено- и так далее технологий. Здесь я двумя руками поддерживаю соответствующий тезис Абела Гезевича, который на странице 311 (я позволю себе зачитать): «Через Центральный банк и Внешэкономбанк дать в распоряжение надежных коммерческих банков крупные валютные средства для предоставления инвестиционных кредитов на техническое обновление действующего производства и на формирование новых производств и предприятий с уклоном в производство готовой продукции с высокой добавленной стоимостью, в первую очередь,

высокотехнологических инвестиционных товаров и услуг, формирование инфраструктуры...» Уважаемые коллеги, это важно, это такой фактор, без которого мы не можем дальше рассчитывать на эффективное развитие нашей экономики. Ну и важно, конечно, третье. Средства в рамках такого финансового форсажа не должны уплывать. Необходимо принять институциональные меры по контролю капитала, ограничению криминального вывоза, ужесточению контроля за финансовыми средствами и ограничению всевластия финансового капитала. Вот только в сложной совокупности этих трех направлений можно получить позитивный результат.

Не следует принимать мой призыв к ограничению финансового капитала как отказ от него уже на данном этапе исторического развития. Финансовый капитал имеет двойственную природу, он сегодня — не только спонсор создания фиктивных благ и симулятивных потребностей, но и акселератор развития реального производства, в том числе в некоторой мере инновационного процесса; необходимо использовать эту его позитивную черту, необходима трансформация финансового капитала, превращение его в акселератор инновационного развития реального сектора. Только тогда мы сможем избежать массы проблем в будущем, таких как окончательная «победа» финансового капитала и последующая «расчистка» рынков.

Отсталость финансовой системы

Я пытался написать эту книгу для того, чтобы обсудить назревшие вопросы финансовой системы, многие из которых, к сожалению, у нас даже не обсуждаются. Мы не обсуждаем вопрос, почему за 27 лет новой России мы не увеличили валовой внутренний продукт. А если снять десятикратное повышение цен на нефть и посмотреть, насколько мы развились за счет собственных факторов, то мы сократили объем общественного производства на 20%. Понимаете? Так же не бывает: за 27 лет не сдвинуться с места. Почему? А потому что мы не создали механизма, который толкает нас вперед. А без механизма как можно развиваться? И вот такие коренные вопросы даже не обсуждаются; они подразумеваются, все их знают, это не то чтобы тайна...

*Абел Гезевич Аганбегян,
заведующий кафедрой
экономической теории
и политики РАНХиГС при
Президенте РФ, академик РАН*

В нашей социально-экономической сфере есть две самые отстающие области по мировым рейтингам. Самая отстающая область — здравоохранение. Главный показатель качества здоровья населения — Всемирная организация здравоохранения нас относит на 119-е место. Причем это очень широкий показатель, который состоит из 90 элементов, собранных в 12 групп, — в общем, это не то чтобы сели мы и стали голосовать — это тщательная работа с привлечением российских и зарубежных экспертов, сравнительно с другими странами по многим показателям.

По продолжительности жизни мы ближе к сотому месту. Ожидаемая продолжительность жизни — важнейший показатель. Продолжительность здоровой жизни — еще хуже, мы вообще ее не исчисляем. И впервые в официальных материалах Правительства этот показатель назвал Путин, первый раз в своем Послании Федеральному Собранию, даже задание дал: к 2024 году чтобы она была 67 лет. Неизвестно, как ее считать: в России нет методики, Минздрав не считает, Росстат не считает, нет ничего, совершенно новый для нас показатель. Весь мир давно считает, но за нас считает ВОЗ. То есть наше здравоохранение — страшно отсталая сфера. По финансированию здравоохранения (раз мы говорим о финансировании) мы — на 147-м месте из 193 стран, 4,1% валового внутреннего продукта — это официальная статистика под эгидой Организации Объединенных Наций — довольно известный рейтинг.

А вторая наша самая отсталая сфера, как ни странно, это финансы. По финансам почти нет показателей, где мы были бы меньше сотого места. Скажем, развитость финансов, есть такой рейтинг, — 107-е место; монетаризация экономики — там какое-нибудь 105-е; доля активов банков в валовом внутреннем продукте, доля кредита, процентная ставка, уровень инфляции... Эти показатели разлагаются на разные подпоказатели, и хорошего там практически нет. Там доля ипотеки в ВВП — 5% и так далее.

Но никто не обсуждает это с такой позиции, что сколько можно иметь отсталую финансовую систему? Роль финансов непонятна. И даже когда мы очень подробно обсуждаем реформы — самые главные вопросы мы не затрагиваем. Скажем, пенсионная реформа — мы что обсуждаем? Срок. А как финансировать пенсию, мы ведь не обсуждаем. Никто не обсуждает вопрос, может ли вообще страна платить пенсию без участия людей. Ничего не вычитается из доходов людей, и мы содержим 50 миллионов пенсионеров; можно это делать? За счет чего? За счет 13%, налога с людей или за счет чего мы можем пенсию платить? Мы можем это делать,

если пенсии нищенские; по уровню жизни пенсионеров мы на 98-м месте, в то время как по уровню работающих на душу населения — на 50-м месте в мире; мы не можем заплатить нормальные пенсии. И второе — мы платим пенсию за счет огромных налогов с бизнеса. Если вы у бизнеса берете налоги, вы рубите сук: как может предприятие развиваться, если вы такие деньги берете в виде обязательных социальных взносов? У него все вычитают, он работает на кредите, но кредиты — вы видите, какие проценты. И так далее. Эти вопросы не обсуждаются. И ни одной страны, которая платила бы пенсии без взносов людей, не существует. Я не буду говорить про Монако, где за счет казино многое содержится, — но нормальной страны без взносов людей и быть не может в рыночной экономике. Понимаете?

Здравоохранение. Разве можно страховку здравоохранения платить без участия людей? Есть две страны, где государственная медицина: это Канада и Англия, но там, извините, самые высокие в мире налоги с людей; при таких налогах (из более или менее приличной зарплаты 40% вычитается), если вы 40% будете вычитать из доходов людей, конечно, можно значительную часть отдать на здравоохранение, но во всех остальных странах половину и больше расходов на обязательное страхование, конечно, платят люди.

И я вот зачем хотел обсудить эту книгу: чтобы, во-первых, подвергнуть обсуждению поставленные в ней (может быть, не столь остро) и другие вопросы. Я все-таки не финансист, у меня нет специального образования и опыта работы. Я шесть лет был председателем Совета банков, но это же не оперативная работа, это все равно макроэкономическое в каком-то смысле, стратегическое дело, а своими руками ничего не делал, никогда не работал на бирже и вообще плохо понимаю ее функционирование. Я просто очень многого не знаю. При всех попытках поучиться у моего сына (я у него все время спрашиваю, он же был председателем биржи) он надо мной смеется, говорит: «Ты все равно не поймешь. Это довольно сложно для тебя».

Так что я себя не могу считать специалистом, а я как раз хотел это обсудить среди специалистов, чтобы они со специальных позиций подвергли критике слабые аргументы. Я дальше буду работать, я хочу со временем выпустить второе издание, я рекомендую тем, кому я читаю лекции на разные темы, чтобы они читали эти работы.

У меня такая цель обсуждения: не оценка этой книги, а дискуссия. Поэтому я очень надеюсь именно на ваши замечания, новые идеи, может быть, подскажете, чего там нет, что пропущено из существенных вопросов. Я надеюсь не на одобрительное (не нужно говорить хороших слов), а критическое обсуждение по существу.

Термин «форсаж» я заимствовал у Якова Моисеевича Миркина, в книге под его редакцией об азиатских тиграх (она называется иначе), там есть много о России и есть параграф, как это вяжется с Россией. И вообще я хотел сказать, что известный естествоиспытатель Кювье, который создал палеонтологию — науку, когда по кости можно определить, это динозавр или мамонт, не путая их, умирая, сказал очень важную мысль, которая мне очень нравится: «Если у меня в течение жизни была хоть одна собственная мысль, то я гений».

Яков Моисеевич Миркин,
заведующий отделом
международных рынков
капитала ИМЭМО РАН,
д. э. н., профессор

Что такое финансовый форсаж

Абел Гезевич, крупный недостаток — это представление о том, что эти темы никто не обсуждал и не обсуждает. В дискуссиях о том, что финансовый сектор и финансовая система России слишком мелкие, они неадекватны размерам экономики, искусственно неадекватны, они сложились именно как неадекватные в результате политики, которая проводилась четверть века, — я лично участвую в таких дискуссиях с конца 90-х годов всеми доступными способами, в том числе книгами и публикациями.

Пункт первый. Не был признан очень важный тезис о том, что кроме экономического развития есть еще финансовое развитие. Попытки ставить вопрос о том, что должна быть большая монетизация, должна быть больше насыщенность долговыми и кредитными активами, должен быть при этом нормализован процент (и это возможно), каким должен быть финансовый рынок и как его построить — вот эти дискуссии все время упирались в мейнстрим в идеологии и практической политике.

В итоге к моменту, когда нам объявили о том, что мы все-таки должны перейти к росту выше среднемировых в этом году (это где-то 4%), мы подошли с очень мелкой финансовой системой, потому что, например, если доля России в глобальном ВВП, скажем, в 2014 году была 2,8%, сейчас — 1,9%, то никогда доля России в глобальных финансовых активах не превышала 1%, и сегодня это — 0,4–0,5%.

Второй тезис, который точно так же, наверное, не будет признаваться, это тезис о финансовом форсаже. Мы к моменту, когда должны перейти в сверхбыстрые темпы роста (хотелось бы), подошли не только с мелкой финансовой системой, но еще и не собираемся ее настраивать таким образом, чтобы она стимулировала сверхбыстрый рост. Хотя, просто по аналогии, внутренняя система человека, который идет медленно, настроена именно на медленное движение; если человек переходит в состояние бега, динамики, все, соответственно, должно быть настроено именно на форсаж.

Поэтому одновременно приходится решать две проблемы. С одной стороны — нормализация финансового сектора, процента, объемов, монетизации, подавление инфляции, нормализация валютного курса, просто стабилизация, потому что эту мелкую лодочку все время шатает влево и вправо. А с другой стороны — еще и стимулирование.

В итоге с точки зрения финансов мы получили очень странную экономику. Мы сегодня, подавив собственный финансовый сектор и продолжая это делать, получили еще более бюджетную экономику, когда все отрасли в точках роста собираются полагаться на бюджеты (на возмещение финансирования из бюджета, на процент, который нормализуется через деньги из бюджета — когда любой чих пытаются решить либо через налоговые, либо через прямые бюджетные преференции). Если вдуматься, экономика должна через бюджет решать задачи сверхбыстрого роста, социальные задачи, задачи обороны, да еще при этом создаются резервы. Это экономика, которая с точки зрения своего финансового ядра расти сверхбыстро просто не может, не в состоянии, через бюджет это сделать невозможно.

Политика финансового форсажа — это, с одной стороны, политика нормализации насыщенности деньгами, финансовыми активами, процента, при подавлении инфляции и ослабленном стимулирующем валютном курсе, при снижении налоговой нагрузки и очень сильных налоговых

стимулах за рост, при одновременном решении других задач, потому что, если ставить задачи только финансового форсажа, то, естественно, тут же возникает проблема счета капитала, вывода денег, превращения этих рублей в валюту и так далее. Конечно же, политика финансового форсажа является политикой настройки финансовой системы на содействие, на стимулирование роста. Она одновременно должна соединяться с экономической и промышленной политикой, с администрацией развития, посредством снижения административного бремени, которое растет по экспоненте, десятками других вещей в общей макроэкономической мозаике, политике, рассчитанной именно на стимулирование роста.

Я бы сказал так, вместо асфальта — животворная почва, которая сразу отодвигает инвестиционные горизонты, направлена на поддержку всего, что хочет расти, и во многом решает проблему вывода капитала, потому что хочется дома поработать, и проблему прямых иностранных инвестиций, потому что при темпах роста 4–5%, когда экономика начинает разгоняться, несмотря на санкции, многие проблемы отодвигаются. Я уже 20 лет этим занимаюсь, начинал от несовершенств финансового рынка, их описаний и как с этим справиться, перешел к несовершенству финансовой системы, писал в 2011 году большую книгу «Финансовые системы России» — там ее риски, экстремум и так далее. Под любыми прогнозами по-прежнему подписываюсь. Много было книг, посвященных азиатским исследованиям и прочим, но не было книг, где подробно бы исследовался финансовый механизм того, что при этом делать. Мы это описали в книге, вышедшей в 2014 году, и проанализировали ситуацию в Японии, Южной Корее, Китае, Малайзии и Сингапуре, где были, конечно, особенности, но нам сказали: мы — не азиаты, не азиаты — мы. В конце года мы выпускаем книгу, посвященную тому, что такое экономические чудеса с финансовой точки зрения, плюс мы добавили такую очень важную тему, как администрация развития. Что с финансовой точки зрения происходило в послевоенной Европе, мы взяли Германию, Италию, Испанию и еще добавили Израиль, как государство с европейской культурой. То есть попытались продемонстрировать, что, несмотря на разницу в традициях, национальных характерах, на разницу в уровне зрелости экономики, все с разными инструментами, с разной степенью жесткости настройки — понятно, что в Азии была более жесткая настройка, — делали примерно одно и то же.

Это было так называемое государственное развитие, «Центральный банк — развитие», «Минфин-развитие», это было довольно расширенное вмешательство государства в финансовую систему, чтобы ее поднастроить на стимулирование роста, ее нормализация, а затем высвобождение, когда она доходит до определенной степени зрелости — либерализация, отпуск в свободное плавание. Есть сотни инструментов, как это сделать. Макроэкономический, макрофинансовый инженер всегда придумает, как вылечить систему с финансовой точки зрения, это абсолютно не проблема. Даже сегодня большая часть инструментов, даже в рамках той системы, в которой мы работали, уже существует. Дальше важно не назвать «финансовый форсаж», или «экономический форсаж», или «экономическое развитие», или «новый мейнстрим» в честь идеологии, дальше начинается вещь, которую, может быть, отдельно нужно обсуждать — это относится уже к моделям поведения: модели поведения элиты, модели поведения первых лиц, их цели, характеры, желания и так далее, и, конечно же, модель массового поведения, потому что по всем социологическим прогнозам — 70–80% российского населения влюблены в государство, и нужны очень серьезные подвижки именно в модели поведения, хотя практика экономических чудес показывает, что они возможны.

Заканчивая, скажу, что мозаика из макроэкономической политики, стимулирующая финансовый форсаж, — это стимулирующая политика, административная политика, которая целенаправленна, и огромное изменение в моделях поведения основных агентов, которые могут или не могут создать в России экономическое чудо.

Недостатки денежно-кредитной политики

Я крайне Абе́лу Гезевичу благодарен за то, что неожиданно для самого себя я стал соавтором одного из разделов этой книги. У нас были совместные статьи в «Деньгах и кредите» и серьезных профессиональных журналах, но что важно лично для меня (а я в своих подходах, и здесь на обсуждениях мы это пытаемся акцентировать, многие вещи ставлю довольно спорно с точки зрения мейнстримовских подходов, которые есть вокруг), что А́бел Гезевич счел возможным на эти якобы небесспорные тезисы обратить внимание и использовать их как те, которые он сам готов поддержать и развить.

Коль скоро Яков Моисеевич свою научную среду вспомнил, бэкграунд, то я напомним, что валютной проблематикой начал заниматься еще в институте на курсовой работе, то есть с начала 1980-х годов, Финансовый институт тогда еще был, а не университет, потом у меня вышла книга — на дворе был апрель 1992 года, и это, по сути, была первая книга по валютной проблематике, вышедшая в новой России, — «Валюта в мировой торговле», издательство «Наука». Получается, что волею обстоятельств с этой моей книги по валютной проблематике началась валютная литература в среде, где я и валютные курсы, и процентные ставки с тех пор тщательно и внимательно изучаю.

А́бел Гезевич, глядя на то, что сейчас происходит в нашей реальной жизни, мы видим, что, хотя Ваша книга готовилась многие годы, она актуальна как нельзя более. Смотрите: налоги — мы сейчас все последние месяцы обсуждаем тему налогов, тему НДС, мы знаем, что принято решение о повышении НДС с нового года, обсуждаем, как это коррелирует или не коррелирует с теми задачами, которые перед нами ставит Президент, — о повышении роста на определенную величину, о повышении качества этого самого роста и так далее.

Давайте вместе порассуждаем. У А́бела Гезевича эти тезисы в книге озвучены. НДС, его рост, который ожидается, как повышение любого налога, естественно, есть фактор, тормозящий рост. Но есть маленький нюанс: налог на добавленную стоимость, основное бремя этого налога ложится на те отрасли, которые стоимость добавляют, то есть налог этот дестимулирует добавление стоимости. Значит, таким образом тебя выталкивают в сферу низких переработок, сырья и так далее. Ухудшается качество структуры экономики. Отрасли с низкой добавленной стоимостью имеют преференции по сравнению с отраслями с более высокой добавленной стоимостью. Есть о чем порассуждать.

Михаил Владимирович Ершов,
член Президиума ВЭО России,
главный директор по финансовым исследованиям
Института энергетики и финансов, профессор
Финансового университета при Правительстве РФ, член
комиссии по банкам и банковской деятельности
Российского союза промышленников и предпринимателей, д. э. н.

Следующее: процентная ставка — эта тема все время на слуху, постоянно Центральный банк снижает ставку или повышает, как последний раз это было — ЦБ сейчас признает, что повышение НДС, вполне вероятно, будет сопряжено с повышением цен. Это естественно, у вас издержки растут, соответственно, хочешь не хочешь, вкладывайте это в вашу себестоимость. Далее они говорят совершенно правильно, мы с ними не спорим, если повышение цен произойдет, есть риск того, что мы, ЦБ, будем вынуждены повысить процентную ставку. Получается, с одной стороны, мы придавливаем экономический рост посредством более высоких налогов, мы ухудшаем его качество посредством того, что это НДС, который ухудшает качество роста, и с другой стороны, мы имеем более высокие ставки, которые будут затруднять ваше фондирование, если вы на рынке. Тогда как же нам те задачи об улучшении качества роста и о его наращивании, которые перед нами ставятся, решать — большой вопрос.

Теперь дальше — длинные деньги. Абел Гезевич, мы с Вами на эту тему вместе писали статьи, эта тема давняя, старая и самая фундаментальная, потому что мы все хорошо помним, что с новейшей историей России, с того самого 1992 года проблема длинных денег постоянно на повестке дня. Я неоднократно показывал на наших собраниях здесь, в Вольном экономическом обществе, график о том, как наши партнеры, они же основные конкуренты, ведущие экономики, эти же проблемы у себя решают многие годы, причем решают и сейчас, в послекризисный период. У них на повестке дня более отчетливо стала проблематика денежно-промышленной политики, где вся монетизация привязана к национальным приоритетам развития.

Все доллары мира, которые есть сейчас — на 95% целевые государственные бумаги, где покупателем является именно ФРС. Бумаги делаются Минфином, но покупателем является не только вторичный рынок, но и Центральный банк, инвестиционный центр. Это целевая структурная эмиссия. Япония — казалось бы, другая экономика, другой Центральный банк, все другое, так вот 85% всех японских иен, которые есть в мире, созданы, согласно балансу банка Японии, на основе покупки государственных бумаг Минфином Японии, банком Японии. Это первичный влив в структурные денежные базы, причем в львиной части своей, в первичной эмиссии, 40 лет — длина бумаг в Японии, 30 лет — длина бумаг в США. То есть это был первичный, мощный, длинный импульс для экономики, а потом уже, конечно, деньги растекаются, длина уменьшается.

Трампа недавно спрашивали: «А что Вы думаете, господин Президент, о столетних бумагах?» — «Ну, мы думаем». Он не говорит, что нет, это невозможно, это все исключено. Он говорит: есть над чем подумать, мы это не исключаем. Вот вам денежно-промышленная политика в действии. Абел Гезевич об этом совершенно верно говорит. Это достаточно революционные в нашей среде вещи.

Абел Гезевич, огромное Вам спасибо за Ваши кардинальные идеи, предполагающие фундаментальный пересмотр тех подходов, которые есть сейчас в нашей экономической среде, дай бог, чтобы все-таки это рано или поздно, дорогу осилит идущий, Вы своими мыслями достучались до всех этажей, где все эти вещи принимаются к сведению и, может быть, даже будут приниматься в качестве основы для действий.

**Марина Александровна
Абрамова,**
заместитель руководителя
Департамента финансовых
рынков и банков Финансового
университета при
Правительстве Российской
Федерации, д. э. н., профессор

Нам не верят или нас не слышат

Прежде чем перейти к словам «однако», я хочу сказать, что, хотя Вы и не финансист, Вы совершенно классный макроэкономист, поэтому та книга, которую мы все прочли и я тоже прочла, меня навела на серьезные размышления. В какой части? Во-первых, в той, которая касается вопросов денежно-кредитной политики. Здесь, в принципе, Яков Моисеевич и Михаил Владимирович говорили, и Вы тоже в своей книге, что сама денежно-кредитная политика, сама финансовая сфера в отрыве от несырьевого сектора, реального сектора экономики, собственно, не могут стать сами по себе драйвером экономического роста. Поэтому, наверное, мне понравилась та идея, которую я нашла в Вашей книге, о том, что денежно-кредитная политика (ДКП) должна быть скоординирована с бюджетно-налоговой политикой, с промышленной политикой, с культурной политикой. Пока мы, к сожалению, встречаем материалы Центрального банка только в качестве постановочной цели.

То есть, сказать о том, что Центральный банк этим не занимается, я не могу. Но это просто прописано как постановочное решение вопроса, потому что мы говорим о том, что ДКП должна стимулировать экономический рост — и бац, встречаем повышение НДС. Более того, Центральный банк пишет, что канал издержек незначителен. Значит, канал издержек незначителен, НДС окажет незначительное влияние на инфляцию. Не знаю, верить или не верить представителям Центрального банка и экономистам, но все вы знаете основные факторы, которые являются проинфляционными факторами, это все-таки немонетарные факторы. Говорить о том, что изменение НДС и изменения финансовой политики не окажут воздействия на инфляцию... Как-то с точки зрения макроэкономики не особенно верится.

Теперь еще один момент, который действительно в книге есть, по поводу соотношения бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики. Яков Моисеевич правильно говорил об этом, что в настоящее время преобладает и большим драйвером развития является бюджетно-налоговая политика, нежели денежно-кредитная. Всем экспертным заключениям, которые мы в последнее время пишем для Центрального банка, у меня такое ощущение, что то ли в них не верят, то ли плохо слышат, то ли у руководства Центрального банка в голове какие-то другие соображения. Сколько мы уже писали о необходимости снижения ключевой ставки при том что инфляция снижается. Скажем, в августе — 3,1 был показатель инфляции, но в связи с санкциями ключевая ставка увеличилась на 0,25%. Уважаемые коллеги, реальная ставка в экономике остается, она все равно растет, она все равно положительная. Более того, она не согласуется с рентабельностью отраслей реального сектора экономики. Поэтому Центральный банк делает вывод, что кредитный канал не работает в экономике, а он не работает, собственно, почему? Никто не хочет кредитовать, банки не ходят кредитовать, потому что они такие злобные либо жадные? Наверное, нет. Центральный банк активно, просто с упорством борется с профицитом ликвидности.

Но ведь действительно, именно профицит ликвидности может стать источником инвестиционных ресурсов. Не сам по себе он станет, а когда будет взаимодействие с денежно-кредитной, бюджетно-налоговой, структурной политикой. И должен быть штат или администрация развития. В принципе, как раз проект Столыпинского клуба предлагал это. Сейчас, наверное, остается ощущение, что Минфин замечательно отчитывается за профицит бюджета. На самом деле — это изъятие денег из экономики через канал, который не связан с экономическим развитием, с экономическим ростом.

Книжка хорошая, спасибо большое, но, действительно, нужно как-то достучаться до нашей элиты, которая принимает макроэкономические решения.

По поводу того, что резануло, — это то, что нет у нас, если я не права — поправьте меня, понятия государственного бюджета. У нас нет термина «государственный бюджет», у нас есть термин «федеральный бюджет», республиканский, муниципальный, консолидированный бюджет. Есть административные вещи, которые прописаны в нормах права. Такого понятия, как «государственный бюджет», — нет. Точно так же, как нет понятия «финансово-экономическая политика». Есть термин и есть понятие «бюджетно-налоговая политика». У нас, например, нет основных направлений финансовой политики, у нас есть налоговые политики, бюджетные политики, денежно-кредитные, направления развития финансового рынка, но вот такого понятия, как «финансовая политика», у нас нет. То есть можно использовать это как научный термин, наверное. Это то «однако», которое я нашла.

**Яков Николаевич
Дубенецкий,**
*руководитель Центра
инвестиций Института
народнохозяйственного
прогнозирования РАН, член-
корреспондент
Международной академии
информатизации, профессор*

Финансовая сфера не может процветать в деградирующей экономике

У нас финансовая система слаба, неразвита и так далее. Но, наверное, вряд ли будет правильно думать, что у нас производственные системы продвинутые, укрепившиеся, развитые, а финансовые системы отстают от них. Мне кажется, что все-таки правильнее утверждение, что финансы есть своего рода функция, зеркало общего экономического состояния производственной сферы. Поскольку финансовая система у нас, скажем мягко, в совсем деградирующем, плохом состоянии, то не может быть в большой экономике, в большой производственной системе здоровой финансовой. В конце концов, именно в производственной сфере создается стоимость, прибавочная стоимость и так далее, которая на поверхности экономической жизни выступает в виде капитала разного рода, движения средств. Это первое соображение.

Почему у нас в производственной системе такая ситуация, причин много. Это в том числе и разгром обрабатывающей промышленности в 90-х, который до сих пор не преодолен, и общая тягостная экономическая атмосфера, в которой работает наш производственный бизнес, и наезд разного криминала. Чуть где-то что-то успешно получается, криминал в мундирах «помогает» развить производство. Мне кажется, это существенный момент, который нам нельзя не видеть.

Следующий вопрос. Называются иногда большие цифры активов банков — 80 с лишним триллионов, огромный ресурс, который мог бы быть задействован в наших инвестиционных и других процессах. Не надо нам забывать, что это ресурс, во-первых, загруженный, во-вторых, в сущности, активы и пассивы банков — это по большей части движение оборотного капитала хозяйства и ничего больше. Абел Гезевич в одной из последних глав указывает, что ресурсы банков максимум процента на полтора могут быть источником для инвестиционных направлений. Это надо иметь в виду. Иногда говорят о значительном профиците ресурсов банковской системы. Часто называют остатки на корсчетах около 2 триллионов и депозиты в Центральном банке — где-то около этого.

Остатки на корсчетах, если мы сравним с ежедневным платежным оборотом, скажем, в несколько сот миллиардов рублей, то они явно не излишни, они для текущей жизни нужны. Что касается депозитных, резервных, в сущности, условий для каких-то СИП (перевозка и страхование оплачены до (указанного места назначения) — условие поставки и оплаты товаров. — Прим. ред.) это, мне кажется, тоже надо иметь в виду, потому что это не такой мощный профицит. Главное, и очень правильно подчеркивает Абел Гезевич, — у нас в стране нет цельной экономической, единой, целенаправленной, промышленной, инвестиционной, денежной, бюджетной и прочей политики. Это главная наша трагедия, и в таких условиях, кстати, может, и не только Центральный банк виновен в наших бедах со всем денежным хозяйством. Не может быть здоровым, эффективно работать Центральный банк и другие денежные ведомства, если нет экономики управления, если нет осознанности, нет целенаправленных действий властей.

Последнее замечание. Есть у Абела Гезевича призывы ускорить приватизацию, в том числе в ЖКХ. По правде говоря, меня это немножко напрягает, потому что мы уже устроили что-то типа управляющих компаний в жилищном хозяйстве, и со всех сторон раздается стон от их рабо-

ты, от того коммерческого разбора, который они устраивают. Иногда хочется нам, может быть, вернуться в нелюбимые ЖЭКи и ДЭЗы, чем этим заниматься. Кроме того, надо быть осторожнее с приватизационными делами в ряде крупных хозяйств и систем. Были попытки, если кто помнит 90-е, раздробить, приватизировать «Газпром», но «Газпром» ценен и силен прежде всего тем, что он представляет собой управляющий орган единой системы газоснабжения, включающий разведку, добычу, транспорт, доработку и так далее, и в этом его сила.

Мы видим, мягко говоря, не очень эффективный результат от приватизации энергетики, разбитой на много частей. Здесь много потеряно, а бешеного эффекта нет, зато рост цен в разы имеет место быть.

Далеко не надо ходить — приватизация в обрабатывающей промышленности. Она почти вся в частных руках, а где те рывки и процветание обрабатывающей промышленности? Мы их тоже не наблюдаем. Поэтому лозунги ускорения приватизации надо, как говорит наш главный начальник:, аккуратнее быть в этих вопросах и осторожнее.

*Руслан Семенович Гринберг,
научный руководитель
Института экономики РАН,
член-корреспондент РАН,
вице-президент ВЭО России*

Как сделать, чтобы деньги заработали

Абел Гезевич настойчиво попросил меня акцентировать внимание не на положительных чертах книги, а на критических. Я начну как раз с этого. Хочу сказать, что он никакой не выдающийся экономист, он — великий экономист, так что здесь ошибка была допущена большая.

А теперь по существу. Я хотел бы остановиться на трех аспектах.

Во-первых, на роли финансов в современном мире. Сам параграф звучит так — возрастающая роль финансов в социально-экономическом развитии мира. Это так и есть — возрастает, только не ясно, хорошо это или плохо. Я лично считаю, что это очень плохо. Давнишний мой спор с профессором Минкиным заключается в том, что, на самом деле, отказ от закона Гласса — Стиголла (закон в США, запрещающий банкам инвестиции в ценные бумаги и финансовые спекуляции. — Прим. ред.) действует вообще в мире как общая атмосфера. Речь идет о том, что банки не должны заниматься финансовыми операциями, они должны заниматься только инвестициями. Наверное, этот отказ и привел к тому, что финансы в мире играют очень гипертрофированную роль. Поэтому для меня дискуссия о том, что у нас мелкая финансовая система по сравнению с другими странами — бессодержательна, не имеет значения. Я вообще не могу понять, каким должен быть критерий успешности финансовой системы. Возникает вопрос: а что русские финансы лучше экономики, хуже экономики или такие же, как экономика? Непростой вопрос.

Ну хорошо, ну увеличим мы монетизацию, это довольно легко сделать, и к десяткам триллионов рублей добавится еще десяток или два, и что? Я думаю, так случилось, что именно от финансовой системы в мире надо ожидать каких-нибудь апокалиптических событий. Причем похоже на то, и серьезные люди об этом пишут, что уроки из кризиса 2008–2009 не извлечены, кроме того, что прекратилось просто безответственное кредитование населения.

Вообще-то говоря, финансовые рынки растут очень быстро, реальность эта растет, финансовый сектор растет особенно быстро. Все оправдывает один замечательный тезис, я не знаю, кто его придумал, но сказано очень умно, кратко и замечательно: «Что такое инвестиция? Инвестиция — это неудавшаяся спекуляция». В этом много правды, поскольку, когда вы начинаете заниматься деньгами, то самый простой путь — это, конечно, спекуляция, и этим все люди занимаются, и серьезные люди тоже. Мне лично это очень не нравится, поэтому я не могу сказать, что у нас плохая финансовая система, у нас что-то другое, наверное, плохое, но финансовая система здесь ни при чем. Меньшая монетизация, чем в других странах, тоже не имеет значения.

Второй пункт, я считаю очень важно его подчеркнуть. Абел Гезевич тщательно приводит все источники потенциального финансирования экономики, их очень много, и что из этого? Вот они есть, и что, почему они не работают? Ведь самая главная проблема заключается в том, каким образом эти деньги должны служить экономическому, социальному развитию, повышению благосостоянию, почему этого не происходит? Я не думаю, что мы должны легко ругать власти, которые якобы ничего не делают, занимаются своим, любят заниматься ликвидностью, как-то ее уменьшать. Да, мне тоже не нравится денежно-кредитная политика банка, но это не говорит о том, что я прав. Альтернатива какая? Ведь просто сказать, что финансовый форсаж нужно сделать, как южные корейцы и японцы делали — да, делали они, это не является секретом.

Мы тысячу раз уже говорили о том, что настоящих приоритетов нет, хотя используются федеральные целевые программы, которые якобы тоже являются выражением приоритетов, но их слишком много. Думаю, если я был бы во власти, тоже этим бы занимался, чтобы все тихо сидели и существовали спокойно. Это, конечно, не промышленная политика в настоящем смысле слова, когда приоритетов должно быть немного, но они должны быть систематически финансированы.

Еще интересно, что именно у Абела Гезевича где-то лет 20 назад я слышал выражение, и мне оно очень понравилось: мало привести лошадей к водопою, надо, чтобы они хотели пить. А что это в нашем случае? Никто пить не хочет. Я имею в виду, честные люди не хотят брать кредиты, боятся, что их не отдадут, они не знают, что надо производить, идут разговоры об импортозамещении, что-то сделано, но в основном нет, конечно. Какие ниши будут, что надо производить? Кому производить? Это не является вопросом денег, а вопросом механизма создания аппетита, жадности в хорошем смысле слова, малого и государственного бизнеса. Здесь я хотел подчеркнуть, что малый бизнес у нас очень эффективный и очень хорошо работает в тех нишах, где он знает, что есть возможности сбыта. Строительство, общественное питание, разные услуги — там все хорошо. А то, что его нет в таком количестве, как на Западе, то это связано с тем, что у нас, по сути, нет большого бизнеса, который выдает кредит, выдает средства для соревнования малого и среднего бизнеса. У нас есть финансовые и топливно-сырьевые корпорации, которые не нуждаются ни в каких малых бизнесах. Так что это самый главный вопрос: что нужно сделать, чтобы деньги заработали?

И третий пункт, где я принципиально не хочу согласиться, это участие так называемого населения в пенсиях и других вещах. Абел Гезевич, это большая ошибка — считать, что люди не платят взносы в свою пенсию. Они их платят, это 22%, это вычет из зарплаты, зарплата просто становится меньше на 22%. И у нас не солидарная пенсия, а страховая. Тот скандал, который произошел сейчас с пенсионной реформой, он еще не осознан до конца, потому что люди окупили уже деньги, которых они будут лишены с 2019 года. В этом смысле я в принципе не могу согласиться с тем, что население у нас не участвует в пенсионных сборах.

Нельзя увлекаться налогами

Яков Николаевич Дубенецкий сказал, что, может быть, наша финансовая система сейчас соответствует положению нашей экономики, промышленности, других отраслей, и в общем они коррелируют. Тем не менее начинать, мне кажется, следует с изменений в финансовом секторе со стороны Центрального банка, со стороны Министерства финансов, и это все возможно. Здесь нет ничего такого, что нельзя было бы сделать.

Прежде всего, наша финансовая система не только маленькая и чахлая, она еще и архаичная и все время идет в сторону дальнейшей архаики, то есть эволюционирует в обратную сторону. Абел Гезевич об этом неоднократно пишет в книге. Огосударствление идет, банков остается меньше, остаются неэффективные монополисты, более того, будучи государственными, они не исполняют никаких государственных функций, то есть делают что хотят. По названию они государственные, а делают что им вздумается. То же самое, кстати, и в отношении госкорпораций, о чем пишет Абел Гезевич. Они так же по названию все госкомпании у нас, государство имеет очень много пакетов акций, но не управляет ими и ничего не делает. И нет органа, который согласовывает все эти вещи между собой. То есть, имея такой огромный массив госбанков и госсектора везде в экономике, можно было бы действительно сделать

Андрей Павлович Бунич,
президент Союза
предпринимателей
и арендаторов России,
генеральный директор
Международного фонда
«Содействие
предпринимательству»,
к. э. н.

общий финансовый, кредитный план развития и стратегически его воплощать. Почему это не делается — не ясно. Более того, полная раскоординированность приведет к дополнительной стагнации, потому что все эти корпорации начинают действовать фактически в частных, личных интересах. Это наносит дополнительный ущерб в той сложной ситуации, в которой мы находимся.

Кстати, здесь критикуется Министерство финансов за его фискальный подход, но, к сожалению, пока книга писалась, мы видим, что еще больше это усилилось. Тут написано, что Алексей Кудрин занимал пост вице-премьера, а сейчас министр финансов является первым вице-премьером и параллельно министром финансов. Таким образом, он теперь на два порядка выше, чем министр экономического развития, а именно про Министерство экономического развития речь идет в книге как про возможную альтернативу, которая могла бы согласовывать эти интересы и управлять тем имуществом, которое у государства есть. А теперь оно, по сути, на несколько порядков ниже. А уж руководитель Росимущества еще ниже, он заместитель министра экономического развития, то есть, в принципе, завсектором Министерства финансов в нынешних условиях. Как можно тогда проводить осмысленную линию в отношении всех этих акционерных обществ и государственных корпораций? Непонятно. А если ее нельзя проводить, то о чем можно говорить, о каком развитии?

То же самое, когда говорится, что Центральный банк должен стать банком развития. Он не может им стать сейчас, в данных условиях, потому что у него в законе этого нет. С какой стати он должен сейчас этим озаботиться? Для этого надо изменить закон, вписать те цели, которые он должен исполнить, тогда он будет их придерживаться. Но если у него в законе этого нет и вообще он ни за что не отвечает, кроме банковского надзора и денежного обращения, он даже за инфляцию целиком не отвечает, там нет такого четкого определения, — естественно, он и не будет это делать. Разовые поручения — не решение вопроса.

Поскольку говорилось, что надо негативные вопросы задать, у меня есть вопрос относительно налоговой системы и платежей от населения. Действительно, Билл Гейтс предлагает, чтобы 10% платили дополнительно на пенсию, но у нас сейчас, кстати, идею об индивидуальном пенсионном капитале уже проработали, в перспективе отчисления из зарплаты увеличатся до 6% и на обязательное медицинское страхование пойдут 6% дополнительно, то есть чтобы и государство платило, и граждане. Но с учетом того, что

Абел Гезевич пишет также о том, что жилищно-коммунальное хозяйство у нас недофинансировано и еще налог на недвижимость надо поднять в несколько раз, то не многовато ли всего будет? У нас сейчас уже непонятно, сколько люди будут платить налогов. А ведь остаются 22% взносов в Пенсионный, те же 8,8% в остальные взносы, в том числе в обязательное медицинское страхование, то есть всего 30. И еще будет 6% дополнительно в пенсионный капитал? И еще дополнительно через некоторое время в медицину? Так сколько тогда будет вообще? 50, что ли, получится? А если еще налог на недвижимость увеличить? А если еще за ЖКХ? И я тут вынужден полемизировать с уважаемым автором насчет того, куда это приведет.

В книге говорится о том, что повышена будет всем зарплата одновременно. Но большой вопрос, будет ли она повышена в том же объеме, что и налоги. По нашей истории мы знаем, что, когда повышают налоги, их действительно повышают, а вот насчет компенсационных выплат — это уже вопрос. Есть и проблема с социальной справедливостью. Мол, если увеличить налог на недвижимость, это будет для богатых обременение, а бедные вроде меньше будут платить, раз уж у них меньше. Но это не совсем так, поскольку налог на недвижимость очень сложный, он регрессивный в скрытом виде. У богатых людей очень много недвижимости. Как показывает практика, у них по десять квартир. И они могут сдавать девять квартир и за десятую платить налог, за все платить налог и преспокойно существовать. А, допустим, у бедной семьи может быть одна квартира. Поэтому она не может никак избежать вычета этого налога из своего дохода. Таким образом, повышение относительно, если смотреть регрессию, прогрессию по доле этого налога в доходах данного домохозяйства или данного человека, то получится, что для бедных и средних слоев это будет гораздо больший удар, чем для слоев богатых. И может привести как раз к негативным последствиям и социальному недовольству.

*Георгий Львович Мурадов,
председатель Постоянного
представительства
Республики Крым при
Президенте РФ, к. и. н.*

Развивать новые виды финансов

Я как вице-премьер Крыма, и в Москве тоже этим занимался, был ответственным за внешнеэкономические вопросы. Тем не менее хочу подчеркнуть, что, слушая выступления наших выдающихся экономистов, всегда соглашаешься с ними в том, что банки, например, у нас ведут кредитную политику плохо, что налоговая политика полна изъянов, что сами банки, собственно, как и многие корпорации, не действуют в интересах общества. Это невозможно опровергнуть, потому что приводятся очень глубокие факты. И тогда начинаешь задумываться над той замечательной фразой, которую Абел Гезевич сейчас сказал, открывая выступление, что самые главные вопросы мы не обсуждаем. А самые главные вопросы — зачем нам вообще такая система нужна? И наверное, мир начинает изобретать свои собственные подходы, чтобы бороться с этим. Мы все недостатки и изъяны такой системы ощущаем, в Крыму, я имею в виду, на собственной шкуре. Банки у нас отказываются работать.

Когда я занимаюсь инвестициями, приглашаю китайских или арабских инвесторов, у которых много денег, работать в Крыму, создавать предприятия в свободной экономической зоне, которая разрекламирована, они спрашивают: «А где у вас тут Сбербанк? А где у вас тут ВТБ или Альфа-банк?» А нет их у нас. Они вот ту самую политику ведут, о которой я сказал. Причем консолидированно. Потенциальные инвесторы говорят: «А как же так? Вот мы прилетели, такой замечательный аэропорт, и все самолеты ваших российских авиакомпаний летают, «Аэрофлот», «Россия», вплоть до «Якутии», «Сибири», — они не боятся санкций, как ваши банки?» Получается, дело не в боязни санкций, о чем постоянно нам вещает господин Греф, который, например, неоднократно высказывается на тему того, что мы не можем подставлять себя под санкции. Они просто в бой поодиночке не ходят. Если все пошли авиакомпания, никаких санкций нет. Если все банки пришли и работают в Крыму, никаких санкций быть не может, потому что всю финансовую систему России запретить или поставить под санкции невозможно. А если возможно, то это уже, по существу, война, как говорится. И к этому, возможно, и придет на самом деле развитие международной ситуации. И о чем мы в Крыму думаем в связи с финансами, банками, это о том, чтобы переходить на новые системы, которые связаны с блокчейн-технологиями, с криптовалютами, думаем создавать криптовалютные фонды.

Сейчас уже криптовалютный ресурс в мире составляет больше триллиона долларов, если в долларах считать. Нам надо избавиться от двух вещей: от банков и от зависимости от иностранной валюты, которая является мировой, расчетной, типа доллара, евро. Как от этого избавиться? Ну вот предложение — действительно через блокчейн избавляться от банковской деятельности. Может, кажется это шокирующим и удивительным, но я вспоминаю, много книг написано насчет того, как ростовщичество боролось с появляющимися банками триста-четырееста лет назад, как они воевали. Но все равно прогрессивный вектор одержал верх. Потому что банки так или иначе — это посредники. Блокчейн-система позволяет действовать без посредничества. Значит, прогресс будет идти в эту сторону.

Мы внесли все предложения на правительственный уровень, куда только не внесли, но почему-то все сильно испугались, зажалось, ни да ни нет не говорят и не знают, как из этой ситуации выходить. А многочисленные инвесторы, действительно, приходят и предлагают создать криптовалютные инвестиционные фонды, работать в блокчейн-технологиях. И я скажу, что некоторые страны, в том числе наша соседняя Белоруссия, этим путем идут. Поэтому, заставляя нас думать, Абел Гезевич, Вы сделали так, что мы далеко выходим за пределы Ваших трудов, Вашей книги, которая, конечно же, наверняка является существенным вкладом в развитие финансово-денежной системы и науки о ней в нашей стране.

**Александр Дмитриевич
Некипелов,**
*вице-президент ВЭО России,
директор Московской школы
экономики МГУ им. М. В.
Ломоносова, академик РАН*

Действия ЦБ — логичны в существующей системе

Я солидарен со всеми выступавшими в том, что в книге Абеда Гезевича подняты такие ключевые вопросы, которые сегодня всех нас интересуют. Мы даем иногда одинаковые, иногда разные ответы на них, но ясно, что это вопросы, без дискуссий по которым, без нахождения каких-то решений двигаться дальше невозможно. Конечно, я абсолютно согласен с мнением Абеда Гезевича в отношении экономической активизации... Вообще-то это скандал. Те цифры или сведения, которые он приводил, они, действительно, являются известными, но замалчиваемыми. Это же умудриться надо: за почти три десятилетия иметь средний темп роста меньше одного процента! Понятно, что это в определенной степени условно, потому что меняется структура, идет информационная революция и так далее. Тем не менее, если взять другие страны, группы стран, — это скандал. И все это происходит под звон о том, что каждый раз принимается оптимальное решение. Понятно, что ключевая проблематика, и на этот счет у Абеда Гезевича очень много и справедливо говорится, — это активизация инвестиционного процесса. Я согласен с тем, что финансовая система призвана здесь играть важную роль. У нас финансовая система слабо развита. По мировым меркам — низкий уровень монетизации и экономики.

Но что из этого вытекает? Вытекает ли из этого, что, увеличивая денежное предложение, мы решаем эту проблему? Монетизация экономики, она на самом деле тесно связана с глубиной самой финансовой системы. Спрос на деньги как на инструмент появляется не только в области реального сектора экономики. Попытка решить проблему простым наращиванием денежного предложения, на мой взгляд, может дать самые нежелательные результаты. В некотором смысле политика Центрального банка очень логична и целостна. Они исходят из одной вещи, с которой я принципиально не согласен, но они исходят из нее — о том, что наше большое достижение — это полная либерализация финансово-валютного режима. И как только вы встали на эту позицию, вы сразу же понимаете, да, конечно, в условиях полной свободы движения финансовых ресурсов между странами невозможно не реагировать так, как реагирует Центральный банк — процентной ставкой и так далее, невозможно деньги накачивать. А если ты видишь, что их там больше, то нужно создавать искусственные механизмы их изъятия. Мы же в результате

дошли до того, что у нас Министерство финансов взяло на себя часть функций Центрального банка, формируя резервы, причем часть валютных резервов, международных резервов страны. Мы видим, что Центральный банк создает условия для коммерческих банков, привлекает те ресурсы, которые могли бы, Абел Гезевич об этом много пишет, использоваться для финансирования экономики, а он их оттягивает на депозиты в банки. Но одновременно мы видим, что реальный сектор экономики, строго говоря, не испытывает потребности в деньгах. Значительную часть денег он тоже не инвестирует, традиционную часть финансирования, в виде самофинансирования, не осуществляет. Вместо этого он тоже накапливает депозиты и так далее. В этих условиях, если мы считаем, что некие базовые вещи правильны, тогда правильно действует Центральный банк, все он верно делает, иначе эта система работать не может. Хотя я абсолютно согласен с тем, что пишет Абел Гезевич, что вообще у нас миллиардов сто пятьдесят — избыточные валютные резервы, которые могли бы давать отдачу в реальной экономике. Вместо этого они приносят реальные потери.

Для меня парадокс большой, особенно в нынешних условиях, условиях санкций, в условиях разного рода угроз — от SWIFT отключить и так далее, наше упорство в отстаивании такой популистской позиции в области либерализации валютного режима. Пока эта проблема решается так, как решается, реальной альтернативы политики Центрального банка просто не существует.

И еще, Руслан Семенович об этом коротко говорил, но я хотел бы тоже сказать. Абел Гезевич, у меня недопонимание есть по вопросам, связанным с мобилизацией существующих источников инвестиций. Вы справедливо ссылаетесь на несовершенство нашей налоговой системы, на то, что бизнес слишком давлен налогами, и предлагаете перенести это бремя непосредственно на физических лиц, и при этом, Руслан говорил об этом, ссылаетесь на то, что это, разумеется, должно быть компенсировано за счет повышения заработной платы. Я согласен с тем, что, во-первых, тут могут временные разрывы быть довольно серьезными и связанными со всякого рода социальными проблемами. Но если это все действительно в полном объеме населению будет компенсировано, то возрастет заработная плата, возрастут издержки с этой стороны и скажутся в том числе на финансовом положении самого бизнеса.

Я не к тому, что этот маневр правильный или не правильный, а к тому, что неправильно просто считать, что это некий реально существующий источник. Конечно, есть такая известная проблема, по-английски она звучит tax incidence, то есть анализ того, кто платит реальные налоги, не формально, а реально. Это достаточно тонкая проблема, но в общем плане то, что говорил Руслан Семенович, мне близко, что, конечно, 22% формально платит бизнес. А реально — если бы он их не платил, а их должен был бы платить сам наемный работник, то он бы не работал на тех условиях номинальной заработной платы, на которых он работает сегодня. И опять вся эта проблема по кругу возникает.

И еще один вопрос. Вы пишете о возможностях приватизации как об источнике для инвестиций. Я эти тезисы не понимаю, объясню, почему не понимаю. Конечно, государство получит деньги в результате, оно может их инвестировать, инвестировать в крупные, очень полезные проекты, в том числе инфраструктурные. Вообще приватизация — это не инвестирование средства, а смена собственника. Ведь тот, кто покупает государственные активы, он мог бы инвестировать эти средства в другие области. И ничего здесь не меняется. Тут можно сказать: «А мы имеем в виду продажу иностранцам». Тогда тоже возникает такой вопрос участия в приватизации иностранного капитала. Это вещь нормальная во многих случаях, но в ряде случаев очень деликатная. В любом случае эти иностранцы могли бы и участвовать напрямую в инвестировании реального производства, поэтому, почему это является источником для увеличения инвестиций у нас, я не очень понимаю.

Гарегин Ашотович Тосунян,
*вице-президент ВЭО России,
 президент Ассоциации
 российских банков, член-
 корреспондент РАН*

Почему наша самая богатая страна такая бедная?

Абел Гезевич предложил не обсуждать книгу, а обсуждать те вопросы, которые он в книге поставил. И один из вопросов, который я услышал, звучит так: почему такое состояние экономики, почему такое состояние финансового рынка? И в этом контексте я бы в качестве риторического пожелания сказал, что правильнее было бы назвать книгу «Почему наша самая богатая страна такая бедная?». Тем более сейчас много изданий пытается ответить на этот вопрос: «Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными?» — Райнерта; «Почему одни страны богатые, одни бедные?» — это Аджемоглу и Робинсон; «Ружья, микробы и сталь» — Даймонда. Практически все сегодня озадачиваются вопросом: почему в мире такое странное распределение.

И то, что я для себя в книге важное отметил, потому что до этого обсуждение шло в экономическом разрезе, что эта тема не только экономическая. Я вообще не экономист, я физик, я ядерщик, я юрист, я менеджер, но не экономист. Вопрос, который Абел Гезевич сформулировал и на который фактически дал ответ, — ситуация, в которой мы находимся, рукотворная, это не от Бога, откуда-то, случайно, в результате исторических процессов. Это то, что за последние годы рукотворно делается.

Я приведу пару примеров. Они не самые яркие, не самые важные, но посмотрите, за последний год рост кредитов физическим лицам, потребительского кредитования составил 14%, в отличие от предыдущих двух лет, когда в 2015 году был минус 6%, в следующем году было минус 2%. Сейчас плюс 14%, при этом просрочка сократилась на 3%. В этих условиях роста потребительского кредитования и сокращения просрочки мы сейчас, в ближайшее время примем 150 и 200-процентное повышение коэффициента риска по потребительским кредитам. То есть Центральный банк искусственно снижает возможность единственного растущего сегмента кредитования. Абсолютно рукотворно.

Приведу второй пример, могу его долго комментировать, но нет необходимости, вы с ходу схватываете суть. Законопроект сейчас внесен в ГК в части уточнения обстоятельств непреодолимой силы в отношении договора о залоге недвижимого имущества, договора об ипотеке. В законопроекте сказано: «сторона договора о залоге недвижимого имущества, не исполнившая или ненадлежащим образом исполнившая свои обязательства, не несет ответственность в случае, если надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы». При этом непреодолимая сила в этом законопроекте расшифровывается: «При разрешении споров, связанных с правоотношениями, регулируемым настоящим Федеральным законом, к таким обстоятельствам относятся: стихийные бедствия, пожары, заболевания, финансово-экономический кризис, изменение валютного курса и существующая девальвация национальной валюты». Еще один пример рукотворного торможения, потому что после этого вы понимаете, какая будет великая охота у кредитора брать в залог недвижимость и давать кредит, в частности, в иностранной валюте. Имеет право на существование постановка такого вопроса? Безусловно имеет, потому что социальный аспект очень важен. Три года назад мы столкнулись с валютной ипотекой, это серьезная проблема. Только извините, когда речь идет о непреодолимой силе, то там не две стороны. Две стороны договора, а третья сторона — это Господь Бог, к нему можно, конечно, апеллировать, предъявлять претензии, но когда речь идет об изменении валютного курса, о финансово-экономическом кризисе, о существенной девальвации, то здесь есть третья сторона — государство. И если вы хотите использовать непреодолимую силу, то было бы логично, если была бы, соответственно, какая-то часть ответственности прописана на государстве. В результате государственной политики возникли следующие обстоятельства, приравненные к непреодолимой силе. Тогда давайте посмотрим, как три стороны распределяют между собой ответственность.

Я этих примеров сейчас с ходу могу штук десять привести, потому что они каждый день как из рога изобилия вылезают либо из нормативных документов подзаконного уровня, в частности, регуляторов, либо из законодательных инициатив. В этих условиях удивляться, почему мы такие бедные при таком богатстве, не приходится. При коммунистах не давали богатеть, потому что все должны были быть равно бедными. Сейчас дают богатеть, но только не всем. Есть книга, которую я и на предыдущем нашем обсуждении тоже цитировал, — «Почему одни страны богатые...» Аджемоглу и Робинсона. Система управления, которая основана не на инклюзивности, а на контрактности, когда узкая прослойка хочет управлять так, чтобы доить

все остальное общество, конечно, будет давать такие результаты. Эта рукотворность — не локальная, она достаточно глобальная. И в этой части еще хочу отметить, что есть у философов такое понятие — зона обмена. Недели две назад была международная философская конференция. Там специальная секция этому была посвящена. Речь идет о том, что такого масштабного рода задачи обсуждаются на уровне межотраслевого анализа. Здесь без философов, без социологов, без психологов (не скажу, что психиатров) невозможно оценить, почему мы так упорно сами себя кастрируем в экономическом, финансовом плане. Почему мы так безжалостно к себе относимся в части проведения политики, которая заведомо закладывает торможение в развитие?

Если бы мы не имели конкретных результатов — рецессии, стагнации, опять рецессии, опять стагнации, тогда можно было бы сказать, что все это — голословное утверждение и на самом деле вы просто так субъективно оцениваете ситуацию. Но мы имеем конкретные результаты. Абел Гезевич блестяще, мастерски показывает просто на цифрах, как таблицу умножения, из чего что следует.

Поэтому я думаю, во-первых, «почему?», во-вторых, «почему собственными руками?». На вопрос, почему мы это делаем, наверно, должна ответить (еще раз говорю) совокупность ученых из разных отраслей, потому что я лично уже перестал искать ответы в экономической части, в финансовой, в правовой. Я понял, что там искать нечего. Там заранее поставлены задачи, которые реализуются вот таким образом. А почему так ставится задача? Почему она так решается? Это уже отдельное обсуждение требуется.

Галина Сергеевна Панова, заведующая кафедрой МГИМО «Банки, денежное обращение и кредит», д. э. н., профессор

Какая финансовая модель нам подходит?

Дискуссия показывает, что простых решений нет. Это абсолютная правда. У меня тоже нет простых решений, особенно если учесть, что затрагивались вопросы, которые в поле моего зрения уже довольно давно находятся, — и банки, и денежное обращение, и кредит. Именно эти три вопроса мне хотелось бы сегодня несколько развить. Что касается банков, хочу выступить в их защиту. Несмотря на то что Гарегин Ашотович сегодня ничего не сказал по этому поводу, все-таки, наверное, имеет смысл подумать о том, что модель социально-экономического развития страны и финансовая модель экономического развития находятся в прямом взаимодействии. Когда мы рассматриваем нашу экономическую финансовую систему, то она банкоориентированная. Это ни для кого не секрет. Вопрос заключается лишь в том, насколько правильна для российской экономики именно такая модель построения финансовой системы.

Если мы начнем сравнивать (специалисты в этой области знают эти вопросы), то в Соединенных Штатах совершенно другая система. В Германии — континентальная система, она как раз банкоориентированная так же, как и у нас. Китайская система, азиатская, тоже банкоориентированная, причем в большей степени, чем у нас. Возникает вопрос. А для нас какая система предпочтительнее? Понятно, что российская система развивалась в русле континентальной, немецкой системы. Долгие годы, если не сказать — столетия, шла в этих рамках. А сегодня, сейчас мы больше ориентируемся на более универсальную систему — американскую? Или нам все-таки предпочтительнее тот вариант, в котором мы живем уже долгие годы? Этот вопрос весьма и весьма сложный, и ответить на него однозначно сегодня невозможно. Я не беру на себя смелость дать ответ на этот вопрос. Это вопрос для обсуждения.

Для того чтобы понимать, куда мы идем и что строим, надо понять, что мы хотим в результате, какую систему, какую модель. Когда мы говорим о банкоориентированной модели, то совершенно ясно, что в случае, когда банки 80% наших активов финансовой системы занимают, а на все остальные финансово-кредитные институты остается не более 10% (о чем совершенно справедливо уважаемый Абел Гезевич в своей монографии указывает), то это тоже вопрос, надо ли нам развивать те самые внебюджетные,

внебанковские фонды развития, венчурные фонды, инвестиционные фонды, пенсионные, страховые компании и т. д. Я бы сказала, что, вопрос о банках — абсолютно политический, причем политики не только экономической, но и политики во всех ее проявлениях. В этом смысле надо понимать, если мы говорим о том, что нам сегодня банки не нужны, то тогда, извините, рассматривать вопросы, связанные с блокчейн-технологиями, с использованием криптовалют (это я уже перехожу ко второму своему тезису по денежному обращению), для нашей страны — это денежные суррогаты. Поэтому сегодня, наверное, если уж мы собираемся рассматривать этот вопрос на перспективу, а рассматривать его, безусловно, нужно, то имеет смысл продумать возможность использования расчетов в национальных валютах и наднациональных валютах в рамках единого рынка ЕврАзЭС. Мы знаем, что соглашения все к 2025 году уже подписаны. Речь идет об объединении валютного рынка, об объединении банковских систем, об объединении в рамках платежных систем. Эти вопросы сейчас очень активно обсуждаются на экспертном совете в Центральном банке, поэтому я не случайно вопросы эти подбрасываю в нашу общую дискуссию. Действительно, проблем очень много.

Что касается последнего, третьего тезиса — кредита, вопрос денежно-кредитной политики. Политика называется денежно-кредитная. Денежная она точно, а насчет кредитной — не очень. Здесь, на мой взгляд, при всем моем уважении к Центральному банку, сегодня мегарегулятору, конечно, имеет смысл говорить (и уже не первый год мы это говорим), что в рамках денежно-кредитной политики установление целей по обеспечению стабильности национальной валюты и таргетированию инфляции, наверное, маловато. Имеет смысл обратиться к опыту Соединенных Штатов Америки, ФРС, где речь идет в том числе и о стимулировании экономического роста и развития страны. Да, Центральный банк в этих ситуациях всегда парирует: «Мы — Центральный банк. Мы отвечаем за стабильность национальной валюты. Собственно, на этом наши цели заканчиваются». Но тогда возникает вопрос, а где же теряются эти цели между Минэкономразвития, Центробанком вместе с Минфином?

Тигран Суменович Саркисян,
*председатель коллегии
 Евразийской экономической
 комиссии*

Если нет мейнстрима, это авантюра

Как говорил один из моих учителей, Георгий Петрович Щедровицкий: «Если есть верные утверждения и они противоречат друг другу, то есть проблема». Я сегодня услышал очень много правильных тезисов. Иногда я фиксировал, что они противоречат друг другу. Это означает, что существует проблема. Первая проблема. Мне показалась, что нет диагностики, на самом деле. Какую болезнь мы хотим вылечить через финансовый форсаж? Если относительно диагноза болезни у нас нет согласия (и вообще этого диагноза я, честно говоря, не увидел), то это авантюра. Мы можем убить больного. Это может привести к кризису. У меня много вопросов. А эти деньги кому нужны? Что происходит в реальном секторе? У нас есть там конкуренция? У нас есть банкротство предприятий? Мы знаем, в какие сектора перелив капитала? А вообще перелив капитала происходит у нас в стране? У нас передаточные механизмы в стране работают, рыночные? Если не работают, то почему не работают? Я также не получил ответы на вопрос: просто вливание денег почему не должно привести к инфляции?

Миркин: А кто говорит просто о вливании денег? Никто никогда не говорит.

Саркисян: Извините, но я же реагирую на то, что услышал здесь. Значит, я попал в точку, если сразу Яков Моисеевич не выдержал. Но знаете, Яков Моисеевич, я всю свою жизнь посвятил работе, отвечая на эти вопросы. Я формировал банковскую систему, я реализовал пенсионную реформу с обязательным накопительным элементом. То есть это не тривиальные вопросы. Есть один из фундаментальных вопросов, на который я хотел бы обратить ваше внимание. В итоге нашей дискуссии мы что-то предлагаем людям, которые принимают решение или, наоборот, мы их путаем? В какой ситуации мы сегодня находимся? Есть ли у нас в этом зале консенсус относительно модели экономического роста Российской Федерации? Я утверждаю, что этого консенсуса не услышал здесь. Этого консенсуса нет в Правительстве. Этого консенсуса не видит Президент, который дал поручение, чтобы Столыпинская группа, Кудрин, Минэкономики поработали вместе, имея три разных подхода к тому, какая экономическая модель должна обеспечить экономический рост. Если мы со стороны видим, что нет мейнстрима ученых, мы выступаем в качестве инвесторов, то где и что мы хотим инвестировать? Почему тогда мы должны поверить, что финансовый

форсаж даст результат? Извините за такую резкость, но вы должны услышать критику в свой адрес. Если ваши ответы неубедительны (они неубедительны, потому что нет мейнстрима), то хотя бы надо быть готовыми к открытой и острой дискуссии, в результате которой должно появиться общее понимание того, где же эта модель экономического роста в Российской Федерации.

Бодрунов: Спасибо большое, Тигран Суренович. Яков Моисеевич хочет резко ответить...

Миркин: Нет, совершенно не резко. У меня три пункта. Вы знаете, мы вообще просто не слышим, не читаем друг друга. Что касается анализа ситуации, в какой ситуации находится финансовая система, огромный класс литературы этому посвящен: книги и т. д. Ясно, понятно и очевидно.

Саркисян: Я же утверждаю, что нельзя делать только анализ финансовой системы. Это авантюра. Вы же предлагаете через финансовую систему оздоровить экономику. Я Вам говорю, что необходим общий анализ.

Миркин: Вы сейчас говорите вещи, которые абсолютно понятны. Никто никогда не собирался только через финансовую систему оздоровить экономику.

Саркисян: Я в этом интриги не увидел, обоснования того, что эти деньги нужны. Кому они нужны? Куда они пойдут? Я этого не услышал, поэтому говорю, что это авантюра. Не делая этого анализа, не видя, что эти деньги нужны, мы говорим: «Давайте сделаем форсаж финансовый». Для чего? Для кого?

Миркин: Мы всегда говорили, что финансовая политика, финансовый форсаж являются частью мозаики. Во всяком случае, я адресую к экономике роста. Там действительно была сделана попытка соединить промышленную политику, административную политику, финансовую политику и т. д. Это первое. Второе, сегодня дискуссия показала, что мы, даже экономисты высокого уровня, часто думаем мифами. Мне было бы интересно просто пообщаться на конференции об экономических мифах, из которых построено наше мышление, которые делают наше мышление иррациональным. Экономические или финансовые инженеры на макроуровне действительно должны руководствоваться абсолютно рациональным поведением. Я просто не понимаю, например, тезис о том, что здравомыслящий финансист может предлагать решение только

финансового форсажа, а не комплекса. Как такое суждение может возникнуть? И третье, очень поддерживаю точку зрения, почему так иррационально коллективное поведение. Нам нужно заниматься еще поведением, коллективным поведением, моделью коллективного поведения, интересами элиты, фигур отдельных, в целом населения. Потому что все, что мы видим, — это то, как это коллективное поведение выстраивает и экономические иррациональные решения, и финансовые, и какие угодно.

В какой системе мы находимся?

Спасибо Аделу Гезевичу, что он всех нас собрал на такую интересную тему. Я давно не сидел на таких увлекательных совещаниях. Это первое. Второе, я бы хотел поддержать тезис Тиграна Суменовича, что у нас дефицит диагностики. Дело в том, что, понимаете, вы можете говорить, что всем все это ясно, но в работах тогда должно быть обозначено то, о чем говорил Адел Гезевич, о коренных вопросах. А они не обозначены.

Во-первых, не обозначено совершенно, в какой системе мы находимся и к какой системе хотим стремиться. Потому что финансы — это все очень важно, но это еще не все. Как Адел Гезевич в одной работе сказал, что у парусника, у которого нет цели, нет попутного ветра. Действительно нет. Вы не сказали даже в Ваших замечательных тезисах, я только догадываюсь, Адел Гезевич, что Вы — сторонник капитализма, сторонник нормального капитализма с человеческим лицом, в отличие от того капитализма, который построен в нашей стране. Вообще надо сказать, что вот этот кризис 2007 или 2008 годов (о чем говорится у Адела Гезевича), был кризис — впервые системный. То есть этот кризис — результат спекулятивного тренда в развитии капитализма. Мы должны это понимать. Но мы должны понимать, что финансов может быть слишком много. И это может носить спекулятивный характер. Он может вылиться в кризис и у нас тоже, хотя тогда было из Америки это сделано. Но в то же время может быть и другое — то, что присутствует у нас. Может быть ожирение — и болезнь от этого, а может быть анорексия. Мы, в нашей стране, ближе к анорексии. Я согласен с Вами, Яков Моисеевич, в том смысле, чего нам недостает, и с Аделом Гезевичем. Конечно, финансовая система чахлая и хилая у нас. Это понятное дело. Но только ли? И где нужно повернуть клю-

*Георгий Николаевич Цаголов,
действительный член Сената
ВЭО России, профессор
Международного
университета в Москве, член
Союза писателей России,
академик РАЕН, д. э. н.*

чик, чтобы у нас все заработало как следует? Вы приводите в своей работе (Абел Гезевич с Вами солидарен) пример «азиатских тигров». Южная Корея, Япония, Китай, Вьетнам и т. д. Их нельзя сравнивать. Эти страны — совершенно разные по своей социальной и экономической структуре. Во-первых, две страны, Китай и Вьетнам, себя считают социалистическими, в отличие от других государств, чисто капиталистических. В этих двух странах, если к ним пристальнее, существует то, чего не существует у других, а именно — плановая система хозяйства, которую они не выкинули, как мы выкинули в 90-е годы, раздолбали ее руками Гайдара и прочих. Вот в чем причина их экономического чуда. Нам надо прямо сказать, что планирование нужно, это сказано у Абела Гезевича, но немножко скороговоркой. А надо сказать, что без восстановления планирования в требуемых рамках мы ничего не сделаем. Мы не повернем нашу экономику в том направлении, в котором нужно. Главные сферы хозяйства должны быть в руках планового хозяйства. При этом должен присутствовать рынок. Это означает, что мы должны стремиться к смешанному интегральному обществу. Вот тогда получится. И тогда финансовая часть — это только часть всего. Раньше вообще говорилось, что это — фиктивный капитал, но он и реальный, поскольку может воздействовать.

Следствие преступных решений

Я хочу сказать, что, какой бы мы финансовый форсаж ни организовали, какие бы финансовые объемы ни собрали, мы встретим сопротивление среды в виде той экономики, которая на сегодня существует. Дело в том, что, можно сказать, преступление первой группы реформаторов, которые когда-то реформациями начали заниматься, — совсем не в том, в чем мы продолжаем их упрекать, совсем не в ограблении народа, потому что Гайдар, собственно, обналичил то, что на тот момент существовало. Его решение в области освобождения цен и всех других вопросов, с этим связанных, было безальтернативным. Но самое главное — это даже не ошибка, а нечто большее, как по известной исторической аналогии. У нас оставалась государственная промышленность, государственная торговля, но ею перестали управлять. В результате государственная торговля создала дефицит на пустом месте за счет припрятывания товаров. В этом очень легко убедиться, потому что, если сравнить

**Владимир Абрамович
Раевский,**

*действительный член Сената
ВЭО России, главный ученый
секретарь, академик
Международной академии
менеджмента, д. э. н.,
профессор*

объем производства, который существовал тогда, и потребление продукции, которая есть сейчас, мы убедимся, что как бы голода-то не было тогда. Было вот это припрятывание.

Эта среда диктует и то, какими методами должны быть устранены эти диспропорции. Мы видели картинку, как премьер, собрав банкиров, говорил, чтобы не уходили в отпуск. Все это видели. Это просто смешно было. Не уходите в отпуск и выдавайте кредиты, но они почему-то их не выдавали. Некому было выдавать. Поэтому на сегодня кроме вопросов, о которых мы говорили, есть то, что можно решить через планирование, о котором не было сегодня сказано Абелом Гезевичем, но он ярко сказал в своем предыдущем выступлении, когда мы обсуждали его другую работу.

Аганбегян: Я не собираюсь, естественно, ответить всем и подводить итоги. Прежде всего хочу всех поблагодарить. Мне кажется, что очень содержательно получилось. Я, во всяком случае, много записал новых для меня мыслей, идей, критических и не критических, но требующих серьезного обдумывания. Всем очень большое спасибо.

Вопросы. О первом вопросе не очень удобно говорить. Он касается меня лично. Меня, честно говоря, коробит, когда меня называют выдающимся. Все-таки нужно объективно себя оценивать и других тоже. Понимаете, в науке есть люди двух типов. Один тип — это действительно выдающиеся, великие ученые. Это те, которые прокладывали, открывали новые направления. Вот мой учитель — Леонид Витальевич Канторович. Он — гений. Он открыл совершенно новое направление в науке. Из близких мне людей моя любимая подруга — Татьяна Ивановна Заславская. Она создала экономическую социологию, известную как новая дисциплина во всем мире. Я бы тоже, конечно, хотел что-то создать такое, но, увы, я не создал. Есть второй тип, который то, что создано, совершенствует. Считаю, я был хорошим учеником Канторовича. Что-то развил, что-то исследовал, два раза даже выдвигался на Нобелевскую премию, совершенно не заслуживая ее, естественно, но было такое. Канторович не считал меня своим учеником, он не был моим научным руководителем по докторской диссертации. Он был у меня оппонентом. Это был 1963 год. Он считал меня соратником. Но фактически я разрабатывал его идеи оптимизации, его знаменитую теорему и т. д.

Теперь второй вопрос. Я хотел сказать про свои предложения, которые вызвали большие споры, о том, что люди должны участвовать своими деньгами в пенсиях, в здравоохранении, в рыночной оплате жилищно-коммунальных услуг по рыночным ценам, в оплате налога на недвижимость, потому что эта социальная система с оплатой соответствует и рыночным условиям. Нет рынка ни в одной стране, где бы люди не участвовали в оплате своих пенсий из своего дохода и не имели бы возможности на льготных условиях добровольно часть дохода, не платя налоги, вкладывать в это. Это не значит, что они должны все 22% платить. Они должны платить какую-то свою часть. В Германии — половину, скажем. А другую половину или около того должно платить предприятие. В этом должно участвовать также государство. Но 22% с предприятия — это слишком много, и нигде этого нет.

То же самое — в области медицины. Это не значит, что государство не должно вкладывать в медицину, это не значит, что предприятия не должны вкладывать.

Без налога на недвижимость нет муниципалитетов настоящих. Во всем мире муниципалитеты имеют доход от налога на недвижимость. Местное самоуправление, если мы говорим о самоуправлении, должно иметь финансовый источник. Этот финансовый источник — налог на недвижимость. Он везде — 1–2% от уровня оценки рыночной недвижимости. Я предлагаю ввести 1% у нас.

Если часть налогов будет переложена на людей, зарплата вырастет, по моим подсчетам, в полтора раза. Если вы сравните нашу зарплату с другими странами, то увидите, что у нас зарплата очень низкая, а у них очень высокая, потому что они из зарплаты платят 30% налогов, 25% — за жилье, 10% — на пенсии, 6% — на здоровье, еще платят налог на недвижимость. Реально на покупку обычных товаров и услуг у нас идет в районе 75%, а в Америке — 25, в Европе — 30. Поэтому номинальные зарплаты со всеми этими вычетами совершенно несопоставимы с нашими. Но эта несопоставимость очень удобна для людей, потому что вы можете иметь более дешевую квартиру, платя по рыночной стоимости. Вы можете иметь более дешевую страховку по здравоохранению. Вы можете меньше платить на пенсии, платить только на обязательные пенсии.

Я очень много занимаюсь продолжительностью жизни, знаю всех людей, которые этим занимаются профессионально. Мы вместе сделали расчет: чтобы выйти на 78 лет средней продолжительности жизни, нужно каждый год на 15% увеличивать затраты на медицину, что невозможно и никто не собирается делать. Собираются финансирование здравоохранения повысить вместо 4% до 5% — это максимум, в то время как в Европе — 10,2, в США — 17. Поэтому, к сожалению, будущее выглядит весьма неопределенно.

Мне кажется, к чему надо стремиться? Надо стремиться встать вровень с развитыми странами. У них довольно сбалансированные показатели. Развитая страна дает нам пример, какой нужно быть. Надо ориентироваться, скажем, на Германию — таких показателей к 40 году, к примеру, достичь. В качестве ближайшего ориентира — Испания. Много безработицы, конечно, но все остальные показатели прекрасные, и 81 год продолжительность жизни, а не 72,7, как у нас, и прочее, и прочее.

Вот вы говорите, эти азиатские тигры — ведь они начали подъем, даже Япония, когда были в совсем плохом состоянии, несопоставимым с Россией! Слушайте, Россия — это мощная все-таки страна! У нас масса заделов, у нас очень высокий «уровень» людей. А что такое Южная Корея? Это вообще была полуграмотная страна! А что такое Тайвань? Хуже в Китае не было территории, это бедная территория с кислыми почвами! Единственное, что там росло, — это сахарный тростник. И туда еще армия трехмиллионная переселилась.

Раньше я считал своим долгом ездить каждый год во все эти страны, когда был на это способен, смотреть просто. Каждый год они менялись. Южная Корея — я там очень много чего посмотрел. А из европейских стран я назову самую развитую страну — это Ирландия, которая выросла из самой отсталой страны (хуже в Европейском союзе не было, оттуда люди бежали, ни из одной страны столько не убежало народа из-за плохой жизни, как из Ирландии, в США, Австралию, Англию) и превзошла Англию! Они на 5–7% каждый год росли! И причем — на привлечении иностранного капитала в офшор.

Надо тоже привлечь, надо создать условия. А кто работает? Я много раз там был, просто изучал это дело. Там же работают ирландцы, там не американцы работают, ей-богу, в Ирландии! Значит, эти люди повысили квалификацию. Испания какой сделала рывок! Если вы вспомните Испанию при Франко. У них же исключительные темпы!

Поэтому вполне возможно брать пример с Азии. Не нужно копировать ее. У них, конечно, своя исключительная специфика, и все страны разные, это правда. И я полностью согласен с критиками насчет того, что надо сильнее сказать о планировании, но не хватило слов. Я полностью с вами согласен. Планирование — это тоже двигатель экономики, использование планирования.

Раз мы не создали рыночные механизмы, нам нельзя рынок быстро создать, потому что рыночный механизм — это рынок капитала — раз, это создание конкурентной среды — два, это стимулирование — три. И мы должны провести структурные реформы институциональные, чтобы все это сделать. Это нужно биржу всю перестроить с коротких денег и изжить вот этот спекулятивизм — спекуляцию в плохом смысле слова. Это очень сложно. И поэтому нам очень важно планирование. Вот такие соображения.

Ну а в заключение хотел сказать, что я всем очень благодарен.

Бодрунов: Я не лез в дискуссию, чтобы не мешать никому, но все-таки горит же, хочется сказать. Первое: я считаю, что у нас есть куда инвестировать. Тигран Суменович, у нас есть куда инвестировать, у нас есть четко определенные национальные технологические инициативы, отрасли, куда надо бы давать — и в науку, и в производство, и т. д. У нас есть в этом огромная потребность. Я сам не далек от промышленности, я не так давно возглавлял холдинг, еще в 2014 году продал свои активы, стал заниматься только наукой и общественной деятельностью. У меня было, извините, 40 с лишним предприятий в холдинге, в том числе и конструкторские бюро. Это был высокотехнологичный холдинг. То, что сегодня работает в Сирии, создавалось в этом холдинге. И это создавалось без какого бы то ни было участия иностранного капитала, иностранных технологий. Все это было свое, потому что нам ничего не продавали, ничего не давали и никак не давали даже оборудование соответствующее приобрести. Все понимали там, с той стороны, так сказать, что будет означать технологический подъем в России.

Я не зря упомянул Дэн Сяопина, не зря упомянул нынешних лидеров, в том числе Трампа, которые как раз технологическое перевооружение, технологическое преимущество считают важным и особым направлением экономической деятельности в формировании новой экономики этих стран. У нас есть потребность в такого рода инвестициях, у нас есть реальные деньги для этого, у нас — переразмеренность золотовалютных резервов. Многие расчеты показывают, что и кризисы, а они тоже могут быть просчитаны, не потребуют таких огромных денег. Это первое.

Второе. От недоверия люди идут на то, чтобы деньги хранить под подушкой либо держать в спекулятивном секторе. Предприятие, которое не знает, куда инвестировать, потому что не хватает денег на полноценные инвестиции, — ну, извините, тогда куда остается идти? Идти тогда в спекулятивный сектор, держать на депозите и ждать, когда что-нибудь еще прорежется.

Наконец, мы всегда говорим о том, что должна быть комплексная работа. Я согласен здесь с Яковом Моисеевичем. Нужно было поставить большой вопрос в конце этого финансового форсажа — драйвер или не драйвер? Потому что отдельно взятый драйвер ничего особенно не дает, но мы должны слово «драйвер» понимать — это то, что задает новый тренд, задает движение, дает толчок.

УДК 33
ББК 65

«Беседы об экономике», 2018, Москва
Научно-популярное издание

Том III

Под редакцией С.Д. Бодрунова, д. э. н.

© Институт нового индустриального развития (ИНИР) им.
С.Ю. Витте,
© Сергей Дмитриевич Бодрунов

Подписано в печать: 23.10.2018, тираж 1500 экз.
№ заказа 9694

Отпечатано в типографии ООО «ГДДС-Столица-8»
111024, г. Москва, шоссе Энтузиастов, д. 11А, корп. 1

ISBN 978-5-00020-051-3